

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика»)

Выходит три раза в год

2

2023

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ПРИГОДИЧ Н. Г.** – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
РОВДО И. С. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rovdois@bsu.by

**Ответственный
секретарь** **ЕФИМОВА Н. В.** – кандидат филологических наук; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Аллиэль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Бутырчик А. М. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Важник С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Вольнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Зарудский С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лебединский С. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Саверченко И. В. Институт литературоведения им. Янки Купалы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Савич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потемби Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хенциель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Хмельницкий Н. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Шешкен А. Г. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

- Галоўны рэдактар** **ПРЫГОДЗІЧ М. Р.** – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by
- Намеснікі галоўнага рэдактара** **ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я.** – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
РОЎДА І. С. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры рускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: rovdois@bsu.by
- Адказны сакратар** **ЯФІМАВА Н. В.** – кандыдат філалагічных навук; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com
- Алінэль К.* Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
Бутырчык Г. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Важнік С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Валодзіна Т. В. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Валочка Г. М. Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
Вальнец Т. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Ваявода А. У. Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
Генчэль Г. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Гладкава Г. Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
Дубінка С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Зяпрудскі С. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Золтан А. Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
Колер Г.-Б. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Крэчмер А. Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
Лебядзінскі С. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Мячкоўская Н. Б. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Паплаўская Т. В. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Саверчанка І. В. Інстытут літаратуразнаўства Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Савіч М. Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
Старычонак В. Д. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Тараненка А. А. Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
Хаўстовіч М. В. Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
Хмяльніцкі М. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Цзян Цюнь Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.
Шэшкен А. Г. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **PRYHODZICH M. R.**, doctor of science (philology), full professor; head of the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: mik197@tut.by

Deputy editors-in-chief **GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y.**, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: goncharova_s@tut.by
ROVDO I. S., doctor of science (philology), full professor; head of the department of Russian language, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: rovdois@bsu.by

Executive secretary **JAFIMAVA N. V.**, PhD (philology); associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Allignol C.* Stendhal University Grenoble 3, Grenoble, France.
Butyrchik G. M. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Dubinko S. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Gladkova H. Charles University, Prague, Czech.
Hentschel G. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Jiang Qun Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
Khaustovich M. V. University of Warsaw, Warsaw, Poland.
Khmielnitski M. M. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kohler G.-B. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Koval V. I. Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Kretschmer A. University of Vienna, Vienna, Austria.
Lebedinskiy S. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Mechkovskaya N. B. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Poplavskaya T. V. Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
Sajewicz M. Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
Saverchanka I. V. Institute of Literature Researches of the Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Sheshken A. G. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Starichenok V. D. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
Taranenko A. A. A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Valochka H. M. National Institute of Education, Minsk, Belarus.
Valodzina T. V. Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Vazhnik S. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Voevoda E. V. Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
Volynets T. M. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zaprudski S. M. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zoltan A. Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 8.82.821.111

ФОРМЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В РОМАНАХ М. З. ДАНИЛЕВСКОГО И ДЖ. С. ФОЕРА

Т. А. КАШКАН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются формы интертекстуальности в романах современных американских писателей М. З. Данилевского («Дом листьев») и Дж. С. Фоеера («Вот я», «Древо кодов», «Жутко громко и запрительно близко» и «Полная иллюминация»). Выявляются и систематизируются следующие отсылки: аллюзии, реминисценции, заглавия и эпиграфы. Предлагается классификация форм интертекстуальности с точки зрения их отношения к библейскому, литературному, мифологическому, культурно-историческому и лингвистическому прецедентным текстам. Показывается, что М. З. Данилевский чаще обращается к литературным прецедентным текстам, в то время как Дж. С. Фоеер – к библейским. Особое внимание уделяется изучению функций аллюзий, реминисценций, заглавий и эпиграфов в исследуемых романах.

Ключевые слова: формы интертекстуальности; аллюзия; реминисценция; заглавие; эпиграф; прецедентный текст; текст-реципиент.

Образец цитирования:

Кашкан Т.А. Формы интертекстуальности в романах М. З. Данилевского и Дж. С. Фоеера. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;2:5–12.

For citation:

Kashkan T.A. Forms of intertextuality in the novel of M. Z. Danielewski and J. S. Foer. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;2:5–12. Russian.

Автор:

Татьяна Александровна Кашкан – старший преподаватель кафедры английского языка естественных факультетов факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Tatsiana A. Kashkan, senior lecturer at the department of the English language for natural science faculties, faculty of social and cultural communications.
kashkanbsu@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1940-1827>

ФОРМЫ ІНТЭРТЭКСТУАЛЬНАСЦІ Ў РАМАНАХ М. З. ДАНИЛЕЎСКАГА І ДЖ. С. ФОЕРА

Т. А. КАШКАН^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуюцца формы інтэртэкстуальнасці ў раманах сучасных амерыканскіх пісьменнікаў М. З. Данілеўскага («Дом лісця») і Дж. С. Фоера («Вось я», «Дрэва кодаў», «Жудасна гучна і залімітава блізка» і «Поўная ілюмінацыя»). Выяўляюцца і сістэматызуюцца наступныя спасылкі: алюзіі, рэмінісцэнцыі, загаловкі і эпіграфы. Прапанована класіфікацыя форм інтэртэкстуальнасці з пункту гледжання іх дачынення да біблейскага, літаратурнага, міфалагічнага, культурна-гістарычнага і моўнага прэцэдэнтных тэкстаў. Паказваецца, што М. З. Данілеўскі часцей за ўсё звяртаецца да літаратурных прэцэдэнтных тэкстаў, у той час як Дж. С. Фоер – да біблейскіх. Асаблівая ўвага надаецца вывучэнню функцый алюзій, рэмінісцэнцый, загаловкаў і эпіграфав у даследуемых раманах.

Ключавыя словы: формы інтэртэкстуальнасці; алюзія; рэмінісцэнцыя; заглавак; эпіграф; прэцэдэнтны тэкст; тэкст-рэцыпіент.

FORMS OF INTERTEXTUALITY IN THE NOVEL OF M. Z. DANIELEWSKI AND J. S. FOER

T. A. KASHKAN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The forms of intertextuality in the novels of modern American writers M. Z. Danielewski («House of leaves») and J. S. Foer («Here I am», «The tree of codes», «Extremely loud and incredibly close», and «Everything is illuminated») are investigated. The aim of the work is to identify and systematise the following references in the works: allusion, reminiscence, title and epigraph. To do this, the author creates a classification in which these forms are referred to biblical, literary, mythological, cultural and linguistic precedent texts. It is shown that M. Z. Danielewski more often turns to literary precedent texts, while J. S. Foer refers to biblical ones. Special attention is paid to the study of the functions of allusions, reminiscences, titles and epigraphs in the studied novels.

Keywords: forms of intertextuality; allusion; reminiscence; title; epigraph; precedent text; recipient text.

Введение

Материалом исследования послужили романы современных американских писателей М. З. Данилевского и Дж. С. Фоера, в творчестве которых прослеживается один из главных приемов постмодернистской поэтики – интертекстуальность. Выявлялись только те формы интертекстуальности, которые имеют отношение к американской литературе постмодернизма в целом и рассматриваемым произведениям в частности, а именно аллюзии, реминисценции, заглавия и эпитафии.

На данный момент не существует фундаментальных трудов о творчестве М. З. Данилевского и Дж. С. Фоера. Все исследования ограничиваются научными работами, в которых тема настоящей статьи освещается через призму других тем.

Авторы немногочисленных публикаций, посвященных творчеству М. З. Данилевского, анализируют в основном нарративную или гипертекстовую составляющую текстов писателя. Так, Дж. Прессман рассмотрела роман «Дом листьев» с точки зрения влияния на него информационных технологий и заключила, что данное произведение является гипертекстом, подкрепив этот тезис примерами [1]. Вопрос о формах интертекстуальности в романе Дж. Прессман осветила кратко и разобрала лишь несколько аллюзий в контексте сетевого произведения. Между тем М. Б. Н. Хансен проанализировал типографические и цифровые эксперименты М. З. Данилевского с текстом [2]. В свою очередь, Ш. Треверс уделил внимание жанровой эволюции готической новеллы в американской литературе [3]. По мнению исследователя, в постмодернистских произведениях поджанр готической новеллы о доме с привидениями представлен текстами о доме, в котором обитает нечто. Среди отечественных публикаций стоит отметить работу Ю. В. Шатина [4], в которой раскрывается проблема сюжета и анализируется принцип

децентрации. Помимо этого, Ю. В. Шатин выделил в романе «Дом листьев» шесть кодов и определил организацию текста как ризомную. В статье [5] О. А. Ананьина интерпретировала роман в рамках игровой литературы и установила, что он строится на основе таких приемов, как ремедиация, обратное овеществление экфрасиса и семиотизация.

Работ, посвященных творчеству Дж. С. Фоера, насчитывается немногим больше. В научных трудах в основном освещаются тема холокоста и события 11 сентября 2001 г. Например, О. Б. Карасик, наряду с произведениями других американских еврейских писателей, проанализировала роман «Полная иллюминация», в частности то, как в нем раскрывается тема холокоста [6]. В статье [7] Э. Сейфер исследовала романы «Полная иллюминация» и «Жутко громко и запредельно близко» с точки зрения синтеза в них комического и трагического начал. Диссертация М. Ф. Карлини посвящена осмыслению событий 11 сентября 2001 г. в творчестве Дж. С. Фоера и других писателей [8]. В работе [9] Е. М. Волков и А. И. Салов акцентировали внимание на проблематике литературы о событиях 11 сентября 2001 г., а также исследовали трагедию отдельной семьи и личности в этом контексте. В свою очередь, Н. К. Хейлз рассмотрела нарративные стратегии в романе «Древо кодов», изучила особенности визуального, графического оформления книги [10]. Отдельно стоит выделить статью Д. Ю. Шидловской [11], в которой с лингвистической точки зрения анализируются аллюзии в романе «Полная иллюминация» и особенности их перевода на русский язык, а также выявляется множество отсылок к Библии.

Актуальность настоящей работы обусловлена недостаточной изученностью форм интертекстуальности в прозе М. З. Данилевского и Дж. С. Фоера как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении. В творчестве этих современных представителей американского постмодернизма прослеживаются общие принципы построения текста: использование графических элементов, особое визуальное оформление, применение специфических повествовательных стратегий. В статье продолжается исследование поэтики американских писателей, при этом она является новаторской в контексте рассматриваемой темы. Цели работы состоят в выявлении и систематизации форм интертекстуальности в творчестве М. З. Данилевского и Дж. С. Фоера, однако анализируются только те из них, которые наиболее полно раскрывают авторский замысел. В задачи работы входит выявление аллюзий, реминисценций, заглавий и эпиграфов, а также установление их функций в тексте. Подобная классификация проводится впервые.

Результаты и их обсуждение

В романах М. З. Данилевского («Дом листьев») и Дж. С. Фоера («Вот я», «Древо кодов», «Жутко громко и запредельно близко» и «Полная иллюминация») выделяются отсылки к библейским, литературным, мифологическим, культурно-историческим и лингвистическим прецедентным текстам.

Аллюзии на библейские прецедентные тексты. В романе М. З. Данилевского «Дом листьев» присутствует несколько аллюзий на Библию. Так, Карен, которая отказывается принимать то, что размеры дома изнутри и снаружи отличаются, сравнивается с Евой: *A reluctant Eve who prefers tangerines to apples* [12, p. 30] «Упрямая Ева отпихивает яблоко и предпочитает мандарин» [13, с. 30]. Отсылка к библейской истории о том, что Адам съел предложенное Евой яблоко, придает особую тональность тексту-реципиенту, в котором главная героиня отвергает знание [12, p. 30; 13, с. 30]. В романе повествуется о сложном строении лабиринта в доме Нэвидсона и попытках героев установить его физические границы. Аллюзия на Ноев ковчег подчеркивает колоссальный труд, необходимый на прохождение лабиринта, и способствует противопоставлению этого сооружения библейскому судну: *...as to suggest that the anthesis of labyrinth – that which contains work – is Noah's ark – in other words that which contains rest* [12, p. 114] «...чтобы предположить, что лабиринту, в семантике которого заложен труд, противопоставит Ноев ковчег, семантизирующий в себе отдых» [13, с. 126].

В романе Дж. С. Фоера «Полная иллюминация» также присутствуют отсылки к библейским прецедентным текстам. Согласно Библии, в горящем, но не сгорающем терновом кусте Моисею явился Бог, который призвал его вывести народ Израиля из Египта. Данное интертекстуальное включение, которое выступает в качестве правила из Книги Предшествоющих, служит средством создания иронии в тексте-реципиенте: *The burning bush must not be consumed* [14, p. 201] «Прибегать к помощи неопалимой купины категорически воспрещается» [15, с. 294]. Другая аллюзия на Библию из Книги Предшествоющих искажает смысл библейской истории и привносит в нее ноту иронии. Как известно, имя Каина является нарицательным и олицетворяет завистливого и подлого человека, способного на убийство. Однако Дж. С. Фоер преподносит убийство Каином брата иначе, поэтому читатель должен знать Библию, чтобы понять суть следующего фрагмента: *But much to his surprise, it was Cain who was caned, Cain who was cursed to labor the earth, Cain who was forced to wear that terrible mark, Cain who, for all of his sad and witty verse, could get laid every night, but didn't know anyone who had read a page of his magnum opus* [14, p. 206] «Но к немалому его изумлению камни полетели в Каина, и на вечное скитанье по земле обречен был Каин, и ужасная эта печать досталась ему, Каину, который благодаря печальной мудрости своих стихов без труда мог снять себе подружку на ночь, но так и не встретил никого, кто самостоятельно прочитал бы хотя бы строчку

из его бесценного опуса» [15, с. 302]. Еще одной аллюзией на библейские прецедентные тексты является отсылка к христианским заповедям, некоторые из них перефразировала Цыганочка: *She was composing a new list of commandments, commandments they could share, that would govern a life together, and not apart. Do not have any other loves before me in your heart. Do not take my name in vain. Do not kill me. Observe me, and keep me holy* [14, р. 233] «Она составляла новый список заповедей – заповедей, которые бы они разделяли, которые вели бы их по жизни вместе, а не врозь. Да не будет иной любви в сердце твоём, кроме как ко мне. Не поминай имени моего всуе. Не убий меня. Следуй за мной и почитай святыней» [15, с. 339]. Отсылка подчеркивает эмоциональное состояние и чувства Цыганочки.

Аллюзии на литературные прецедентные тексты. Роман М. З. Данилевского «Дом листьев» изобилует аллюзиями на литературные прецедентные тексты, в том числе на повесть Дж. Д. Сэлинджера «Выше стропила, плотники!». На это произведение писатель ссылается в комментариях к роману. Использование данного интертекстуального включения показывает отношение героев к Карен как к бездуховной девушке, неспособной любить: *Leslie Buckman blows high the roof beams when she calls Karen Green «a cold bitch, plain and simple»* [12, р. 16] «Лесли Бакман задирает планку – выше, выше стропила, плотники! – обзывая Карен Грин «холодной девкой, примитивной и плоской»» [13, с. 16]. Писатель ссылается также на персонажей рассказа «Рикки-Тикки-Тави» из сборника Дж. Р. Киплинга «Книга джунглей». В командировке Нэвидсон сфотографировал Билли в тот момент, когда упал столб электропередачи: *Tearing in half one of the power cables which descended toward the helpless Billy Reston, spitting sparks, and lashing the air like Nag or Nagaina* [12, р. 37] «Провод оборвался и, рассыпая искры, рассек воздух над беспомощным Билли Рестоном, как Наг или Нагайна» [13, с. 38]. Данное интертекстуальное включение способствует лучшему восприятию описанной ситуации. Кроме того, М. З. Данилевский вводит в текст-реципиент аллюзию на Пьера Менара – героя рассказа Х. Л. Борхеса «Пьер Менар, автор “Дон Кихота”»: *Much later, a yet untried disciple of arms had the rare pleasure of meeting the extraordinary Pierre Menard in a Paris café following the Second World War. Reportedly Menard expounded on his distinct distaste for Madelines but never mentioned the passage (and echo of Don Quixote) he had penned before the war which had subsequently earned him a fair amount of literary fame* [12, р. 42] «Много позже, вскоре после Второй мировой войны, на тот момент безвестный начинающий литератор имел редкое удовольствие повстречать в парижском кафе блистательного Пьера Менара. Рассказывают, что он громко высказывался по поводу своей уже общеизвестной нелюбви к пирожным «мадлен», но ни словом не обмолвился о пассаже (и эхе «Дон Кихота»), который был написан еще до войны и снискал ему литературную славу» [13, с. 42]. Такое интертекстуальное включение выступает средством создания иронии в тексте-реципиенте. Следующая аллюзия прослеживается в том, что один из исследователей письма Нэвидсона, в котором повествуется о суданской девочке Делиле, сравнивает его со старым моряком, а девочку – с альбатросом из поэмы С. Т. Кольриджа «Сказание о старом мореходе» [12, р. 394; 13, с. 423]. Другой ученый проводит сравнение с поэмой Данте «Божественная комедия»: *Delila serves the same role as Beatrice* [12, р. 394] «Делила выступает в роли Беатриче» [13, с. 423]. Эти отсылки помогают понять отношение Нэвидсона к Делиле.

В романе Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» приводятся слова из пьесы У. Шекспира «Трагическая история о Гамлете, принце датском»: *Alas, poor Yorick. I knew him, Horatio; a really funny and excellent guy. I used to ride on his back all the time, and now, it's awful to think about!* [16, р. 143] «Увы, бедный Йорик! Я знал его, Горацио; человек бесконечно остроумный, чудеснейший выдумщик; он тысячу раз носил меня на спине; а теперь как отвратительно мне это себе представить» [17, с. 178]. Спектакль по ней ставится на школьной сцене, а главный герой играет в нем Йорика. В тексте-реципиенте упоминаются персонажи пьесы, но сама она не называется: читателю предстоит самостоятельно узнать величайшую пьесу истории [16, р. 143; 17, с. 178]. Можно предположить, что у Оскара Йорик ассоциируется с погибшим отцом, соответственно, интертекстуальное включение помогает передать эмоциональное состояние мальчика, которое усугубляется тем, что его мама не пришла на спектакль, а бабушка не поздоровалась с ним и не зашла за кулисы.

Реминисценции на библейские прецедентные тексты. В романе М. З. Данилевского «Дом листьев» одна из реминисценций на библейский прецедентный текст связана с описанием дома и исследованием его пространства. Через введение в произведение фрагмента из Евангелия писатель акцентирует внимание на том, кто живет в доме, подчеркивает особую тональность текста-реципиента: *St. John, chapter 14 – where Jesus says: In my Father's house are many rooms: if it were not so, I would have told you I go to prepare a place for you...* [12, р. 121] «Евангелие от Иоанна, глава 14, где Иисус говорит: в доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам...» [13, с. 134]. Следующее интертекстуальное включение способствует разъяснению характера отношений между Нэвидсоном и его братом Томом, которые сравниваются с Исавом и Иаковом: *To adequately analyze the history of Esau and Jacob is to painstakingly exfoliate, layer by layer, the most delicate mille-feuille* [12, р. 247] «Адекватный анализ истории Исава и Иакова подобен кропотливому, слой за слоем, разбору самого наинейшего «наполеона»» [13, с. 265]. Отсылка к Библии прослеживается в эпизоде, когда Нэвидсон входит в дом,

и подчеркивает эмоциональную составляющую текста-реципиента: *So they took up Jonah, and cast him forth into the sea: and the sea ceased from her raging. (Jonah 1:15)* [12, p. 406] 'И взяли Иону и бросили его в море, и утихло море от ярости своей. Иона 1:15' [13, с. 436].

Реминисценции на литературные прецедентные тексты. В одной из глав романа «Дом листьев», в которой повествуется о том, как герои исследовали звуки и эхо в доме, М. З. Данилевский изучает происхождение слова «эхо» и приводит ряд его синонимов, иллюстрируя их примерами из поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» и стихотворения У. Вордсворта «Ода к долгу»: *Milton knew it: «God so commanded, and left that Command / Sole Daughter of his voice». So did Wordsworth: «Stern Daughter of the Voice of God»* [12, p. 44] 'Мильтон знал об этом: «...заповедь сия / Единственной дочерью была / Божественного голоса». Знал и Вордсворт: «Суровая дочь гласа Божия»' [13, с. 44]. Функции этих реминисценций состоят в детализации текста-реципиента и обогащении его новыми смыслами. Отсылая к истории любви Д. Дидро и С. Волан, М. З. Данилевский цитирует письмо французского писателя, адресованное возлюбленной, и сравнивает Карен с Софи: *When Diderot told the teenage Sophie Volland «You all die at fifteen» he could have speaking to Karen Green who at fifteen did die* [12, p. 58] 'Дидро, сказавший совсем юной Софи Волан: «Вы все умираете в пятнадцать», вполне бы мог это повторить для Карен Грин, которая действительно «умерла» в пятнадцать лет' [13, с. 60]. Только эрудированный читатель сможет понять смысл написанного. Функция этого интертекстуального включения заключается в том, чтобы привлечь внимание к жизни Карен. Реминисценция, представленная цитатой из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» на французском языке, используется в ситуации, когда Эдит Скурджи анализирует поведение Карен, а Уолтер Аделтайн не желает «терпеть и выжидать при столкновении с проблемой» [12, p. 34; 13, с. 34]: *Dans le doute, mon cher... abstiens-toi* [12, p. 34] 'В сомнении, мой милый, воздерживайся' [13, с. 35]. Другая отсылка прослеживается в упоминании британского историка и писателя Э. Гиббона, который имел следующую привычку: *...when working on The Decline and Fall of the Roman Empire would go on long walks before sitting down to write* [12, p. 34] '...прежде чем засесть писать «Упадок и падение Римской империи», совершал долгие прогулки» [13, с. 35]. Сравнение Карен с ним помогает лучше понять главную героиню. Кроме того, при описании дома используется отсылка к словам австрийского писателя Г. Броха: *«In the middle of all distance stands this house, therefore be fond of it»* [12, p. 437] '«Среди всего стоит сей дом, так пусть тебе отрадно будет в нем»' [13, с. 469]. Описанный в цитате дом противопоставляется дому в романе М. З. Данилевского, который вселяет ужас, поэтому реминисценция выступает средством создания иронии.

В романах М. З. Данилевского и Дж. С. Фоера упоминаются также произведения Гомера, Сенеки, А. П. Чехова, Ш. П. Бодлера, М. Пруста, И. В. Гёте, Р. М. Рильке, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Дж. Джойса, Д. Тартта, П. Остера и др. Это обогащает тексты-реципиенты дополнительными смыслами.

Реминисценции на мифологические прецедентные тексты. В романе М. З. Данилевского «Дом листьев» герои изучают звуки и отзвуки, которые слышатся им в доме. Исследуя происхождение эха, автор обращается к мифологии: *Echo colours the words with faint traces of sorrow (the Narcissus myth) or accusation (the Pan myth) never present in the original* [12, p. 41] 'Эхо придает словам легкий оттенок печали (миф о Нарциссе) или упрёка (миф о Пане), которого нет в изначальном варианте' [13, с. 42]. Данное интертекстуальное включение обеспечивает глубокое понимание текста-реципиента. Кроме того, писатель ссылается на миф о Тесее и Минотавре, в котором повествуется о чудовище с телом человека и головой быка и месте его заточения – лабиринте: *As most school children learn, this monster devoured more than a dozen Athenian youths every few years before Theseus eventually slew it* [12, p. 110] 'Любой школьник знает, что за несколько лет Минотавр успел пожрать больше десяти афинских юношей и девушек, а потом его убил Тесей' [13, с. 120]. Реминисценция подчеркивает эмоциональную составляющую текста-реципиента.

Реминисценции на культурно-исторические прецедентные тексты. В романе М. З. Данилевского «Дом листьев» реминисценции на культурно-исторические прецедентные тексты присутствуют в большем количестве, нежели в других рассматриваемых произведениях. Писатель перечисляет имена архитекторов и названия сооружений [12, p. 120–135; 13 с. 132–154], а также имена фотографов [12, p. 64–66; 13, с. 68–71]. Помимо этого, в произведении упоминаются фараон Аменемхет III, Галилео Галилей, Ж. Деррида, А. Эйнштейн, К. Г. Юнг и др. Такие интертекстуальные включения актуализируют глубинное понимание текста-реципиента и акцентируют внимание на культурно-исторических событиях. Следующая реминисценция подчеркивает тональность главы, в которой Холлоуэй сравнивается с Ф. Магелланом: *Like Megallan, Holloway led an expedition into the unknown* [12, p. 136] 'Точно Магеллан, Холлоуэй тоже ведет свою экспедицию в неизвестное' [13, с. 154]. Отсылка к всемирно известной фотографии акцентирует внимание на состоянии Нэвидсона, так как фотография несет «смысл поражения» [12, p. 368; 13, с. 396]: *...a Sudanese child dying of starvation, too weak to move even though a vulture stalks her from behind* [12, p. 368] '...суданская девочка, умирающая от голода и не в силах двигаться, несмотря на то что к ней уже подбирается стервятник' [13, с. 396].

В романе «Полная иллюминация» Дж. С. Фоер ссылается на известных евреев. Он сравнивает главного героя с А. Эйнштейном и Дж. А. Сайнфельдом [14, p. 104; 15, с. 156]. Функция данной реминисценции

заключается в привнесении иронической ноты в текст-реципиент. Оскар Шелл, главный герой романа Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко», упоминает имена известных личностей (С. У. Хоккинг, Б. Франклин, В. Дж. Гудолл, В. В. Путин, Ж. Р. Ширак, Г. П. Келли, Л. Д. Бронштейн (Троцкий)), названия архитектурных памятников (Берлинская стена), улиц и районов (Манхэттен, Центральный парк), а также музыкальных произведений (песни «Я морж», «Латая дыру» группы «The Beatles»). Подобные реминисценции служат раскрытию внутреннего мира персонажа.

Реминисценции на лингвистические прецедентные тексты. Реминисценции на лингвистические прецедентные тексты прослеживаются только в двух романах Дж. С. Фоера. В книге «Полная иллюминация» один из главных героев Алексей Перчов неправильно употребляет фразеологизм «кататься как сыр в масле», имея ввиду, что ему некомфортно: *I was not selling like pancakes* [14, p. 113] ‘Не катаюсь как сыр в масле’ [15, с. 169]. Однако из-за того что он владеет английским языком на низком уровне, такое интертекстуальное включение передает комичность ситуации. В романе «Жутко громко и запредельно близко» реминисценция представлена образными выражениями, которые подчеркивают желание бабушки Оскара владеть английским языком, как «урожденная американка» [16, p. 108; 17, с. 140]: *The bee's knees, the cat's pajamas, horse of a different color, dog-tired* [16, p. 108] ‘Мартышкин труд, медвежья услуга, сивый мерин, собачья жизнь’ [17, с. 140].

Аллюзии на библейские прецедентные тексты в заглавии. Название романа Дж. С. Фоера «Вот я» представляет собой аллюзию на библейскую историю о том, когда Авраам, согласившись принести в жертву своего сына, трижды повторяет Богу, сыну и ангелу выражение: «Вот я». Аллюзивное включение акцентирует внимание на нелегкой судьбе еврейского народа, в частности на описанной в романе жизни разных поколений семьи Блох.

Аллюзии на литературные прецедентные тексты в заглавии. Название романа М. З. Данилевского «Дом листьев» неявно отсылает к новелле Х. Л. Борхеса «Дом Астерия». В ней, как и в исследуемом произведении, мир представлен лабиринтом, а Минотавра, героя произведения аргентинского писателя, можно соотнести с выжившим Нэвидсоном. Таким образом, автор как бы играет с читателем, так как последнему предстоит распознать данную отсылку только после прочтения романа.

Заглавие романа Дж. С. Фоера «Древо кодов» отсылает к повести Б. Шульца «Улица крокодилов». Если убрать из названия произведения польского писателя несколько букв, то получится название романа Дж. С. Фоера: «*Street of crocodiles*» – «*Tree of codes*».

Аллюзии на культурно-исторические прецедентные тексты в заглавии. Название романа Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» помогает лучше понять историю главных героев и проникнуться ей. Аллюзия отсылает к разным временным промежуткам: первый пласт составляют события из жизни главного героя и его семьи, которые происходят в XXI в., а второй – события периода Второй мировой войны. Боль, которую Оскар испытывает от потери отца, и страдания, которые бабушка и дедушка мальчика пронесли через всю жизнь, одинаковы по своей силе и актуальности. Они объединяют прошлое и настоящее, предыдущее и нынешнее поколения. Данное интертекстуальное включение является связующим звеном в восстановлении культурно-исторической памяти.

Аллюзии на лингвистические прецедентные тексты в заглавии. Название романа Дж. С. Фоера «Полная иллюминация» привносит ноту иронии в текст-реципиент. Из-за плохого владения английским языком Алекс Перчов употребляет слово «иллюминация» в неправильном значении. Соответственно, под выражением «полная иллюминация» подразумевается абсолютное понимание всего произошедшего в произведении, в том числе осознание героями себя и своего внутреннего мира.

Следует отметить, что в настоящей статье эпиграфы рассматриваются только в романе М. З. Данилевского «Дом листьев», так как в остальных произведениях они отсутствуют. Большинство эпиграфов отсылают к несуществующим прецедентным текстам, поэтому целесообразно привести примеры тех форм интертекстуальности, которые имеют наиболее важное значение для раскрытия художественного замысла писателя.

Эпиграф из библейского прецедентного текста. Единственный эпиграф из Библии отсылает к словам Моисея и отражает частный характер описываемой проблемы о том, почему именно Нэвидсон столкнулся с ужасами в доме: *Who am that I should go to Pharaoh and free the Israelites from Egypt? Exodus 3:11* [12, p. 19] ‘Кто я, чтобы идти к фараону и вывести из Египта сынов Израилевых? Исход 3:11’ [13, с. 19].

Эпиграфы из литературных прецедентных текстов. Одно из подобных интертекстуальных включений является цитатой из книги М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей»: *The labours of men of genius, however erroneously directed, scarcely ever fail in ultimately tiring to the solid advantage of mankind* [12, p. 8] ‘Труд гениев, даже ложно направленный, почти всегда в конечном итоге служит на благо человечества’ [13, с. 8]. Он раскрывает основную идею главы, в которой писатель рассказывает о том, что изначально цель Нэвидсона была иной, он хотел снять фильм, однако никто не мог предположить, к чему приведет его труд: *...of how Karen and I bought a small house in the country and moved into it with children* [12, p. 8] ‘...о том, как мы с Карен покупаем маленький загородный дом и переезжаем туда с детьми’ [13, с. 9].

В качестве эпиграфа к одной из глав М. З. Данилевский использует фрагмент из рассказа Джека Лондона «Развести костер»: *But all this – the mysterious, far-reaching hair-line trail, the absence of sun from the sky, the tremendous cold, and the strangeness and weirdness of it all made no impression on the man. It was not because he was long used to it. He was a newcomer in the land, a chechaquo, and this was his first winter. The trouble with him was that he was without imagination* [12, p. 80] ‘Но все это – таинственная, уходящая в бесконечную даль снежная тропа, чистое небо без солнца, трескучий мороз, необычайный и зловеющий колорит пейзажа – не пугало человека. Не потому, что он к этому привык. Он был чечачо, новичок в этой стране, и проводил здесь первую зиму. Просто он, на свою беду, не обладал воображением’ [13, с. 86]. В данной главе повествуется об участниках экспедиции, о том, что каждый из них принимает участие «в расследовании таинственной загадки» [12, p. 81; 13, с. 87], но не осознает, с чем им придется столкнуться. Эпиграф служит созданию представления о специфике изображения характеров героев и их действий.

Отрывок из стихотворения Ш. П. Бодлера «На картину “Тассо в темнице” Эжена Делакруа» готовит читателя к содержанию главы, в которой Нэвидсон уходит в лабиринт сражаться с тем, что обитает в его доме: *The poet, sick, and with his chest half bare / Tramples a manuscript in his dark stall, / Gazing with terror at the yawning stair / Down which his spirit finally must fall* [12, p. 246] ‘Поэт в тюрьме, больной, небритый, изможденный, / Топча ногой листки поэмы нерожденной, / Следит в отчаянье, как в бездну, вся дрожа, / По страшной лестнице скользит его душа’ [13, с. 264]. Следующий эпиграф, представленный фрагментом из стихотворения Х. Л. Борхеса «Другой тигр», отражает содержание одной из глав и придает ей экспрессивность: *Alarga en la pradera una pausada / sombra, pero ya el hecho de nombrarlo / y de conjeturar su circunstancia / lo hace ficcion del arte y no criatura / viviente de las que andan por la tierra* [12, p. 313] ‘Когда пересекает луг широкий, / как тень, скользя, но стоит помянуть / его или представить полную картину, / явится тигр словом порожденным, / а не живым созданием из плоти’ [13, с. 333]. Писатель сравнивает тигра с неким существом, которое живет в доме Нэвидсона.

Цитата из книги З. Фрейда «Толкование сновидений» готовит читателя к содержанию главы, в которой повествуется о расшифровке короткометражного фильма «Экспедиция № 4», созданного Карен: *With his night-caps and the tatters of his dressing-gon he patches up the gaps in the structure of the universe* [12, p. 353] ‘Своими ночными колпаками и лохмотьями пижамы он латает дыры в структуре вселенной’ [13, с. 377]. Отрывок из стихотворения Р. М. Рильке «Вход» также акцентирует внимание на содержании одной из глав: *Whoever you are, go ut into the evening, / leaving your room, of which you know each bit; / your house is the last before infinite, / whoever you are* [12, p. 384] ‘Кто б ни был ты: из стен, где все знакомо, / уйди на зов вечерней темноты / в пространство за порогом дома: / кто б ни был ты’ [13, с. 412]. Следующий эпиграф является отрывком из поэмы «Эпос о Гильгамеше»: *Let you be stripped of your purple dyes, for I too once in the wilderness with my wife had all the treasure I wished* [12, p. 347] ‘Пусть лишишься ты своего пурпура за то, что когда-то в степи я познал с женой все, чего мог желать’ [13, с. 369]. В этой главе повествуется о детстве Карен, характере ее отношений с Уиллом и мимолетных любовных связях. Данная форма интертекстуальности интригует и настраивает читателя на дальнейшее прочтение главы.

Эпиграфы из культурно-исторических прецедентных текстов. Слова из песни «День из жизни» группы «The Beatles» акцентируют внимание на содержании главы, в которой описывается история создания фильма: *I saw a film today, oh boy... [12, p. 3] ‘О боже, я тут видел фильм...’ [13, с. 3]. Эпиграф к другой главе представляет собой высказывание А. Эйнштейна: *When mathematical propositions refer to reality they are not certain when they are certain, they do not refer to reality* [12, p. 370] ‘Если теоремы математики прилагаются к отражению реального мира, они не точны; они точны до тех пор, пока не ссылаются на действительность’ [13, с. 398]. В ней дом Нэвидсона исследуется с точки зрения того, как он «относится к самому себе» [12, p. 370; 13, с. 398], так как до определенного времени рассматривалось только его воздействие на людей. Данное интертекстуальное включение помогает распознать замысел автора, в соответствии с которым дом демонстрирует лишь маленькую часть того ужаса, каким он является в действительности.*

Заключение

Представленная в настоящей статье классификация позволяет выявить и систематизировать формы интертекстуальности в романах американских писателей М. З. Данилевского и Дж. С. Фоера. В романе «Дом листьев» М. З. Данилевский в основном обращается к литературным источникам, что в некотором роде может быть объяснено его образованием, а также авторским замыслом. В свою очередь, Дж. С. Фоер чаще всего обращается к Библии, что обусловлено его еврейским происхождением и стремлением акцентировать внимание на проблеме антисемитизма. Данная тема прослеживается в каждом его романе.

Исходя из проведенного анализа, такие интертекстуальные включения, как аллюзии, реминисценции, заглавия и эпиграфы, вводят дополнительные смыслы в произведения, создают неповторимую многогранность романов, а также помогают реконструировать в них заложенные смыслы.

Библиографические ссылки

1. Pressman J. House of leaves: reading the networked novel. *Studies in American Fiction*. 2006;34(1):107–128. DOI: 10.1353/saf.2006.0015.
2. Hansen MBN. The digital topography of Mark Z. Danielewski's «House of leaves». *Contemporary Literature*. 2004;45(4):597–636. DOI: 10.1353/CLI.2005.0004.
3. Travers S. Empty constructs: the postmodern haunted house in Mark Z. Danielewski's «House of leaves». *Irish Association for American Studies*. 2018;7:65–76.
4. Шатин ЮВ. Сюжетная машина как аннигилятор смысла («Дом листьев» М. З. Данилевского). *Сибирский филологический журнал*. 2018;2:127–133. DOI: 10.17223/18137083/63/11.
5. Ананьина ОА. Самоинтерпретирующая книга: роман М. Данилевски «Дом листьев». *Практики и интерпретации*. 2017;2(3):51–66. DOI: 10.23683/2415-8852-2017-3-51-66.
6. Карасик ОБ. *Эволюция творчества американских еврейских писателей второй половины XX – начала XXI века* [диссертация]. Казань: Казанский федеральный университет; 2015. 444 с.
7. Safer E. Illuminating the ineffable: Jonathan Safran Foer's novels. *Studies in American Jewish Literature*. 2006;25:112–132.
8. Carlini MF. *The «Ruins of the future»: counter-narratives to terrorism in the 9/11 literature of Don DeLillo, Jonathan Safran Foer, and Ian McEwan* [dissertation]. Boston: University of Tennessee; 2009. 90 p.
9. Волков ЕМ, Салов АИ. Литература 9/11 о трагедиях индивидуальности и семьи: универсальность и новаторство романа Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко». *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2013;2:145–149.
10. Hayles NK. Combining close and distant reading: Jonathan Safran Foer's «Tree of codes» and the aesthetic of bookishness. *Publications of the Modern Language Association of America*. 2013;128(1):226–231. DOI: 10.2307/23489282.
11. Шидловская ДЮ. Особенности перевода аллюзий в романе Джонатана Сафрана Фоера «Полная иллюминация». *Русский лингвистический бюллетень*. 2019;2:15–18. DOI: 10.18454/RULB.2019.18.2.2.
12. Danielewski MZ. *House of leaves*. New York: Pantheon Books; 2000. 708 p.
13. Данилевский МЗ. *Дом листьев*. Быков Д, Логинова А, Леонович М, переводчики. Екатеринбург: Гонзо; 2019. 748 с.
14. Foer JS. *Everything is illuminated*. New York: Houghton Mifflin Harcourt; 2002. 276 p.
15. Фoер ДжС. *Полная иллюминация*. Арканов В, переводчик. Москва: Эксмо; 2014. 398 с.
16. Foer JS. *Extremely loud and incredibly close*. New York: Houghton Mifflin Harcourt; 2006. 416 p.
17. Фoер ДжС. *Жутко громко и запредельно близко*. Арканов В, переводчик. Москва: Эксмо; 2018. 416 с.

References

1. Pressman J. House of leaves: reading the networked novel. *Studies in American Fiction*. 2006;34(1):107–128. DOI: 10.1353/saf.2006.0015.
2. Hansen MBN. The digital topography of Mark Z. Danielewski's «House of leaves». *Contemporary Literature*. 2004;45(4):597–636. DOI: 10.1353/CLI.2005.0004.
3. Travers S. Empty constructs: the postmodern haunted house in Mark Z. Danielewski's «House of leaves». *Irish Association for American Studies*. 2018;7:65–76.
4. Shatin YuV. The plot machine as an annihilator of sense («House of Leaves» by Mark Z. Danielewski). *Siberian Journal of Philology*. 2018;2:127–133. Russian. DOI: 10.17223/18137083/63/11.
5. Ananyina OA. The self-interpreting book: «House of leaves» by M. Danielewski. *Practices & Interpretations*. 2017;2(3):51–66. Russian. DOI: 10.23683/2415-8852-2017-3-51-66.
6. Karasik OB. *Evolutsiya tvorchestva amerikanskikh evreiskikh pisatelei vtoroi poloviny XX – nachala XXI veka* [The evolution of the work of American Jewish writers in the second half of the 20th – early 21st century] [dissertation]. Kazan: Kazan Federal University; 2015. 444 p. Russian.
7. Safer E. Illuminating the ineffable: Jonathan Safran Foer's novels. *Studies in American Jewish Literature*. 2006;25:112–132.
8. Carlini MF. *The «Ruins of the future»: counter-narratives to terrorism in the 9/11 literature of Don DeLillo, Jonathan Safran Foer, and Ian McEwan* [dissertation]. Boston: University of Tennessee; 2009. 90 p.
9. Volkov EM, Salov AI. The literature of 9/11 about the individual and family tragedies: universalism and innovation of the novel «Extremely loud and incredibly close» by Jonathan Safran Foer. *Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Science*. 2013;2:145–149. Russian.
10. Hayles NK. Combining close and distant reading: Jonathan Safran Foer's «Tree of codes» and the aesthetic of bookishness. *Publications of the Modern Language Association of America*. 2013;128(1):226–231. DOI: 10.2307/23489282.
11. Shidlovskaya DU. Translation of allusions in Jonathan Safran Foer's novel «Everything is illuminated». *Russian Linguistic Bulletin*. 2019;2:15–18. Russian. DOI: 10.18454/RULB.2019.18.2.2.
12. Danielewski MZ. *House of leaves*. New York: Pantheon Books; 2000. 708 p.
13. Danielewski MZ. *Dom list'ev* [House of leaves]. Bykov D, Loginova A, Leonovich M, translators. Yekaterinburg: Gonzo; 2019. 748 p. Russian.
14. Foer JS. *Everything is illuminated*. New York: Houghton Mifflin Harcourt; 2002. 276 p.
15. Foer JS. *Polnaya illyuminatsiya* [Everything is illuminated]. Arkanov V, translator. Moscow: Eksmo; 2014. 398 p. Russian.
16. Foer JS. *Extremely loud and incredibly close*. New York: Houghton Mifflin Harcourt; 2006. 416 p.
17. Foer JS. *Zhutko gromko i zapredel'no blizko* [Extremely loud and incredibly close]. Arkanov V, translator. Moscow: Eksmo; 2018. 416 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023.
Received by editorial board 19.01.2023.

УДК 82.0

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНЫХ И БИБЛЕЙСКИХ ОБРАЗОВ В СБОРНИКАХ Р. М. РИЛЬКЕ «НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ» И «НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ ВТОРАЯ ЧАСТЬ» В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

А. Е. СЪЯНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основании рецепции античных и библейских образов и мотивов выявляются характерные особенности литературного воплощения концепции диалога античной и библейской культур в сборниках австрийского поэта Р. М. Рильке «Новые стихотворения» и «Новых стихотворений вторая часть». Обобщаются сведения о художественной образности сборников. В духе эстетики Бубера и Бахтина рассматриваются поэтические образы и мотивы в контексте концепции диалога культур на разных уровнях поэтики Р. М. Рильке. Сплетение библейской и античной поэтики в сборниках не только иллюстрирует многообразие мира и возможность видения в каждом предмете и образе особой вещи в себе через новую поэтическую форму стихотворения-предмета, но и воплощает подход поэта к каждому предмету (одушевленному и неодушевленному), явлению, состоянию или чувству как к определенному субъекту диалога.

Ключевые слова: Р. М. Рильке; «Новые стихотворения»; «Новых стихотворений вторая часть»; диалог культур; античные образы; библейские образы; философия диалога.

РЭЦЭПЦЫЯ АНТЫЧНЫХ І БІБЛЕЙСКІХ ВОБРАЗАЎ У ЗБОРНІКАХ Р. М. РЫЛЬКЕ «НОВЫЯ ВЕРШЫ» І «НОВЫХ ВЕРШАЎ ДРУГАЯ ЧАСТКА» Ў КАНТЭКСЦЕ КАНЦЭПЦЫІ ДЫЯЛОГУ КУЛЬТУР

Н. Я. С'ЯНАВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На падставе рэцэпцыі антычных і біблейскіх вобразаў і матываў выяўляюцца характэрныя асаблівасці літаратурнага ўвасаблення канцэпцыі дыялогу антычнай і біблейскай культур у зборніках аўстрыйскага паэта Р. М. Рыльке «Новыя вершы» і «Новых вершаў другая частка». Абагульняюцца звесткі аб мастацкай вобразнасці зборнікаў. У духу эстэтыкі Бубера і Бахціна разглядаюцца паэтычныя вобразы і матывы ў кантэксце канцэпцыі дыялогу культур на розных узроўнях паэтыкі Р. М. Рыльке. Спляценне біблейскай і антычнай паэтыкі ў зборніках не толькі ілюструе разнастайнасць свету і магчымасць бачання ў кожным прадмеце і вобразе асаблівай рэчы ў сабе праз новую паэтычную форму верша-прадмета, але і ўвасабляе падыход паэта да кожнага прадмета (адусаўлёнага і неадусаўлёнага), з'явы, стану ці пацця як да пэўнага суб'екта дыялогу.

Образец цитирования:

Сьянова АЕ. Рецепция античных и библейских образов в сборниках Р. М. Рильке «Новые стихотворения» и «Новых стихотворений вторая часть» в контексте концепции диалога культур. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;2:13–21.

For citation:

Syanova NE. Reception of antique and biblical images in R. M. Rilke's collections «New poems» and «New poems second part» in the context of conception of dialogue of cultures. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;2:13–21. Russian.

Автор:

Анастасия Евгеньевна Сьянова – ведущий специалист отдела инновационного развития и информационных технологий учебного центра образовательных и информационных технологий филологического факультета.

Author:

Nastassia E. Syanava, leading specialist at the department of innovative development and information technologies of the training centre for educational and information technologies, faculty of philology.
syanova@bsu.by

Ключавыя словы: Р. М. Рылке; «Новыя вершы»; «Новых вершаў другая частка»; дыялог культур; антычныя вобразы; біблейскія вобразы; філасофія дыялогу.

RECEPTION OF ANTIQUE AND BIBLICAL IMAGES IN R. M. RILKE'S COLLECTIONS «NEW POEMS» AND «NEW POEMS SECOND PART» IN THE CONTEXT OF CONCEPTION OF DIALOGUE OF CULTURES

N. E. SYANOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The purpose of the work is to identify the characteristic features of the literary embodiment of the dialogue between ancient and biblical cultures in the collections of the Austrian poet R. M. Rilke «New poems» and «New poems second part» based on the reception of ancient and biblical images and motifs in these lyrical works. In the spirit of the aesthetics according to Buber and Bakhtin, poetic images and motifs are considered in the context of the concept of the dialogue of cultures at different levels of R. M. Rilke's poetics. The interweaving of the biblical and ancient worlds in the collections not only illustrates the diversity of the world and the possibility of seeing in each object and image a special thing in itself through a new poetic form poem-object, but also embodies the poet's approach to each object (animate and inanimate), phenomenon, state or feeling as a specific subject of the dialogue.

Keywords: R. M. Rilke; «New poems»; «New poems second part»; dialogue of cultures; ancient images; biblical images; philosophy of dialogue.

Введение

В литературоведении понятие «диалог культур» появилось в начале XX в. Ключевыми для выделения этой категории стали работы М. Бубера [1], М. М. Бахтина [2; 3] и В. С. Библера [4]. Так, М. Бубер и М. М. Бахтин противопоставляли диалогический гуманитарный разум одномерному рационализму и утверждали, что культуру и литературу определяют субъект-субъектные отношения, возникающие на стыке разных культурных традиций и категорий: «Не должно, однако, представлять себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы, но имеющее и внутреннюю территорию. Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [5, с. 25]. В свою очередь, В. С. Библер углубил понятие «диалог культур» и применил его ко всем сферам жизни (в том числе к философии). Ученый полагал, что диалогические отношения определяют как современный этап развития культуры в частности, так и все аспекты культурно-исторического становления цивилизации в целом.

Философия диалога приобретает важное значение и в современном литературоведении. По утверждению Г. В. Синило, «...философия диалога связана с преодолением монологизма эллинского и европейского мышления. Она уходит корнями в диалогическое мышление Библии и формировалась в прямом диалоге с ней» [6, с. 51]. Эта идея лежит в основе исследования европейской литературы, которая возникла при пересечении античных ценностей и библейских этических норм. Европейская цивилизация заимствовала из античной традиции лучшие образцы стихосложения, культурные архетипы и методы, понятийный аппарат философии и филологии. Но рядом с античными (по сути, языческими) культурными паттернами в тесной взаимосвязи существовал мир Библии с идеей нравственного совершенствования и концепцией диалога с Богом. Поэтика псалмов и ритмизованная проза библейских книг оказали огромное влияние на европейскую литературную традицию не только Средневековья, но и следующих эпох. На протяжении всего развития европейской цивилизации античная традиция и библейская эстетика вступали в культурный диалог, который по-разному воплощался в литературном методе писателей.

Крупнейший австрийский поэт Райнер Мария Рылке (1875–1927) обращался к наследию античной и библейской культур, переосмысливая вечные идеалы и ценности в духе своего времени. Как отметила Е. А. Леонова, «...творчество Рылке не укладывается в рамки какого-то одного течения, не поддается однозначному определению его метод. <...> Художник воспринял многочисленные и разнообразные влияния не только

писателей (Лилиенкрона, Гофмансталя, Тургенева, Верхарна и др.), но и живописцев, скульпторов... синтезировал в своем мироощущении и творчестве нравственно-философские ценности разных эпох и народов» [7, с. 205]. В сборниках Р. М. Рильке концепция диалога культур реализуется на разных уровнях поэтики. Она зарождается с обращений к *вечному ты* (в духе эстетики Бубера) в сборнике «Часослов» (1903) и развивается до представлений о необходимости диалога между окружающим миром (в первую очередь предметным, а затем феноменологическим) и читателем через поэтическую речь в сборниках «Новые стихотворения» (1907) и «Новых стихотворений вторая часть» (1909). В поздних сборниках («Дуинские элегии» (1912–1922) и «Сонеты к Орфею» (1922)) концепция диалога культур трансформируется в идею о том, что поэт является посредником и инициатором этого диалога (в духе эстетики Бахтина и Библиера).

Многие исследователи произведений Р. М. Рильке уделяют большое внимание изучению образов и тем в лирике поэта (в том числе в сборниках «Новые стихотворения» и «Новых стихотворений вторая часть»), при этом творческое наследие писателя рассматривается с определенной литературоведческой позиции, в которой не учитывается влияние концепции культурного диалога на образный строй и жанровый состав произведений. Основные работы отечественных рилькеведов были написаны в 1970–80-х гг. на волне популярности произведений писателя и интереса к его творческому методу, в котором объединяются черты неоромантизма, импрессионизма и символизма. Так, А. Г. Березина [8] и А. В. Карельский [9] исследовали культурно-исторические предпосылки формирования поэтического дара художника слова в рамках развития его творчества на стыке XIX–XX вв. Будучи переводчиками произведений Р. М. Рильке, Г. И. Раггауз [10, с. 373–525] и В. Г. Адмони [11] сделали акцент на разъяснении образности в сборниках писателя и установлении особенностей его поэтического языка. В примечаниях к сборнику Р. М. Рильке «Новые стихотворения» А. И. Неусыхин [10, с. 420–443] не только очертил тематику поэзии писателя, но и разъяснил многие метафоры и образы поэта с точки зрения культурного контекста его произведений. Современные литературоведческие исследования поэзии Р. М. Рильке представлены работами Н. С. Павловой (см., например, [12]), а также многочисленными диссертациями в области сравнительно-типологического языкознания, в которых описываются особенности поэтического языка писателя в различных сборниках.

Зарубежные литературоведы в первую очередь отмечают вклад Р. М. Рильке в разработку особой стихотворной формы стихотворения-предмета [13] и обращают внимание на образность поэтического мира писателя в контексте становления в европейской литературе таких направлений, как неоромантизм, символизм и импрессионизм. Например, Я. Штейнер [14], А. ван Ринзум и В. ван Ринзум [15] выделили в творчестве Р. М. Рильке черты, определившие развитие всей немецкой литературы начала XX в. В работе Х. Е. Хольтхузена [16] были изучены автобиографические документы и письма Р. М. Рильке.

В Беларуси анализом творчества Р. М. Рильке занимаются Г. В. Синило и Е. А. Леонова. В работах Г. В. Синило основное внимание уделяется рецепции библейских образов в лирике поэта [17] и выявлению особенностей сборника «Часослов» [18]. Между тем Е. А. Леонова очерчивает специфику развития творческого метода Р. М. Рильке в рамках исторического влияния разных культур и литературных направлений на всю поэзию и прозу писателя [19].

В настоящей статье объектом исследования выступают поэтические произведения в сборниках Р. М. Рильке «Новые стихотворения» и «Новых стихотворений вторая часть». Предметом анализа является рецепция античных и библейских образов и мотивов в рамках концепции диалога культур. Задачи исследования – установление характерных особенностей литературного воплощения концепции диалога культур в творчестве Р. М. Рильке, изучение синтеза библейских и античных культурных кодов в художественных произведениях сборников, определяющих мировоззренческие и идейные парадигмы поэта. Исследовательский интерес к анализу произведений Р. М. Рильке в рамках концепции диалога культур представляется довольно низким, что обуславливает основную цель настоящей статьи – выявление в сборниках «Новые стихотворения» и «Новых стихотворений вторая часть» особенностей творческого метода Р. М. Рильке, в котором органично сочетаются библейская и античная эстетика в форме стихотворения-предмета.

Результаты и их обсуждение

Образный мир Р. М. Рильке претерпевал изменения на протяжении всего развития творческого дара поэта. В сборниках «Часослов» и «Книга образов» (1906) писатель упорядочивал свое представление об окружающем мире. Здесь появились первые предпосылки для установления диалога *Я – ты* в духе эстетики Бубера, где *ты* выступает в качестве субъекта общения, которым в сборнике «Часослов» становится Бог, а в сборнике «Книга образов» – чувство или внутреннее состояние. Для Р. М. Рильке объекты изображения имели ценность как факты человеческого опыта, а не сами по себе. В поиске собственного литературного метода и стиля поэт обращался одновременно к двум великим культурным традициям, интерпретируя библейские сюжеты и вводя в лирику античные метры.

Экспрессивные стихотворения-молитвы (сборник «Часослов») и лирические произведения, полные античной пластичности (сборник «Книга образов»), сменились более новаторской формой стихотворения-предмета в сборниках «Новые стихотворения» и «Новых стихотворений вторая часть». По мнению В. Г. Адмони, «само стихотворение врезается в восприятие твердым контуром, предметностью, осязаемой тяжестью вещи, которую, кажется, можно положить на ладонь и долго рассматривать, вникая в новизну ее свойств» [11, с. 18–19]. Поэт сосредоточивал внимание на определенной вещи (одушевленной или неодушевленной) и инициировал разговор с ней, чтобы показать ее уникальность и целостность во всем многообразии. Для Р. М. Рильке путь к вещи представлял собой особый процесс постижения ее внутреннего своеобразия, существующего в этом предмете закона. Как отметил Р. Музиль, «... в этом мягком лирическом впечатлении одно явление становится символом другого. У Рильке не камни или деревья становятся людьми, как это происходило всегда и всюду, где делались стихи, а люди становятся предметами или безмянными существами и тем самым только и обретают последнюю человечность, движимую столь же безмянным дуновением» [20, с. 39]. Поэт не только экспериментировал с формой стихотворения, но и переплетал множество смыслов, подчеркивая открытость своего гения для изображения любого предмета, достойного воплощения в художественном слове. По этой причине Р. М. Рильке с равной глубиной старался проникнуть и в библейский, и в античный мир, указывая на их взаимнеобходимость и взаимодополняемость. Для него не существовало границ изображаемого. Вместе с тем мысли писателя в этот период были созвучны представлениям М. М. Бахтина о диалоге культур как всеобщем движущем явлении в литературном процессе: «Вещь, оставаясь вещью, может воздействовать только на вещи же; чтобы воздействовать на личности, она должна раскрыть свой *смысловой потенциал*, стать словом, то есть приобщиться к *возможному* словесно-смысловому контексту...» [5, с. 369]. Таким образом, в сборнике «Новые стихотворения» каждая вещь становится поэтическим словом.

В стремлении нарисовать перед читателем целостную художественную картину действительности Р. М. Рильке обращался к персонажам из библейских сказаний (как ветхозаветных, так и новозаветных) и образам античных героев и богов. Так, в стихотворении «Гефсиманский сад» поэт создал образ Христа, молящегося Господу перед арестом. Данное лирическое произведение – монолог человека, который сомневается в необходимости своих страданий ради людей, неспособных оценить эти усилия. В интерпретации поэта лирический герой должен снова отыскать Бога в собственной душе. Эта позиция не является канонически христианской, она скорее созвучна точке зрения М. Бубера о том, что любое общение с внешним миром представляет собой движение к *вечному ты*, т. е. к Богу как некоему нравственному Абсолюту: *Ich finde Dich nicht mehr. Nicht in mir, nein. / Nicht in den andern. Nicht in diesem Stein. / Ich finde Dich nicht mehr. Ich bin allein* [21, S. 14] ‘Я не нахожу Тебя больше. Нет, ни во мне. / Ни в других. Ни в этом камне. / Я не нахожу Тебя больше. Я один’¹.

Обращаясь к библейским образам, Р. М. Рильке уделит внимание и фигуре царя Давида, с именем которого в христианстве связывается идея о приходе Мессии. В библейском повествовании судьба Давида сопряжена с судьбой Саула, первого царя Израиля. В триптихе «Давид поет Саулу» Р. М. Рильке показывает происходящее глазами Давида: *Царь, ты слышишь, как моя игра / дали расшвыряла, край за краем? / Вихрем нас относит к звездным стаям, / наконец, мы ливнем ниспадаем. / Там, где мы, все-му цвести пора* [10, с. 18]. Эмоциональный и живой Давид, склоняющийся в уважении перед Саулом, стремится напомнить герою о его славной молодости: *В часы любви воочью расцвела красота тех жен!* [10, с. 18]. Язык произведения наполнен эпитетами и сравнениями, что способствует раскрытию образа лирического героя. Объектом изображения выступают переживания Давида, которые сменяются побуждениями к действию: *Fühlst du jetzt, wie wir uns umgestalten? / König, König, das Gewicht wird Geist. / Wenn wir uns nur aneinander halten, / du am Jungen, König, ich am Alten, / sind wir fast wie ein Gestirn das kreist* [21, S. 11] ‘Ты чувствуешь сейчас, как мы себя меняем? / Царь, царь, важность [масса, влияние] становится духом. / Если мы будем держаться друг за друга, / ты – за юношу, царь, я – за старца, / мы станем созвездием, что окружает все’.

С не меньшей силой поэтический талант Р. М. Рильке выразился в стихотворении «Собор Иисуса Навина». Образ Иисуса Навина поражает своей духовной мощью: *...als hübe sich der Lärm von dreißig Schlachten / in einem Mund* [21, S. 12] ‘Его голос звучит так], как будто тридцать битв гремели разом / в его устах’ [10, с. 21]. В лирическом произведении рассказывается о славном прошлом легендарного воителя, который долгое время был забыт, но вдруг появился снова, и о сражении при Иерихоне, уничтоженном силой слова Божьего. Рушащиеся стены города уподобляются судьбам людей, его населявших. С помощью выражения *Lebens Mauern* [22, S. 12] ‘стены жизни’ Р. М. Рильке показал город как что-то живое и сравнил Бога со слугой. Как заметил Г. И. Ратгауз, «... для любого верующего человека такое уподобление дерзостно до последнего предела, оно кощунственно. Но оно естественно в том мире титанических образов, который

¹Здесь и далее перевод наш. – А. С.

создает Рильке» [10, с. 393]. Поэт стремился показать, что Бог подобен живой личности, диалог с которой ведет и лирический герой стихотворения, и сам Р. М. Рильке, и читатель.

Позже, интерпретируя многие библейские, в первую очередь ветхозаветные, притчи, Р. М. Рильке уделил пристальное внимание образам пророков и праведников и определил собственное предназначение как поэта-пророка. Начиная с осмысления пути Иисуса Навина, а также царя Давида в сборнике «Новые стихотворения», писатель обратился к образам Илии, Самуила и Иеремии в сборнике «Новых стихотворений вторая часть».

Лирическое произведение «Утешение Илии» является скорее вольным переложением некоторых стихов 18-й и 19-й глав Третьей книги Царств, в которых рассказывается о бегстве пророка Илии от гнева царицы Иезавели в пустыню. В сложной ситуации, когда царь Ахав поддерживал языческую веру, а народ сбился с пути, важную роль играли истинные пророки, которые призывали людей жить по заповедям Божьим. Илия обладал не только пророческим даром, но и мужеством пойти против царя. Благодаря тому что в пределах одного предложения одновременно высказывается несколько мыслей, стихотворение наполнено динамикой. В нем Р. М. Рильке создал собственную поэтическую форму: содержание строк призвано было выражать определенную идею, а их строение – подчеркивать ее конкретный аспект. По этой причине четверостишия, в которых преобладают действие, динамика, сменяются более длинными строфами, в которых отражается внутренний диалог лирического героя. Так, например, чувства Илии описываются в длинной строфе, а события, произошедшие с ним в пустыне, – в коротких четверостишиях, за которыми следует длинная строфа: *Потом к нему Господь пришел туда – / не в вихрях ветра, не в землетрясениях, / не в складках пламени, что на мгновенье / как будто вдруг осело от стыда / перед неслышанным и небывалым / вторжением в чуть слышном дуновении* [10, с. 115]. Лирический герой стихотворения и поэт сливаются в последних строках произведения, словно не только Илия ощущает присутствие Бога, но и Р. М. Рильке стремится обнаружить его в себе. Писатель высказывал данную мысль и раньше (например, в сборнике «Часослов») и находил ей подтверждение в ветхозаветных текстах. Эта пантеистическая идея перекликается с представлениями М. Бубера о диалоге с *вечным ты*: «Каждое взятое в отдельности *ты* есть прозрение к *вечному ты*. Через каждое взятое в отдельности *ты* основное слово обращается к нему. <...> К своему *вечному ты* люди обращались, называя его многими именами. <...> Но все имена Бога оставались священными; ибо они были не только речью о Боге, но и речью, обращенной к нему» (курсив наш. – А. С.) [1, с. 57–58].

Бога в себе самом ищет и другой лирический герой стихотворения Р. М. Рильке – Иеремия. Личная трагедия этого пророка выступает в качестве примера судьбы легкоранимого человека, который принимает страдания своего народа близко к сердцу, но тем не менее произносит грозные пророчества и предсказывает несчастья: *Einmal war ich weich wie früher Weizen, / doch, du Rasender, du hast vermocht, / mir das hingehaltne Herz zu reizen, / daß es jetzt wie eines Löwen kocht* [20, S. 567] ‘Однажды я был мягок, словно ранняя пшеница [первые колосья], / но ты, Всемогущий, ты смог зажечь [привлечь, возбудить, пробудить] мое протянутое сердце, / что горячится [кипятится], словно сердце льва’.

Г. И. Ратгауз справедливо заметил, что «именно... титанической силой страстей поражают нас такие стихотворения, как “Пророк”, “Иеремия” и другие, близкие им, где энергия выражения страстей нередко подчеркнута особыми строфическими формами, многократными повторами рифмы, звонкими, как бы кованными аллитерациями» [10, с. 393]. Писатель уделял большое внимание теме пророческого служения и призвания, потому что чувствовал себя пророком, который должен выполнить определенную миссию. По мнению Р. М. Рильке, Бог создает природу изменчивой и преходящей, а задача поэта состоит в том, чтобы в своих произведениях вернуть ее Богу нетленной. Таким образом, поэт является посредником между Богом и миром: «Когда ты вникаешь в жизнь вещей и в ее обусловленность, ты приходишь к нерасторжимому; когда ты отвергаешь жизнь вещей и ее обусловленность, ты оказываешься перед ничто; когда ты освящаешь жизнь, ты встречаешь Бога живого» [1, с. 60].

Стихотворения Р. М. Рильке «Ева» и «Адам» являются литературным описанием скульптур О. Родена. Поэт стремился показать связь специфики их пластического воплощения с библейской историей. Каждая скульптура представляет собой отдельное произведение, но Р. М. Рильке указал на неразделимость образов Евы и Адама в сознании людей, поэтому стихотворения организуются в своеобразный цикл сонетов, состоящих из двух катренов и двух терцетов. В лирическом произведении «Ева» создается образ праматери всех людей. Кажется, что перед читателем оживает скульптура. Ева полна сожаления об утраченном рае, но она не осознает свою вину и не ощущает ответственности за свершившееся: *Как собора вечный завсегдатой, / подошла она вплотную к розе / с яблоком и в яблоковой позе / как была – невинно-виноватой...* [10, с. 141]. В представлении Р. М. Рильке Ева является невинной, неискушенной и вместе с тем готовой последовать за своим мужем, куда бы он ни направился. По мнению поэта, Ева без дурных намерений вкусила плод с Древа познания. Этим Р. М. Рильке изначально как бы оградил созданный им образ от греховности. Совсем другое настроение свойственно сонету «Адам». Несмотря

на то что рифмы этого произведения перекликаются с рифмами сонета «Ева», общий тон стихотворения является другим – удивленным и недоверчивым, а в некоторых местах торжествующим и оптимистичным. Если сонет «Ева» начинается со слова *einfach* ‘простой, обычный, примитивный, несложный, невзрачный, непримечательный, не обладающий особенностями’, которое настраивает на спокойное восприятие текста, то сонет «Адам» – с выражения *staunend steht er* ‘удивленно стоит’: *Удивленно встал он на соборе, / где-то невдале от самой розы, / испугавшийся апофеоза / нарастающей мощи, той, что вскоре / выше всех поставила его...* [10, с. 142]. Лирический герой этого сонета тоже не раскаивается в том, что произошло. Однако Адам полон оптимизма, он готов доказать себе, что может пренебречь указаниями Бога, и этим герой отличается от Евы.

Другим полюсом интересов Р. М. Рильке являлась Античность с ее строгими ритмами, классическими линиями, соразмерностью отображения времени и действительности. В этот период творческой эволюции поэта античная пластичность образов играла для Р. М. Рильке определяющую роль, однако библейская эстетика имела для него такое же важное значение. В стихотворениях поэта фигуры библейских героев, царей и пророков соседствуют с образами героев античных мифов.

Сборник «Новые стихотворения» открывается произведением «Ранний Аполлон». В качестве объекта описания выступает хранящаяся в Афинах голова ранней статуи Аполлона, которая словно оживает и вглядывается в окружающий мир. То, что скульптура наделяется человеческими качествами, служит свидетельством проявления концепции вещи в себе в произведениях Р. М. Рильке на античную тематику. Образ Аполлона выступает в качестве обладающей особой целостностью и непознаваемостью вещи в себе, наделенной внутренним смыслом (лирическая параллель со статуями прародителей человечества в сонетах «Ева» и «Адам»). Важно, что созданный Р. М. Рильке образ Аполлона представляет собой именно статую, живущую особой жизнью, смысл которой может постичь поэт. Писатель придал античному образу динамику роденовских статуй, показал внутреннюю напряженность статичного изваяния: *...и пустит в одиночку лепестки, / чтоб рта его коснулись первой дрожи, / пока еще недвижного, но с гибкой, / по каплям отпивающей улыбкой / струящегося пения глотки* [10, с. 7].

Стихотворение «Ранний Аполлон» словно задает всю эстетическую программу сборника «Новые стихотворения». Р. М. Рильке выбирает в качестве объекта рассмотрения неодушевленный предмет, наделяет его свойствами живого существа и утверждает, что человек не замечает, будто весь мир вокруг него наделен душой. Вслед за И. Кантом поэт как бы подчеркивал, что свойства предметов описываются с помощью простых понятий, но вещь в себе обладает многогранностью, порождающей множество смыслов, познать которые в полной мере человек не может. По мнению Р. М. Рильке стать проводником в мир вещей способен только одаренный художник, который описывает внешнюю и внутреннюю жизнь предметов, тем самым призывая людей обращать внимание на каждую деталь реальности, даже кажущуюся незаметной и неинтересной. Одновременно с этим в сборниках «Новые стихотворения» и «Новых стихотворений вторая часть» Р. М. Рильке провозгласил торжество пластичности, заимствованной у античного мира, и обратил внимание на достижения античной традиции.

Лирическое произведение «Ранний Аполлон», которым открывается сборник «Новые стихотворения», перекликается со стихотворением «Архаический торс Аполлона» из сборника «Новых стихотворений вторая часть»: *Нам головы не довелось узнать, / в которой яблоки глазные зрели, / но торс, как канделябр, горит доселе / накалом взгляда, убранного вспять...* [10, с. 107]. Рассматривая творчество Р. М. Рильке на различных этапах раскрытия его поэтического таланта, Н. С. Павлова подчеркнула, что «...поклоняясь не принимавшему натурализма Родену, а вскоре и живописи Сезанна, Рильке преображает предметы своей творческой волей – он оживляет их, чтобы они “могли выразить” свой смысл и значение. Хранящийся в Лувре, искалеченный временем древний торс Аполлона без головы и глаз, рук, ног, “искаженный и укороченный” (“entstellt und kurz”) будто освещен у Рильке изнутри, его торс тихо поворачивается, он видит, встречаясь со взглядом поэта...» [12, с. 31]. В стихотворении «Ранний Аполлон» предмет изображения, голова Аполлона, может воспринимать мир, потому что у него есть глаза, в то время как в лирическом произведении «Архаический торс Аполлона» герой познает действительность телом. Возможно, таким образом Р. М. Рильке хотел подчеркнуть, что значение имеет не то, как выглядит описываемый предмет и какими возможностями он обладает, а его внутренняя жизнь. В этой внутренней сфере каждый предмет является совершенным и целостным. По этой причине Р. М. Рильке хотел отобразить в художественном произведении душу древней статуи, облечь ее в слова и представить читателю как цельный, гармоничный образ, существующий вопреки внешнему искажению. Стихотворения «Ранний Аполлон» и «Архаический торс Аполлона» иллюстрируют мировоззрение Р. М. Рильке на том этапе творчества, когда вне зависимости от того, является предмет изображения одушевленным или неодушевленным, через незаметные детали поэт стремился открыть перед читателем всю многогранность бытия в его отдельных составляющих.

Однако Р. М. Рильке не ограничивался описанием памятников античного искусства. Как бы споря с древними поэтами, он экспериментировал с античными метрами, например с сапфической строфой. Так, в сборнике «Новые стихотворения» от имени легендарной поэтессы Сапфо писатель дал более развернутые ответы Алкею и Эранне: *Так узнай же беспокойство молний! / Я тебя, обвитый жезл, возьму / и, как смерть, тебя собой наполню, / как могила, передам всему – / всем вещам. И так свой долг исполню* [10, с. 11].

Не менее важен для этого периода творчества и возникающий в сборнике «Новые стихотворения» образ Орфея. В качестве главного героя Орфей предстает в стихотворении «Орфей. Эвридика. Гермес». Этот текст характеризуется глубокой философской проблематикой, связанной с отношениями внутреннего мира поэта и внешнего мира. По мнению Г. И. Ратгауза, данное произведение «... примечательно своей вольной интерпретацией античного подземного царства Аида. Этот мир предстает у Рильке подчеркнуто бесплотным, развеществленным, почти ирреальным» [10, с. 470]: *Das war der Seelen wunderliches Bergwerk. / Wie stille Silbererze gingen sie / als Adern durch sein Dunkel. Zwischen Wurzeln / entsprang das Blut, das fortgeht zu den Menschen / und schwer wie Porphyr sah es aus in Dunkel. / Sonst war nichts Rotes* [21, S. 41] ‘То был странный [диковинный, причудливый] рудник. / Словно тихие серебряные руды шли они / прожилками сквозь тьму. Между корней / вытекала кровь, что уходила к людям / и тяжело, словно порфира, выглядела в темноте. / Кроме того, не было ничего красного’. Описывая подземное царство, Р. М. Рильке сконцентрировал внимание на передаче чувств и ощущений героев. Создается впечатление, что Орфея, забывшего о своем даровании, преследует страх. Герои будто существуют в разных измерениях: угнетенный Орфей, подавленный и нетерпеливо жаждущий вернуться к миру живых красок, противопоставляется безмятежной и покорной Эвридике, которая не понимает, зачем ей уходить из царства мертвых. Напряженному динамизму спешащего Орфея противопоставлена и легкая неспешная поступь Гермеса – посланца богов. На контрасте ощущений трех персонажей стихотворения строится его особая композиция. Жертва Орфея, смелое посещение им загробного мира и искреннее желание спасти возлюбленную не находят понимания у Эвридики. Она безучастна к своей судьбе. Смерть становится для Орфея трагедией, разрушившей всю его жизнь, лишившей ее смысла, а для Эвридики она является лишь новым этапом существования, который героиня принимает с покорностью. По мнению П. Штокера, «насилованный разрыв Орфея и Эвридики, с помощью которого Рильке заостряет внимание на случайной неосуществимости действия, нужно понимать как то, что поэзия полностью отделилась от “невысказанного”» [22, S. 160].

Стихотворение «Алкестиды» продолжает тему человеческой трагедии. Взаимосвязь стихотворений «Орфей. Эвридика. Гермес» и «Алкестиды» подчеркнул Г. И. Ратгауз: «Это... история двух дополняющих друг друга, душераздирающих семейных трагедий – расхождения, отчуждения между собой, возникновения стены взаимонепонимания у вчерашних возлюбленных, супругов, родственников. И все это пред лицом смерти» [10, с. 470]. Лирический герой произведения оказывается на грани выбора между жизнью и смертью. Но если Орфей стремится вернуться из царства мертвых в мир живых, то Адмет движется в противоположном направлении. В каждом человеке он видит жертву, которую можно принести богам, но не предполагает, что именно возлюбленная спасет его от смерти: *Как ветер вдруг меняет направление, / так бог к ней подошел почти как к мертвой, / и как-то разом стал далек от мужа, / которому он незаметным знаком / к ногам подкинул сотню здешних жизней* [10, с. 99]. Это нарастающее отчуждение людей друг от друга, падение духовного уровня остро чувствовал Р. М. Рильке. Поэт обращался к известным античным сюжетам, чтобы предостеречь читателей от утраты моральности, и призывал их вернуться к вечным ценностям.

Заключение

В творчестве Р. М. Рильке античная и библейская эстетика находятся в тесной взаимосвязи и вступают в бесконечное взаимодействие, что является иллюстрацией мысли М. М. Бахтина о всеобщности культурного диалога: «Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила; мы ищем в ней ответы на наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [3, с. 334–335].

В сборниках «Новые стихотворения» и «Новых стихотворений вторая часть» поэт осуществил собственную рецепцию образов таких библейских героев, как Давид, Саул, Иисус Навин, Илия, Иеремия и др. В то же время в лирике Р. М. Рильке освещались события античных мифов. Для поэта не существовало ограничений в выборе предметов изображения. В его творчестве оживают древние статуи и архитектурные памятники («Ранний Аполлон», «Архаический торс Аполлона»), воскресают античные боги и легендарные поэты (Сапфо, Орфей, Венера, Гермес). Рассмотренные образы иллюстрируют отличительные черты литературного метода М. Р. Рильке, в котором органично сочетаются и дополняют друг друга различные культурные коды.

Библиографические ссылки

1. Бубер М. *Два образа веры*. Гуревич ПС, Левит СЯ, Лезов СВ, переводчики. Москва: Республика; 1995. Я и ты; с. 15–92.
2. Бахтин ММ. *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва: Советский писатель; 1963. 234 с.
3. Бахтин ММ. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство; 1979. 423 с.
4. Библер ВС. *От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век*. Москва: Политиздат; 1991. 412 с.
5. Бахтин ММ. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература; 1975. 502 с.
6. Синило ГВ. Библия как основа философии диалога. В: Уланович ОИ, редактор. *Гуманитарные технологии в образовании и социосфере*. Минск: БГУ; 2017. с. 49–74.
7. Леонова ЕА, Райнер Мария Рильке. В: Ковалева ТВ, Леонова ЕА, Кириллова ТД, редакторы. *История зарубежной литературы (вторая половина XIX – начало XX века)*. Минск: Завигар; 1997. с. 204–209.
8. Березина АГ. *Поэзия и проза молодого Рильке*. Ленинград: Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова; 1985. 183 с.
9. Карельский АВ. *От героя к человеку: два века западноевропейской литературы*. Москва: Советский писатель; 1990. 405 с.
10. Рильке РМ. *Новые стихотворения*. Богатырёв КП, Ратгауз ГИ, Балашов НИ, составители; Богатырёв КП, переводчик. Москва: Наука; 1977. 543 с.
11. Адмони ВГ. Поэзия Райнера Марии Рильке. В: Рильке РМ. *Лирика*. Рудницкий М, составитель; Сильман Т, переводчик. Москва: Художественная литература; 1976. с. 5–24.
12. Павлова ЯВ. Поэтическая речь Райнера Марии Рильке. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2007;66(1):28–41.
13. Martini F. *Deutsche Literaturgeschichte: von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Stuttgart: Kröner; 1991. 658 S.
14. Steiner J. Rainer Maria Rilke. In: Steinecke H. *Deutsche Dichter des 20. Jahrhunderts*. Berlin: Erich Schmidt Verlag; 1994. S. 158–175.
15. van Rinsum A, van Rinsum W. *Dichtung und Deutung: eine Geschichte der deutschen Literatur in Beispielen*. München: Bayerischer Schulbuch Verlag; 1994. 384 S.
16. Holthusen HE. *Rainer Maria Rilke: mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten*. Reinbek: Rowohlt; 1993. 175 S.
17. Синило ГВ. Рецепция библейских образов в лирике Рильке и Пастернака. В: Гончарова-Грабовская СЯ, составитель. *Славянские литературы в контексте мировой. Материалы Международной научной конференции; 25–30 октября 1993 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 1994. с. 167–171.
18. Синило ГВ. Библейская архетекстуальность в «Часослове» Р. М. Рильке. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки*. 2018;10:68–79.
19. Леонова ЕА. *Немецкая литература XX века: Германия, Австрия*. Москва: Флинта; 2010. 360 с.
20. Музиль Р. Речь о Рильке. Белобратов А, переводчик. *Нева*. 1997;6:36–43.
21. Rilke RM. *Neue Gedichte*. Augsburg: Im Werden-Verlag; 2003. 53 S.
22. Stocker P. Rilke. In: Lauterbach D, Wunderlich U. *Grenzsituationen: Wahrnehmung, Bedeutung und Gestaltung in der neuen Literatur*. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 2002. S. 160–164.

References

1. Buber M. *Dva obraza very* [Two types of faith]. Gurevich PS, Levit SYa, Lezov SV, translators. Moscow: Respublika; 1995. [Me and you]; p. 15–92. Russian.
2. Bakhtin MM. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Sovetskii pisatel'; 1963. 234 p. Russian.
3. Bakhtin MM. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo; 1979. 423 p. Russian.
4. Bibler VS. *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyi vek* [From science to the logic of culture: two philosophical introductions to the 21st century]. Moscow: Politizdat; 1991. 412 p. Russian.
5. Bakhtin MM. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1975. 502 p. Russian.
6. Sinilo GV. Bible as the basis of the philosophy of dialogue. In: Ulanovich OI, editor. *Gumanitarnye tehnologii v obrazovanii i sociosfere* [Humanitarian technologies in education and sociosphere]. Minsk: Belarusian State University; 2017. p. 49–74. Russian.
7. Leonova EA. [Rainer Maria Rilke]. In: Kovaleva TV, Leonova EA, Kirillova TD, editors. *Istoriya zarubezhnoi literatury (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [History of foreign literature (second half of the 19th – early 20th century)]. Minsk: Zavigar; 1997. p. 204–209. Russian.
8. Berezina AG. *Poeziya i proza mladogo Ril'ke* [Poetry and prose of the young Rilke]. Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A. A. Zhdanova; 1985. 183 p. Russian.
9. Karel'skii AV. *Ot geroya k cheloveku: dva veka zapadnoevropeiskoi literatury* [From hero to man: two centuries of western European literature]. Moscow: Sovetskii pisatel'; 1990. 405 p. Russian.
10. Rilke RM. *Novye stikhotvoreniya* [New poems]. Bogatyrev KP, Ratgauz GI, Balashov NI, compilers; Bogatyrev KP, translator. Moscow: Nauka; 1977 543 p. Russian.
11. Admoni VG. [Poetry by Rainer Maria Rilke]. In: Rilke RM. *Lirika* [Lyrics]. Rudnitskii M, compiler; Sil'man T, translator. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1976. p. 5–24. Russian.
12. Pavlova YaS. The poetical discourse of Rainer Maria Rilke. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2007;66(1):28–41. Russian.
13. Martini F. *Deutsche Literaturgeschichte: von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Stuttgart: Kröner; 1991. 658 S.
14. Steiner J. Rainer Maria Rilke. In: Steinecke H. *Deutsche Dichter des 20. Jahrhunderts*. Berlin: Erich Schmidt Verlag; 1994. S. 158–175.
15. van Rinsum A, van Rinsum W. *Dichtung und Deutung: eine Geschichte der deutschen Literatur in Beispielen*. München: Bayerischer Schulbuch Verlag; 1994. 384 S.

16. Holthusen HE. *Rainer Maria Rilke: mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten*. Reinbek: Rowohlt; 1993. 175 S.
17. Sinilo GV. [Reception of biblical images in the lyrics of Rilke and Pasternak]. In: Goncharova-Grabovskaya SYa, compiler. *Slavyanskije literatury v kontekste mirovoi. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 25–30 oktyabrya 1993 g.; Minsk, Belarus* [Slavic literature in the context of the world. Proceedings of the International scientific conference; 1993 October 25–30; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 1994. p. 167–171. Russian.
18. Sinilo GV. Biblical archetextuality in «The book of hours» R. M. Rilke. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A, Gumanitarnye nauki*. 2018;10:68–79. Russian.
19. Leonova EA. *Nemetskaya literatura XX veka: Germaniya, Avstriya* [German literature of the 20th century: Germany, Austria]. Moscow: Flinta; 2010. 360 p. Russian.
20. Muzil' R. [It's about Rilke]. Belobratov A, translator. *Neva*. 1997;6:36–43. Russian.
21. Rilke RM. *Neue Gedichte*. Augsburg: Im Werden-Verlag; 2003. 53 S.
22. Stocker P. Rilke. In: Lauterbach D, Wunderlich U. *Grenzsituationen: Wahrnehmung, Bedeutung und Gestaltung in der neuen Literatur*. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 2002. S. 160–164.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023.
Received by editorial board 26.01.2023.

УДК 821(100)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ДЕТЕКТИВА ВО ФРАНЦУЗСКОМ РОМАНЕ РУБЕЖА XX–XXI ВВ.

А. О. ЕФИМЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Описан процесс трансформации жанра детектива в рамках французской литературной традиции рубежа XX–XXI вв. Выделены поджанры, определившие вектор развития французской детективной прозы. Обосновано жанровое разнообразие французской литературы через связь авангардизма и постмодернизма. Проанализирована специфика авторской манеры, а также особенности влияния школ и направлений, к которым принадлежат писатели, на способ трансформации жанра детектива в их произведениях. Рассмотрен философско-эстетический подход к эксплуатации структурной модели детектива. Трансформация детективного романа показана с учетом тенденций неоавангардизма и постмодернизма, что позволяет подробнее изучить национальное своеобразие жанра.

Ключевые слова: французский детективный роман; модификация жанров; гибридизация жанров; синтез жанров; экзистенциальный детективный роман; конспирологический детективный роман; историографический детективный роман.

ТРАНСФОРМАЦЫЯ ЖАНРУ ДЭТЭКТЫВА Ў ФРАНЦУЗСКИМ РАМАНЕ РУБЯЖА XX–XXI СТСТ.

Г. А. ЯФИМЕНКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Апісаны працэс трансфармацыі жанру дэтэктыва ў рамках французскай літаратурнай традыцыі рубяжа XX–XXI стст. Вылучаны паджанры, якія вызначылі вектар развіцця французскай дэтэктыўнай прозы. Абгрунтавана жанравая разнастайнасць французскай літаратуры праз сувязь авангардызму і постмодэрнізму. Прааналізавана спецыфіка аўтарскай манеры, а таксама асаблівасці ўплыву школ і напрамкаў, да якіх належаць пісьменнікі, на спосаб трансфармацыі жанру дэтэктыва ў іх творах. Разгледжаны філасофска-эстэтычны падыход да эксплуатацыі структурнай мадэлі дэтэктыва. Трансфармацыя дэтэктыўнага рамана паказана з улікам тэндэнцый неаавангардызму і постмодэрнізму, што дазваляе больш падрабязна вывучыць нацыянальныя асаблівасці жанру.

Ключавыя словы: французскі дэтэктыўны роман; мадыфікацыя жанраў; гібрыдызацыя жанраў; сінтэз жанраў; экзистэнцыяльны дэтэктыўны роман; канспіралагічны дэтэктыўны роман; гістарыяграфічны дэтэктыўны роман.

Образец цитирования:

Ефименко А.О. Трансформация жанра детектива во французском романе рубежа XX–XXI вв. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;2:22–29.

For citation:

Efimenko HO. Transformation of the detective genre in a French novel at the turn of the 20th and 21st centuries. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;2:22–29. Russian.

Автор:

Анна Онуфриевна Ефименко – аспирантка кафедры зарубежной литературы филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Е. А. Борисева.

Author:

Hanna O. Efimenko, postgraduate student at the department of foreign literature, faculty of philology.
hannaofalltrades@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-7411-1657>

TRANSFORMATION OF THE DETECTIVE GENRE IN A FRENCH NOVEL AT THE TURN OF THE 20th and 21st CENTURIES

H. O. EFIMENKO^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The process of transformation of the detective genre within the framework of the French literary tradition at the turn of the 20th and 21st centuries is described. The subgenres that determined the development vector of French detective prose are identified. The genre diversity of French literature is substantiated through the connection between the avant-garde and postmodernism. The specifics of the author's manner, as well as the peculiarities of the influence of the schools and trends to which the writers belong, on the way the genre of the detective story is transformed in their works are analysed. The philosophical and aesthetic approach to the exploitation of the structural model of the detective is considered. The transformation of the detective novel is shown taking into account the tendencies of the neoavant-garde and postmodernism, which allows us to study the national identity of the genre in more detail.

Keywords: French detective novel; genre modification; hybridisation of genres; synthesis of genres; existential detective novel; conspiracy detective novel; historiographic detective novel.

Введение

Специфика французского постмодернизма наиболее ярко проявляется в романах с детективной матрицей благодаря ее фиксированной структуре.

Жанровый код, или матрица, – это канонически утвержденная и неизменная последовательность событий, которая используется в качестве основы конструирования сюжета. Жанровым кодом детектива является процесс расследования, причем текст начинается совершением преступления и завершается раскрытием личности и мотивов преступника [1, p. 48]. Несмотря на это, во французском детективном романе рубежа XX–XXI вв. жанровый код нарушается не на сюжетно-композиционном, а на смысловом уровне, при этом внешние структурные признаки жанра соблюдаются. В постмодернистской литературе Франции деконструируется не столько детективный сюжет, сколько идейное наполнение романа, поскольку детективный роман воспринимается как готовая структура, предназначенная для наполнения новыми смыслами и значениями. Понимание жанра как модели, которая лежит в основе романов определенного типа, появляется и закрепляется в теории структурализма [2, p. 206–208].

Исследования Р. Мессака и Р. Кайуа посвящены описанию особенностей и генезиса французского детективного романа [3, p. 248–460; 4, p. 13–57], публикация П. Буало – раскрытию его национальной специфики [5, p. 36–52], а работа Ц. Тодорова – изучению характерных черт жанра детектива в послевоенной литературе [6, p. 32–48]. В настоящее время возобновился интерес к анализу жанра детектива, в частности к рассмотрению способов его трансформации и концептуализации (Э. Колловальд [7], М. Литс [8]), исследованию поэтики (С. Кемп [9], М. Бланше [10]) и сюжетно-композиционных особенностей (И. Антонутти [11]). В статье впервые раскрывается ряд важных аспектов, определивших специфику французского детективного романа рубежа XX–XXI вв.: обозначается связь неоавангардизма и постмодернизма, показывается обусловленность трансформации жанрового кода детектива влиянием на него той или иной школы или направления (новый роман, структурализм, постструктурализм). Выделяются основные типы трансформации жанровой модели. В рамках исследования школы и направления понимаются как единое целое в контексте литературного процесса.

Специфика трансформации жанровой модели детектива рассматривается на примере романов А. Роб-Грийе «Проект революции в Нью-Йорке» [12], Ж. П. Модiano «Улица темных лавок» [13], Ю. Кристевой «Смерть в Византии» [14] и Л. Бине «Седьмая функция языка» [15]. Причиной выбора данных произведений стали некоторые их особенности. Во-первых, в каждом из этих романов представлен особый способ конструирования детективного сюжета с учетом жанровой модификации. Во-вторых, в них на уровне структуры зашифрована проблема, обусловленная принадлежностью писателя к определенному литературному направлению (вопросы языка и памяти, а также письма как способа видения действительности и приема ее художественного воплощения), которая влияет на механизм трансформации жанра детектива. В-третьих, эти произведения относятся к разным десятилетиям конца XX – начала XXI в. и отражают этапы изменения структуры французского детективного романа. В данном контексте изучение особенностей становления французского постмодернистского детективного романа отдельно от творчества А. Роб-Грийе, в частности его сборника статей «За новый роман», в котором обосновывается невозможность следовать устаревшим принципам застывшей жанровой формы [16, p. 25–44], не представляется исчерпывающим.

Школа нового романа – промежуточное литературное направление между модернизмом и постмодернизмом, представители которого начали процесс деконструкции жанра детектива [17, р. 8–32]. Особенно интересен подход Ж. Рикарда, А.-М. Буайе и М.-А. Хаттон к анализу истории развития жанра детектива, который видится исследователям неполным без рассмотрения вклада в нее А. Роб-Грийе, опиравшегося в своих экспериментах прежде всего на привычный читателю жанровый код [17; 18; 19, р. 63].

Цели настоящей статьи – раскрытие специфики трансформации жанра детектива в рамках французской литературной традиции рубежа XX–XXI вв. и обоснование использования писателями жанрового кода детективного романа их философско-эстетическим подходом к обновлению романа. Эти цели предполагает решение следующих задач: выявление особенностей структуры жанрового кода современного французского детектива, изучение динамики трансформации детективного романа, а также определение роли концептуализации жанрового кода детектива в творчестве А. Роб-Грийе, П. Ж. Модиаго, Ю. Кристевой и Л. Бине.

Теоретические основы исследования

Еще Аристотель отнес понятие «жанр» к литературным терминам, и изначально жанр рассматривался скорее как инструкция к написанию определенного художественного текста. Продолжая классификацию древнегреческого философа, известные критики разных времен, например Н. Буало [20], Ю. Н. Тынянов [21] и Ж.-М. Шеффер [22], интерпретировали жанр как литературный канон.

Наиболее значимой работой, в которой переосмысляется подход к жанровой классификации литературного произведения, является труд Ж. Дерриды «Закон жанра» [23]. Ученый назвал процесс формирования жанра особым самоконструирующимся видом метанарратива и для его обозначения заимствовал у М. Мерло-Понти термин «инвагинация» [23, р. 143–145]. В интерпретации Ж. Дерриды жанр провозглашается динамической величиной, находящейся в процессе постоянного конструирования себя через отрицание того, чем он не является. В число ученых, придерживавшихся этой теории, входят Б. Кроче [24], С. С. Аверинцев [25] и Д. Бордуэлл [26].

В основу настоящего исследования легли работа М. Массе «Литературный жанр», в особенности раздел «Гендерная ненависть: циклическая история литературы?» [27], постструктуралистские статьи Р. Барта «Критика и правда» [28] и сборник философско-литературных эссе Ю. Кристевой, в частности эссе «Разрушение поэтики» [29, с. 458–483]. При написании работы использовались также статьи Н. Л. Лейдермана [30] и М. В. Нореца [31].

Применялись методы структурного и сравнительного анализа, а также целостного анализа-интерпретации.

Результаты и их обсуждение

Структуралистский подход задает направление французскому неоавангардизму и во многом влияет на национальную специфику постмодернизма. Например, на уровне формы структуралистский подход к тексту проявляется в разрушении его структуры через создание так называемого одноразового, или индивидуального, жанра. Данный прием появляется в авангардизме, переосмыляется в неоавангардизме и заново актуализируется в постмодернизме, поэтика которого подразумевает межжанровую мутацию.

Реактуализация жанра происходит по причине изменения восприятия поэтической коммуникации между автором и читателем, когда последний больше не является пассивным слушателем, а участвует в процессе конструирования текста наравне с писателем. Желание реализовать новые способы повествования приводит к экспериментам и расширению как понятийного аппарата литературоведения, так и границ литературы, что влечет за собой неизбежную трансформацию жанровой модели. По мнению Н. Л. Лейдермана, создание авторского антижанра представляет собой важное изобретение нового искусства [30, с. 155]. Существование антипьес, антироманов и антипоэм объясняется тем, что в воображении читателя они противопоставляются классическим жанрам через обыгрывание их повторяющихся канонических элементов. Одноразовый жанр (роман-сценарий, роман-крик и т. д.) не предполагает систематического воспроизведения и в основном используется для подчеркивания индивидуального стиля автора и противостояния привычной жанровой модели. Вместе с тем в произведениях одноразового жанра чаще всего хотя бы один из жанровых элементов указывает на хорошо известный традиционный жанровый канон, т. е. на жанровый канон романа, а другие элементы объясняют функции письма (как долговременного процесса записи и институирования знаков в процессе создания текста) и их роль в конкретном романе. В этом случае смешение жанров понимается как дополнение функций одной жанровой модели с помощью другой.

Позже, со вступлением литературы в эпоху постмодернизма, актуальность приобретают истории «аутсайдеров», рассказанные от первого лица. Иными словами, право голоса получают персонажи, ранее не присутствовавшие в фокусе внимания повествователя, в результате чего становятся возможными различные

способы прочтения и расшифровки текста (с феминистической, этнической и культурной точки зрения, а также с позиции опыта сексуальности, отличающегося от традиционного, и др.). В то же время реализация в романистике концепции ускользающей идентичности и приема ненадежного рассказчика позволяет изменить не только подход к расшифровке текста, но и способ зашифровывания истории: особое внимание уделяется времени, которое становится полноценным действующим лицом произведения. Совмещение в тексте различных временных концепций и пластов отражает слом целостности мира и человека и тяготеет к гибридизации форм (нелинейность или цикличность времени, дихотомия повествования), образов и жанров (синтез различных жанровых структур, часто противоречащих друг другу). В зависимости от того, с помощью каких отношений реализуются функции жанровых моделей, выделяются следующие типы жанрового смешения: модификация, гибридизация и синтез.

Модификация. Данный тип жанрового смешения предполагает существование системы, которая состоит из двух и более жанровых моделей, связанных отношениями подчинения. Главенствующая жанровая структура компенсирует свои функции за счет подчиненных ей структур.

В истории французского детективного романа одни из первых значительных жанровых модификаций встречаются в психологических детективах П. Л. Буало и П. Р. Эро (Буало-Нарсежак). Принцип модификации заключается в том, что ключевые моменты жанрового канона детектива остаются без изменений, но в текст вводятся элементы, свойственные жанровой модели психологического романа (психологизация персонажей, доминирование психологической составляющей произведения над сюжетной).

Жанр, подвергшийся модификации, сохраняет приобретенные черты, причем иногда они настолько часто повторяются, что практически становятся элементами изначального жанрового канона или формируют отдельный поджанр. Так, например, включение в детективный роман элементов психологического и философского романа привело к появлению поджанра экзистенциального детективного романа, в котором акцент делается не столько на поиске и наказании преступника, сколько на решении морально-этических проблем (произведения С. Жапризо, П. Ж. Модиаго, Ф. Одуан-Рузо (Ф. Варгаса)). В экзистенциальном детективном романе П. Ж. Модиаго «Улица темных лавок» многократно обыгрываются темы поиска и исчезания. В художественном мире писателя исчезание личности и ее поиски рассматриваются с позиций самоидентификации, в аспекте проблемы исторической памяти и с точки зрения искусства. Несмотря на то что П. Ж. Модиаго часто прибегает к интермедияльным приемам (фотография и фотосъемка), различные жанровые модели и виды искусства, соединяющиеся в его романе, дополняют детективный сюжет, делают его более сложным и тематически разнообразным.

Гибридизация. Этот тип жанровой мутации предполагает наличие жанровой модели, элементы которой связаны отношениями противопоставления. Несколько жанровых структур объединяются таким образом, чтобы их функции противопоставлялись, и этот принцип непохожести лежит в основе произведения. Специфика гибридного текста состоит в том, что заключенные в нем жанровые модели являются равнозначными и каждая из них отрицает другую. Противостояние жанров может выражаться в явном несовпадении идейного содержания и сюжетной составляющей произведения или в оппозиции жанровых моделей (например, соединение документального исторического очерка и фикционального историографического романа).

Примером гибридных романов, содержание которых не соответствует идее, служат тексты А. Роб-Грийе, в частности произведение «Проект революции в Нью-Йорке». Как представитель школы нового романа, отчасти построенной на структуралистском подходе к тексту, А. Роб-Грийе создает жанр гибридного антидетектива. Особенность его авторского метода состоит в том, что писатель намеренно нарушает жанровый канон детектива, экспериментирует с ним, постепенно устраняя различные базовые элементы его структуры (отказ от сюжета, отсутствие преступления или действий, игра с архетипами и т. д.) и заменяя или дополняя их совершенно несвойственными традиционному жанру детектива особенностями (заимствование приемов из кинематографа, использование фрагментов классической трагедии и киносценария, внедрение в текст логических парадоксов, замена объекта субъектом, изменение фокуса наррации и эксплуатация эротизма). Гибридизация происходит в результате того, что при создании произведения А. Роб-Грийе ориентируется на определенный жанр (или несколько жанров), особенности которого претерпевают изменения и не укладываются в повторяющийся канон. С помощью жанра детектива повествуется история, а игра с жанровым восприятием читателя во многом направлена на то, чтобы он отделил канонические элементы от неканонических, жанровый код от приемов его реализации. Образованный таким способом гибрид имеет много общего с одноразовым жанром, свойственным авангардизму и неоавангардизму, и часто рассматривается с точки зрения концепции жанровой феноменальности [30, с. 159]. В создании одноразовых жанров усматривается попытка преодолеть устоявшиеся жанровые границы, когда каждый текст воспринимается как специфическое авторское произведение, не ограниченное рамками канонов (писательские эксперименты новороманистов (А. Роб-Грийе) и их последователей (Ж. Эшнот)). Стремление неоавангардистов к слому жанровых

границ предвосхищает появление постмодернизма и определяет его специфику во французской литературе (создание неожанров).

Попытки разрушить четкую жанровую принадлежность произведения особенно характерны для представителей французской литературы: писатели второй половины XX – начала XXI в. (например, члены литературной группы «УЛИПО» и новороманисты) связывали свою деятельность с переосмыслением модернизма и авангардизма, прослеживая корни собственного творчества в дадаизме и ситуационизме. На понимание художественного текста и его интерпретацию влияет интермедиальность, благодаря которой упрочняется связь литературы с другими видами искусства и медиа. Литературному процессу становятся присущи черты трансгрессивного искусства, проявляющиеся в разделении родов, видов и жанров литературы. В такой среде сохраняются прежде всего самые узнаваемые и легко адаптирующиеся жанровые коды. Жанровая матрица детектива очень хорошо вписывается в новые требования: с одной стороны, детектив – один из наиболее жестких канонических жанров, поскольку для реализации сюжетной интриги необходимо следовать четким правилам, а с другой стороны, заимствованный во французскую литературу детективный роман приобрел устойчивую национальную черту – психологизм. В итоге формируются такие особенности французского детективного романа, как повторяемость и изменчивость, которые способствовали появлению с начала XX в. большого количества его поджанров. Жанровая матрица детектива включается в разные сюжеты, объединяется с другими жанровыми моделями, меняется под влиянием кинематографа и достаточно легко опознается читателем, чтобы стать материалом для авторской игры.

По мнению Н. Л. Лейдермана, проблема определения жанровой природы текста наиболее ярко проявляется «в переходные эпохи, которые образуются на месте разрыва культурных эр... когда получает широкое распространение мифология хаоса, происходит разрушение ранее авторитетных жанров, провозглашается отказ от жанровых канонов, сама категория жанра дискредитируется» [30, с. 153]. Таким образом, проблема жанровой классификации актуализируется в каждой последующей переходной эпохе, и в этом смысле неоавангардизм дает мощное подкрепление подобной реактуализации. В частности, теоретиков и романистов интересует то, насколько сильно можно отклониться от канона, чтобы остаться в рамках жанра. Изобретения антижанра (авангардизм) оказалось недостаточно, поэтому следующим этапом после отношения к жанру детектива как к легко воспроизводимой и опознаваемой форме (структурализм) становится наполнение ее смыслом (постструктурализм). Если представители школы нового романа пытались раздвинуть рамки формальных ограничений жанра, то авторы постмодернистских романов играют с его смысловым наполнением.

Во французском постмодернистском гибридном детективном романе XXI в. (Ю. Кристева, Л. Бине) именно оппозиция между вписанными в произведение жанровыми моделями составляет его художественную специфику. Такой текст уже не является в полной мере гибридным, а соединяет в себе приемы и гибридизации, и модификации. Идеи постструктурализма накладывают отпечаток в том числе на детективную литературу, и детективный роман поддается тенденции к насыщению жанровой формы максимумом смыслов. Для предыдущего типа жанровой гибридизации, возникшего под влиянием структурализма, важным был поиск новых способов повествования, который реализовывался через противоречие между формой одной жанровой модели и содержанием другой. Минус-прием, который позволял отрицать общность формы и содержания, обнажал письмо как процесс записи и институирования знаков, в том числе делал явными повествовательные техники, лежащие в основе романа. В постструктурализме создание гибридных романов через взаимное отрицание формы и содержания отходит на второй план, поскольку считается, что такие тексты актуализируются только при их расшифровке через призму читательского бессознательного. Соответственно, реципиент придает смысл тексту с помощью ассоциаций, что существенно уменьшает количество возможных вариантов прочтения. Об этом писали Р. Барт [28, р. 14; 32] и Ю. Кристева [29, с. 510]. Альтернативной постструктуралистам представляется тенденция к умножению всех возможных смыслов, заключенных в тексте. Насыщение романа противоположными жанровыми моделями и коннотациями, которые они в себе содержат, приводит к рефлексии не только над способами повествования, но и над тем, чем становится жанр, а также над тем, как сильно он может измениться с учетом опыта постмодернизма. Стремление к наполнению текста множественными смыслами предполагает как авторскую, так и читательскую рефлексию над жанровой принадлежностью романа, порождает вопросы о том, как (и зачем) происходит повествование, а также о том, о чем конкретно рассказывается. В связи с этим поднимаются две новые проблемы. Металитературная проблема связана с необходимостью установления того, как создается и сохраняется жанровая принадлежность текста, а формальная проблема сопряжена с потребностью выяснения жанровой границы. Жанровый код детектива эксплуатируется не только для того, чтобы рассказывать историю, но и чтобы с его помощью очертить новые границы жанра. Сам детективный роман превращается в авторское расследование на уровне записи и институирования знаков, причем в результате размышлений

о жанровой природе романа писатель не приходит к однозначному ответу, а еще сильнее обостряет противопоставление жанровых структур. Новый я-повествователь одновременно создает текст и деконструирует историю, которую он рассказывает. По такому принципу построены романы Ю. Кристевой «Смерть в Византии» и Л. Бине «ННН»: расследование, которое ведет герой, оказывается двигателем сюжета, при этом оно выполняет по большей части декоративную функцию.

В романе Ю. Кристевой «Смерть в Византии» расследованием серийных убийств занимаются три персонажа, каждый из которых сконструирован из клише разных детективных поджанров (полицейский, журналистский, феминистский, интеллектуальный, исторический, конспирологический детективные романы, а также детективный роман-триллер и др.), пародирующих через нарочито искусственное введение их элементов в текст. Одновременное использование всех возможных детективных клише делает сюжетные линии недостоверными, поскольку при общей предсказуемости действия они начинают противоречить друг другу. Например, параллельное включение в текст клише из аналитического, полицейского и мистического детективных романов выглядит абсурдным, так как каждый из них отрицает остальные. Сюжет романа Ю. Кристевой «Смерть в Византии» невозможно воспринимать всерьез, и фокус внимания читателя переключается на установление того, как и зачем сконструирован текст и является ли это произведение детективным романом, если через объединение несовместимых черт детективные элементы подвергаются критике и мутируют внутри самой структуры текста. Псевдоисторический и конспирологический поджанры детективного романа, представленные в сюжетных ветках двух главных героев (Крест-Джонс и Стефани), свидетельствуют о соединении в произведении приемов модификации и гибридизации.

Схожее противостояние жанровых кодов создает Л. Бине в романе «ННН», в котором главный герой с помощью исторических документов постфактум воссоздает убийство Р. Т. О. Гейдриха. Писатель объединяет детективной темой поиска историческую и историографическую жанровые модели, концентрируясь в том числе на проблеме их взаимного отрицания. Исторический роман предполагает работу с историческим свидетельством, а историографический роман – фикциональное воссоздание событий, в котором точностью жертвуется ради достоверности. В романе «ННН» Л. Бине сохраняет обе жанровые модели, учитывая их противоречия и рефлексивная относительно жанровой принадлежности созданного им текста. Тема поиска объединяет жанровые противоречия на двух уровнях: на уровне сюжета главный герой романа расследует историю убийства Р. Т. О. Гейдриха, а на уровне формы автор размышляет о природе гибридного жанра и его возможностях.

Синтез. Данный тип жанрового смешения предполагает слияние нескольких равноправных жанровых моделей. Жанровые структуры объединяются по принципу схожести функций или дополняют друг друга. Синтез жанров представлен в романах П. Леметра «До свидания там, наверху» и Л. Бине «Седьмая функция языка». В основе обоих произведений лежит детективный сюжет, который в первом случае дополняется чертами исторического романа, а во втором случае – элементами фиктивной историографии.

Став известным как автор детективных романов, П. Леметр прибегает к жанровому синтезу, чтобы выйти за рамки этого жанра. Реальные факты, составляющие основу книги «До свидания там, наверху», по большей части сосредоточены в главах, в которых описываются события Первой мировой войны и дальнейшие социально-экономические мероприятия государства. Элементы авантюрного детективного романа, напротив, имеют отношение к сюжетным линиям главных героев и выполняют развлекательную функцию, но не противопоставляются историческому фону, а делают его более объемным и понятным современному читателю.

Противоположным образом действует Л. Бине, который изначально использовал только отдельные приемы жанра детектива и в полной мере обратился к нему лишь в своем пятом романе. Произведение «Седьмая функция языка» представляет собой прежде всего конспирологический детективный роман, но степень его увлекательности напрямую зависит от количества знаний реципиента в области политологии, философии и лингвистики. Роман может быть прочитан как человеком, не понимающим его контекста, так и человеком, обладающим знаниями о прототипах главных действующих лиц, их биографии и основных работах. В первом случае читатель получает удовольствие от угадывания сюжетных поворотов, а во втором случае – от расшифровывания контекста произведения и поиска отсылок, при этом Л. Бине разграничивает важные для понимания текста стилистические фигуры и второстепенные аллюзии и реминисценции. Так, знание реципиента о том, почему в романе упоминаются конкретные музыкальные композиции (например, песня «Убить араба» британской рок-группы «The Cure», которая была написана Р. Дж. Смитом под впечатлением от повести А. Камю «Посторонний»), не влияет на понимание сюжета, а сама отсылка является игровым элементом. Таким образом, в романе Л. Бине «Седьмая функция языка» не соблюдается ключевое правило детектива, которое состоит в том, чтобы заинтересовать читателя увлекательностью сюжета. Вместо этого писатель предлагает читателю заняться постмодернистской

расшифровкой смыслов, в чем и заключается основной метод увлечения последнего текстом. Синтез жанровых структур философского, интеллектуального и детективного романа позволяет им обмениваться функциями и перетекать друг в друга.

Заключение

В результате анализа современных французских романов с детективным кодом были выделены следующие способы жанрового смешения: модификация, гибридизация и синтез – в зависимости от того, с помощью каких отношений реализуются функции жанровых моделей, объединенных в произведении.

При модификации реализуются отношения подчинения, когда главенствующая жанровая структура компенсирует свои функции за счет остальных структур. Примером этого типа жанрового смешения является экзистенциальный детективный роман П. Ж. Модiano «Улица темных лавок», основу жанровой структуры которого составляет детективный код, компенсируемый элементами философского и психологического романа.

Гибридизация – наиболее часто встречающийся тип трансформации детективного кода, что обусловлено широким и повсеместным распространением идей французского структурализма и постструктурализма, затронувшим все области гуманитарных наук XX в. Данный тип жанрового смешения лежит в основе поэтики школы нового романа, представители которой предлагают радикально реформировать литературу через письмо как композиционную часть созданного текста. Гибридный роман связывает несколько жанровых моделей отношениями противопоставления, т. е. текст базируется на принципе непохожести жанровых структур, каждая из которых отрицает другую. Антидетективы А. Роб-Грийе и романы Ж. Эшнота конструируются именно на приеме отрицания жанра.

Синтез жанров происходит за счет слияния равноправных жанровых моделей, границу между которыми определить крайне сложно, поскольку отношения, реализуемые в данном типе жанрового смешения, подразумевают взаимный обмен элементами, составляющими жанровый код, и их функциями. Во французской литературе второго десятилетия XXI в. синтез жанров представлен в историческом детективном романе П. Леметра «До свидания там, наверху» и в конспирологическом детективном романе Р. Бине «Седьмая функция языка».

Выделенные типы трансформации жанровых структур не обязательно существуют в чистом виде: например, в метадетективном романе «Смерть в Византии» Ю. Кристева в попытке определить границы жанровой природы детектива использует приемы гибридизации и модификации.

Библиографические ссылки

1. Most GW, Stowe WW. *In the poetics of murder: detective fiction and literary theory*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich; 1983. 122 p.
2. Dosse F. *Histoire du structuralisme. Tome 1. Le champ du signe, 1945–1966*. Paris: La Découverte; 1991. 459 p.
3. Messac R. *Le detective novel et l'influence de la pensée scientifique*. Paris: Honoré Champion; 1929. 592 p.
4. Caillou R. *Le roman policier*. Buenos Aires: Editions des lettres françaises; 1941. 73 p.
5. Boileau P. *Le roman policier*. Paris: Presses Universitaires de France; 1964. 127 p.
6. Todorov T. *Poétique de la prose suivi de nouvelles recherches sur le récit*. Paris: Seuil; 1980. 192 p.
7. Collovald A, Nevue É. Les grands lecteurs de romans policiers. Plaisirs et appropriations lectorales entre logiques de trajectoires et informalisation du rapport à la culture. In: Coulangeon P, Duval J, éditeurs. *Trente ans après La Distinction, de Pierre Bourdieu*. Paris: La Découverte; 2013. p. 127–140.
8. Lits M. De la «Noire» à la «Blanche»: la position mouvante du roman policier au sein de l'institution littéraire. *Itinéraires*. 2014;3:40–53. DOI: 10.4000/itineraires.2589.
9. Kemp S. Le nouveau roman et le roman policier: éloge ou parodie? *Itinéraires*. 2014;3:1–10. DOI: 10.4000/itineraires.2579.
10. Blancher M. *Polar et postmodernité*. Paris: L'Harmattan; 2016. 682 p.
11. Antonutti I. Les nouveaux avatars du roman policier. *Revue Critique de Fxixion Française Contemporaine*. 2016;10:4–12.
12. Robbe-Grillet A. *Projet pour une révolution à New York*. Paris: Les Éditions de Minuit; 2013. 216 p.
13. Modiano P. *Rue des boutiques obscures*. Paris: Gallimard; 1982. 256 p.
14. Kristeva J. *Meurtre à Byzance*. Paris: Fayard; 2004. 370 p.
15. Binet L. *La septième fonction du langage*. Paris: Grasset; 2015. 496 p.
16. Robbe-Grillet A. *Pour un nouveau roman*. Paris: Les Éditions de Minuit; 2013. 147 p.
17. Ricardou J. *Le nouveau roman*. Paris: Seuil; 1990. 190 p.
18. Boyer A-M. Du double à la doublure: l'image du détective dans les premiers romans de Robbe-Grillet. *L'Esprit Créateur*. 1986;26(2):60–70. DOI: 10.1353/esp.1986.0005.
19. Hutton M-A. *French crime fiction, 1945–2005: investigating World War II*. Abingdon: Routledge; 2013. 232 p.
20. Boileau N. *Œuvres poétiques. Volume 1*. Paris: Denys Thierry; 1872. L'Art poétique; p. 203–211.
21. Тынянов ЮН. *Поэтика. История литературы. Кино*. Москва: Наука; 1977. О литературной эволюции; с. 270–281.
22. Schaeffer J-M. *Qu'est-ce qu'un genre littéraire?* Paris: Le Seuil; 1989. 184 p.
23. Derrida J. *Parages*. Paris: Galilée; 1986. La loi du genre; p. 249–287.

24. Croce B. *Estetica come scienza dell'espressione e linguistica generale*. Bari: Laterza; 1941. 560 p.
25. Аверинцев СС. *Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения*. Москва: Наука; 1986. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации; с. 104–116.
26. Bordwell D. *Making meaning: inference and rhetoric in the interpretation of cinema*. Cambridge: Harvard University Press; 1991. 334 p.
27. Macé M. *Le genre littéraire*. Paris: Flammarion; 2004. La haine du genre: une histoire cyclique de la littérature?; p. 217–247.
28. Barthes R. *Critique et vérité*. Paris: Seuil; 1966. 79 p.
29. Кристева Ю. *Избранные труды: разрушение поэтики*. Косиков ГК, Нарумов БП, переводчики. Москва: РОССПЭН; 2004. 652 с.
30. Лейдерман НЛ. Проблема жанра в модернизме и авангарде (испытание жанра или испытание жанром?). *Studi Slavistici*. 2008;5:147–177. DOI: 10.13128/Studi_Slavis-2696.
31. Норец МВ. «Клеточная» модель жанроформирования в современной теории литературы. *Современные научные исследования и инновации*. 2014;11(часть 3):37–42.

References

1. Most GW, Stowe WW. *In the poetics of murder: detective fiction and literary theory*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich; 1983. 122 p.
2. Dosse F. *Histoire du structuralisme. Tome 1. Le champ du signe, 1945–1966*. Paris: La Découverte; 1991. 459 p.
3. Messac R. *Le detective novel et l'influence de la pensée scientifique*. Paris: Honoré Champion; 1929. 592 p.
4. Caillois R. *Le roman policier*. Buenos Aires: Editions des lettres françaises; 1941. 73 p.
5. Boileau P. *Le roman policier*. Paris: Presses Universitaires de France; 1964. 127 p.
6. Todorov T. *Poétique de la prose suivi de nouvelles recherches sur le récit*. Paris: Seuil; 1980. 192 p.
7. Collovald A, Neveu É. Les grands lecteurs de romans policiers. Plaisirs et appropriations lectorales entre logiques de trajectoires et informalisation du rapport à la culture. In: Coulangeon P, Duval J, éditeurs. *Trente ans après La Distinction, de Pierre Bourdieu*. Paris: La Découverte; 2013. p. 127–140.
8. Lits M. De la «Noire» à la «Blanche»: la position mouvante du roman policier au sein de l'institution littéraire. *Itinéraires*. 2014;3:40–53. DOI: 10.4000/itineraires.2589.
9. Kemp S. Le nouveau roman et le roman policier: éloge ou parodie? *Itinéraires*. 2014;3:1–10. DOI: 10.4000/itineraires.2579.
10. Blancher M. *Polar et postmodernité*. Paris: L'Harmattan; 2016. 682 p.
11. Antonutti I. Les nouveaux avatars du roman policier. *Revue Critique de Fxixion Française Contemporaine*. 2016;10:4–12.
12. Robbe-Grillet A. *Projet pour une révolution à New York*. Paris: Les Éditions de Minuit; 2013. 216 p.
13. Modiano P. *Rue des boutiques obscures*. Paris: Gallimard; 1982. 256 p.
14. Kristeva J. *Meurtre à Byzance*. Paris: Fayard; 2004. 370 p.
15. Binet L. *La septième fonction du langage*. Paris: Grasset; 2015. 496 p.
16. Robbe-Grillet A. *Pour un nouveau roman*. Paris: Les Éditions de Minuit; 2013. 147 p.
17. Ricardou J. *Le nouveau roman*. Paris: Seuil; 1990. 190 p.
18. Boyer A-M. Du double à la doublure: l'image du détective dans les premiers romans de Robbe-Grillet. *L'Esprit Créateur*. 1986;26(2):60–70. DOI: 10.1353/esp.1986.0005.
19. Hutton M-A. *French crime fiction, 1945–2005: investigating World War II*. Abingdon: Routledge; 2013. 232 p.
20. Boileau N. *Œuvres poétiques. Volume 1*. Paris: Denys Thierry; 1872. L'Art poétique; p. 203–211.
21. Tynyanov YuN. *Poetika. Istorija literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka; 1977. [On literary evolution]; p. 270–281. Russian.
22. Schaeffer J-M. *Qu'est-ce qu'un genre littéraire?* Paris: Le Seuil; 1989. 184 p.
23. Derrida J. *Parages*. Paris: Galilée; 1986. La loi du genre; p. 249–287.
24. Croce B. *Estetica come scienza dell'espressione e linguistica generale*. Bari: Laterza; 1941. 560 p.
25. Averintsev SS. *Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical poetics. Results and prospects of the study]. Moscow: Nauka; 1986. [Historical mobility of the genre category: the experience of periodisation]; p. 104–116. Russian.
26. Bordwell D. *Making meaning: inference and rhetoric in the interpretation of cinema*. Cambridge: Harvard University Press; 1991. 334 p.
27. Macé M. *Le genre littéraire*. Paris: Flammarion; 2004. La haine du genre: une histoire cyclique de la littérature?; p. 217–247.
28. Barthes R. *Critique et vérité*. Paris: Seuil; 1966. 79 p.
29. Kristeva Yu. *Izbrannye trudy: razrushenie poetiki* [Selected works: the destruction of poetics]. Kosikov GK, Narumov BP, translators. Moscow: ROSSPEN; 1998. 652 p. Russian.
30. Lejderman NL. The problem of genre in modernism and avant-garde (testing by the genre or testing of the genre?). *Studi Slavistici*. 2008;5:147–177. Russian. DOI: 10.13128/Studi_Slavis-2696.
31. Norets MV. «Cellular» model of genre forming in the contemporary theory of literature. *Modern Scientific Research and Innovation*. 2014;11(part 3):37–42. Russian.

УДК 821.161.3

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ С ДОМИНАНТНЫМ ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ НАЧАЛОМ В БЕЛОРУССКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ: РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИИ

О. Н. ГУБСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Освещается актуальная для современного отечественного литературоведения проблема изучения литературы с доминантным документальным началом. Анализируется развитие белорусской научной традиции исследования этого вопроса. Творчество А. М. Адамовича обозначается в качестве стартовой позиции для рассмотрения документа как основополагающего элемента литературного произведения. Отмечается, что М. И. Мушинский, Л. Я. Гаранин и Д. Я. Бугаёв, одними из первых заинтересовавшиеся проблемой фактографизма в литературе, пришли к выводу о том, что в произведении с доминантным документальным началом документ должен выступать концептуальным ядром, предметом исследования. Следующее поколение ученых представляют Л. Д. Синькова, Г. К. Тычко и А. И. Бельский. Вопрос о нормализации категориального аппарата, который следует применять при проведении подобных исследований, затронула Г. К. Тычко. В качестве критерия измерения степени художественности или документальности произведения Л. Д. Синькова предложила использовать уровень проявления и характер акцентирования фактографической основы, что приводит к делению документально-художественной прозы на прозу фикшен, в которой доминирует художественный вымысел и допускаются имитация, мистификация фактов, и прозу нон-фикшен, в которой преобладает фактографическая основа. Исследовательское внимание акцентируется не только на установлении наличия или отсутствия фактографизма в произведении, но и на определении роли автора, который сознательно выделяет либо игнорирует фактографизм. Предлагается дальнейшее развитие этой концепции. Литературное произведение воспринимается как акт коммуникации и анализируется с помощью инструментов нарратологии. Среди произведений с акцентированной фактографической основой выделяются проза эгодокумента (нарратив с доминантным авторским я) и литература факта, или проза голосов (нарратив с доминантным коллективным многоголосием).

Ключевые слова: факт; фактографизм; нарратология; наррация; форма коммуникации; эгодокумент; литература факта.

ДАСЛЕДАВАННЕ ЛІТАРАТУРЫ З ДАМІНАНТНЫМ ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ ПАЧАТКАМ У БЕЛАРУСКІМ ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВЕ: РАЗВІЦЦЁ ТРАДЫЦЫІ

В. М. ГУБСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, пр. Партызанскі, 26, 220070, г. Мінск, Беларусь

Асвятляецца актуальная для сучаснага беларускага літаратуразнаўства праблема вывучэння літаратуры з дамінантным дакументальным пачаткам. Анализуецца развіццё беларускай навуковай традыцыі даследавання гэтага пытання. Творчасць А. М. Адамовіча пазначаецца ў якасці стартвай пазіцыі для разгляду дакумента як асноўнага

Образец цитирования:

Губская ВМ. Даследаванне літаратуры з дамінантным дакументальным пачаткам у беларускім літаратуразнаўстве: развіццё традыцыі. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2023;2:30–37.

For citation:

Gubskaya ON. Research of literature with a dominant documentary basis in Belarusian literary studies: the development of tradition. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;2:30–37. Belarusian.

Автор:

Ольга Николаевна Губская – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой белорусского и русского языков факультета международных бизнес-коммуникаций.

Author:

Olga N. Gubskaya, PhD (philology), docent; head of the department of Belarusian and Russian languages, faculty of international business communications.
o_gubskaya@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8066-4207>

элемента літаратурнага твора. Адзначаецца, што М. І. Мушыньскі, Л. Я. Гаранін і Д. Я. Бугаёў, якія аднымі з першых зацікавіліся праблемай фактаграфізму ў літаратуры, прыйшлі да высновы аб тым, што ў літаратурным творы з дамінантным дакументальным пачаткам дакумент павінен выступаць канцэптуальным ядром, прадметам даследавання. Наступнае пакаленне навукоўцаў складаюць Л. Д. Сінькова, Г. К. Тычко і А. І. Бельскі. Пытанне аб нармалізацыі катэгорыяльнага апарату, які варта прымяняць пры правядзенні падобных даследаванняў, закранула Г. К. Тычко. У якасці крытэрыяў вымярэння ступені мастацкасці ці дакументальнасці твора Л. Д. Сінькова прапанавала выкарыстоўваць узровень праяўлення і характар акцэнтавання фактаграфічнай асновы, што прыводзіць да дзялення дакументальна-мастацкай прозы на прозу фікшн, у якой дамінуе мастацкі вымысел і дапускаюцца імітацыя, містыфікацыя фактаў, і прозу нон-фікшн, у якой пераважае фактаграфічная аснова. Даследчыцкая ўвага акцэнтуюцца не толькі на вызначэнні наяўнасці ці адсутнасці фактаграфізму ў творы, але і на акрэсленні ролі аўтара, які свядома вылучае або ігнаруе фактаграфізм. Прапануецца далейшае разгортванне гэтай канцэпцыі. Літаратурны твор успрымаецца як адна з форм сучаснай камунікацыі і аналізуецца з дапамогай інструментаў нараталогіі. Сярод твораў з акцэнтаванай фактаграфічнай асновай вылучаюцца проза эгадакумента (наратаў з дамінантным аўтарскім я) і літаратура факта, або проза галасоў (наратаў з дамінантным калектыўным шматгалоссем).

Ключавыя словы: факт; фактаграфізм; нараталогія; нарацыя; форма камунікацыі; эгадакумент; літаратура факта.

RESEARCH OF LITERATURE WITH A DOMINANT DOCUMENTARY BASIS IN BELARUSIAN LITERARY STUDIES: THE DEVELOPMENT OF TRADITION

O. N. GUBSKAYA^a

^aBelarus State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

The article is devoted to the problem of studying literature with a dominant documentary basis, which is relevant for modern Belarusian literary studies. The development of the Belarusian scientific tradition in the study of this issue is analysed. The work of A. M. Adamovich is defined as a starting position for studying the role of a document as a fundamental element of a literary work. It is noted that M. I. Mushinsky, L. Ya. Garanin, and D. Ya. Bugaev were among the first Belarusian scientists who were interested in the problem of factography in literature. It was they who came to the conclusion that a document within the framework of a literary work of this type should act as a conceptual core, the subject of research. L. D. Sinkova, G. K. Tychko, and A. I. Belsky represent the next generation of researchers who were attracted by the above-mentioned problem. G. K. Tychko touches on the issue of normalisation of the categorical apparatus that should be used when conducting such studies. L. D. Sinkova, as a criterion for measuring the degree of artistry or documentality, suggests the level of manifestation and the nature of accentuation of the factual basis, which leads to the following gradation of documentary fiction: fiction prose, in which fiction dominates and imitation, mystification of facts is allowed, and non-fiction prose, in which the factual basis dominates. Thus, the research attention is focused not only on the presence or absence of factographism in the work, but also on the role of the author, who consciously highlights or ignores this factographism. The article suggests further development of this concept. A literary work is perceived as an act of communication and analysed using the tools of narratology. For a group of works with an accentuated factual basis, further differentiation is proposed: the prose of the ego-document (a narrative with a dominant author's *I*) and the literature of fact, or the prose of voices (a narrative with a dominant collective polyphony).

Keywords: fact; factographism; narratology; narration; form of communication; ego-document; literature of fact.

Уводзіны

Канец XX – пачатак XXI ст. – час «звышцікавасці» і навукоўцаў, і чытачоў да літаратуры з дамінантным дакументальным пачаткам. Факт, дакумент, рэальная падзея становяцца не толькі аб'ектам пісьменніцкай увагі, але і прадметам навуковага даследавання. За апошнія гады беларускае літаратуразнаўства папоўнілася публікацыямі, звязанымі з аналізам спосабаў апрацоўкі фактаў у мастацкім творы і высьвятленнем ступені ўзаемадзеяння мастацкага і дакументальнага складнікаў у ім.

У гэтым кантэксце варта адзначыць манаграфіі В. М. Стральцовай [1], Т. Р. Багарадавай [2] і З. І. Трацяк [3]. На думку З. І. Трацяк, «...напрыканцы 1910-х і ў 1920-х гг. у заходнееўрапейскай, амерыканскай і беларускай літаратурах увага надавалася дакументу. Пераважаў не суб'ектыўны разгляд жыццёвага матэрыялу, а яго адлюстраванне ў аб'ектыўным рэчышчы. Мастацкія слова карысталіся рэальнымі імёнамі, геаграфічнымі назвамі, гістарычнымі тэрмінамі» [3, с. 18]. На гэтую ж асаблівасць беларускай літаратуры ўказала Т. Р. Багарадава: «Беларуская аповесць пра вайну, створаная яе ўдзельнікамі або выдавочцамі і ахвярамі, якія нарадзіліся на зыходзе XIX ст. і ў 1910-я гг., была прадстаўлена ўжо ў 1920–1930-я гг.,

прычым эстэтычна развітымі формамі. Сярод іх – аповесці з аўтабіяграфічным пачаткам. Асабліва высокай культурай псіхалагічнага аналізу вызначаецца... аўтабіяграфічная (з рознымі формамі прысутнасці аўтара ў тэксе) проза пра вайну Максіма Гарэцкага (1893–1938)» [2, с. 21].

Такая тэндэнцыя даследавання ўплывае і на вывучэнне літаратурных жанраў. Усё большы інтарэс выклікаюць жанры з наяўнасцю дамінантнага праяўлення аўтарскага голасу, эганаратыву (дзённікі, мемуары, эсэістыка). Так, Г. Ю. Новік лічыць, што «...на мяжы мастацкай і дакументальнай літаратуры знаходзяцца нарысы, эсэістыка, літаратура “чалавечага дакумента” (так званая вусная гісторыя), інсітнае пісьмо (у тым ліку дзённікі і мемуары, не прызначаныя для друку), а таксама *pseudo-fiction* (цалкам аўтабіяграфічныя творы, напісаныя ў жанрах мастацкай літаратуры). Да нон-фікшн традыцыя не адносяць мастацкую прозу, паэзію, публіцыстыку, тэксты навуковага дыскурсу, гістарычную і часткова аўтабіяграфічную прозу» [4, с. 20]. Развіццё беларускай эсэістыкі прыцягвае асобную ўвагу даследчыкаў. На думку І. А. Бажок, адной з прычын, якія стрымлівалі эсэізацыю тэкстаў, з’яўляецца хрысціянізацыя: «У літаратуры дзейнічаў прынцып: не “я” гавару, а Бог гаворыць вуснамі прамоўцы. У жанры ж эсэ “я” – галоўны і адзіны суб’ект.

Улічваючы вышэйназваныя факты і прычыны, можна сцвярджаць пра немагчымасць з’яўлення твора ў жанры эсэ раней за XX стагоддзе» [5, с. 79]. У выніку вывучэння спавядальнай манеры аўтабіяграфічнай прозы Т. М. Тарасава вылучыла споведзь як самастойны літаратурны жанр і як спавядальную манеру ў эпістальных, мемуарных і іншых аўтабіяграфічных літаратурных тэкстах [6, с. 3]. У сваю чаргу, Н. А. Сівакова, прысвяціўшы даследаванню дакументальнай літаратуры Беларусі дысертацыю, адзначыла наступнае: «На развіцці прынцыпаў дакументальна-вобразнага абагульнення і характары ўспамінаў пра рэальныя падзеі істотным чынам адбіўся і фактар часу. Чалавечая памяць, асабліва праз многія гады, утрымлівае адны з’явы падзеі, губляе іншыя, змяняе і дадае трэція. Развіццё дакументальнай літаратуры спалучана з пераадоленнем не толькі забыцця, але і ўніфікаванага канону, які ў сваёй безаблічнасці падмяняе факты, значна пераўтвараючы саму гістарычную падзею»¹ [7, с. 141].

Такі вектар даследавання ў беларускім літаратуразнаўстве вылучыўся ў працяг канцэнтраванай, сфакусіраванай увагі айчынных навукоўцаў старэйшага пакалення на пытаннях суаднесенасці літаратуры як з’явы культуры з фактам як увасабленнем рэчаіснасці, яе гісторыі.

Вынікі і іх абмеркаванне

Сярод першых даследчыкаў, якіх зацікавіла праблема фактаграфізму ў літаратуры, былі беларускія навукоўцы М. І. Мушыньскі, Л. Я. Гаранін і Д. Я. Бугаёў. Апелюючы да слоў знакамітага фізіёлага І. П. Паўлава аб тым, што перад фактам трэба зняць капялюш, Д. Я. Бугаёў вобразна сфармуляваў важнейшую ўстаноўку: «Павага да фактаў, высокая дакладнасць у падачы іх патрабуецца ў гістарычнай і ўвогуле дакументальнай літаратуры, якая без такой дакладнасці вядзе да скажэння гістарычнай перспектывы, праўды гісторыі.

Думаецца, што цяпер дакументальная літаратура выклікае ўсё большую цікавасць. Не ў апошнюю чаргу гэта звязана з тым, што ў дакументальных творах розных жанраў павага да фактаў намнога большая, чым у голай белетрыстыцы пасрэдных літаратараў» [8, с. 35]. Яшчэ ў 1972 г. Л. Я. Гаранін звярнуў увагу на тое, што факт з’яўляецца гістарычнай і эстэтычнай катэгорыяй мемуарнай літаратуры, і адзначыў наступнае: «...факт – гэта мора разлітае, якое нічога не дае. Гэта значыць не раскрывае перспектывы для далейшага вывучэння. Трэба шукаць нейкую новую катэгорыю, якая б звязвала кампаненты мемуарнага жанру ў адзін вузел» [9, с. 157–158]. Такой катэгорыяй выступае дакументальны вобраз, які, на думку даследчыка, прысутнічае ў кожным мемуарным творы, і менавіта ад яго спецыфікі, структуры і функцый залежыць роля мемуарнага твора ў літаратуры і грамадскім жыцці [9, с. 158]. Тэарэтычныя заўвагі пры распрацоўцы гэтай тэмы зрабіў і выбітны беларускі літаратуразнавец М. І. Мушыньскі. Ён лічыў, што пры даследаванні катэгорыі факта ў літаратуры трэба знайсці «такі інструмент, які б трымаў усе сувязі структуры твора... такі самазавастральны інструмент, каб ён не затупіўся... каб здольнасць да самазавастрэння была ў яго прыродзе, у сутнасці яго быцця» [9, с. 158].

Такім чынам, у працах навукоўцаў сфарміраваўся наступны алгарытм для аналізу: факт → літаратурны твор → дакумент, дзе дакумент выступае і канцэптואльным ядром, і прадметам даследавання. З таго часу актывізаваўся інтарэс да літаратуры з выразным дакументальным пачаткам.

М. І. Мушыньскі звярнуў увагу на дзённікавую спадчыну пісьменнікаў, адзначыў неабходнасць яе вывучэння і падкрэсліў, што да такіх крыніц трэба ставіцца вельмі асцярожна, з вялікай далікатнасцю і разуменнем прыватных нюансаў: «Аўтар літаратурна-мастацкага твора, як правіла, разлічвае на тое, што вынікі яго працы рана-позна стануць здабыткам грамадскасці. У таго, хто свае думкі, роздумы, перажыванні

¹Тут і далей пераклад наш. – В. Г.

выкладае ў дзённіку, такой пэўнасці няма. І жывая практыка пацвярджае справядлівасць выказанага меркавання. Сапраўды, дзённікавыя занатоўкі многіх пісьменнікаў публікуюцца спадчынікамі. Нярэдка – без адпаведных каментарыяў, што ўскладняе становішча чытача, які самастойна павінен расшыфроўваць тыя ці іншыя сцвярджэнні. Тым не менш недаацэньваць такую крыніцу вывучэння жыцця і творчасці, як дзённікі, нельга. Але пры гэтым неабходна ўлічваць спецыфіку згаданага жанру. Перш за ўсё – адметнасць, індывідуальную асаблівасць дзённіка» [10, с. 38]. Высновы даследчыка былі наступнымі: «Да дзённікаў звяртацца трэба, але *нельга абсалютызаваць гэтую крыніцу* (курсіў наш. – В. Г.). У кожнага – свой падыход... Ці брацца за тэму “Дзённікі”? Увесь час вагаюся. Каб падняць тэму – трэба пісаць манаграфічную працу» [10, с. 39].

Тое, што пісьменніцкія дзённікі нельга абсалютызаваць, з’яўляецца вельмі важным крытэрыем для іх даследавання, і адэкватнае разуменне гэтага фарміруецца толькі падчас непасрэднай працяглай працы з матэрыяламі. Нават у фармулёўцы тэрміна «дзённік» няма адназначнасці: «Дзённік – гэта разнавіднасць *мемуарнай літаратуры*; занатоўкі, якія робіць у храналагічнай паслядоўнасці нейкі чалавек пра падзеі ў асабістым і грамадскім жыцці, а таксама думкі і перажыванні, выкліканыя гэтымі падзеямі. <...> Часам у форме дзённіка пішуцца арыгінальныя мастацкія творы (“Дневник лишнего человека” І. Тургенева, “Дневник провинциала в Петербурге” М. Салтыкова-Шчадрына, “Записки студента” Я. Грабінкі і інш.). У беларускай прозе гэтую форму выкарысталі М. Гарэцкі (“На імперыялістычнай вайне”), І. Шамякін (“Агонь і снег”)².

Такім чынам, дзённікі – складаная літаратурная форма. У сувязі з гэтым перад даследчыкам узнікаюць наступныя пытанні: «Дзённікі – гэта занатоўкі (чарнавы, неапрацаваны матэрыял) ці ўспаміны (апрацаваны матэрыял, арыентаваны на чытача)?»; «Дзённікі – гэта матэрыял, які пісьменнік рыхтаваў да друку, ці прыватны, непадрыхтаваны для чужога вока тэкст?»; «Дзённікі – гэта фактаграфія жыцця ці гульня з чытачом у праўдападабенства?» і інш.

Услед за Р. Бартам расійскі даследчык М. Ю. Міхееў назваў дзённік штодзённай літаратурай і суаднёс яго з бахцінскімі маўленчымі жанрамі [11, с. 74]. Разважаючы пра дзённікі, Р. Барт адзначыў наступнае: «Калі я вяду дзённік, я па азначэнні асуджаны на сімуляцыю. Гэта нават падвойная сімуляцыя: бо калі ўсякая эмоцыя ёсць копія такой жа эмоцыі, пра якую мы недзе чыталі, то выкладаць свой настрой кадыфікаванай мовай пераліку настрой – значыць капіраваць копію; нават тэкст “арыгінальны”, ён усё роўна ўяўляе сабой копію – а ўжо тым больш калі ён выкарыстоўваўся раней» [12, с. 259]. У постмадэрнісцкай манеры Р. Барт заявіў, што дзённік перадае не столькі жыццёвыя падзеі і факты, колькі індывідуальнае стаўленне да іх і эмоцыі. У гэтым жа напрамку разважаў пра дзённікі беларускі літаратуразнавец А. І. Бельскі: «Апрача афіцыйнага жыццяпісу, хрэстаматыйнага глянцу, у кожнага класіка і вядомага пісьменніка ёсць свая ўнутраная біяграфія – насычаная, часам досыць няпростая. Пра гэта добра сказаў П. Панчанка: “Усё ў маёй біяграфіі запісана? А бяссонныя ночы? А боль?”» [13, с. 43].

Пры такой інтэрпрэтацыі дзённіка даследчыкаў павінен цікавіць не столькі тэкставы фактаграфізм, колькі спосаб падачы штодзённай падзеі, тып рэакцый пісьменніка на рэчаіснасць, гэта значыць спецыфічны ракурс яе ўспрымання. І гэта вельмі дакладна адчуваў М. І. Мушынскі, які характарызаваў дзённікі пісьменнікаў наступным чынам: «У Панчанкі – “пад настрой”; у Шамякіна – аб’ектыўнасць выкладу. Імкненне быць справядлівым, незацікаўленай асобай; у Скрыгана – ?» [10, с. 39].

Такім чынам, разважанні беларускіх літаратуразнаўцаў прыводзяць да высновы аб тым, што дзённік уяўляе сабой не зусім мастацкі тэкст і не цалкам дакумент, а нейкую прамежковую форму адлюстравання і рэчаіснасці, і перш за ўсё эмацыянальнага стану аўтара. За ёю пачало замацоўвацца паняцце «эгадакумент», пад якім разумеюцца сведчанне ўнутранага стану асобы, унутраны маналог, а магчыма, і экспліцытны дыялог аўтара з чытачом. Успрыманне дзённікаў як эгадакумента (самастойнай літаратурнай формы) дазваляе даследаваць іх з дапамогай інструментаў рыторыкі і нараталогіі. Для пісьменніка эгадакумент – гэта акт камунікацыі з чытачом, абсалютна свядомы працэс дэманстрацыі ўласных думак шырокаму колу сваіх прыхільнікаў, а для чытача – вельмі прыдатны матэрыял для вывучэння ўнутранага стану пісьменніка. Ён дазваляе зразумець, як творца ўспрымае сябе, як ацэньвае свае стасункі з наваколлем, як рэагуе на гістарычныя і палітычныя змены ў грамадстве.

Акрэсленню пытанняў дакументальна-мастацкай прозы, высьвятленню ролі факта ў працэсе стварэння літаратурных тэкстаў і вырашэнню праблемы тэарэтычнага вызначэння дакументальна-мастацкай прозы ў XXI ст. актыўна займаюцца беларускія даследчыкі Г. К. Тычко і Л. Д. Сінькова. На думку Г. К. Тычко, «...у сферы дакументальна-мастацкай прозы выразна адчувальны недахоп тэарэтычных ведаў, існуе неабходнасць удасканалвання катэгарыяльнага апарату, удакладнення шэрагу азначэнняў з улікам іх гістарычнай эвалюцыі. Да гэтага часу праблемным застаецца вылучэнне ў тэксце такой прыкметы, як дакументальнасць, яе размежаванне і яе ўзаемадзеянне з аўтарскім вымыслам. Дыскусійнымі ўсё яшчэ

²Дзённік // Літаратуразн. слоўн. / В. П. Рагойша. Мінск : Нар. асвета, 2009. С. 57–58.

з’яўляюцца паняцці “мастацка-дакументальныя жанры”, “літаратура non-fiction”» [14, с. 265]. Кніга Л. Д. Сіньковай [15] амаль цалкам прысвечана пытанням месца і ролі факта, канкрэтнай гістарычнай падзеі ў беларускай літаратуры. Перш за ўсё ў кантэксце згаданай тэмы Л. Д. Сінькова вылучыла імя айчыннага класіка А. М. Адамовіча, у творчасці якога «...дакумент упершыню пачаў сістэмна выкарыстоўвацца ў функцыі мастацкага вобраза. Гэта быў шлях ад камбінавання дакументальнага з мастацкім да таго, што называюць жанрам галасоў, новым эпсам, канчаткова сфарміраваным у кнігах Святланы Алексіевіч» [15, с. 13]. Такім чынам, творчасць А. М. Адамовіча пазначаецца ў якасці стартавай пазіцыі для вывучэння дакумента як асноўнага элемента літаратурнага твора.

Акрамя таго, Л. Д. Сінькова прапанавала разглядаць дакументальна-мастацкія тэксты «з улікам ступені іх прыдуманасці / непрыдуманасці (*fiction / non-fiction*)» [15, с. 71]. Дакладна ўсведамляючы, што паняцце «прыдуманая літаратура» з’яўляецца вельмі шырокім, Л. Д. Сінькова падкрэсліла, што «мастацкая ўмоўнасць мае сваю градацыю: падзяляецца на першасную (бо любы тэкст – гэта рэальнасць, змадэляваная ўяўленнем аўтара, і, канешне, у параўнанні з рэчаіснасцю мадэль заўсёды ўмоўная) і другасную (бо формы аўтарскага вымыслу могуць яшчэ і вельмі рэзка адрознівацца ад форм рэальнага жыцця)» [15, с. 71]. Такім чынам, у якасці крытэрыяў вымярэння мастацкасці ці дакументальнасці твора яна прапанавала выкарыстоўваць ступень праяўлення і характар акцэнтавання фактаграфічнай асновы і зрабіла наступную класіфікацыю дакументальна-мастацкай прозы: проза фікшн, у якой дамінуе мастацкі вымысел і дапускаюцца імітацыя, містыфікацыя фактаў, падзяляецца на прозу з акцэнтаванай фактаграфічнай асновай у мастацкім тэксце і прозу з акцэнтаванай мастацкай мадальнасцю ў падчы рэальных фактаў (мініяцюры з фіксацыяй момантаў жыцця аўтара, мемуары-споведзі, белетрызаваныя біяграфіі, нарысы-эсэ); проза нон-фікшн, у якой пераважае фактаграфічная аснова, падзяляецца на мемуары, запісаныя прафесійнымі пісьменнікамі паводле слоў героя-суб’екта, мастацкую публіцыстыку, прозу з цытаваннем пашпартызаваных дакументаў, кантамінацыю дакументальных матэрыялаў з мастацкім маўленнем, а таксама на прозу ў «жанры галасоў» [15, с. 78].

Гэта класіфікацыя – этапная з’ява для беларускага літаратуразнаўства, таму што яна дазваляе прааналізаваць творы па іншых крытэрыях, адысці ад традыцыйнага падзелу літаратуры на дакументальную, мастацкую і дакументальна-мастацкую. На першы план ставіцца не толькі вызначэнне наяўнасці ці адсутнасці фактаграфізму ў творы, але і акрэсленне ролі аўтара, які свядома вылучае або ігнаруе фактаграфізм. Так, у раманах М. І. Гарэцкага «Віленскія камунары», нягледзячы на выкарыстанне элементаў авантурнага рамана, даволі дакладна апісваюцца літаратурны рух Вільні, утварэнне Літоўскай Савецкай Рэспублікі, Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. Твор Якуба Коласа «Кніга ташкенцкага быцця», нягледзячы на штодзённую падачу падзей, усё роўна дэманструе мастацкую манеру пісьма аўтара. Такім чынам, узнікае магчымасць убачыць фактаграфізм у мастацкасці і мастацкасць у фактаграфізме, што прыводзіць да высвятлення новай цікавай тэмы даследавання – вывучэння ступені праяўлення аўтарскага я ў літаратурных творах з акцэнтаванай фактаграфічнай асновай і размеркавання твораў па гэтай прымеце.

Тэарэтычныя навацы Г. К. Тычко і Л. Д. Сіньковай атрымалі працяг у артыкуле [16], у якім для твораў з акцэнтаванай фактаграфічнай асновай была прапанавана дыферэнцыяцыя, што дазваляе аддзяліць наратыў з дамінантным аўтарскім я (проза эгадакумента) ад наратыву з дамінантным калектыўным шматгалоссем (літаратура факта, або проза галасоў), і вылучаны адпаведныя спосабы нарацыі – я-нарацыя і мы-нарацыя. Гэта класіфікацыя робіць відавочным існаванне дзвюх катэгорый твораў з уяўным фактаграфізмам – эгадакумента (я-наратыў) і літаратуры факта (мы-наратыў). Варта падкрэсліць, што праз фіксацыю і аналіз наратыву прыроды аповеду ў артыкуле была створана магчымасць разгляду літаратурнага твора як працэсу спецыфічнай камунікацыі ў формах літаратуры. На нашу думку, разуменне ролі факта ў літаратурным творы з пункту гледжання тэорыі камунікацыі, «...па-першае, дазваляе спасцігнуць аўтавобраз, “аўтапартрэт” пісьменніка ў яго дынаміцы і шматграннасці, у адрозненне ад зафіксаванага біёграфіі; па-другое, дапамагае ўзнавіць культурную карціну эпохі, убачаную вачыма творцы; па-трэцяе, пры магчымасці дазваляе прадеманстраваць ролю дакументальнага і мастацкага дыскурсаў у з’яўленні эгадакумента. <...> Вылучэнне камунікатыўнага аспекта ў літаратуры дае нам дадатковыя магчымасці для ўсведамлення я-рэчаіснасці і я-рэальнасці ў падчы пісьменніка, дазваляе больш дакладна зразумець складнікі таго ідыястылю, які з вялікай сілай прыцягвае ўвагу чытача» [17, с. 123].

У сучаснай беларускай літаратуры створаны ўсе перадумовы, для таго каб літаратуразнаўцы дакладна размежавалі паняцці «літаратура факта» і «эгадакумент», адышлі ад традыцыйнай градацыі літаратурных твораў па жанравай прымеце як адзінай прадуктыўнай праз яе працяг і пераасэнсаванне.

XXI стагоддзе – эпоха лічбавай культуры, хуткай камунікацыі і самавьяўлення (пры пасрэдніцтве сацыяльных сетак) як звыклай формы існавання. Інтэрэс да факта, асобы і магчымасць хуткай рэфлексіі над падзеямі характарызуюць і сучаснага чытача, і пісьменніка. Падобнае меркаванне выказалі аўтары

манаграфіі пад рэдакцыяй беларускай даследчыцы В. М. Стральцовай, якая вывучае праблему выкарыстання дакументальных матэрыялаў у сучаснай літаратуры: «Дакументалістыка, дзякуючы сваёй аператыўнасці і строгай фактаграфічнай базе, справядліва ўспрымаецца як першасная апрацоўка непасрэднай рэальнасці і мае адной з самых істотных сваіх характарыстык аб'ектыўнасць. Аднак, як ні дзіўна, жывая зацікаўленасць такой літаратурай заснавана на выразна суб'ектыўных фактарах, у аснову якіх пакладзена ўвага да глыбіннага жыцця асобы, яе самавыяўлення і псіхалогіі. Якім бы маштабам ні былі пазначаны падзеі і факты, на грунце якіх напісаны твор, асноўнай адзінкай гэтага тэксту з'яўляецца чалавек. <...> Шчырая цікавасць да мемуарных, эпістальных, біяграфічных публікацый, якая ўстойліва прасочваецца апошнім часам, сведчыць пра тое, што сучасны чытач прэтэндуе на магчымасць самастойнай, неапасродкаванай інтэрпрэтацыі фактаў» [18, с. 190–191]. Гэта значыць, што чытач становіцца паўнаважным удзельнікам літаратурнага працэсу, а сам працэс літаратурнай творчасці ўспрымаецца як літаратурная камунікацыя. У сувязі з гэтым можна адзначыць, што ў беларускім літаратурным фактаграфічным дыскурсе вылучаюцца дзве камунікатыўныя стратэгіі, заснаваныя на трактоўцы рэальных фактаў, а менавіта стратэгія дэманстрацыі *я-гісторыі* з мэтай абагульнення і стварэння адзінай карціны рэальнага факта мінулага (напрыклад, твор А. М. Адамовіча, І. А. Брыля і У. А. Калесніка «Я з вогненнай вёскі») і стратэгія канцэнтрацыі ўвагі на аўтатрансляцыі *я-гісторыі* з мэтай апавядання падзей з асабістага жыцця, або прыватнага тлумачэння фактаў гісторыі, сучаснасці (напрыклад, дзённікі, мемуары, аўтабіяграфічная аповесць А. М. Адамовіча «Vixi» і іншыя творы айчынных пісьменнікаў-класікаў, якія апавядаюць пра сваё разуменне сутнасці перажытых эпохальных падзей).

Такім чынам, айчынныя літаратуразнаўцы даволі актыўна і паспяхова даследуюць праблему фактаграфізму ў літаратуры. Інтэрэс да высвятлення ролі факта і дакумента ў мастацкім творы, які ўзнік у канцы ХХ ст., прывёў да неабходнасці пошуку інструмента, які б дазволіў паглыбіцца ў разуменне тэкставай структуры. Гэтым элементам стаў аналіз наратыву. Па-новаму зразумецца магчымасці ўскладненага фактаграфічнага наратыву актыўна выкарысталі беларускія пісьменнікі ХХ–ХХІ стст. Напрыклад, менавіта дакумент выступіў канцэптואльным ядром твора І. А. Брыля «Муштук і папка». У 1970-я гг. творчасць А. М. Адамовіча, а дакладней кніга «Я з вогненнай вёскі», зрабілася стартавай пазіцыяй для выпрацоўкі фактаграфічнага паняцця «*мы-наратыву*», а таксама для вывучэння дакумента як асноўнага элемента літаратурнага твора.

Пачатак ХХІ ст. характарызуецца міждысцыплінарным характарам даследаванняў і ўключэннем у закрытую, даволі кансерватыўную прастору беларускага літаратуразнаўства заходняй тэрміналогіі з такіх сумежных навук, як журналістыка і сацыялогія. Менавіта ў такой атмасферы ў літаратуразнаўства пранікаюць тэрміны «літаратура нон-фікшн» і «вусная гісторыя», якія выводзяць навуковы аналіз дакументальна-мастацкай прозы ў іншае рэчышча. Анансуюцца проза фікшн, у якой даміруе мастацкі вымысел, і проза нон-фікшн, у якой пераважае фактаграфічная аснова. Далейшае лагічнае разгортванне класіфікацыі ў такім кірунку прыводзіць да фармулявання паняццяў «*я-наратыву*» (які рэалізуецца ў жанры эгадакумента) і «*мы-наратыву*» (які рэалізуецца ў жанры літаратуры факта, ці прозы галасоў).

Заклучэнне

Літаратурны твор – адна з форм сучаснай камунікацыі, таму зварот да дакумента ўспрымаецца як камунікатыўная тактыка пісьменніка. Наратолагі прапануюць разумець любы літаратурны тэкст у якасці камунікатыўнай падзеі. З гэтага пункту гледжання акт камунікацыі прадстаўлены наратывам – выказваннем, падчас якога апавядальнік з дапамогай камунікатыўных стратэгіі (пэўных тыпаў выказванняў) разгортвае перад слухачом гісторыю (паслядоўнасць падзей). Адным з патрабаванняў да камунікатыўных стратэгіі з'яўляецца адпаведнасць твора належнаму жанру. Успрыманне жанру як камунікатыўнай стратэгіі пісьменніка, безумоўна, вядзе да стварэння новага інструментарыя для аналізу дзённікавай літаратуры. У ёмістых парадах навукоўцаў старэйшага пакалення ўтрымліваецца скіраванасць да выпрацоўкі новых канцэпцый, і работа ў такім кірунку пацвярджае пераемнасць у развіцці беларускага літаратуразнаўства.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Стральцова ВМ. *Шлях да сябе: сучасная аўтабіяграфічная проза як мастацкая сістэма*. Мінск: Беларуская навука; 2002. 112 с.
2. Багарадава ТМ. *Памяць сэрца: эвалюцыя ўвасаблення ваеннай тэмы пісьменнікамі – ветэранамі і сведкамі Вялікай Айчыннай вайны ў беларускай аповесці (1980–1990-я гг.)*. Наваполацк: Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай; 2022. 160 с.
3. Трацяк ЗІ. *Паэтыка амерыканскай і беларускай прозы пра Першую сусветную вайну (на прыкладзе твораў Э. Хэмінгвэя і М. Гарэцкага)*. Наваполацк: Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай; 2015. 200 с.
4. Новік ГЮ. Дакументальная проза (нон-фікшн) на мяжы ХХ–ХХІ стст.: тэарэтычны аспект. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2017;1:17–23.

5. Бажок ІА. Генезіс эсэістычнага жанру на Беларусі. *Известия Гомельскаго государственного университета имени Ф. Скорины*. 2013;1:79–82.
6. Тарасава ТМ. Спавадальная манера аўтабіяграфічнай прозы ў выяўленні экзістэнцыяльных праблем чалавека. *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2, Літаратуразнаўства. Мовазнаўства*. 2008;2:3–11.
7. Сивакова НА. Специфика эволюции документальной литературы в XX веке. *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна*. 2014;3:139–143.
8. Бугаёў ДЯ. *Жыццём ідучы: з гісторыі беларускай літаратуры і літаратурнай крытыкі*. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; 2013. 303 с.
9. Гаранин ЛЯ. О Мушинском. Из неопубликованных воспоминаний. В: Василевич АА, Мушинская ТМ, укладальнікі. *Застаецца святло: успаміны пра Міхася Мушыньскага*. Мінск: Ковчег; 2021. с. 156–160.
10. Мушыньскі МІ. *Свайму часу і вечнасці*. Мушыньская ТФ, Мушыньская ТМ, укладальнікі; Саверчанка ІВ, рэдактар. Мінск: Беларуская навука; 2021. 480 с.
11. Михеев МЮ. *Дневник как эготекст (Россия, XIX–XX)*. Москва: Водолей паблишер; 2007. 264 с.
12. Барт Р. *Ролан Барт о Ролане Барте*. Зенкин С, переводчик. Москва: Сталкер; 2002. 288 с.
13. Бельскі АІ. Роля дзённікаў І. Шамякіна ў асэнсаванні яго асобы і творчасці. У: Шамякіна ТІ, рэдактар. *Іван Шамякін – пісьменнік, акадэмік, грамадскі дзеяч: да 100-годдзя з дня нараджэння народнага пісьменніка Беларусі Івана Шамякіна. Матэрыялы адкрытага навукова-практычнага семінара; 18 лютага 2021 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; 2021. с. 42–54.
14. Тычко ГК. Дакументальнасць і яе варыяцыі ў сучаснай беларускай прозе. У: Самусевіч ВМ, рэдактар. *Стылістыка: мова, маўленне і тэкст. Матэрыялы V Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 100-годдзю заслужанага работніка адукацыі Рэспублікі Беларусь доктара філалагічных навук, прафесара М. Я. Цікоцкага; 23–24 лютага 2022 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; 2022. с. 264–268.
15. Сінькова ЛД. *Беларуская «звышлітаратура»*. Мінск: Кнігазбор; 2019. 224 с.
16. Губская ОН. Литература факта и эгодокумент как два самостоятельных явления в белорусской литературе. *Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1, Филология*. 2022;1(часть 1);104–112.
17. Губская ВМ. Роля факта ў літаратурным творы з пункту гледжання тэорыі камунікацыі. *Весці БДПУ. Серыя 1, Педагагіка. Псіхалогія. Філалогія*. 2022;1;120–124.
18. Андраюк СА, Баўтрэль ІГ, Гарэлік ЛІМ, Клябанаў ДФ, Лапата-Загорскі АМ, Пыско НМ і інш. *Сучасная літаратура: каардынаты ідэіна-мастацкага пошуку*. Стральцова ВМ, рэдактар. Мінск: Беларуская навука; 2008. 286 с.

References

1. Stral'cova VM. *Shljah da sjabe: suchasnaja awtobiagrafichnaja proza jak mastackaja sistjema* [The way to yourself: modern autobiographical prose as an artistic system]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2002. 112 p. Belarusian.
2. Bagaradava TM. *Pamjac' sjerca: jevaljucyja wvasablennja vaennaj tjemu pis'mennikami – vetjeranami i svedkami Vjalikaj Ajchynnaj wajny w belaruskaj apovesci (1980–1990-ja gg.)* [The memory of the heart: the evolution of the embodiment of the military theme by veteran writers and witnesses of the Great Patriotic War in the Belarusian story (1980–1990)]. Navapolack: Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk; 2022. 160 p. Belarusian.
3. Traccjak ZI. *Pajetyka amerykanskaj i belaruskaj prozy pra Pershuju susvetnuju vajnu (na pryklade tvoraw Je. Hjemingujeja i M. Garjeckaga)* [The poetics of American and Belarusian prose about the First World War (following the example of the works of E. Hemingway and M. Goretzky)]. Navapolack: Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk; 2015. 200 p. Belarusian.
4. Novik HYu. Non-fiction on the boundary of XX–XXI centuries: theoretical aspect. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2017;1:17–23. Belarusian.
5. Bazhok IA. Genesis of essay genre in Belarus. *Proceedings of Francisk Scorina Gomel State University*. 2013;1:79–82. Belarusian.
6. Tarasava TM. [The confessional manner of autobiographical prose in identifying existential human problems]. *Vesnik of Brest University. Series 2, Literary Studies. Linguistics*. 2008;2:3–11. Belarusian.
7. Sivakova NA. [The specifics of the evolution of nonfiction in the twentieth century]. *Vesnik Mazyrskaga dzjarzhawnaga pedagagichnaga univiersitjeta imja I. P. Shamjakina*. 2014;3:139–143. Russian.
8. Bugajow DJa. *Zhyccjom iduchy: z gistoryi belaruskaj litaratury i litaraturnaj krytyki* [Living life: from the history of Belarusian literature and literary criticism]. Minsk: Belarusian State University; 2013. 303 p. Belarusian.
9. Garanin LYa. [About Mushinsky. From unpublished memoirs]. In: Vasilevich AA, Mushynskaja TM, compilers. *Zastaecca svjato: uspatiny pra Mihasja Mushynskaga* [The light remains: memories of Mikhail Mushinsky]. Minsk: Kovcheg; 2021. p. 156–160. Russian.
10. Mushynski MI. *Svajmu chasu i vechnasci* [To his time and eternity]. Mushynskaja TF, Mushynskaja TM, compilers; Saverchanka IV, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2021. 480 p. Belarusian.
11. Mikheev MYu. *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX–XX)* [Diary as an ego-text (Russia, 19th–20th)]. Moscow: Vodolei publishers; 2007. 264 p. Russian.
12. Bart R. *Rolan Bart o Rolane Barte* [Roland Barthes about Roland Barthes]. Zenkin S, translator. Moscow: Stalker; 2002. 288 p. Russian.
13. Bel'ski AI. [The role of I. Shamyakin's diaries in understanding his personality and creativity]. In: Shamjakina TI, editor. *Ivan Shamjakin – pis'mennik, akademik, gramadski dzejach: da 100-goddzja z dnja narodzhennja narodnaga pis'mennika Belarusi Ivana Shamjakina. Matjeryjaly adkrytaга navukova-praktychnaga seminar; 18 ljutaga 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Ivan Shamyakin – writer, academician, public figure: to the 100th anniversary of the birth of the people's writer of Belarus Ivan Shamyakin. Proceedings of the open scientific and practical seminar; 2021 February 18; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 42–54. Belarusian.
14. Tychko GK. Documentality and its variations in modern Belarusian prose. In: Samusevich VM, editor. *Stylistyka: mova, mawlenne i tjekest. Matjeryjaly V Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi, prysvechanaj 100-goddzju zaslužhanaga robotnika adukacyi Rjespubliki Belarus' doktara filalagichnyh navuk, profesara M. Ja. Cikockaga; 23–24 ljutaga 2022 g.; Minsk, Belarus'* [Stylistics: language, speech and text. Proceedings of the 5th International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary

of the honored worker of education of the Republic of Belarus doctor of philological sciences, full professor M. Ya. Tikotski; 2022 February 23–24; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2022. p. 264–268. Belarusian.

15. Sin'kova LD. *Belaruskaja «zvyshlitaratura»* [Belarusian «superliterature»]. Minsk: Knigazbor; 2019. 224 p. Belarusian.

16. Gubskaya ON. The literature of fact and ego-document as two independent phenomena in Belarusian literature. *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1, Philology*. 2022;1(part 1);104–112. Russian.

17. Gubskaya VM. The role of fact in a literary work from the point of view of communication theory. *Vesci BDPU. Seryja 1, Pedagogika. Psihologija. Filalogija*. 2022;1;120–124. Belarusian.

18. Andrajuk SA, Bawtrjel' IG, Garjelic LM, Kljabanaw DF, Lapata-Zagorski AM, Pysko NM, et al. *Suchasnaja litaratura: kaardynaty idzejna-mastackaga poshuku* [Modern literature: coordinates of ideological and artistic search]. Stral'cova VM, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2008. 286 p. Belarusian.

Артыкул наступіў у рэдкалегію 02.03.2023.
Received by editorial board 02.03.2023.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 81;314.06; 004.9

ЛИНГВОСЕМИОТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Л. А. КОЗЛОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализированы базовые информационно-справочные и новостные материалы официальных сайтов посольств (дипломатических представительств) ряда зарубежных стран в Беларуси. Сопоставлена специфика использования государственных языков в качестве лингвосемиотического средства национальной идентичности на этих площадках. Определена степень национальной маркированности новостных материалов данных сайтов. Результаты исследования могут быть использованы при изучении социальной (функциональной) типологии языков, а также для разработки сайтов соответствующего профиля и поддержания их эффективного функционирования.

Ключевые слова: национальная идентичность; этническая идентичность; цифровая дипломатия; языковая ситуация; лингвосемиотика национальной идентичности.

Образец цитирования:

Козловская ЛА. Лингвосемиотика национальной идентичности в сфере цифровой публичной дипломатии. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;2:38–44.

For citation:

Kozlovskaya L. A. Linguo-semiotics of national identity in the field of digital public diplomacy. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;2:38–44. Russian.

Автор:

Людмила Аркадьевна Козловская – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой теоретического и славянского языкознания филологического факультета.

Author:

Lyudmila A. Kozlovskaya, PhD (philology), docent; head of the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology.
tpzkozl@gmail.com

ЛІНГВАСЕМІЁТЫКА НАЦЫЯНАЛЬнай ІДЭНТЫЧНАСЦІ Ў СФЕРЫ ЛІЧБАВАЙ ПУБЛІЧНАЙ ДЫПЛАМАТЫІ

Л. А. КАЗЛОЎСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Прааналізаваны базавыя інфармацыйна-даведачныя і навінавыя матэрыялы афіцыйных сайтаў пасольстваў (дыпламатычных прадстаўніцтваў) шэрагу замежных краін у Беларусі. Супастаўлена спецыфіка выкарыстання дзяржаўных моў у якасці лінгвасеміятычнага сродку нацыянальнай ідэнтычнасці на гэтых пляцоўках. Вызначана ступень нацыянальнай маркіраванасці навінавых матэрыялаў дадзеных сайтаў. Вынікі даследавання могуць быць выкарыстаны пры вывучэнні сацыяльнай (функцыянальнай) тыпалогіі моў, а таксама для распрацоўкі сайтаў адпаведнага профілю і падтрымання іх эфектыўнага функцыянавання.

Ключавыя словы: нацыянальная ідэнтычнасць; этнічная ідэнтычнасць; лічбавая дыпламатыя; моўная сітуацыя; лінгвасеміётыка нацыянальнай ідэнтычнасці.

LINGUO-SEMIOTICS OF NATIONAL IDENTITY IN THE FIELD OF DIGITAL PUBLIC DIPLOMACY

L. A. KOZLOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The object of this study includes basic information, reference and news materials of several foreign embassies' (diplomatic representative offices') official websites in Belarus. The purpose of the article is a comparative study of state languages use by these platforms as a linguo-semiotic means of national identity, as well as news materials of these sites in the aspect of determining the degree of their national marking. The research data could be used in studies of languages' social (functional) typology, as well as in practice of development and effective maintenance of similar profile sites.

Keywords: national identity; ethnic identity; digital diplomacy; language situation; linguo-semiotics of national identity.

Введение

В современном мире активное стремление государств к объединению в глобальные сообщества сопровождается не менее интенсивными процессами, направленными на сохранение и укрепление их национальной идентичности. Исследовательский интерес к установлению границ понятия «национальная идентичность» лежит в плоскости философии, истории, политологии, социологии, культурологии, лингвистики и других наук, что обусловлено его многокомпонентностью и структурной неоднородностью. Наиболее часто к числу структурных элементов национальной идентичности ученые относят распространяющиеся на всех членов нации ценности и нормы, коллективную историческую память и уверенность в едином происхождении, мифы и символы, знания о национальных институтах и политическом устройстве государства, традиции и ритуальные практики (церемонии поминания людей, погибших в войнах, празднование важных исторических дат и др.), конфессиональную принадлежность, самоназвание, представления о национальной территории, в том числе об образах Родины, родной земли, известных местах национальной истории, а также общий язык [1, с. 3–32, 77, 150–162; 2, с. 323, 326, 330, 358].

При определении понятия «собственно национальная идентичность» в проблемном поле неизменно оказываются вопросы его соотношения (тождественности или различия) с терминами «этническая идентичность», «нация», «национализм», «нацизм» и др. С точки зрения диахронии формирование этнонациональных образований – крайне сложный, длительный и непрекращающийся процесс, зависящий от множества социальных и контекстуальных факторов. В современном мире национальная идентичность достаточно часто выступает в качестве политического (гражданского), а не этнокультурного или этнолингвистического концепта. Это подтверждает история западноевропейских государств, в которых нации создавались на основе комбинации конкретных политических, социально-экономических, культурных и этнических факторов, при этом их формирование и становление осуществлялись с опорой на культуру и с учетом единения доминирующей этнической группы (групп), как правило, со своей многовековой историей, культурой, верой и др. [3; 4].

Обнаруживаются как сходства понятий «этническая идентичность» и «национальная идентичность», так и различия (и даже противоречия) между ними. Достаточно часто встречающееся в разных источниках и закрепившееся в обиходе отождествление к данным категориям как синонимичным связано с тем, что этнос является ресурсом национальной идентичности. В результате сформированная этнонация становится основой нации, при этом название этноса переносится на название нации, а государство рассматривается как институт, принадлежащий одной мажоритарной этнической группе. В современном мире практически не существует этнически однородных государств. Различия между этнической идентичностью и национальной идентичностью обнаруживаются в первую очередь в плоскости культуры, причем первая более тесно связана с культурными процессами, а вторая – с государственными. В связи с этим понятие «национальная идентичность» является более широким, чем термин «этническая идентичность», так как оно может использоваться для обозначения людей, имеющих различное этническое происхождение, позволяет отличать граждан одного государства от граждан другого и дает возможность представителям одной этнической общности считаться гражданами разных государств и членами различных национальных образований [5, с.123].

Противоречия между этнической и национальной идентичностью сильнее всего проявляются в политической сфере. При условии стремления представителей этнической общности к отстаиванию своего права на политическое самоопределение внутри этнической группы обостряется чувство единства и сплоченности. Активизируется целенаправленная деятельность по укреплению таких значимых этнических символов, как языковая, историческая и религиозная общность, уникальность культуры и традиций. В результате национальная культура сталкивается с интересами представителей этнической общности (как, например, в Ирландии, Стране Басков и др.) [5, с. 122–125].

Язык – один из ключевых элементов национальной идентичности. С точки зрения функциональной значимости он выступает не только в качестве семиотического средства (кода), служащего для передачи информации внутри национального социума, но и в качестве признака, маркера, символа, отличающего данную этническую группу от других, и инструмента, формирующего представления о национальной общности. Однако даже поверхностный взгляд на типологию языковых ситуаций в современном мире убеждает в отсутствии универсальной значимости национального языка как маркера национальной идентичности. В этом отношении классическим примером служит языковая ситуация в Бельгии, Канаде, Швейцарии, США, африканских государствах и странах Латинской Америки. Вместе с тем очевидно, что основным средством социализации является общий язык. В крайних случаях при стечении ряда обстоятельств (чаще политических) языку может быть придан статус основного национального символа, гротескно обозначающего границу между понятиями *мы* и *они*. Юридически за языком (языками) закрепляется статус государственного языка как основы национальной государственности, национального самосознания, идеологической, практической и этнополитической деятельности нации.

Языковая ситуация в современной Беларуси является предметом активного социолингвистического, культурологического и политического мониторинга. Ее уникальность обусловлена как объективными историческими, так и субъективными личностными факторами. В устоявшейся терминологии белорусская языковая ситуация определяется как близкородственное, культурно-этническое, демографически неравновесное, коммуникативно несбалансированное двуязычие с равным юридическим статусом белорусского и русского языков [6].

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили базовые информационно-справочные и новостные материалы официальных сайтов дипломатических миссий ряда стран на территории Республики Беларусь, а именно Болгарии (www.mfa.bg/ru/embassies/belarus), Великобритании (www.gov.uk/world/organisations/british-embassy-minsk.be), Германии (minsk.diplo.de/by-be), Италии (ambminsk.esteri.it/ambasciata_minsk/ru), Китая (by.china-embassy.gov.cn/rus), Польши (www.gov.pl/web/bielarus), Сербии (www.minsk.mfa.gov.rs/rus), Словакии¹ (study.by/posolstva-i-vizy/posolstvo-slovatskoy-respubliki), Украины (belarus.mfa.gov.ua/ru/embassy), Франции (by.ambafrance.org/-Russkij) и Чехии (www.mzv.cz/minsk/ru/index.html).

Выбор источников обусловлен тем, какие иностранные языки изучаются на филологическом факультете Белорусского государственного университета. Так, на специальности «славянская филология» происходит обучение болгарскому, польскому, сербскому, словацкому, украинскому и чешскому языкам, на специальности «романо-германская филология» – английскому, итальянскому, немецкому и французскому языкам, а на специальности «восточная филология» – китайскому языку.

Для подбора и анализа фактического материала использовались метод целенаправленной выборки, метод структурно-тематического анализа и метод сопоставительного анализа.

¹На момент проведения исследования (октябрь 2022 г. – январь 2023 г.) указанная ссылка была актуальной, однако в настоящее время информация о посольстве Словакии в Беларуси публикуется на другом сайте (www.mzv.sk/web/minsk-be).

Результаты и их обсуждение

Цифровая дипломатия – продукт активной цифровизации основных сфер жизнедеятельности современного общества. Одним из главных достоинств данной формы международной коммуникации является возможность установления прямого контакта и организации обратной связи как с дипломатическими ведомствами государств, так и с их населением. Такой формат взаимодействия «...делает современную дипломатию чрезмерно публичной, с одной стороны, и менее сдержанной – с другой. В этих обстоятельствах очень важно... не допускать падения уровня политической культуры» [7, с. 53].

К настоящему времени цифровая дипломатия сформировалась как мощное средство коммуникации, прошедшее в своем развитии следующие этапы:

- создание и продвижение позитивного образа государства в международном сообществе, применение инструментов «мягкой силы» для укрепления авторитета страны, опора на гуманитарные ценности (в 2009–2012 гг.);
- использование механизмов «острой силы» для активного воздействия на общественное мнение (в 2012–2018 гг.);
- разработка новых технологий влияния на массовую аудиторию (начиная с 2018 г.) [8, с. 37].

Беларусь является членом ООН и входит в число стран, которые подписали Венскую конвенцию о дипломатических сношениях, принятую 18 апреля 1961 г. Данный документ определяет цели и функции работы дипломатических представительств стран – членов ООН, которые состоят в представительстве аккредитуемого государства в государстве пребывания, защите в государстве пребывания интересов аккредитуемого государства и его граждан в пределах, допускаемых международным правом, ведении переговоров с правительством государства пребывания, выяснении всеми законными средствами условий и событий в государстве пребывания и сообщении о них правительству аккредитуемого государства, а также в поощрении дружественных отношений между аккредитуемым государством и государством пребывания и развитии их взаимоотношений в области экономики, культуры и науки.

Основными цифровыми информационными площадками в сфере публичной дипломатии являются официальные сайты и аккаунты дипломатических ведомств, а также персонифицированные аккаунты должностных лиц. Не существует единого стандарта по структурированию и оформлению подобных сайтов. Чаще всего они создаются и обновляются с учетом политики страны представительства, задач текущего периода, актуальности информации и др. Материалы большинства сайтов делятся на базовые информационно-справочные тексты, обновляемые раз в несколько лет, и новостные статьи, публикуемые с разной периодичностью. Базовый информационно-справочный раздел, как правило, включает информацию о наименовании и символике государства и его посольства, сведения о первых лицах организации, ее местонахождении, режиме работы, контактные данные, юридические правила консульских служб, связанные с оформлением въездных виз, и др. Эти тексты сопровождаются фото- и видеоматериалами.

Как отмечалось, язык служит важнейшим маркером национальной идентичности, символическим и коммуникативным инструментом взаимодействия людей как на внутристрановом, так и на межгосударственном уровне. При разработке официальных сайтов посольств зарубежных государств в странах пребывания предусматривается техническая возможность автоматического перевода информации на несколько языков. В качестве базового языка сайта, как правило, избирается государственный язык страны пребывания с учетом ориентации на массового адресата информации. Вместе с тем содержащиеся на сайте материалы могут переводиться на ряд других языков, причем этот список не является универсальным. В таблице представлены данные о доступности информации на официальных сайтах посольств Болгарии, Великобритании, Германии, Италии, Китая, Польши, Сербии, Словакии, Украины, Франции и Чехии в Беларуси на разных языках.

Языки, представленные на официальных сайтах посольств зарубежных стран в Беларуси

Languages presented on the official websites of foreign embassies in Belarus

Страна	Белорусский язык	Русский язык	Язык страны представительства	Английский язык
Болгария	–	+	+	+
Великобритания	+	+	+	+
Германия	+	+	+	–
Италия	–	+	+	–
Китай	–	+	–	–

Окончание таблицы
Ending table

Страна	Белорусский язык	Русский язык	Язык страны представительства	Английский язык
Польша	+	+	+	–
Сербия	–	+	+	+
Словакия	–	+	–	–
Украина	+	+	+	–
Франция	+	+	+	–
Чехия	+	+	+	–

Ни на одном из изученных сайтов белорусский язык не выступает в качестве единственного доступного. Английский язык, который считается языком поддержания международных отношений в основных сферах коммуникации, встроен в автоматический переводчик лишь на сайтах посольств Болгарии и Сербии в Беларуси. Между тем на сайте дипломатического представительства Великобритании в Беларуси английский язык следует рассматривать в качестве маркера национальной идентичности.

Стоит отметить, что сопоставление официальных сайтов посольств зарубежных государств в Беларуси и официальных сайтов дипломатических представительств Беларуси в этих странах позволяет говорить о большей унифицированности последних. Помимо прочего, это проявляется в доступности информации на разных языках. Так, на большинстве сайтов посольств Беларуси в зарубежных государствах информация автоматически переводится на белорусский и русский языки, а также на язык страны пребывания дипломатической миссии. Вместе с тем на сайтах посольств Беларуси в Польше и Франции единственным языком является русский, а на сайте дипломатического представительства Беларуси в Украине – украинский.

На официальных сайтах посольств зарубежных государств в Беларуси размещается актуальная информация, в том числе новостные материалы, тематика которых в разной степени соотносится с позицией страны-миссионера в отношении экономических, политических, туристических, культурологических и иных связей со страной пребывания. Новостная тематика сайтов дипломатических представительств служит маркером национальной идентичности, активизирующим интерес к национальной специфике представляемого государства. В этом отношении официальные сайты посольств Болгарии, Великобритании, Германии, Италии, Китая, Польши, Сербии, Словакии, Украины, Франции и Чехии в Беларуси могут быть охарактеризованы с точки зрения представленности на них актуальной информации следующим образом. Так, на текущий момент практически отсутствует новостная рубрика на сайтах дипломатических представительств Болгарии, Польши, Словакии и Украины в Беларуси. Между тем на сайтах посольств Великобритании, Германии, Италии, Сербии, Украины, Франции и Чехии в Беларуси даются ссылки на социальные сети соответствующих дипломатических представительств, в которых ведется активная информационная (в том числе новостная) деятельность. На сайтах посольств Болгарии, Китая, Польши и Словакии в Беларуси не имеется ссылок на социальные сети этих дипломатических представительств.

Наличие новостных рубрик на официальных сайтах посольств зарубежных стран в Беларуси не означает их активного обновления по разным причинам, анализ которых в рамках настоящей статьи не предусмотрен. В частности, в новостной ленте на сайте дипломатического представительства Италии в Беларуси раз в несколько месяцев публикуется всего один материал. Крайне редко обновляется новостная лента на сайте посольства Сербии в Беларуси, причем размещаемая информация касается преимущественно деятельности высших руководителей государства и первых лиц организации: *Временный поверенный в делах Александр Цревар провел встречу в посольстве с белорусскими студентами – участниками программы «Мир в Сербии».*

В беседе со студентами он отметил, что в рамках проекта «Мир в Сербии» иностранным студентам предоставляется исключительная возможность получить в Республике Сербия уникальные академические знания, которые впоследствии смогут применить в своих странах.

Он пожелал им успехов и отличных результатов в учебе в Р. Сербия (Встреча с белорусскими студентами – участниками программы «Мир в Сербии», 22 апр. 2022 г.; <http://www.minsk.mfa.gov.rs/rus/newstext.php?subaction=showfull&id=1650276980&ucat=118&template=headlineslat&>).

В свою очередь, сайт дипломатического представительства Франции в Беларуси отличается активностью и регулярностью размещения сообщений об актуальных событиях, причем в основном значимых для Франции: *6 октября престижная Нобелевская премия по литературе была присуждена французской писательнице Анни Эрно.*

«За смелость и клиническую остроту, с которой она обнажает корни, раскрывает перемещения и преодоление препятствий личной памяти», – обосновала это присуждение Шведская академия.

Анни Эрно, 82-летняя французская писательница, стала шестнадцатой французской женщиной, получившей эту премию с момента основания знаменитой награды в 1901 году (Французская писательница Анни Эрно, лауреатка Нобелевской премии по литературе (6 октября 2022), 7 окт. 2022 г.; <https://by.ambafrance.org/francuzskaya-pisatel-nica-anni-erno-laureatka-nobelevskoj-premii-po-literature>).

Наименее всего подвергаются отбору новостные материалы на сайте посольства Великобритании в Беларуси. Информация, обновляемая практически ежедневно, касается событий как местного, так и внутрисоюзного и международного значения: *Рыбаки из Лондона были пойманы на незаконной рыбалке и получили огромные штрафы* (У лондонских рыбаков есть мешки судимостей, 19 нояб. 2022 г.; <https://wikivisa.ru/blog/sobytiya-bvts/rybaki-iz-londona-byli-poymany-na-nezakonnoy-rybalke-i-poluchili-ogromnye-shtrafy-vse-dela-slushalis>); *Премьер-министр Рииши Сунак сделал заявление в Палате общин по поводу своего участия в саммите G20 в Индонезии* (Заявление премьер-министра в Палате общин о саммите G20: 17 ноября 2022 г., 21 нояб. 2022 г.; <https://wikivisa.ru/blog/baza-znaniy/premer-ministr-uk-riishi-sunak-sdelal-zayavlenie-v-palate-obshchin-po-povodu-svoego-uchastiya-v-sammii>).

Косвенным маркером национальной идентичности служат рекламные объявления на официальных сайтах дипломатических представительств зарубежных стран в Беларуси, которые отражают в основном специфику внутриэкономической деятельности этих государств. Так, на сайте посольства Болгарии в Беларуси регулярно размещается информация, касающаяся туристических услуг: *Туристические фирмы, которые желают аккредитоваться в Консульской службе Посольства Республики Болгария в Республике Беларусь, могут подать документы на аккредитацию на летний сезон 2022 г. с 15.02.2022 г. по 26.02.2022 г.* (Аккредитация белорусских туристических фирм в Посольстве Республики Болгария в Минске в 2022 г., 8 февр. 2022 г.; <https://www.mfa.bg/ru/embassies/belarus/news/32787>). Рекламе туристических услуг отведен информационный раздел на официальном сайте дипломатического представительства Сербии в Беларуси. Приглашение посетить страну в рамках языкового туризма размещено также на сайте посольства Франции в Беларуси: *Францию ежегодно посещают более 130 000 студентов и иностранцев для изучения французского языка, благодаря чему лингвистический туризм создает сегодня несколько тысяч рабочих мест в наших регионах, а его деловой оборот составляет более 115 миллионов евро* (Приложение «Immersion France», 5 сент. 2019 г.; <https://by.ambafrance.org/prilozhenie-immersion-france>). Сайты других дипломатических представительств в Беларуси рекламной активностью не отличаются.

Цифровизация многих видов деятельности во всех сферах жизни современного общества значительно повышает их эффективность и расширяет коммуникативные возможности благодаря обеспечению быстрого распространения актуальной информации и получения обратной связи, а также использованию множества тактических приемов воздействия на аудиторию для достижения требуемых целей. Одной из задач цифровой дипломатии является реализация представительской функции посольств в странах пребывания, что предполагает отражение (маркирование) национальной специфики представляемого государства на соответствующих сайтах и страницах в социальных сетях с учетом национальной специфики страны пребывания.

Заключение

Проведенный обзор базовых информационно-справочных и новостных разделов официальных сайтов посольств Болгарии, Великобритании, Германии, Италии, Китая, Польши, Сербии, Словакии, Украины, Франции и Чехии в Беларуси ожидаемо однозначно свидетельствует о наличии на этих площадках элементов, которые в той или иной степени служат маркерами национальной идентичности страны представительства. К ним относятся сведения о наименовании и символике государства и его посольства, информация о знаковых местах страны, особенностях культуры, быта и традиций нации, а также язык (языки), на которых доступна предлагаемая информация.

Вместе с тем на официальных сайтах посольств зарубежных государств в Беларуси отмечается разная степень акцентированности на отражении национальной идентичности страны представительства. В частности, не наблюдается единства в отношении языка (языков), на который автоматически переводится размещенная на сайте информация. Исключением является русский язык, который представлен на всех официальных сайтах посольств зарубежных стран в Беларуси. Руководители и члены дипломатических миссий, сотрудники подобных организаций, а также разработчики сайтов соответствующего профиля, ответственные за их обслуживание, по всей видимости учитывают реальную языковую ситуацию в Беларуси, справедливо полагая, что русским языком владеет все население страны.

Кроме того, на официальных сайтах посольств Китая и Словакии в Беларуси отсутствует возможность автоматического перевода информационно-справочных и новостных материалов на государственные языки стран представительства, а на официальных сайтах всех дипломатических миссий в Беларуси, кроме посольств Болгарии и Сербии в Беларуси, – на английский язык.

Библиографические ссылки

1. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Николаев ВГ, переводчик. Москва: Кучково поле; 2016. 416 с.
2. Смит ЭД. *Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма*. Смирнов АВ, переводчик. Москва: Праксис; 2004. 386 с.
3. Бабосов ЕМ. Идентичность как фактор консолидации. *Беларуская думка*. 2013;3:74–79.
4. Дахин АВ. Соотношение этнической и национальной идентичности. Россия, Южная Корея, Канада. *Философские науки*. 2003;9:5–23.
5. Мёдова ЮА. О соотношении этнической и национальной идентичности. *Философия и общество*. 2010;4:119–125.
6. Мечковская НБ. *Мовы і культура Беларусі*. Мінск: Права і эканоміка; 2008. Язык в роли идеологии: национально-символические функции языка в белорусской языковой ситуации; с. 83–95.
7. Сурма ИВ. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики. *Вестник МГИМО-университета*. 2014;6:53–60.
8. Цветкова НА. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2020;2:37–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47.

References

1. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Nikolaev VG, translator. Moscow: Kuchkovo pole; 2016. 416 p. Russian.
2. Smit ED. *Natsionalizm i modernizm. Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma* [Nationalism and modernism. A critical review of modern theories of nations and nationalism]. Smirnov AV, translator. Moscow: Praksis; 2004. 386 p. Russian.
3. Babosov EM. [Identity as a consolidation factor]. *Belaruskaja dumka*. 2013;3:74–79. Russian.
4. Dahin AV. [Correlation of ethnic and national identity. Russia, South Korea, Canada]. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2003;9:5–23. Russian.
5. Medova YuA. [On the ratio of ethnic and national identity]. *Filosofiya i obshchestvo*. 2010;4:119–125. Russian.
6. Mechkovskaya NB. *Movy i kul'tura Belarusi* [Languages and culture of Belarus]. Minsk: Prava i jekonomika; 2008. [Language as an ideology: national-symbolic functions of language in the Belarusian language situation]; p. 83–95. Russian.
7. Surma IV. Digital diplomacy in the discourse of global policy. *MGIMO Review of International Relations*. 2014;6:53–60. Russian.
8. Tsvetkova NA. The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: research methodology. *RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*. 2020;2:37–47. Russian. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47.

Статья поступила в редколлегию 17.03.2023.
Received by editorial board 17.03.2023.

УДК 82.09(476)(092)+908(476)(092)

В. К. СТУКАЛИЧ – ЛИТЕРАТУРОВЕД, ИСТОРИК, КРАЕВЕД XIX в.: ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

И. О. ГАПОНЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлены биографические сведения о литературоведе, историке и краеведе XIX в. В. К. Стукаличе. Рассмотрены его взгляды на формирование белорусской национальной и социокультурной идентичности. Проанализированы лингвистическое наследие В. К. Стукалича, мнения относительно прошлого белорусского языка и перспектив его развития, а также сделанные им замечания по поводу исследований современников-лингвистов и комментарии к ним.

Ключевые слова: В. К. Стукалич; историко-краеведческие исследования; белорусская национальная идентичность; лингвистическое наследие; лингвистические исследования XIX в.

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг. (подпрограмма «Белорусский язык и литература», задание 6.1.06 «Исторические закономерности развития белорусского языка: лексико-фразеологический состав, грамматический строй, словообразование», научно-исследовательская работа 6.1.06.2 «Белорусскоязычное письменное наследие XVIII в. в контексте языковой преемственности», № гос. регистрации 20211516).

У. К. СТУКАЛІЧ – ЛІТАРАТУРАЗНАВЕЦ, ГІСТОРЫК, КРАЯЗНАВЕЦ XIX ст.: ЛІНГВІСТЫЧНАЯ СПАДЧЫНА

І. А. ГАПОНЕНКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Падаюцца біяграфічныя звесткі пра літаратуразнаўца, гісторыка і краязнаўца XIX ст. У. К. Стукаліча. Разглядаюцца яго погляды на фарміраванне беларускай нацыянальнай і сацыякультурнай ідэнтычнасці. Аналізуюцца лінгвістычная спадчына У. К. Стукаліча, меркаванні адносна мінулага беларускай мовы і перспектывы яе развіцця, а таксама зробленыя ім заўвагі наконт даследаванняў сучаснікаў-лінгвістаў і каментарыі да іх.

Ключавыя словы: У. К. Стукаліч; гісторыка-краязнаўчыя даследаванні; беларуская нацыянальная ідэнтычнасць; лінгвістычная спадчына; лінгвістычныя даследаванні XIX ст.

Падзяка. Артыкул выкананы ў рамках дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг. (падпраграма «Беларуская мова і літаратура», заданне 6.1.06 «Гістарычныя заканамернасці развіцця беларускай мовы: лексіка-фразеалагічны склад, граматычны лад, словаўтварэнне», навукова-даследчая работа 6.1.06.2 «Беларускамоўная пісьмовая спадчына XVIII ст. у кантэксце моўнай пераемнасці», № дзярж. рэгістрацыі 20211516).

Образец цитирования:

Гапоненка ІА. У. К. Стукаліч – літаратуразнавец, гісторык, краязнавец XIX ст.: лінгвістычная спадчына. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2023;2:45–55.

For citation:

Gaponenko IA. U. K. Stukalich – literary critic, historian, local history specialist of the 19th century: linguistic heritage. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;2:45–55. Belarusian.

Автор:

Ірына Олеговна Гапоненка – доктар філолагічных навук, прафесар; прафесар кафедры беларускага языкознання філолагічнага факультэта.

Author:

Iryna A. Gaponenko, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology.
haponienka@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0003-4082-447X>

U. K. STUKALICH – LITERARY CRITIC, HISTORIAN, LOCAL HISTORY SPECIALIST OF THE 19th CENTURY: LINGUISTIC HERITAGE

I. A. GAPONENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Biographical information about the literary critic, historian, and local history specialist of the 19th century, U. K. Stukalich, is provided. His views on the formation of Belarusian national and socio-cultural identity are examined. Linguistic heritage of U. K. Stukalich, opinions regarding the past of the Belarusian language and prospects for its development, as well as his remarks and comments on the linguistic research of his linguist contemporaries, are analysed.

Keywords: U. K. Stukalich; historical and regional studies; Belarusian national identity; linguistic heritage; linguistic studies of the 19th century.

Acknowledgements. The article was supported by the state programme of scientific research «Society and human security of the Belarusian state» for 2021–2025 (the subprogramme «Belarusian language and literature», task 6.1.06 «Historical patterns of the development of the Belarusian language: lexical and phraseological composition, grammatical structure, word formation», project 6.1.06.2 «Belarusian language written heritage of the 18th century in the context of linguistic continuity», state registration No. 20211516).

Уводзіны

Імя грамадскага і культурнага дзеяча, краянаўца, літаратара, літаратуразнаўца, гісторыка Уладзіміра Казіміравіча Стукаліча пэўны час было незаслужана забытым. На сённяшні дзень яно добра вядома даследчыкам беларускай грамадска-палітычнай гісторыі канца XIX – пачатку XX ст., якія лічаць, што «па маштабах дзейнасці фігуру У. К. Стукаліча цалкам можна супаставіць з фігурамі такіх прадстаўнікоў “заходнерусізму”, як Л. М. Саланевіч, П. В. Каранкевіч або А. П. Сапуноў»¹ [1, с. 188].

Асоба У. К. Стукаліча і вынікі яго дзейнасці прааналізаваны ў асноўным у працах гісторыкаў. Аднак у пісьмовай спадчыне У. К. Стукаліча сустракаюцца выказванні і асобныя работы, якія маюць лінгвістычную скіраванасць і ўяўляюць цікавасць для гісторыкаў мовы, але на сённяшні дзень яшчэ не сталі аб’ектам увагі навукоўцаў. Пры адноснай нешматлікасці даследаванняў па беларусістыцы ў XIX ст. і пэўнай абмежаванасці навуковага інтарэсу да гэтай тэмы ў тагачаснай лінгвістыцы кожнае выказванне, датычнае статусу беларускай мовы, мае моўна-гістарычную каштоўнасць. Аднак, актуальнымі задачамі ўяўляюцца разгляд лінгвістычных прац У. К. Стукаліча, яго меркаванняў аб мінулым беларускай мовы і перспектывах яе развіцця і вывучэнне зробленых ім аналітычных заўваг да моўных даследаванняў сучаснікаў-лінгвістаў.

Пры аналізе лінгвістычных поглядаў У. К. Стукаліча асноўнай факталагічнай крыніцай паслужыла яго выданне «Краткая заметка о белорусском наречии» [2].

Навуковая і творчая спадчына У. К. Стукаліча

Паводле даных разнастайных крыніц, У. К. Стукаліч паходзіў са шляхецкай сям’і² [1; 3–8]. Ён нарадзіўся ў 1856 г. у г. Якабштаце (раней належаў Курляндскай губерні Расійскай імперыі, зараз уваходзіць у склад г. Екабпілса на тэрыторыі Латвіі), але большая частка жыцця У. К. Стукаліча была звязана з Беларуссю, а менавіта з Віцебшчынай. У Віцебску ён жыў з дзяцінства, там у 1867–1879 г. вучыўся ў гімназіі. Акрамя таго, У. К. Стукаліч быў адным з ініцыятараў стварэння Віцебскай вучонай архіўнай камісіі, а затым яе членам, выступаў за адкрыццё ў горадзе ўніверсітэта, сярод іншых з’яўляўся ідэолагам грамадска-палітычнага аб’яднання «Витебский белорусский народный союз», шчыра цікавіўся гісторыяй і культурай краю і прысвяціў гэтай тэме некалькі публікацый [9; 10]. Даследчыкі адзначаюць, што з імем У. К. Стукаліча «звязана дзейнасць шэрагу асветніцкіх устаноў і арганізацый, навуковых цэнтраў, якія функцыянавалі ў Віцебску ў складаных палітычных умовах рэвалюцыйных хваляванняў і грамадзянскай вайны» [11, с. 161], і называюць яго летапісцам Віцебшчыны [8].

У коле навуковых інтарэсаў У. К. Стукаліча былі пытанні фарміравання нацыянальнай і сацыякультурнай ідэнтычнасці беларускага народа, пры вырашэнні якіх ён зыходзіў з пазіцыяў такога гісторыка-ідэалагічнага

¹Тут і далей пераклад наш. – І. Г.

²Падлітскі А. М. Стукаліч Уладзімір Казіміравіч // Энцыкл. гісторыі Беларусі : у 6 т. Т. 6. Пузелі – Усяя, кн. 1 / пад рэд. Г. П. Пашкова [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2001. С. 436–437 ; Стукаліч Уладзімір // Беларускія пісьменнікі : біябібліягр. слоўн. : у 6 т. Т. 5. Пестрак – Сяўрук / пад рэд. А. Мальдзіса. Мінск : БелЭн, 1995. С. 436–437.

кірунку, як заходнерусізм. З’яўляючыся адным з найбольш аўтарытэтных і актыўных дзеячаў партыі «Союз 17 Октября» на Віцебшчыне, важнай задачай якой была барацьба з польскім уплывам на беларускія землі, У. К. Стукаліч адзначаў наступнае: «Духовная сущность каждого народа выражается в быте, языке, умственном складе, нравственных началах, вероисповедании. По всем этим признакам коренная масса населения Западного края была, есть и остается русской»³ (цыт. па [4, с. 122]). Характэрнай падаецца таксама наступная цытата: «Согласно новейшим указаниям филологической и исторической науки мы принимаем белорусское племя за одну из ветвей русского народа, наиболее близкую по физической и духовной организации с великорусской народностью; с ней у белорусов... гораздо больше родственных черт в одежде, языке, складе мыслей и характере воли» (цыт. па [4, с. 125]).

У цэлым У. К. Стукаліч асуджаў пазіцыі прадстаўнікоў паланізаванай часткі беларускай інтэлігенцыі, выступаў за адраджэнне Беларусі як часткі Расійскай імперыі, лічыў беларусаў надзейнай апорай расійскай дзяржаўнасці і культуры і адзначаў, што яны з’яўляюцца нават больш рускімі, чым самі рускія⁴ [4, с. 125]. Разам з тым ён меў уласныя, дастаткова ліберальныя для свайго часу погляды на праблему нацыянальнага самавызначэння беларусаў і, як можна меркаваць з яго выказванняў, быў цалкам беларусацэнтрчным: «Я люблю рослого, статного великоросса, с котомкой за плечами, в красной александринской рубашке, с загорелым лицом, смелым взглядом; но милее моему сердцу, ближе тихий белячок, в своем бедном, но чистеньком наряде, с грустнопечальным взглядом и бледным, истомленным лицом. Все мои симпатии лежат на стороне белоруса, *потому что я сам белорус, что у меня белорусский характер*⁵, исключая трусости – этого недостатка белорусов... В нас мало двигательного элемента, но, надеюсь, это исчезнет скоро; об этом должны позаботиться белорусы, вышедшие из состояния неподвижности» (цыт. па [12]).

Пра сябе У. К. Стукаліч пісаў так: «Для избежания всяких недоразумений – я русский, православный, хотя происхождение мое такое: со стороны отца – дед литвин, бабка полька; с матерней – дед татарско-русского происхождения, бабка – белоруска» (цыт. па [12]). Неабходна пракаментавать гэту цытату з ліста да Ф. М. Дастаеўскага, з якім У. К. Стукаліч даволі працяглы час знаходзіўся ў перапісцы. Па-першае, як слухна ўказвае С. У. Букчын, «...у лісце кідаецца ў вочы... такая дэталі: звязваючы сваю нацыянальную прыналежнасць (“я русский”) з праваслаўем, юнак разам з гэтым падкрэслівае асаблівасці свайго паходжання, агаляе польскія і беларускія карані. У тым, што для яго гэта важна, мы яшчэ пераканаемся» [12].

Па-другое, для чалавека XIX ст. вызначэнне сябе як рускага варта ўспрымаць не проста лінейна, а з гістарычных пазіцый. Паняцце «рускі», якое зараз ужываецца для абазначэння этнічнай прыналежнасці, паводле зместу не адпавядае аднайменнаму тэрміну, які ў XIX ст. меў найперш канфесійны сэнс. Адзнакай своеасаблівай ідэалогіі тагачаснага грамадства і недастатковай нацыянальнай самасвядомасці служылі рэгулярныя выпадкі змяшэння паняццяў рэлігійнай і нацыянальнай прыналежнасці. Існаванне такой грамадскай з’явы адлюстравана ў беларускіх выданнях XIX – пачатку XX ст.: «Тут (ва Украіне і Беларусі. – І. Г.) лічаць, бытцам каталіцтва – гэта польская вера, праваслаўе – расейская (“руская”), і прыродных беларусоў запісваюць павэдлуг рэлігіі то ў палякі, то ў рускіе» (Наша ніва. 1910. № 47). Апавяданне І. Жывіцы (А. У. Прушынскага) «Пан Шабуневіч» цалкам прысвечана гэтай праблеме. Яго галоўны герой, пан Шабуневіч, распавядае наступнае: *Ведаеце, былі гэтыя выбары у земства. <...> Запісалі мяне у польскую курью, а я кажу: «дзякуй вам, я ужо лепей у жыдоўскую пайду, калі вы мяне беларусам ня лічыце...».* <...> *Прыйшоў у гарадзкую думу. Кажу, я такі то і такі то, ці мяне запісалі на выбары? Паглядзелі у сьпіскі; «а вы якой веры?»*

– «Каталіцкай атказываю».

– «Ну дык вы гэтта у польскую курью запісаны».

– «Як, кажу, а чаму не ў беларускую?» сьмяюцца шэльмы: «бо такой, кажуць, німа, а ёсць проста руская, калі хочэце туды, то йшчэ можна».

Дык я-ж... ні расеяц, ні паляк і ня жyd! Як-жэ беларускай курьи німа?

– «А вы каталік?»

– «А ўжо-ж!»

– «А мы усіх каталікоў у палякі...» (Наша ніва. 1913. № 6).

Змяшэнне этнічнай і канфесіянальнай прыналежнасці афіцыйнымі царскімі ўладамі ляжыць таксама ў аснове верша Ф. Багушэвіча «Хрэсьбіны Мацюка»: [*Kazacki naczelnik:*] «*Da chto ty [Maciuk], da chto*

³Цытаты У. К. Стукаліча і іншых даследчыкаў XIX ст. падаюцца на мове арыгінала з захаваннем аўтарскай арфаграфіі і пунктуацыі (за выключэннем асаблівасцей дарэфарменнай рускай арфаграфіі), каб пазбегнуць тэрміналагічных недакладнасцей і скажэння сэнсу.

⁴Даследчыкі адзначаюць, што частае ўжыванне тэрмінаў «Русь», «русский» істотна ўскладняе разуменне сапраўднага сэнсу выказванняў У. К. Стукаліча і сведчыць пра недастатковую акрэсленасць і пэўнасць яго пазіцый [4, с. 125].

⁵Тут і далей паўтлусты курсіў у цытатах наш. – І. Г.

ty, ci ruski, ci nie?» / Ja daj krucitca tudy i siudy, / Dumaju: szto tut skazać jamu mnie? / «Ja nie našu, kažu, barady». / «Da ty», jon kaže mnie, «wiery jakoj?» / «Ci ty prawasłaŭny, ci ty palak?» / «A dajcież panočku, kažu mnie pakoj». / «Da ja ž tutejszy, jaž kazaŭ tak!» [13, s. 33].

Гэтыя мастацкія сітуацыі з’яўляюцца прамым адлюстраваннем рэальных падзей, якія адбываліся ў сацыяльна-палітычным жыцці тагачаснай Беларусі. Так, М. В. Біч пісаў, што на выбарах у III Дзяржаўную думу ўвосень 1907 г. усе ўдзельнікі з Беларусі былі падзелены не толькі па класавым, але і па нацыянальным прынцыпе. У беларускіх губернях утвараліся так званыя рускія і польскія выбарчыя аддзяленні, а ў гарадах таксама яўрэйскія: «Да “рускіх” аддзяленняў далучаліся праваслаўныя беларусы, немцы, татары і інш. Да “польскіх” – беларусы-католікі. Такім чынам, беларускі народ афіцыйна па канфесійнай прымеце быў падзелены на “рускіх” і “палякаў”» [14, с. 20]. Менавіта такая пазіцыя была распаўсюджана сярод прыхільнікаў заходнерусізму. Напрыклад, М. В. Каяловіч, адзін з галоўных ідэолагаў гэтага руху, сцвярджаў, што палякамі павінны лічыцца ўсе каталікі, і не дапускаў, што беларусы-каталікі існуюць [15, с. 14]. Адпаведна, можна меркаваць, што і У. К. Стукаліч выкарыстоўваў паняцце «рускі» найперш у канфесійным сэнсе.

Характэрна, што У. К. Стукаліч, шчыра падтрымліваючы ідэі заходнерусізму, тым не менш «...не ідэалізаваў палітыку царскага ўрада ў Беларусі. Так, ён вельмі негатыўна ацэньваў знішчэнне ўніяцкай царквы, лічачы гэты акт улад (а таксама крайнасці, дапушчаныя пры падаўленні паўстання 1863 г. – *I. Г.*) гвалтоўным і неапраўданым» [1, с. 189]. Яго беларускасць выяўлялася і ў тым, што У. К. Стукаліч, як патрыёт роднага краю, лічыў сваім абавязкам «даць народу веды аб гісторыі Беларусі, этнаграфічным, сацыяльна-эканамічным, рэлігійным баку яе жыцця» [16, с. 64]. Разам са сваім папличнікам А. П. Сапуновым ён верыў у тое, што «папулярызацыя ведаў, перш за ўсё праз развіццё адукацыі, дапаможа падняць беларускі край на новы ўзровень развіцця і выхавае грамадзянскую самасвядомасць народа» [16, с. 64]. У гэтым кантэксце У. К. Стукаліч пісаў наступнае: «[Толькі] народнасць, обладаючая известной степенью просвещения, в состоянии отстаивать свои интересы: и экономические, и политические, и национальные» (цыт. па [16, с. 64]).

На думку сучасных гісторыкаў, ролю У. К. Стукаліча, а таксама іншых тагачасных вучоных і грамадскіх дзеячаў (А. П. Сапунова, Е. Р. Раманава, Н. Я. Нікіфараўскага) у беларускай гістарыяграфіі цяжка пераацаніць. У работах па гісторыі, этнаграфіі, археалогіі і беларусазнаўстве яны «...у кантэксце дзяржаўна-манархічнай афарбоўкі пры адборы і падачы матэрыялу многае зрабілі для ўзвышэння ролі Беларусі, азнаямлення грамадскасці з багатым духоўным светам і матэрыяльнай культурай беларускага народа, абуджэння цікавасці мясцовай інтэлігенцыі да вывучэння гістарычнага мінулага Беларусі. Цяжка сказаць, якія прабелы ў гістарычнай памяці мы мелі б сёння, калі б не было маштабнай выдавецкай дзейнасці ўпамянутых гісторыкаў і архівістаў-археографаў канца XIX – пачатку XX ст.» [4, с. 112]. Даследаванні У. К. Стукаліча па беларусістыцы не толькі маюць навуковую каштоўнасць, але і дэманструюць яго чалавечую і грамадскую смеласць, бо ў сацыяльна-палітычных умовах Расійскай імперыі XIX ст. «гаварыць пра Беларусь, а тым больш займацца распрацоўкай якіх-небудзь аспектаў гістарычнага мінулага беларускага народа было далёка не бяспечна» [17, с. 25].

Безумоўна, з улікам сучасных навуковых падыходаў і ўзроўню гістарычных ведаў не ўсе работы У. К. Стукаліча можна ўспрымаць як аб’ектыўныя гістарычныя крыніцы «ў сілу кансерватыўнасці або тэндэнцыйнасці поглядаў» [18, с. 100] іх аўтара. Аднак гісторыкі адзначаюць, што яго даследаванні ўтрымліваюць каштоўныя звесткі пра культуру, навуку, палітычнае і духоўнае жыццё беларусаў XIX ст., якія не проста канстатуруюцца, а падлягаюць глыбокаму і сістэмнаму асэнсаванню.

Лінгвістычная спадчына У. К. Стукаліча

Перш чым аналізаваць погляды У. К. Стукаліча наконт пытанняў беларусістыкі, варта заўважыць, што ўяўленні мовазнаўцаў XIX ст. адносна беларускай мовы характарызуюцца як лапідарныя, няпоўныя і супярэчлівыя, што вынікае з агульнага стану тагачасных лінгвістычных даследаванняў у цэлым і ведаў пра беларускую мову ў прыватнасці. Трэба сіцсла апісаць адносіны да беларускай мовы ў афіцыйных урадавых і лінгвістычных колах XIX ст. (слухныя заўвагі па гэтай тэме зроблены ў публікацыях [19; 20]).

Як сведчаць факты, у першай палове XIX ст. існаванне беларускай мовы не прызнавалася на дзяржаўным узроўні, яе бачылі як «нешта дзіўнае, арыгінальнае і ў любым выпадку малавядомае» [21, с. 76], што натуральна для пачатковай стадыі станаўлення лінгвістычных уяўленняў аб мове і яе дыялектным члененні. З другой паловы XIX ст. пачала фарміравацца канцэпцыя, паводле якой «...беларуская мова безумоўна кваліфікавалася як складовая частка расійскай мовы (“русского языка”)... У сітуацыі ўмацавання расійскай дзяржаўнасці, інтэнсіўнага фарміравання расійскай нацыянальнай ідэалогіі і ўсё большага ўцягвання Беларусі ў сферу расійскіх інтарэсаў практыка непрызнання самастойнасці беларускай мовы адлюстроўвала дзейнасць старога прынцыпу: “чыя дзяржава, таго і мова”» [21, с. 76].

У навуковым асяроддзі статус беларускай мовы таксама не меў адназначнай ацэнкі, што было не толькі вынікам непазбежнага суб'ектывізму з-за розных падыходаў да гэтай праблемы ці рэалізацыяй пэўных кан'юнктурных заказаў. Прычыну нявызначанасці статусу беларускай мовы можна бачыць у надзвычайнай складанасці аб'екта аналізу: навукоўцам даводзілася выбіраць з разнастайных крыніц аб'ёмны і неаднародны матэрыял, абагульняць і сістэматызаваць яго, карыстаючыся яшчэ далёка не дасканалымі лінгвістычнымі метадамі.

У XIX ст. погляды філолагаў на беларускую мову вызначаліся стракатасцю. Можна прывесці некалькі навуковых версій, якія былі сфармуляваны лінгвістамі на працягу XIX ст. Так, некаторыя польскія даследчыкі адносілі беларускую мову да дыялектаў польскай мовы. Напрыклад, С. Б. Ліндэ ў працы «О literaturze słowiańsko-rosyjskiej», разважаючы пра моўную аснову сачынення «Лякарства на знясілены розум чалавечы» (Астрог, 1607), указваў на наяўнасць у ёй асобнага складніка, які называў дыялектам, вельмі блізім да польскай мовы (*bialoruskim, tak bardzo do polszczyzny zbliżonym dialektem*) [22, s. 126]. А мова твора Стэфана Зізанія «Казання св. Кірыла аб антыхрысце і знаках яго» ім называецца трывай/устойлівай беларускай мовай (*ciągły język białoruski*), якая мала адрозніваецца ад польскай [23, s. 13].

Расійскія лінгвісты XIX ст., як правіла, разглядалі і старажытную, і сучасную для іх жывую народную беларускую мову як элемент рускай. Напрыклад, І. І. Сразнеўскі не знайшоў у беларускай мове ніводнай спецыфічнай гукавой рысы, якая б не паўтаралася хоць дзе-небудзь на велікарускай тэрыторыі: «В белорусском есть, конечно, много особенных слов, непонятных каждому великорусу, но и всякий другой говор богат ими» [24, с. 40]. Зыходзячы з гэтага, філолагі зрабілі выснову аб тым, што беларускую мову трэба лічыць не самастойным утварэннем, а мясцовай разнавіднасцю велікарускай гаворкі або нават паўднёвавелікарускай гаворкі. Першага пункту гледжання прытрымліваўся І. І. Сразнеўскі: «Вот почему, кажется, гораздо правильнее белорусский говор считать местным говором великорусского наречия, а не отдельным наречием» [24, с. 40]. Прыхільнікам другога меркавання быў А. А. Пацябня: «Русские говоры распадаются на две большие группы, которые по отношению к предполагаемому в прошедшем единому Русскому языку, назовем *наречиями*: Великорусским и Малорусским. Наречие Великорусское состоит из двух поднаречий: Южного и Северного. <...> [Южно-Великорусское наречие] делят на собственно Юж.-Русское и Белорусское, Западное. ...Говор Белорусский решительно принадлежит к группе Великорусских, причем Южных» [25, с. 53].

Іншую пазіцыю займаў М. А. Коласаў, які задаўся наступным пытаннем: «Точно ли белорусское наречие не больше как часть южно-великорусского?» [26, с. 262]. Навуковец сцвярджаў, што адказ на яго павінен быць адмоўным. Ён выступаў супраць таго, каб разглядаць беларускія гаворкі як «поднаречие» («подречие») паўднёвавелікарускай мовы, лічыў, што беларуская гаворка выразна адрозніваецца ад іншых частак рускай мовы і можа разглядацца як раўнапраўная з велікарускай і маларускай гаворкамі: «Нет сомнения, что белорусское [наречие] некоторыми, и весьма важными при том, чертами близко роднится с южно-великорусским. Но сходясь одними чертами с южно-великор., белорусское... другими разнится от него и сходится с северным; третьими – разнится от всего великорусского и сходится с малорусским, и – наконец – имеет самостоятельные, ему исключительно свойственные звуковые черты, которые отличают его как от великорусского так и от малорусского. <...> Какова бы ни была ступень древности специально белорусских черт, они, в настоящее время, отличают его от остальных частей русского языка. <...> Несомненно что оно (белорусское наречие. – *И. Г.*) ближе к великорусскому, чем к малорусскому; но верно и то, что оно не отождествляется с первым. Поэтому старинное деление русского языка на три части не может, я думаю, считаться решительно ошибочным» [26, с. 262–264].

Падобнага меркавання ў ранніх працах прытрымліваўся Я. Ф. Карскі: «...соотношение главнейших частей русского языка представим в следующем виде: русский язык распался на два наречия – *великорусское* и *малорусское*. Затем великорусское наречие разделилось на говоры: *северновеликорусский, белорусский* и *южновеликорусский*; белорусский говор впоследствии подвергся сильному перекрестному влиянию малорусского наречия и польского языка» [27, с. 160].

У той жа час асобныя лінгвісты выказвалі думку аб самастойнасці беларускай мовы. Так, М. А. Максімовіч пісаў наступнае: «...имя Русского языка в обширном смысле должно принимать как родовое имя, столько же принадлежащее языку всей Южной Руси, сколько и языку всей Северной Руси; и в таком общем значении Русский язык можно бы называть Восточно-Словенским. Три вида сего языка, принадлежащие трем видам Русского народа, столько между собою различны, что их можно принимать не как три наречия, но как три особые однородные языка... и так в кругу языка Русского или Восточно-Словенского станем различать три особые языка: 1. Язык Южно-Русский, которым говорят во всей южной Руси – Киевской и Галицкой. 2. Язык Великорусский, употребляемый всеми Великороссиянами. 3. Язык Белорусский или точнее Литовско-Русский, принадлежащий Белоруссии и всей вообще Литовской или Северо-Западной Руси» [28, с. 97–98]. У сваю чаргу, М. І. Надзеждзін увогуле сцвярджаў, што тэа моўныя ўтварэнні, якія

ён абазначаў тэрмінамі «белорусское (балтийско-русское) наречие» і «малорусское (понтійско-русское) наречие», былі старажытнейшымі асноўнымі часткамі агульнай старажытнарускай мовы, а велікаруская гаворка з'яўляецца другасным утварэннем, якое ўзнікла ў выніку змяшэння беларускай і маларускай гаворак [26, с. 255–256].

Аднак нават тыя лінгвісты, якія лічылі беларускую мову самастойным утварэннем, пераважна выкарыстоўвалі спецыфічныя лінгвізмы («язык белорусского племени», «белорусская речь», «белорусское наречие», «белорусский говор»), што было данінай устаноўкам, агульнапрынятым у лінгвістычным навуковым асяроддзі таго часу. Тэрмін «белорусский язык» («*język białoruski*», або «*język Biało-rosyjski*») больш паслядоўна замацаваўся ў польскім мовазнаўстве XIX ст. Яму аддавалі перавагу і некаторыя расійскія даследчыкі, напрыклад А. А. Шахматаў. Гэты тэрмін ужываў таксама расійска-польскі лінгвіст В. К. Паржэзінскі [29, с. 78–79]. Як правіла, вучоныя бачылі перспектывы беларускай мовы вельмі песімістычнымі. Напрыклад, А. І. Сабалеўскі ўказваў, што тагачасныя беларускія гаворкі не маюць літаратурнай апрацоўкі і аб гэтым няма падстаў шкадаваць, а П. А. Бяссонаў катэгарычна сцвярджаў, што беларуская вусная народная гаворка ніколі не стане літаратурнай, пісьмовай і кніжнай мовай⁶.

Асвятленне меркаванняў аб беларускай мове як раўнапраўным элеменце сістэмы славянскіх моў выключна рэдка выходзіла за межы навукова-філалагічнай сферы і трансліравалася ў афіцыйных шырокадступных крыніцах. Характэрна, што да такіх выключных выпадкаў адносіцца работа У. К. Стукаліча, які ў 1895 г. у 12, 13 і 15-м нумарах газеты «Витебские губернские ведомости» надрукаваў нататкі «Краткая заметка о белорусском наречии» са сціслым выкладам сваіх лінгвістычных поглядаў і меркаванняў. У тым жа годзе яны выйшлі асобнай брашурай [2].

У пачатку гэтай работы У. К. Стукаліч надзвычай кампліментарна выказаўся пра беларусаў: «Белорус всегда был храбр и верен» [2, с. 3]. Ён разважаў пра цяжкі гістарычны лёс народа, складаныя абставіны функцыянавання нацыянальнай культуры, рэлігіі і мовы, канстатаваў разрыў паміж інтэлігенцыяй і народам: «Воспитанная в клерикально-шляхетских тенденциях местная интеллигенция совершенно разучилась уважать свой народ, его язык, обычаи, верования, предания»⁷ [2, с. 3]. Акрамя таго, У. К. Стукаліч звярнуў увагу на актывізацыю навуковага інтарэсу да беларускага пытання.

Навуковы разбор У. К. Стукаліча, па яго ўласных словах, не прэтэндуе на арыгінальнасць або выключную самастойнасць, але ўяўляе вялікую цікавасць як своеасаблівы сціслы агляд стану даследаванняў беларускай мовы і культуры ў канцы XIX ст., прычым зроблены сучаснікам гэтых падзей і працэсаў.

У. К. Стукаліч меў дастаткова арыгінальныя меркаванні адносна тэрміналогіі, якая павінна ўжывацца пры апісанні беларускай мовы. Ён лічыў, што пад паняццем «наречие», або «говор», не варта разумець старажытную беларускую мову, вядомую па пісьмовых крыніцах. На думку У. К. Стукаліча, тэрмін «говор» з'яўляецца нечым супрацьлеглым мове адукаваных класаў [2, с. 5]. Ён характарызаваў адрозненні паміж гэтымі моўнымі формамі фактычна з пункту гледжання супрацьпастаўлення дэскрэптыўнай і прэскрэптыўнай нормы, сцвярджаючы, што гаворкі, як жывыя сістэмы, знаходзяцца ў пэўнай апазіцыі да закансерваванага мовы вышэйшых колаў: «Живой язык народных масс находится в состоянии вечного движения и представляет крайнее разнообразие форм. Литературный язык и язык высших классов подчинены другим законам: тут господствует грамматика и авторитет классических образцов» [2, с. 4–5]. Паколькі жывая народная мова перманентна развіваецца, то, на думку У. К. Стукаліча, яе вывучэнне пасадзейнічае абагачэнню літаратурнай мовы, яе ачышчэнню ад нежыццяздольных засмечванняў, будзе

⁶Гісторыя беларускай літаратурнай мовы // Беларус. мова : энцыкл. / пад рэд. Б. І. Сачанкі [і інш.]. Мінск : БелЭн, 1994. С. 152.

⁷Дарэчы, на гэтую асаблівасць беларускага нацыянальнага руху ўказваюць і сучасныя даследчыкі. Яны сцвярджаюць, што ў XIX ст. у адрозненне ад суседніх літоўцаў або галіцкіх украінцаў творцамі літаратурнай беларускасці была амаль выключна шляхта [30, с. 204], якая адчувала палітычнае адзінства, але не мела развітога пачуцця этнічнай самасвядомасці [31, с. 270]. У гэтай групе самавызначэнне па сацыяльным статусе прынамсі да паловы XIX ст. «усё яшчэ мела больш вагі, чым вызначэнне канфесійнае ці тым больш этнічнае» [32, с. 295]. Шляхціц, які быў грамадзянінам Рэчы Паспалітай ці пазней Расійскай імперыі, адчуваў традыцыйную сувязь з гэтым дзяржаўным утварэннем, «меў сантыменты і пачуццё прыналежнасці да сваёй малой радзімы, што выяўлялася ў словах: “Gente Ruteni, natione Poloni” – “з роду русін, па нацыянальнасці паляк”, меў падвойную ідэалагічную Радзіму» [31, с. 270]. Адносіны шляхціца да народа маглі вагацца ад спачувальных да пагардлівых, але ў любым выпадку яны засноўваліся на захаванні пэўнай сацыяльнай дыстанцыі. Аб'яднанне грамадскай і інтэлектуальнай эліты з народам, неабходнае для стварэння нацыянальнага руху, запавольвалася нават не з-за неразумнення этнічнай аднасці, а таму, што «...гэта вымагала адмаўлення ад класава-культурнай элітарнасці, якой і акрэслівалася шляхецнасць. Адмаўленне ад польскасці ці расійскасці ўспрымалася шляхецкай элітай краю як пагроза грамадскай дэградацыі» [30, с. 204]. Такім чынам, утвараўся своеасаблівы грамадскі парадокс, калі самі прыхільнікі ідэі беларускасці міжвольна (а часам, магчыма, і свядома) стрымлівалі яе на этнаграфічна-культурным узроўні, не давалі вырвацца з плыні польскасці і развіцця да нацыянальна-палітычнага ўзроўню. Толькі ў канцы XIX ст. «найбольш перадавая, прагрэсіўная частка шляхты не ўспрыняла традыцыйнай пагарды да сялянства і ўжо не адмяжоўвала сябе ад народа, што і дазволіла ў поўнай меры ўсвядоміць свае задачы і абавязкі ў нацыянальным беларускім руху» [33, с. 12–13].

карысным пры складанні поўнага слоўніка рускай мовы, распрацоўцы яе гісторыі і граматыкі, а таксама паспрыяе разуменню старажытных пісьмовых тэкстаў.

Далей У. К. Стукаліч прадставіў дастаткова разгорнуты план па збіранні народных гаворак. Для гэтага неабходна, па-першае, вызначыць максімальна дакладныя дыялектныя межы, вылучыць аднародныя гаворкі, для чаго кожны даследчык мусіць падрабязна апісаць знаёмы яму моўны рэгіён. Па-другое, трэба скласці поўны слоўнік беларускай гаворкі. Абгрунтоўваючы мэтазгоднасць гэтай задачы, У. К. Стукаліч пісаў наступнае: «Белорусское наречие носит характер единства с литературным нашим языком, имеет тесную связь с ним, и потому должно рассматривать и изучать его, не теряя из виду последнего. Поэтому полезно отмечать решительно все употребляемые народом слова, хотя бы они ничем не отличались от слов литературного языка» [2, с. 6–7].

Няма падстаў лічыць, што У. К. Стукаліч, ужываючы спалучэнне «литературный язык», меў на ўвазе беларускую мову. У канцы XIX ст. у беларускай мове, якая на новым этапе свайго развіцця выбудоўвалася на дыялектным фундаменце, працэс канцэнтрацыі мясцовых моўных разнавіднасцей у адзіную нацыянальную мову знаходзіўся на пачатковай стадыі, і жывая мова беларускага народа яшчэ не была апрацавана да ўзроўню літаратурнай мовы. У гэты перыяд у беларускай мове паняцці «літаратурнае» і «дыялектнае» былі настолькі цесна ўзаемазвязаны, што супрацьпаставіць іх амаль немагчыма. На фоне адсутнасці ў XIX ст. не толькі кадыфікаванай, але і агульнапрынятай нормы літаратурнымі можна лічыць тыя дыялектныя рысы, якія прайшлі праз індывідуальны пісьменніцкі адбор, бо на той час аўтарскае моўнае чуццё было адзіным нарматыўным крытэрыем. Пад паняццем «дыялектнае», відаць, трэба разумець асаблівасці, якія засталіся прыналежнасцю вусна-дыялектнай мовы і не трапілі на старонкі пісьмовых тэкстаў [34]. Такім чынам, у прыведзеным кантэксце У. К. Стукаліч, выкарыстоўваючы выраз «литературный язык», меў на ўвазе сучасную яму рускую мову.

Далей У. К. Стукаліч слушна падкрэсліў неабходнасць распрацоўкі дакладных транскрыпцыйных прынцыпаў запісу народнага маўлення. На яго думку, транскрыпцыя павінна быць дакладнай, але зразумелай для чытача і выключыць магчымасць няправільнага прачытання. Яна не мусіць быць строга фанетычнай, павінна быць зразумелай не толькі спецыялістам-філолагам, але і дастаткова шырокай аўдыторыі і не перагружанай спецыяльнымі знакамі: «...мерилом достоинства той или иной транскрипции является возможно полная передача звуков белорусского наречия и вместе способность всякого, одаренного нормальными способностями, следить за ними» [2, с. 7–8].

У наступнай частцы работы У. К. Стукаліч прааналізаваў погляды А. І. Сабалеўскага і Я. Ф. Карскага, якіх лічыў лепшымі даследчыкамі ў гэтай галіне навукі. З выдання А. І. Сабалеўскага «Лекции по истории русского языка» [35] У. К. Стукаліч угадаў тэзісы аб тым, што рускі народ у антрапалагічных і лінгвістычных адносінах уяўляе сабой нешта цэлае [2, с. 8], а адзіная ў старажытнейшы перыяд руская мова з цягам часу раздзялілася на даволі буйныя моўныя ўтварэнні (паўночна- і паўднёвабеларускае, беларускае і маларускае), і завяршыўся гэты працэс не пазней XVI ст. Паводле думкі А. І. Сабалеўскага, асновай беларускай мовы з'яўляецца старая заходнеруская (беларуская) гаворка, а менавіта гаворка старажытных дрыгавічоў. Першапачаткова яна мала адрознівалася ад гаворкі суседзяў – старажытных радзімічаў і вяцічаў, якія жылі на тэрыторыі паміж Прыпяццю і Заходняй Дзвіной, каланізавалі абодва берагі Волгі і паслужылі ядром велікарускага племя: «Говор радимичей и вятичей лег в основу южно-великорусского наречия»⁸ [2, с. 9]. Гэтыя гаворкі мелі як агульныя, так і спецыфічныя рысы. Да ліку адметных рыс, якія выразна адрозніваюць беларускую гаворку ад паўднёвабеларускай, адносяцца ўжыванне гука [ў] і выключна цвёрдага гука [р], дзеканне, цеканне, фанетычнае падаўжэнне, субстытуцыя гука [ф], чаргаванні гукаспалучэнняў *ро/ло – ры/лы*.

Разглядаючы вынікі даследаванняў Я. Ф. Карскага, аб'яднаныя ў выданні «Обзор звуков и форм белорусской речи» [27], У. К. Стукаліч указаў на такія іх недахопы, як абмежаванасць факталагічнай базы, а таксама невыкарыстанне тэкстаў (найперш зборнікаў народных песень) з лацінскай (польскай) графікай. Разам з тым У. К. Стукаліч цалкам пагадзіўся са сцвярджаннем Я. Ф. Карскага аб значных скажэннях рэальнага беларускага вымаўлення ў запісах збіральных беларускіх тэкстаў (нават у зборніках П. В. Шэйна, хоць яны ўяўляюць сабой лепшыя транскрыпцыйныя ўзоры), што ўскладняе даследаванне моўных асаблівасцей беларускай мовы.

Абазначаючы тэрыторыю распаўсюджвання беларускай мовы, У. К. Стукаліч таксама спаслаўся на Я. Ф. Карскага: «Область распространения белорусской речи проф. Карский обозначает губерниями: Витебскою, Могилевскою, Минскою, Гродненскою, без самых южных частей; далее белорусская речь, по его указанию, захватывает часть Сувалкской, большую часть Виленской, некоторые уезды Псковской, Тверской, Московской и Черниговской и западную половину Смоленской» [2, с. 13]. Аднак, абапіраючыся на даныя А. І. Сабалеўскага і статыстычныя матэрыялы, ён паспрабаваў скарэкціраваць

⁸Зыходзячы з гэтага меркавання А. І. Сабалеўскага, У. К. Стукаліч паспрабаваў растлумачыць блізкасць беларускіх і паўднёвабеларускіх гаворак.

ывады Я. Ф. Карскага адносна распаўсюджанасці беларускай мовы, напрыклад, на Чарнігаўшчыне, якая, на думку У. К. Стукаліча, уваходзіць у беларускамоўную зону цалкам, а не асобнымі ўездамі. Даследчык лічыць, што ў прыведзеным Я. Ф. Карскім пераліку адсутнымі ці, наадварот, лішнімі з'яўляюцца наступныя тэрыторыі: «...Брянский и соседние нечерноземные уезды Орловской губернии, Жиздринский и Масальский Калужской губернии, Новоалександровский – Ковенской губернии. Из Смоленской губернии нужно исключить только четыре восточных уезда, населенных великоруссами: Сычевский, Вяземский, Гжатский и Юхновский. Около половины Вольнской губернии и небольшой уголок Подольской также заняты белорусами» [2, с. 14].

Акрамя таго, аналізуючы работу Я. Ф. Карскага, У. К. Стукаліч падае прыведзены ў ёй пералік асноўных рыс беларускай гаворкі: «...сильное развитие аканья; переход согласных *в* и *л* в *ў*; несмягчимость *р*; (*рь* = *р̕*); проточный *г*; дзеканье и цеканье, господствующее почти во всех говорах; удвоение согласной взамен мягкого знака *ь*» [2, с. 15]. Таксама ён звярнуў увагу на вывады Я. Ф. Карскага аб неабходнасці дапаўнення кірылічнага алфавіта спецыяльнымі знакамі для абазначэння спецыфічных беларускіх гукаў і аб моцнай сувязі беларускай гаворкі са стараславянскімі ўзорамі, прычым гэтыя паралелі з'яўляюцца больш яркімі, чым паралелі паміж літаратурнай велікарускай мовай і стараславянскімі тэкстамі (асабліва ў сістэме скланення).

Вялікую частку выдання «Краткие заметки о белорусском наречии» складае разгорнутая цытата з работы Я. Ф. Карскага, прысвечаная развагам аб месцы «белорусского наречия» сярод іншых частак рускай мовы. Навуковец узгадаў тры асноўныя лагеры даследчыкаў: «Одни считают белорусское наречие подречием южно-великорусского говора, другие подречием малорусского наречия, третьи, наконец, признают его таким же самостоятельным, как и великорусское и малорусское наречие» [2, с. 16]. Ён указаў, што ў лінгвістычных колах канца XIX ст. першае меркаванне з'яўлялася вядучым. Завяршаецца цытата высновай з работы Я. Ф. Карскага аб тым, што «белорусское наречие должно считаться самостоятельным: совокупность его характерных черт не повторяется ни в одном славянском языке» [2, с. 23] і гэты самастойны асобны «говор» стаіць у адным шэрагу з паўночна- і паўднёвавелікарускімі «говорами», хоць і адрозніваецца ад іх шэрагам архаічных асаблівасцей [2, с. 23].

Завяршаецца даследаванне У. К. Стукаліча наступным выказваннем: «Местное (беларускае. – *І. Г.*) общество выдвинуло из своей среды столько серьезных, добросовестных, иногда очень талантливых работников, на ниве белорусской истории, этнографии и археологии, что, нам очень хочется верить, что оно и дальше пойдет по этому пути, и что научное движение, начатое немногими пионерами, разовьется в глубь и в ширь, захватив средние слои местного образованного общества. И это вполне естественно. В самом деле, если интеллигентный великорус не будет знать и любить своей народной массы, если интеллигентный малорус забудет свою историю и свои поэтические предания, если интеллигентный белорус будет холодно и свысока смотреть на историческую белую свитку, то спрашивается, кто будет знать, уважать и любить великий русский народ. Стремление к изучению белорусской истории и этнографии поддается духом времени и серьезными общественными и государственными потребностями» [2, с. 24].

Заклучэнне

Некаторыя погляды У. К. Стукаліча не зусім адпавядаюць пастулатам сучаснай беларусістыкі. У рабоце «Краткая заметка о белорусском наречии» ён не зрабіў прынцыпова новых высноў і не прывёў фактаў, адрозных ад тых, якімі аперывалі сучаснікі-лінгвісты. Але асобныя ацэнкі, каментарыі і практычныя прапановы У. К. Стукаліча выглядаюць цалкам слушнымі. Асабліва прыцягвае ўвагу выбар даследчыкаў, на чые працы ён абапіраўся ў сваіх разважаннях. З усёй разнароднай масы лінгвістычных сачыненняў XIX ст. У. К. Стукаліч спыніўся на тых, у якіх меркаванні не супярэчаць устаноўкам заходнерусізму, але пры гэтым маюць скіраванасць на беларускую моўную самастойнасць ці прынамсі выразную адметнасць. Велізарнае значэнне мела папулярызацыя такіх навуковых вывадаў, прычым гэта не было цалкам механічнай работай, паколькі выбарка рэпрэзентатыўных цытат і іх каментаванне – складаныя задачы, якія патрабуюць досведу і кваліфікацыі. Выключна важным было тое, што, «падтрымліваючы тэзіс аб паходжанні беларускай мовы ад рускай», У. К. Стукаліч тым не менш дакладна вызначаў яе ролю і значэнне ў гісторыі і культуры беларусаў [4, с. 124]. Усё гэта з'яўляецца падставай для ўзгадвання імя У. К. Стукаліча ў гісторыі беларускага мовазнаўства XIX ст.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Лавринович ДС. Владимир Казимирович Стукалич – видный общественный и культурный деятель Беларуси второй половины XIX – начала XX века. В: Иванов ЕЕ, редактор. *Интегративные функции русского языка и культуры в системе непрерывного образования Беларуси, России, Украины*. Могилёв: Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова; 2008. с. 188–193.
2. Стукалич ВК. *Краткая заметка о белорусском наречии*. Витебск: Губернская типография; 1895. 25 с.

3. Акуневіч В. У. К. Стукаліч як прадстаўнік «заходнерускай» плыні ў грамадскай думцы Беларусі канца XIX – пачатку XX стагоддзяў. У: Сяргеева В, Сухарукаў А, Шышанаў В, Дадзека Т, рэдактары. *Беларуска-рускае культурнае ўзаемадзеянне канца XIX – пачатку XX ст. Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 150-годдзю з дня нараджэння І. Я. Рэпіна і 100-годдзю знаходжання мастака на Беларусі; 1995 г.; Віцебск, Беларусь*. Віцебск: [б. в.]; 1995. с. 45–49.
4. Лавринovich ДС, Бондаренко КМ, Вороб'ёв АА, Заблоцкая МВ, Мельнікова АС, Табунов ВВ и др. *Деятельность общероссийских политических партий на белорусских землях в конце XIX – начале XX в.* Могилёв: Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова; 2018. 344 с.
5. Заблоцкая МВ. Личность в истории: общественная и политическая деятельность литератора, краеведа, историка Беларуси В. К. Стукалича. В: Фалалеев ВВ, редактор. *Личность – слово – социум. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Часть 1; 29–30 апреля 2009 г.*; Минск, Беларусь. Минск: Паркус плюс; 2009. с. 11–14.
6. Заблоцкая МВ. Взгляды А. П. Сапунова и В. К. Стукалича на историю Беларуси с древнейших времен до начала XIX в. *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А, Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. 2011;2:25–31.
7. Лавринovich ДС. Политический портрет В. К. Стукалича – председателя Витебского отдела «Союза 17 октября». *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А, Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. 2009;1:21–25.
8. Падліпскі АМ. *Летанісец Віцебшчыны*. Мінск: Польша; 1993. 92 с.
9. Стукалич ВК. *Белоруссия и Литва. Очерки из истории городов в Белоруссии*. Витебск: Губернская типография; 1893. 91 с.
10. Стукалич ВК. *К вопросу об устройстве университета в Витебске*. Витебск: [б. и.]; 1903. 12 с.
11. Заблоцкая МВ. А. П. Сапунов и В. К. Стукалич в Витебской ученой архивной комиссии. В: Космач ВА, Костырева СС, Кулиев СИ, редакторы. *Материалы XV научной сессии преподавателей и студентов; 27 апреля 2012 г.*; Витебск, Беларусь. Витебск: Международный институт трудовых и социальных отношений; 2012. с. 161–162.
12. Букчин СВ. Вы уже давно ищите правду... *Звезда* [Интернет]. 2007 [прочитано 17 лістапада 2022 г.]; 6. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2007/6/vy-uzhe-davno-ishhete-pravdu.html>.
13. Bahuszewicz F. *Dudka bielaruskaja Macieja Buraczka*. Kraków: Wł. L. Anczyc; 1891. 72 s.
14. Біч МВ. *Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст.: гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі*. Мінск: Навука і тэхніка; 1993. 29 с.
15. Mironowicz E. Prorosyjska i propolska orientacja w białoruskiej myśli politycznej na przełomie XIX i XX w. *Acta Albarutenica*. 2003;4:13–20.
16. Заблоцкая МВ. Вклад А. П. Сапунова и В. К. Стукалича в развитие образовательных учреждений Витебской губернии в конце XIX – начале XX вв. В: Рыер ЯР, рэдактар. *Раманаўскія чытанні – XI. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 26–27 лістапада 2015 г.*; Магілёў, Беларусь. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова; 2016. с. 63–65.
17. Заблоцкая МВ. Участие витебских историков В. К. Стукалича и А. П. Сапунова в политической жизни Полоцко-Витебского края (вторая половина XIX – начало XX веков). *Вестник Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2, Гісторыя. Эканоміка. Права*. 2011;1:21–28.
18. Заблоцкая МВ. Труды витебских ученых А. П. Сапунова и В. К. Стукалича как исторический источник. В: Пуршышева НМ, редактор. *Романовские чтения – IX. Материалы Международной научной конференции; 29 ноября 2012 г.*; Могилёв, Беларусь. Могилёв: Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова; 2013. с. 98–100.
19. Гапоненка ІА, Свістунова МІ. Філолагі-славісты XIX ст. пра характар пісьмовай традыцыі ў гісторыі беларускай мовы. W: Chomko J, Romanik A, redaktorzy. *Horyzonty slawistyki w XXI wieku: stan obecny i perspektywy rozwoju*. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku; 2022. s. 65–83.
20. Гапоненко ІО. Система образования на белорусских землях в XIX – начале XX века: общественно-исторические и языковые аспекты. В: Баринov ИИ, Борисенко ЕЮ, Гапоненко ІО, Дашкевич ЕГ, Дроздов КС, Ершова ОИ и др. *Родное слово. Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX – середина XX века)*. Борисенко ЕЮ, Клопова МЭ, Короткова ДА, Лескинен МВ, редакторы. Санкт-Петербург: Нестор-история; 2021. с. 84–115. DOI: 10.31168/4469-2043-3.04.
21. Запрудскі С. Беларуская мова ў яе кантактах з расійскай: у цісках аднімальнага білінгвізму. *Lětapis*. 2003;1:73–94.
22. Linde SB. O literaturze słowiańsko-rosyjskiej. *Pamiętnik Warszawski*. 1816;5(czerwiec):125–144.
23. Linde SB. O literaturze słowiańsko-rosyjskiej. *Pamiętnik Warszawski*. 1816;5(maj):3–21.
24. Срезневский ИИ. *Мысли об истории русского языка*. Москва: Учпедгиз; 1850. 135 с.
25. Потебня АА. *Два исследования о звуках русского языка: I. О полногласии; II. О звуковых особенностях русских наречий*. Воронеж: Типография Е. Гольдштейн; 1866. 156 с.
26. Колосов МА. *Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка*. Варшава: Типография М. Земкевича и В. Ноаковского; 1878. 270 с.
27. Карский ЕФ. *Обзор звуков и форм белорусской речи*. Москва: Университетская типография (М. Катков); 1885. 170 с.
28. Максимович МА. *История древней русской словесности*. Киев: Университетская типография; 1839. 234 с.
29. Шакун ІМ. *Гісторыя беларускага мовознаўства*. Мінск: Універсітэцкае; 1995. 297 с.
30. Radzik R. *Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej; 2000. 301 s.
31. Макаревіч ВС. «Развітанне з сарматызмам» – нацыянальны склад і мова шляхты Беларусі ў XIX ст. У: Мусіенка С, Скрабко П, рэдактары. *Шлях да ўзаемнасці: польска-беларускія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі. Матэрыялы XII Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 11–12 лістапада 2004 г.*; Гродна, Беларусь. Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы; 2006. с. 268–273.
32. Куль-Сяльвестрава С. Эвалюцыя этнічнага самавызначэння прадстаўнікоў прывілеяванага саслоўя ў Беларусі XVIII–XIX стст. У: Кандрацюк М, рэдактар. *Польска-беларускія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі. Кніга 4, Матэрыялы IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці»; 20–22 ліпеня 2001 г.*; Беласток, Польшча. Беласток: Выдавецтва Універсітэту ў Беластоку; 2002. с. 291–299.
33. Семашкевіч РМ. *Беларускі-літаратурна-грамадскі рух у Пецярбурзе (канец XIX – пачатак XX ст.)*. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт імя У. І. Леніна; 1971. 133 с.

34. Гапоненка ІА. Суадносіны паняццяў літаратурнае/дыялектнае ў беларускай мове XIX – пачатку XX стагоддзя. У: Кунцэвіч ЛП, Паляшчук НВ, рэдактары. *Дыялекталогія і гісторыя беларускай мовы. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 15–16 красавіка 2008 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Права і эканоміка; 2008. с. 108–113.
35. Соболевский АИ. *Лекции по истории русского языка*. Москва: Университетская типография; 1888. 216 с.

References

1. Lavrinovich DS. [Vladimir Kazimirovich Stukalich – a prominent public and cultural figure of Belarus in the second half of the 19th – early 20th century]. In: Ivanov EE, editor. *Integrativnye funktsii russkogo yazyka i kul'tury v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya Belarusi, Rossii, Ukrainy* [Integrative functions of the Russian language and culture in the system of continuous education in Belarus, Russia, Ukraine]. Mahilioŭ: Mogilev State A. A. Kuleshov University; 2008. p. 188–193. Russian.
2. Stukalich VK. *Kratkaya zametka o belorusskom narechii* [Brief note about the Belarusian dialect]. Viciebsk: Gubernskaya tipografiya; 1895. 25 p. Russian.
3. Akunevich V. [V. K. Stukalich as a representative of the «Western Russian» movement in the public opinion of Belarus at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. In: Sjargeeva V, Suharukaw A, Shyshanaw V, Dadzeka T, editors. *Belaruska-ruskae kul'turnae wzaemadzejanne kanca XIX – pachatku XX st. Matjeryjaly navukovaj kanferjencyi, prysvechanaj 150-goddzju z dnja narodzhennja I. Ja. Rjepina i 100-goddzju znahodzhannja mastaka na Belarusi; 1995 g.; Vicebsk, Belarus'* [Belarusian-Russian cultural interaction of the late 19th – early 20th century. Proceedings of the scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the birth of I. Ya. Repin and the 100th anniversary of the artist's stay in Belarus; 1995; Vitebsk, Belarus]. Viciebsk: [s. n.]; 1995. p. 45–49. Belarusian.
4. Lavrinovich DS, Bondarenko KM, Vorob'ev AA, Zablotzkaya MV, Mel'nikova AS, Tabunov VV, et al. *Deyatel'nost' obshcherossiiskikh politicheskikh partii na belorusskikh zemlyakh v kontse XIX – nachale XX v.* [The activities of all-Russian political parties in the Belarusian lands in the late 19th – early 20th century]. Mahilioŭ: Mogilev State A. A. Kuleshov University; 2018. 344 p. Russian.
5. Zablotzkaya MV. [Personality in history: social and political activities of the writer, local historian, historian of Belarus V. K. Stukalich]. In: Falaleev VV, editor. *Lichnost' – slovo – sotsium. Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chast' I; 29–30 aprelya 2009 g.; Minsk, Belarus'* [Personality – word – society. Proceedings of the 9th International scientific and practical conference. Part 1; 2009 April 29–30; Minsk, Belarus]. Minsk: Parkus plyus; 2009. p. 11–14. Russian.
6. Zablotzkaya MV. Views of A. P. Sapunov and V. K. Stukalich on the history of Belarus since ancient times to the beginning of the XIX century. *Mogilev State A. A. Kuleshov Bulletin. Series A, Humanitarian Sciences (History, Philosophy, Philology)*. 2011;2:25–31. Russian.
7. Lavrinovich DS. [Political portrait of V. K. Stukalich – the chairman of the Vitebsk branch of «Union on October 17»]. *Mogilev State A. A. Kuleshov Bulletin. Series A, Humanitarian Sciences (History, Philosophy, Philology)*. 2009;1:21–25. Russian.
8. Padlipski AM. *Letapisec Vicebschchyny* [Chronicle of Vitebsk region]. Minsk: Polymja; 1993. 92 p. Belarusian.
9. Stukalich VK. *Belorussiya i Litva. Ocherki iz istorii gorodov v Belorussii* [Belarus and Lithuania. Essays from the history of cities in Belarus]. Viciebsk: Gubernskaya tipografiya; 1893. 91 p. Russian.
10. Stukalich VK. *K voprosu ob ustroistve universiteta v Vitebske* [On the question of the structure of the university in Vitebsk]. Viciebsk: [s. n.]; 1903. 12 p. Russian.
11. Zablotzkaya MV. [A. P. Sapunov and V. K. Stukalich in the Vitebsk academic archival commission]. In: Kosmach VA, Kostyreva SS, Kuliev SI, editors. *Materialy XV nauchnoi sessii prepodavatelei i studentov; 27 aprelya 2012 g.; Vitebsk, Belarus'* [Proceedings of the 15th scientific session of teachers and students; 2012 April 27; Vitebsk, Belarus]. Viciebsk: International Institute of Labour and Social Relations; 2012. p. 161–162. Russian.
12. Bukchin SV. You have been searching for the truth for a long time... *Zvezda* [Internet]. 2007 [cited 2022 November 17];6. Available from: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2007/6/vy-uzhe-davno-ishhete-pravdu.html>. Russian.
13. Bahuszewicz F. *Dudka bielaruskaja Macieja Buraczka*. Kraków: Wł. L. Anczyc; 1891. 72 s.
14. Bich M. *Belaruskae adradzhjenne w XIX – pachatku XX st.: gistarychnyja asablivasci, uzaemaadnosiny z inshymi narodami* [Belarusian revival in the 19th early 20th century: historical features, relations with other peoples]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1993. 29 p. Belarusian.
15. Mironowicz E. Prorosyjska i propolska orientacja w białoruskiej myśli politycznej na przełomie XIX i XX w. *Acta Albarutenica*. 2003;4:13–20.
16. Zablotzkaya MV. [Contribution of A. P. Sapunov and V. K. Stukalich in the development of educational institutions of the Vitebsk province in the late 19th – early 20th century]. In: Ryer JaR, editor. *Ramanawskija chytanni – XI. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 26–27 listapada 2015 g.; Magil'ow, Belarus'* [Readings of Ramanau – XI. Proceedings of the International scientific conference; 2015 November 26–27; Mogilev, Belarus]. Mahilioŭ: Mogilev State A. A. Kuleshov University; 2016. p. 63–65. Russian.
17. Zablotzkaya MV. Participation of Vitebsk historians V. K. Stukalich and A. P. Sapunov in political life of Polotsk-Vitebsk region (the 2nd half of the XIX – the beginning of the XX centuries). *Vesnik of Brest University. Series 2, History, Economics, Law*. 2011;1:21–28. Russian.
18. Zablotzkaya MV. [Works of Vitebsk scientists A. P. Sapunov and V. K. Stukalich as a historical source]. In: Puryshcheva NM, editor. *Romanovskie chteniya – IX. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 29 noyabrya 2012 g.; Mogilev, Belarus'* [Readings of Romanov – 9. Proceedings of the International scientific conference; 2012 November 29; Mogilev, Belarus]. Mahilioŭ: Mogilev State A. A. Kuleshov University; 2013. p. 98–100. Russian.
19. Gaponenka IA, Svistunova MI. Slavic philologists of the 19th century on the character of the written tradition in the history of the Belarusian language. W: Chomko J, Romanik A, redaktorzy. *Horyzonty slawistyki w XXI wieku: stan obecny i perspektywy rozwoju*. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku; 2022. s. 65–83. Belarusian.
20. Gaponenko IO. National education in the Belarusian lands in the XIX and early XX centuries: sociohistorical and linguistic aspects. In: Barinov II, Borisenok EYu, Gaponenko IO, Dashkevich EG, Drozdov KS, Ershova OI, et al. *Rodnoe slovo. Belorusskii i ukrainskii yazyki v shkole (ocherki istorii massovogo obrazovaniya, seredina XIX – seredina XX veka)* [Native word. Belarusian and Ukrainian languages at school (essays on the history of mass education, mid 19th – mid 20th century)]. Borisenok EYu, Klopova ME, Korotkova DA, Leskinen MV, editors. Saint Petersburg: Nestor-istoriya; 2021. p. 84–115. Russian. DOI: 10.31168/4469-2043-3.04.

21. Zaprudsky S. The Belarusian language in its contacts with the Russian language: in the grip of subtractive bilingualism. *Lětopis*. 2003;1:73–94. Belarusian.
22. Linde SB. O literaturze słowiańsko-rosyjskiej. *Pamiętnik Warszawski*. 1816;5(czerwiec):125–144.
23. Linde SB. O literaturze słowiańsko-rosyjskiej. *Pamiętnik Warszawski*. 1816;5(maj):3–21.
24. Sreznevskii II. *Mysli ob istorii russkogo yazyka* [Thoughts on the history of the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz; 1850. 135 p. Russian.
25. Potebnya AA. *Dva issledovaniya o zvukakh russkogo yazyka: I. O polnoglasii. II. O zvukovykh osobennostyakh russkikh narechii* [Two studies on the sounds of the Russian language: I. On the fullness of the voice; II. On the sound features of Russian dialects]. Voronezh: Tipografiya E. Gol'dshtein; 1866. 156 p. Russian.
26. Kolosov MA. *Obzor zvukovykh i formal'nykh osobennostei narodnogo russkogo yazyka* [An overview of the sound and formal features of the folk Russian language]. Warsaw: Tipografiya M. Zemkevicha i V. Noakovskogo; 1878. 270 p. Russian.
27. Karskii EF. *Obzor zvukov i form belorusskoi rechi* [Overview of sounds and forms of Belarusian speech]. Moscow: Universitetskaya tipografiya (M. Katkov); 1885. 170 p. Russian.
28. Maksimovich MA. *Istoriya drevnei russkoi slovesnosti* [History of ancient Russian literature]. Kyiv: Universitetskaya tipografiya; 1839. 234 p. Russian.
29. Shakun LM. *Gistoryja belaruskaga movaznavstva* [History of Belarusian linguistics]. Minsk: Universitjeckae; 1995. 297 p. Belarusian.
30. Radzik R. *Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej; 2000. 301 s.
31. Makarjevich VS. [«Farewell to sarmatism» – the national composition and language of the nobility of Belarus in the 19th century]. In: Musienka S, Skrabko P, editors. *Shljah da wzaemnasci: pol'ska-belaruskija mownyja, litaraturnyja, gistarychnyja i kul'turnyja suvjazi. Matjeryjaly XII Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 11–12 listapada 2004 g.; Grodna, Belarus'* [The way to reciprocity: Polish-Belarusian linguistic, literary, historical and cultural ties. Proceedings of the 12th International scientific conference; 2004 November 11–12; Grodna, Belarus]. Grodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2006. p. 268–273. Belarusian.
32. Kul'-Sjal'vestrava S. [Evolution of ethnic self-determination of representatives of the privileged class in Belarus in 18–19th centuries]. In: Kandracjuk M, editor. *Pol'ska-belaruskija mownyja, litaraturnyja, gistarychnyja i kul'turnyja suvjazi. Kniga 4, Matjeryjaly IX Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi «Shljah da wzaemnasci»; 20–22 lipenja 2001 g.; Belastok, Pol'shcha* [Polish-Belarusian linguistic, literary, historical and cultural ties. Book 4, Materials of the 9th International scientific conference «The way to reciprocity»; 2001 July 20–22; Bialystok, Poland]. Bialystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku; 2002. p. 291–299. Belarusian.
33. Semashkevich RM. [Belarusian literary and social movement in Saint Petersburg (end of the 19th – beginning of the 20th century)]. Minsk: Belaruskij dzjarzhawnyj wniwersitjet imja U. I. Lenina; 1971. 133 p. Belarusian.
34. Gaponenka IA. [The relationship between literary/dialectal concepts in the Belarusian language of the 19th and early 20th century]. In: Kuncjevich LP, Paljashchuk NV, editors. *Dyjalektalogija i gistoryja belaruskaj movy. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 15–16 krasavika 2008 g.; Minsk, Belarus'* [Dialectology and history of the Belarusian language. Proceedings of the International scientific conference; 2008 April 15–16; Minsk, Belarus]. Minsk: Prava i jekanomika; 2008. p. 108–113. Belarusian.
35. Sobolevskii AI. *Lektsii po istorii russkogo yazyka* [Lectures on the history of the Russian language]. Moscow: Universitetskaya tipografiya; 1888. 216 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.02.2023.
Received by editorial board 14.02.2023.

УДК 811.161.1'271.2

О ВАРИАНТНОСТИ РОДОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СКЛОНЯЕМЫХ НАРИЦАТЕЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Е. А. БОЛТОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

На материале различных по времени издания нормативных грамматик, грамматических справочников и толковых словарей выявлены и охарактеризованы изменения в родовой принадлежности нарицательных имен существительных, произошедшие со второй половины XX до начала XXI в. Рассмотрены колебания между мужским и женским родом у склоняемых нарицательных имен существительных с основой на твердый и мягкий согласные звуки. Установлено, что сокращение вариантов рода, связанное со смысловыми или стилистическими различиями слов, происходит в направлении как мужского, так и женского (несколько реже) рода. Результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания морфологии современного русского литературного языка, стилистики и культуры речи, а также истории русского литературного языка.

Ключевые слова: литературная норма; склоняемые нарицательные имена существительные; род имени существительного; двойственная родовая отнесенность; конкуренция вариантов рода.

ПРА ВАРЬЯНТНАСЦЬ РАДАВЫХ ХАРАКТАРЫСТЫК СКЛАНЯЛЬНЫХ АГУЛЬНЫХ НАЗОЎНІКАЎ

А. А. БАЛТОЎСКАЯ^{1*}

^{1*}Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова,
вул. Касманаўтаў, 1, 212022, г. Магілёў, Беларусь

На матэрыяле розных па часе выдання нарматыўных граматык, граматычных даведнікаў і тлумачальных слоўнікаў выяўлены і ахарактарызаваны змены ў радавой прыналежнасці агульных назоўнікаў, якія адбыліся з другой паловы XX да пачатку XXI ст. Разгледжаны ваганні паміж мужчынскім і жаночым родам у скланяльных агульных назоўнікаў з асновай на цвёрды і мяккі зычныя гукі. Устаноўлена, што скарачэнне варыянтаў роду, звязанае з сэнсавымі або стылістычнымі адрозненнямі слоў, адбываецца ў напрамку як мужчынскага, так і жаночага (некалькі радзей) роду. Вынікі даследавання могуць быць выкарыстаны ў працэсе выкладання марфалогіі сучаснай рускай літаратурнай мовы, стылістыкі і культуры маўлення, а таксама гісторыі рускай літаратурнай мовы.

Ключавыя словы: літаратурная норма; скланяльныя агульныя назоўнікі; род назоўніка; дваістая радавая адпаведнасць; канкурэнцыя варыянтаў роду.

Образец цитирования:

Болтовская ЕА. О варианности родовых характеристик склоняемых нарицательных имен существительных. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;2:56–67.

For citation:

Boltovskaya EA. On the variation of gender characteristics of declinable common nouns. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;2:56–67. Russian.

Автор:

Елена Александровна Болтовская – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры общего и славянского языкознания историко-филологического факультета.

Author:

Elena A. Boltovskaya, PhD (philology), docent; associate professor at the department of general and Slavic linguistics, faculty of history and philology.
boltovskaia@msu.by

ON THE VARIATION OF GENDER CHARACTERISTICS OF DECLINABLE COMMON NOUNS

E. A. BOLTOVSKAYA^a

^aMogilev State A. A. Kuleshov University, 1 Kasmanawtaw Street, Magiliow 212022, Belarus

On the basis of normative grammar workbooks, grammar reference books and thesaurus dictionaries of different time periods, the changes in gender affiliation of common nouns that occurred from the second half of the 20th until the beginning of the 21st century have been revealed and characterised. The fluctuations between the masculine and feminine genders of declinable nouns with a stem ending in a hard and soft consonant have been considered. It has been established that the reduction of gender variants associated with semantic or stylistic differences occurs both in the direction of masculine and feminine (less often) genders. The results of the study can be used in the process of teaching modern Russian literary language morphology, stylistics and speech culture, and Russian literary language history.

Keywords: literary norm; declinable common nouns; the gender of the noun; dual gender relation; clashing of gender variants.

Введение

Изменения литературной нормы вообще и грамматической нормы в частности давно интересуют лингвистов, что отражается в большом количестве научных работ. Однако обращение к данной проблематике не перестанет быть актуальным, так как обладающие сложной природой нормы любого естественного языка как саморазвивающейся системы из-за их одновременной устойчивости и исторической подвижности нуждаются в постоянном описании.

Во второй половине XX в. изучением проблем нормативности и вариантности языковых единиц активно занимался К. С. Горбачевич. Исследователь описал колебания в грамматическом роде у склоняемых и несклоняемых имен существительных, обозначил трудности, с которыми сталкиваются носители языка при определении рода аббревиатур, выявил причины вариантности в формах слова, перечислил нормы употребления сложносоставных слов типа *диван-кровать*, а также обратил внимание на функциональные особенности морфологических вариантов [1; 2]. Указав, что по сравнению с языком XIX – начала XX в. в современном русском языке родовая вариантность выступает как убывающий лингвистический феномен, К. С. Горбачевич последовательно охарактеризовал специфику проявления родовой неоднозначности в различных группах имен существительных. Он утверждал, что «...у имен с выраженными морфологическими показателями (на твердый согласный звук – мужской род, на *-a* – женский род, на *-o* – средний род) варьирование в роде не является продуктивным и постепенно отмирает. В тех же случаях, когда колебания продолжаются, родовые варианты часто приобретают функциональную специализацию» [2, с. 172].

В. А. Ицкович определил изменение норм русского литературного языка как процесс, состоящий из пяти этапов. На первом этапе то явление, которое станет нормой, встречается только за пределами литературного употребления. На втором этапе оно начинает распространяться в устной форме литературного языка. В течение третьего этапа старая норма и новая норма сосуществуют в относительном равновесии. На четвертом этапе старый вариант употребляется только в письменной речи, а новый вариант является нейтральным и в устной, и в письменной речи. На последнем этапе новый вариант вытесняет старый за пределы литературного языка и закрепляется в качестве нормативного. Имеется и другой путь: «...два явления могут сосуществовать, если возникает их смысловая или стилевая дифференциация» [3, с. 48]. Эти пути могут сочетаться.

Л. И. Скворцов рассмотрел проблему нормы в динамическом и системном аспектах, выделив основные и частные антиномии, влияющие на нормативность (например, антиномию относительной стабильности нормы и изменчивости языка, антиномию грамматического (формального, типового) и смыслового (содержательного) значений и др.). Говоря о вариативности норм, особенностях их функционирования и эволюции, он разграничил варианты, находящиеся в пределах нормы, и варианты, один (или несколько) из которых является ненормативным: «Поскольку накопление и исчезновение тех или иных языковых элементов происходит одновременно, то в языке допустимы и неизбежны нормативные колебания, когда одна и та же языковая единица может иметь две формы...» [4, с. 101].

Полагая, что «процесс сосуществования, смены старой и новой норм должен стать предметом специального изучения»¹, Л. К. Граудина лишь частично согласилась с выводами К. С. Горбачевича о сокращении

¹Граудина Л. К. Теоретический и методологический аспекты нормализации языка (грамматика и варианты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. М., 1980. С. 23.

формальных вариантов в современном языке: «...утверждение о том, что вариантность в языке идет на убыль, не может провозглашаться в качестве универсальной формулы, истинной для всех ярусом языковой системы. Вариантность в грамматике живого языка – это извечная форма ее развития»². Применяв статистические методы в исследовании, она разработала классификацию вариантов по частотным зонам и по характеру количественных соотношений вариантов внутри каждого типа, а также составила обширный перечень грамматических вариантов с количественной оценкой нормы их употребления.

На материале вариантов рода имен существительных Л. Г. Мощенская охарактеризовала механизм воздействия белорусского языка на русский язык и определила степень варьирования родовых характеристик в русской речи белорусов в зависимости от различных социальных факторов (профессиональных, возрастных и территориальных переменных) [5]. Рассмотрев на корпусном материале специфику реализации рода, числа, падежа, наклонения, времени и других грамматических категорий в белорусской разновидности русского языка, О. С. Горичкая пришла к выводу о том, что, «с одной стороны, знание кодифицированных норм и восприятие их социальной значимости существенно замедляет грамматические изменения, с другой – демократизация языка и другие социальные процессы способствуют распространению отдельных “сильных” грамматических белорусизмов в коммуникации» [6, с. 37], и в качестве примера употребления ненормативного морфологического варианта привела лексему *собака*. Как отметил Б. Ю. Норман, несмотря на усиливающееся воздействие прагматических и стилистических аспектов на категорию рода, вследствие чего в сознании носителей русского языка она становится более свободной и выразительной, ее глубинные основания не меняются [7, с. 173].

Современные российские исследователи вариантов родовой принадлежности имен существительных и динамики норм словоизменения в русском языке (А. С. Баранова, Е. В. Маринова, И. В. Приорова, С. О. Савчук, У. И. Турко и др.), сопоставляя данные, полученные из разных источников (словарей, грамматик, Национального корпуса русского языка и др.), углубляют содержание понятия «вариативность родовой характеристики», выявляют и описывают факторы, способствующие возникновению колебаний в роде, а также приводят примеры тематических групп и отдельных слов, в которых прослеживается родовая вариативность.

Таким образом, для грамматической системы неустойчивая родовая принадлежность имен существительных не является чем-то новым. Родовые варианты, как правило, сосуществуют в устной и письменной речи носителей языка в течение длительного времени. Динамика и характер взаимоотношений родовых вариантов (стилистическая или семантическая дифференциация вариантов, архаизация одного из них) обнаруживаются при исследовании их функционирования на различных временных срезах.

Цель статьи – выявление современных тенденций в конкуренции родовых вариантов склоняемых нарицательных имен существительных, двойственность характеристик рода которых выражена морфологически. Научная новизна в разработке данной проблематики связана с противоречивым характером непрерывно изменяющейся литературной нормы, которая подлежит постоянному обновлению описания и дальнейшей фиксации полученных результатов в лексикографических изданиях, а также с необходимостью установления морфологических вариантов, эволюционирующих в грамматической системе современного русского языка и трансформирующих свои стилистические и семантические параметры.

Наблюдения за сдвигами в соотношении вариантов рода («точками роста», «вариантными зонами» (Л. И. Скворцов), «фазами вариантности» (Л. К. Граудина)) способствуют более качественному оцениванию имеющейся нормы, а своевременное выявление изменений помогает в выработке обоснованных практических рекомендаций по употреблению того или иного варианта рода.

Материалы и методы исследования

Источником эмпирического материала послужили данные грамматических и толковых словарей, а также грамматик современного русского языка, изданных начиная с 1950-х гг. Исследование предполагало установление состава лексем с двойственной родовой отнесенностью и сопоставление словарно-справочных рекомендаций. Отбор материала осуществлялся в соответствии со следующими критериями:

1) различие родовых вариантов выражается эксплицитно (с помощью системы окончаний падежных форм единственного числа);

2) в грамматиках и грамматических словарях у родовых вариантов отсутствуют пометы, свидетельствующие о неравноправном положении одного из них в плане ограничения сферы употребления вследствие наличия функционально-стилевой коннотации (например, терминологическая лексика как стилистически замкнутый разряд лексики или устаревшие слова разной степени архаичности).

В качестве основного привлекался описательный метод исследования, состоящий из наблюдения, обобщения и интерпретации языкового материала.

²Граудина Л. К. Теоретический и методологический аспекты нормализации языка... С. 38.

Результаты и их обсуждение

Вариантность – это лингвистический феномен, при котором имеется два и более (редко) способа реализации одной и той же языковой единицы. Инвентаризация языковых вариантов, установление их специфики на разных уровнях языковой системы и рассмотрение сдвигов в нормах литературного языка представляют собой важные задачи теории вариантности. Исследователи (К. С. Горбачевич, Л. П. Крысин, Д. Э. Розенталь и др.) полагают, что полные (равноправные, взаимозаменяемые, находящиеся в отношениях свободного варьирования) варианты являются не только кратковременными в языковой системе, но и избыточными для нее: «В редких случаях параллельные формы не связаны со смысловыми или стилистическими различиями и выступают как равноправные, однако большую часть таких слов предпочтительно употреблять в одном из указанных родов...» [8, с. 178]. Так, «свободная вариативность постоянно испытывает давление со стороны нормы, которая в принципе неохотно допускает функционально неоправданную дублетность языковых единиц» [9, с. 9]. Следовательно, преобразование полных вариантов в неполные варианты (обусловленные в семантическом, стилистическом, социальном и другом отношении) обычно расценивается как один из показателей совершенствования литературного языка: «Положительным результатом действия закона аналогии является постепенная унификация вариантных способов языкового выражения в тех случаях, когда их формальное различие не связано со стилистической, экспрессивной или иной дополнительной функцией» [1, с. 24]. Особенно важно изучать нормативные грамматические варианты, которые находятся в фазе активной конкуренции и характеризуются в словарях и справочниках как равноправные, синонимичные, поскольку это помогает понять, как развивается литературная норма на определенном синхронном срезе. Подобные наблюдения могут быть полезны в практике составления лингвистических словарей для уточнения помет, сопровождающих варианты.

В современном русском языке категория рода является основной классификационной категорией имени существительного и в то же время относится к одной из проблемных зон грамматической вариантности [10–12]. По наблюдениям ученых, неустойчивая родовая принадлежность обнаруживается среди имен существительных различной структурно-семантической оформленности и разного происхождения [12–14]. Родовое варьирование сложно назвать типичным для склоняемых нарицательных имен существительных явлением. Так, по подсчетам Л. К. Граудиной, к 1970-м гг. список варьирующихся по роду слов насчитывал менее 100 пар, тогда как в начале XX в. он был приблизительно в два раза больше [10, с. 51]. Как справедливо отметила С. О. Савчук, «в целом количество вариантов с колебанием в роде в современном русском языке сократилось (либо один из вариантов ушел в пассив, либо все слово целиком устарело), однако говорить об исчезновении варьирования по роду рано» [12, с. 569].

Морфологически выраженные варианты рода представляют собой разные лексемы, неодинаково склоняющиеся в пределах субстантивного типа и в начальной форме, как правило, отличающиеся друг от друга флексиями (за исключением имен существительных с основой на мягкий согласный звук типа *роль*, у которых различие в окончаниях проявляется в формах косвенных падежей, кроме винительного падежа для неодушевленных имен существительных).

Исследование состояло из нескольких этапов. Для определения перечня вариантов с морфологически выраженными колебаниями в роде сначала привлекались сведения из нормативных изданий «Грамматика русского языка» (ГРЯ-1952, с. 111–113), «Русская грамматика» (РГ-1980, с. 468–469) и «Краткая русская грамматика» (КРГ-1989, с. 173), а затем на их основе была составлена сводная таблица склоняемых нарицательных имен существительных, у которых наблюдается двойственная родовая отнесенность. Полученные данные для наглядности и удобства сопоставления размещены в табл. 1 (примеры пронумерованы).

Таблица 1

Родовые варианты склоняемых нарицательных имен существительных по данным нормативных грамматик современного русского языка

Table 1

Gender variants of declinable common nouns according to the modern Russian language normative grammar workbooks

№ п/п	ГРЯ-1952	РГ-1980	КРГ-1989
1	–	<i>аневризм</i> – <i>аневризма</i> (терм.)	–
2	<i>арабеск</i> (устар.) – <i>арабеска</i>	<i>арабеск*</i> – <i>арабеска</i> (чаще во мн. ч.)	–
3	–	<i>бакенбард*</i> – <i>бакенбарда</i> (чаще во мн. ч.)	–
4	–	–	<i>банкнот</i> – <i>банкнота*</i>

Продолжение табл. 1
Continuation of the table 1

№ п/п	ГРЯ-1952	РГ-1980	КРГ-1989
5	<i>ботинок – ботинка</i> (только в просторечии)	<i>ботинок – ботинка</i> (устар.)	–
6	–	<i>ботфорт – ботфорта*</i> (чаще во мн. ч.)	–
7	<i>вуаль</i> (ж. р.) – <i>вуаль</i> (м. р., устар.)	–	<i>вуаль</i> (ж. р.) – <i>вуаль</i> (м. р., устар.)
8	–	<i>георгин – георгина</i> (устар.)	–
9	<i>глист – глиста</i> (в разг. речи)	<i>глист – глиста</i> (разг.)	<i>глист – глиста</i> (разг.)
10	<i>гроздь – грозд</i> (устар.)	–	–
11	<i>жираф – жирафа*</i>	<i>жираф – жирафа*</i>	<i>жираф – жирафа*</i>
12	<i>зал – зала</i> (устар.)	<i>зал – зала</i> (устар.), <i>зало</i> (устар.)	<i>зал – зала</i> (устар.)
13	<i>занавес – занавесь</i> (устар.)	<i>занавес – занавесь</i> (устар.)	–
14	–	–	<i>зверь</i> (м. р.) – <i>зверь</i> (ж. р., обл.)
15	–	<i>идиом – идиома</i> (терм.)	–
16	<i>канделябр – канделябра</i> (устар.)	–	<i>канделябр – канделябра</i> (устар.)
17	<i>катаракта – катаракт</i> (устар.)	<i>катаракт – катаракта</i> (терм.)	<i>катаракт – катаракта*</i>
18	<i>клавиш – клавиша</i> (в разг. речи)	<i>клавиш – клавиша</i> (разг.), <i>клавиша – клавиш*</i>	<i>клавиш – клавиша*</i>
19	<i>лебедь</i> (м. р.) – <i>лебедь</i> (ж. р., в нар.-поэт. речи)	<i>лебедь</i> (м. р.) – <i>лебедь</i> (ж. р., нар.-поэт.)	<i>лебедь</i> (м. р.) – <i>лебедь</i> (ж. р., нар.-поэт.)
20	–	<i>лось</i> (м. р.) – <i>лось</i> (ж. р., устар.)	<i>лось</i> (м. р.) – <i>лось</i> (ж. р., устар. и обл.)
21	–	<i>манжета – манжет*</i> (чаще во мн. ч.)	<i>манжет – манжета*</i>
22	<i>мирт – мирта</i> (устар.)	–	–
23	<i>мочало – мочала</i> (устар.)	–	–
24	–	<i>нашесть – нашесть</i> (устар.)	–
25	–	<i>парафраз – парафраза</i> (терм.)	–
26	–	<i>перифраз – перифраза</i> (терм.)	–
27	–	<i>полотенце – полотенец</i> (прост.)	<i>полотенце – полотенец</i> (прост.)
28	–	<i>просека – просек</i> (устар.)	<i>просека – просек</i> (устар.)
29	<i>рельс – рельса</i> (в разг. речи)	<i>рельс – рельса*</i> (чаще во мн. ч.)	<i>рельс – рельса</i> (устар.)
30	<i>рояль</i> (м. р.) – <i>рояль</i> (ж. р., устар.)	<i>рояль</i> (м. р.) – <i>рояль</i> (ж. р., устар.)	<i>рояль</i> (м. р.) – <i>рояль</i> (ж. р., устар.)
31	<i>санаторий – санатория</i> (устар.)	<i>санаторий – санатория</i> (устар.)	<i>санаторий – санатория</i> (устар.)
32	<i>скирд – скирда*</i>	<i>скирд – скирда*</i>	–
33	–	<i>спазма – спазм*</i> (чаще во мн. ч.)	<i>спазм – спазма*</i>
34	<i>ставень – ставня*</i>	<i>ставня – ставень*</i> (чаще во мн. ч.)	<i>ставень – ставня*</i>
35	–	<i>станс – станса</i> (устар.)	–
36	<i>табель</i> (м. р.) – <i>табель</i> (ж. р., устар.)	–	–
37	<i>тополь</i> (м. р.) – <i>тополь</i> (ж. р., устар.)	–	–
38	<i>туфля – туфель</i> (прост.)	–	<i>туфля – туфель</i> (прост.)
39	–	<i>фарс – фарса</i> (устар.)	–

Окончание табл. 1
Ending table 1

№ п/п	ГРЯ-1952	РГ-1980	КРГ-1989
40	–	<i>ферзь</i> (м. р.) – <i>ферзь</i> (ж. р., устар.)	<i>ферзь</i> (м. р.) – <i>ферзь</i> (ж. р., устар.)
41	<i>фильм</i> – <i>фильма</i> (устар.)	<i>фильм</i> – <i>фильма</i> (устар.)	–
42	<i>чинара</i> – <i>чинар</i> (устар.)	–	–
43	<i>чучело</i> – <i>чучела</i> (устар.)	–	–
44	–	<i>яблоко</i> – <i>яблук</i> (прост.)	<i>яблоко</i> – <i>яблук</i> (прост. и обл.)

Примечание. Знаком * отмечены формальные варианты, для которых хотя бы в одной из нормативных грамматик отсутствуют пометы, характеризующие хронологическое, стилистическое или территориальное расслоение.

Как свидетельствует фактический материал, подавляющее большинство вариантов склоняемых нарицательных имен существительных представляют собой пары, в которых родовые различия выражаются с помощью неодинаковых флексий в начальной форме. Вследствие этого колебания в грамматическом роде наблюдаются между мужским родом (у имен существительных, оканчивающихся на твердый согласный звук) и женским родом (у имен существительных на *-а* (кроме колебания *зал – зала, зало* с вариантами женского и среднего рода)). Единичными, подверженными дифференциации в плане хронологии и сферы употребления являются варианты среднего и женского рода (*мочало – мочала, чучело – чучела*), среднего и мужского рода (*полотенце – полотенца, яблоко – яблук*). Обладавшие высокой конкурентной активностью в XIX–XX вв. варианты, которые оканчиваются на мягкий согласный звук и имеют нулевую флексию в форме именительного падежа единственного числа (типа *вуаль, лебедь, рояль, тополь, ферзь*), к рубежу XX–XXI вв., по мнению Е. В. Мариновой, стабилизировались, и сейчас они представлены преимущественно словами мужского рода из-за его доминирующего положения в адаптационных процессах [11, с. 89; 13, с. 401–402].

Итак, в ГРЯ-1952 представлено всего 3 пары равноправных вариантов (*жираф – жирафа, скирд – скирда, ставень – ставня*), тогда как в РГ-1980 их насчитывается 10, а в КРГ-1989 количество таких пар уменьшается до 7. Возможно, это связано с тем, что интенсивное изучение вариантности и всплеск исследовательского интереса к данной теме пришлось на 1970–80-е гг. В РГ-1980 обнаружена противоречивая характеристика для пары *клавиш – клавиша*. Сначала лексема *клавиша* дается как разговорная (РГ-1980, с. 468), а затем оба слова признаются стилистически не дифференцированными (РГ-1980, с. 469). Упразднение вариантов происходит за счет слов женского рода, которые устаревают либо становятся стилистически маркированными и таким образом уходят в пассивный лексический фонд и (или) за пределы литературной нормы. Так, в ГРЯ-1952 из 22 пар неравноправных вариантов 14 нормативных (современных, стилистически нейтральных) слов имеют мужской род, 6 слов – женский род и 2 слова – средний род. Между тем в РГ-1980 из 23 пар неравноправных вариантов (если признавать лексему *клавиша* разговорной) 20 нормативных лексем имеют мужской род, 2 лексемы – средний род и 1 лексема относится к женскому роду. В свою очередь, в КРГ-1989 из 15 пар неравноправных вариантов 10 нормативных единиц имеют мужской род, 3 единицы – женский род и 2 единицы – средний род. По утверждению Д. Э. Розенталя, «замена форм женского рода с окончанием *-а* формами мужского рода с нулевым окончанием свидетельствует о проявлении тенденции к экономии речевых средств» [8, с. 181]. Однако автор настоящей статьи согласен с мнением Л. К. Граудиной о том, что эта «мысль справедлива, но не безусловна и не абсолютна», так как среди языковых средств имеются примеры, «когда нормативной становится более длинная форма» [10, с. 67].

Далее к сформированному списку, из которого были исключены стилистически маркированные лексемы, добавлялись равноправные пары, иногда сопровождающиеся пометами, которые свидетельствуют о частотности употребления одного из вариантов. Эти пары слов извлекались из стереотипного издания грамматического справочника «Словарь грамматических вариантов русского языка» (СГВРЯ, с. 90–97) 2008 г., напечатанного по исправленному и дополненному в 2001 г. словарю «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов», первое издание которого вышло в 1976 г.

На завершающем этапе для изучения соотношения родовых вариантов в исторической перспективе были проверены морфолого-стилистические сведения о каждой лексеме из 42 пар грамматических вариантов в нескольких авторитетных толковых словарях, в частности в изданиях «Словарь русского языка» (СРЯ) 1953 г., «Словарь современного русского литературного языка» (БАС) 1950–1965 гг., «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (ТСВНРЛЯ) 1973 г., «Словарь русского языка» (МАС) 1981–1984 гг., «Толковый словарь иноязычных слов» (ТСИС) 2006 г., а также в издании «Большой толковый словарь русского языка» (БТСРЯ) 1998 г., опубликованном на справочно-информационном портале «Грамота.ру» в авторской редакции 2014 г. Полученные данные для наглядности и удобства сопоставления размещены в табл. 2 (примеры пронумерованы).

Родовые варианты склоняемых нарицательных имен существительных по данным грамматических справочников и толковых словарей

Table 2

Gender variants of inflected common nouns according to grammar references and thesaurus dictionaries

№ п/п	Вариантные пары	СРЯ	БАС	ТСВНРЛЯ	МАС	СГВРЯ	ТСИС	БТСРЯ
1	<i>автокар – автокара</i>	м. р.	м. р., ж. р.	–	м. р.	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.	м. р.
2	<i>анемон – анемона</i>	–	м. р., ж. р.	–	м. р., ж. р.	м. р., ж. р. (реже)	м. р., ж. р. (бог.)	м. р., ж. р.
	<i>арабеск – арабеска</i>							мн. ч.; ед. ч. м. р., ж. р. в знач. 'орнамент', ж. р. в знач. 'жанр инструментальной пьесы', м. р. в знач. 'балетная поза'
3		м. р., ж. р.	мн. ч. (чаще); ед. ч. ж. р., м. р.	ж. р., м. р. (устар.)	мн. ч.; ед. ч. ж. р., м. р.	ж. р., м. р. (реже)	м. р., ж. р.	
4	<i>багет – багета</i>	м. р.	м. р.	–	м. р.	м. р., ж. р. (реже)	м. р.	м. р.
5	<i>бакенбард – бакенбарда</i>	мн. ч.; ед. ч. ж. р.	мн. ч.; ед. ч. м. р., ж. р.	мн. ч.; ед. ч. ж. р., м. р. (устар.)	мн. ч. (фин.); ед. ч. м. р. (устар.), ж. р.	м. р., ж. р. (реже)	мн. ч.; ед. ч. ж. р., м. р.	мн. ч.; ед. ч. ж. р.
6	<i>банкнот – банкнота</i>	м. р.	–	м. р., ж. р. (устар.)	мн. ч. (фин.); ед. ч. м. р., ж. р. (устар.)	м. р., ж. р. (фин.)	мн. ч.; ед. ч. м. р., ж. р.	мн. ч.; ед. ч. м. р., ж. р.
7	<i>ботфорт – ботфорта</i>	мн. ч.; ед. ч. м. р.	мн. ч. (устар.); ед. ч. м. р., ж. р.	–	мн. ч.; ед. ч. м. р.	м. р., ж. р. (реже)	мн. ч.; ед. ч. м. р.	мн. ч.; ед. ч. м. р.
8	<i>брызг – брызга</i>	только мн. ч.	мн. ч.; ед. ч. ж. р., м. р.	мн. ч.; ед. ч. ж. р. (малоупотр.)	только мн. ч.	ж. р., м. р. (реже)	–	мн. ч.; ед. ч. ж. р.
9	<i>бутс – бутса</i>	только мн. ч. (спец.)	только мн. ч. (спорт.)	мн. ч.; ед. ч. ж. р.	мн. ч.; ед. ч. ж. р.	м. р., ж. р. (реже)	мн. ч.; ед. ч. ж. р.	мн. ч.; ед. ч. ж. р.
10	<i>вежесталь (м. р.) – вежесталь (ж. р.)</i>	–	м. р.	–	–	м. р., ж. р. (реже)	–	–
11	<i>вольер – вольера</i>	м. р.	ж. р.	ж. р., м. р. (доп.)	м. р., ж. р.	м. р., ж. р. (чаще)	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.
12	<i>вуаль (м. р.) – вуаль (ж. р.)</i>	ж. р.	ж. р.	ж. р.	ж. р.	ж. р., м. р. (реже)	ж. р.	ж. р.
13	<i>выхухоль (м. р.) – выхухоль (ж. р.)</i>	м. р.	м. р.	м. р., ж. р. (доп.)	м. р., ж. р.	ж. р., м. р.	–	м. р., ж. р.
14	<i>жираф – жирафа</i>	м. р.	м. р., ж. р. (устар.)	м. р., ж. р. (устаревающ.)	м. р., ж. р.	м. р., ж. р. (реже)	м. р., ж. р. (устар.)	м. р., ж. р. (устар.)

15	заусенец – заусеница	ж. р.	ж. р.	ж. р., м. р.	ж. р.; м. р. в знач. 'кожица' (устар.); м. р., ж. р. в знач. 'выступ' (техн.)	м. р., ж. р. (реже)	–	ж. р. в знач. 'кожица'; ж. р., м. р. в знач. 'выступ' (техн.)
16	канифоль (м. р.) – канифоль (ж. р.)	ж. р.	ж. р., м. р. (устар.)	ж. р., м. р. (устар.)	ж. р.	ж. р., м. р.	ж. р.	ж. р.
17	катаракт – катаракта	ж. р. в знач. 'помутнение хрусталика глаза'	м. р. в знач. 'водопад, пороги на реке'; ж. р. в знач. 'болезнь хрусталика глаза'	–	м. р. в знач. 'водопад' (спец.), 'устройство' (техн.); ж. р. в знач. 'помутнение хрусталика глаза'	м. р. в знач. 'водопад, пороги на реке; прибор' (техн.); ж. р. в знач. 'болезнь хрусталика глаза'	ж. р. в знач. 'заболевание глаза'	м. р. в знач. 'водопад' (спец.), 'устройство' (техн.); ж. р. в знач. 'помутнение хрусталика глаза' (мед.)
18	кед – кеда	–	–	только мн. ч.	только мн. ч.	м. р., ж. р. (чаще)	мн. ч.; ед. ч. м. р.	только мн. ч.
19	клавиши – клавиша	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.	ж. р., м. р.	м. р., ж. р.	м. р., ж. р. (чаще)	м. р. (устар.), ж. р.	ж. р.
20	клинс – клипса	–	–	ж. р., м. р. (реже)	мн. ч.; ед. ч. ж. р.	м. р., ж. р.	мн. ч.; ед. ч. м. р., ж. р.	мн. ч.; ед. ч. ж. р.
21	лангуст – лангуста	–	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.
22	лосось (м. р.) – лосось (ж. р.)	м. р.	м. р.	м. р., ж. р.	м. р.	м. р., ж. р.	–	м. р.
23	маммон – мамона	маммона; ж. р.; в знач. 'грубые, чувственные потребности' (устар.)	м. р., ж. р.	–	м. р., ж. р.; в знач. 'брюхо' (прост., устар.)	м. р., ж. р.	ж. р.	м. р., ж. р.
24	мангуст – мангуста	–	ж. р., м. р.	–	ж. р., м. р.	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.	ж. р., м. р.
25	манжета – манжет	ж. р.	ж. р. (спец.)	ж. р., м. р.	ж. р., м. р.; в знач. 'кольцо' (техн.)	ж. р., м. р.	ж. р.	м. р., ж. р.
26	маниок – маниока	–	м. р., ж. р.	–	ж. р., м. р.	м. р., ж. р.	ж. р., м. р.	ж. р., м. р.; в знач. 'вечнозеленый тропический кустарник' (бот.)
27	мирт – мирта	м. р.	м. р., ж. р.	–	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.	м. р.	м. р.
28	проток – протока	м. р.; в знач. 'рукав реки', в знач. 'узкая соединительная полость' (спец.)	м. р.; ж. р. в знач. 'рукав реки'	м. р., ж. р. (реже)	м. р.; ж. р. в знач. 'ответвление русла реки'	м. р., ж. р.	–	м. р.; в знач. 'рукав реки', в знач. 'узкая полость' (анат.)
29	псалтырь (м. р.) – псалтырь (ж. р.)	ж. р.	ж. р., м. р.	–	ж. р., м. р. (разг.)	м. р., ж. р.	ж. р., м. р.	м. р., ж. р. (разг.)

№ п/п	Вариантные пары	СРЯ	БАС	ТСВНРЛЯ	МАС	СГВРЯ	ТСИС	БТСРЯ
30	<i>пъекс – пьекса</i>	только мн. ч.	мн. ч.; ед. ч. ж. р. м. р.; ж. р. в знач. 'стальной узкий брус' (прост.)	–	мн. ч.; ед. ч. ж. р.	ж. р., м. р. (редко)	мн. ч.; ед. ч. ж. р.	мн. ч.; ед. ч. ж. р.
31	<i>рельс – рельса</i>	м. р.	м. р.	м. р., ж. р. (устаревающ.)	м. р., ж. р. (прост.)	м. р., ж. р. (реже; разг.)	м. р.	м. р.
32	<i>рояль (м. р.) – рояль (ж. р.)</i>	м. р.	м. р., ж. р. (устар.)	м. р. [не ж. р.]	м. р.	м. р., ж. р. (реже)	м. р.	м. р.
33	<i>скирд – скирда</i>	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.	ж. р., м. р.	м. р., ж. р. (чаще)	м. р., ж. р.	ж. р., м. р.
34	<i>спазм – спазма</i>	ж. р.	ж. р., м. р.	ж. р., м. р.	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.
35	<i>ставень – ставня</i>	ж. р.; в знач. 'верхняя часть двойной женской юбки' (устар.), в знач. 'юбка у балерины' (спец.)	ж. р., м. р.; в знач. 'затвор в нижней части плотины' (спец.); в знач. 'за- твор, прикрываю- щий отверстие для стрельбы из орудий в борту судна' (спец.)	ж. р., м. р.	м. р., ж. р.	м. р., ж. р.	–	м. р., ж. р.
36	<i>табель (м. р.) – табель (ж. р.)</i>	м. р., ж. р. (устар.)	м. р., ж. р. (устар.)	м. р., ж. р. (устар.)	м. р., ж. р. (устар.)	м. р., ж. р.	м. р.	м. р.
37	<i>тоник – тоника</i>	ж. р.; в знач. 'верхняя часть двойной женской юбки' (устар.), в знач. 'юбка у балерины' (спец.)	м. р., ж. р.	–	м. р., ж. р.; в знач. 'костюм балета' (театр.)	м. р., ж. р.	ж. р., м. р.	м. р., ж. р.
38	<i>унт – унта</i>	мн. ч.; ед. ч. ж. р.	мн. ч.; ед. ч. м. р., ж. р. (разное ударение)	мн. ч.; ед. ч. м. р., ж. р. (разное ударение)	мн. ч.; ед. ч. ж. р.	м. р., ж. р.	мн. ч.; ед. ч. м. р., ж. р.	мн. ч.; ед. ч. м. р., ж. р. (разное ударение)
39	<i>фелонь (м. р.) – фелонь (ж. р.)</i>	–	ж. р.	–	–	м. р., ж. р.	–	ж. р. (церк.)
40	<i>шпрот – шпрота</i>	мн. ч.; ед. ч. м. р.	мн. ч.; ед. ч. ж. р. в знач. 'рыба'; только мн. ч. в знач. 'консервы'	ж. р., м. р. (устаревающ.)	мн. ч.; ед. ч. ж. р., м. р.	м. р., ж. р.	мн. ч.; ед. ч. ж. р.	мн. ч.; ед. ч. ж. р., м. р.
41	<i>электрокар – электрокара</i>	–	м. р., ж. р.	–	м. р.	м. р., ж. р.	м. р.	м. р.
42	<i>эполет – эполета</i>	мн. ч.; ед. ч. м. р.	м. р., ж. р.	мн. ч.; ед. ч. м. р., ж. р. (устар.)	мн. ч.; ед. ч. ж. р., м. р.	м. р., ж. р.	мн. ч.; ед. ч. ж. р.	мн. ч.; ед. ч. ж. р., м. р.

Как можно заметить, в активной зоне распространения и длительного существования родовых вариантов находятся:

- заимствования, что связано с неоднородным процессом их адаптации в русском языке;
- термины, которые в силу узости сферы их использования являются малораспространенными и неизвестными большинству носителей литературного языка;
- слова, которые называют парные предметы и вследствие этого преимущественно употребляются в форме множественного числа, из-за чего говорящие испытывают трудности в образовании формы единственного числа.

Интересно, что в СРЯ представлено минимальное количество пар с колебаниями в роде (*арабеск* – *арабеска*, *клавиши* – *клавиша*, *скирд* – *скирда*, *ставень* – *ставня*). Вероятно, это связано с намерением исключить из словаря «такие устарелые слова, о которых можно сказать, что они выпали из словарного состава и не входят даже в пассивный словарный запас говорящих» (СРЯ, с. 3), а также с общей в те годы установкой лексикографов более строго и директивно подходить к варьированию языковых средств при создании словарей для массового читателя. В БТСРЯ, напротив, в соответствии с современной размытостью литературной нормы и из-за достаточно лояльного отношения кодификаторов к этому явлению имеется большое количество вариантов пар по роду.

Из 33 пар вариантов с морфологически выраженными различиями в форме именительного падежа выделяются те лексемы, которые в заголовочном слове словарных статей даются в форме множественного числа, так как чаще в ней употребляются (*арабески*, *бакенбарды*, *банкноты*, *ботфорты*, *брызги*, *бутсы*, *кеды*, *клипсы*, *пъексы*, *унты*, *шпроты*, *эполеты*). Как видно, в основном это конкретные имена существительные, называющие предметы, которые состоят из парных или нескольких однородных частей. Лексему *брызги* (СРЯ, МАС), слово *шпроты* в значении ‘консервы’ (БАС), а также номинативные единицы, обозначающие названия обуви (*бутсы* (СРЯ), *кеды* (ТСВНРЛЯ, МАС), *пъексы* (СРЯ)), составители некоторых словарей относят к именам существительным *pluralia tantum*, хотя К. С. Горбачевич приводит форму единственного числа *брызга* среди тех немногих русских слов (еще *пролаза*, *завеса*, *просека*), в которых «победил женский род» [1, с. 158].

В вариантных парах *арабеск* – *арабеска*, *заусенец* – *заусеница*, *проток* – *протока* колебания могут частично устраняться путем закрепления родовой принадлежности за отдельными значениями. Например, чаще всего употребляется форма множественного числа *арабески*, в форме единственного числа можно применять как вариант мужского рода *арабеск*, так и вариант женского рода *арабеска* в значении ‘сложный орнамент из геометрических фигур и стилизованных листьев, цветов и т. п. (первоначально в памятниках арабского искусства)’, однако в значении ‘балетная поза, при которой равновесие удерживается на одной ноге, а другая высоко поднята сзади’ используется только дублет мужского рода, а в значении ‘жанр инструментальной пьесы изящного характера с причудливым мелодическим рисунком’ – только дублет женского рода (БТСРЯ). Варианты *катаракт* – *катаракта* окончательно распались: лексема мужского рода имеет два терминологических значения, а лексема женского рода – одно.

По лексикографическим данным, со второй половины XX до начала XXI в. родовая вариантность нивелировалась у 3 лексем с основой на твердый согласный звук: *багет* (только в СГВРЯ отмечено, что это слово редко бывает женского рода), *жираф* (вариант *жирафа* БАС, ТСВНРЛЯ, ТСИС, БТСРЯ дают как устарелый), *рельс* (вариант *рельса* рассматривается как устарелый, разговорный или даже просторечный). Предположительно, лексемы *автокар* и *электрокар* также останутся словами мужского рода из-за возможной нежелательной омонимии со словом *кара* в обратном случае.

Из представленных 9 пар вариантов имен существительных с основой на мягкий согласный звук 3 лексемы (*лосось*, *рояль*, *табель*) тяготеют к морфологическому проявлению мужского рода, 3 слова (*вуаль*, *канифоль*, *фелонь*) – к выражению женского рода, в 2 случаях (*выхухоль*, *псалтырь*) продолжается конкуренция родовой принадлежности, причем имеются противоречащие друг другу словарные пометы (в МАС *псалтырь* определяется как слово женского рода с разговорным вариантом мужского рода, а в БТСРЯ наоборот). Для того чтобы говорить о преимуществе какого-то из родовых вариантов редкой лексемы *вежеталь*, необходимы дополнительные данные других словарей и (или) примеры реального словоупотребления.

Заключение

Анализ лексикографических источников свидетельствует о том, что в количественном отношении равноправные варианты с двойственной родовой отнесенностью склонны к сокращению. Со второй половины XX до начала XXI в. родовая вариантность полностью или почти нивелировалась у 20 из 42 пар лексем с материально выраженными родовыми различиями. Несмотря на это, авторы современных словарей конца XX – начала XXI в. предпочитают давать неоднозначную грамматическую характеристику многим именам существительным, оставляя право выбора за пользователями языка.

Сокращение вариантности в представленных примерах направлено преимущественно на замену слов женского рода словами мужского рода: *автокар, багет, ботфорт, жираф, катаракт* (спец., техн.), *кед, лосось, мирт, рельс, роаль, табель, электрокар*. Однако имеется группа слов, в которых наблюдается обратный процесс: *брызга* (если признать наличие формы единственного числа), *бутса, вуаль, заусеница* (в одном из значений), *канифоль, катаракта* (мед.), *клипса, пьекса, фелонь*. В других случаях окончательный родовой вариант до сих пор не утвердился. Проведенное исследование показывает, что к ядерной зоне взаимозаменяемых вариантов, в которых более полувека наблюдалась (и сейчас продолжается) конкуренция мужского и женского рода, относятся пары *бакенбард – бакенбарда, вольер – вольера, выхухоль* (м. р.) – *выхухоль* (ж. р.), *клавиш – клавиша, лангуст – лангуста, мамон – мамона, мангуст – мангуста, псалтырь* (м. р.) – *псалтырь* (ж. р.), *скирд – скирда, спазм – спазма, ставень – ставня, унт – унта, шпрот – шпрота, эполет – эполета*, а также пары, обозначающие терминологические понятия из разных профессиональных сфер (*анемон – анемона* (бот.), *банкнот – банкнота* (фин.), *маниок – маниока* (бот.), *манжет – манжета* (техн.), *тюник – тюника* (театр.)). Некоторые из вариантов (*арабеск – арабеска, заусенец – заусеница, проток – протока*) стремятся к семантическому размежеванию и фиксации определенной родовой характеристики за каждым из имеющихся значений слова.

Сокращения

БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Акад. наук СССР; 1950–1965. 17 т. ; **БТСРЯ** – Большой толковый словарь русского языка : А – Я [Электронный ресурс] / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2008. 1534 с. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 23.12.2022) ; **ГРЯ-1952** – Грамматика русского языка : в 2 т. / редкол.: В. В. Виноградов [и др.]. М. : Акад. наук СССР, 1952. Т. 1 : Фонетика и морфология. 720 с. ; **КРГ-1989** – Краткая русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. 2-е изд. М. : Наука, 2002. 726 с. ; **МАС** – Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М. : Рус. яз., 1981–1984. 4 т. ; **РГ-1980** – Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 789 с. ; **СГВРЯ** – Граудина Л. К. Словарь грамматических вариантов русского языка / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. 3-е изд. М. : АСТ, 2008. 555 с. ; **СРЯ** – Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. С. П. Обнорского. 3-е изд. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1953. 848 с. ; **ТСВНРЛЯ** – Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка : словарь-справочник / под ред. К. С. Горбачевича. Л. : Наука, 1973. 518 с. ; **ТСИС** – Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Эксмо, 2006. 944 с.

Библиографические ссылки

1. Горбачевич КС. *Изменение норм русского литературного языка*. Ленинград: Просвещение; 1971. 272 с.
2. Горбачевич КС. *Нормы современного русского литературного языка*. Москва: Просвещение; 1978. 240 с.
3. Ицкович ВА. *Языковая норма*. Москва: Просвещение; 1968. 94 с.
4. Скворцов ЛИ. *Теоретические основы культуры речи*. Москва: Наука; 1980. 352 с.
5. Мощенская ЛГ. *Как белорусы говорят по-русски? Варианты рода имен существительных в русской речи белорусов*. Минск: Университетское; 1992. 158 с.
6. Горицкая ОС. Морфологические особенности русского языка в Беларуси: факторы языковой динамики. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2020;3:29–39.
7. Норман БЮ. Лингвopsихологические аспекты грамматической категории рода. *Russian Linguistics*. 2006;30(2):153–174.
8. Розенталь ДЭ. *Справочник по правописанию и литературной правке: для работников печати*. Москва: Книга; 1989. 320 с.
9. Крысин ЛП. Русская литературная норма и современная речевая практика. *Русский язык в научном освещении*. 2007;2:5–17.
10. Граудина ЛК. К истории нормализации вариантов в грамматиках (начало XX в. – 60-е гг.). В: Скворцов ЛИ, редактор. *Литературная норма и вариантность*. Москва: Наука; 1981. с. 39–69.
11. Маринова ЕВ. Новые участки вариантности языковых единиц и становление нормы современного русского литературного языка. *Верхневолжский филологический вестник*. 2018;3:83–92. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10137.
12. Савчук СО. Корпусное исследование вариантов родовой принадлежности имен существительных в русском языке. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2011;10:562–580.
13. Маринова ЕВ. Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2011;6(часть 2):399–403.
14. Маринова ЕВ. Варьирование иноязычных слов по роду в современной русской речи. *Lingua mobilis*. 2010;7:27–30.

References

1. Gorbachevich KS. *Izmenenie norm russkogo literaturnogo yazyka* [Changes in Russian literary language norms]. Leningrad: Prosveshchenie; 1971. 272 p. Russian.
2. Gorbachevich KS. *Normy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Norms of modern Russian literary language]. Moscow: Prosveshchenie; 1978. 240 p. Russian.
3. Itskovich VA. *Yazykovaya norma* [Linguistic norm]. Moscow: Prosveshchenie; 1968. 94 p. Russian.
4. Skvortsov LI. *Teoreticheskie osnovy kul'tury rechi* [Theoretical foundations of speech culture]. Moscow: Nauka; 1980. 352 p. Russian.
5. Moshchenskaya LG. *Kak belorusy govoryat po-russki? Varianty roda imen sushchestvitel'nykh v russkoi rechi belorusov* [How do Belarusians speak Russian? Gender variants of nouns in Russian speech of Belarusians]. Minsk: Universitetskoe; 1992. 158 p. Russian.
6. Goritskaya OS. Morphological features of Belarusian Russian: factors of language change. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2020;3:29–39. Russian.

7. Norman BYu. Linguo-psychic aspects of the grammatical category of gender. *Russian Linguistics*. 2006;30(2):153–174. Russian.
8. Rozental' DE. *Spravochnik po pravopisaniyu i literaturnoi pravke: dlya rabotnikov pechati* [Reference book on spelling and literary editing: for printing press professionals]. Moscow: Kniga; 1989. 320 p. Russian.
9. Krysin LP. [Russian literary norm and modern speech practice]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2007;2:5–17. Russian.
10. Graudina LK. [To the history of grammar variants normalisation (the beginning of 20th century – the 60s)]. In: Skvortsov LI, editor. *Literaturnaya norma i variantnost'* [Literary norm and variation]. Moscow: Nauka; 1981. p. 39–69. Russian.
11. Marinova EV. New fields of variation of language units and establishment of the norm of the modern Russian literary language. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. 2018;3:83–92. Russian. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10137.
12. Savchuk SO. A corpus-based study of morphological variability: variation in gender forms of Russian nouns. *Computer Linguistics and Intellectual Technologies*. 2011;10:562–580. Russian.
13. Marinova EV. Loanword adaptation in modern Russian: new phenomena and trends. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2011;6(part 2):399–403. Russian.
14. Marinova EV. Variability of foreign words according to the gender in contemporary Russian speech. *Lingua mobilis*. 2010;7:27–30. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.02.2023.
Received by editorial board 24.02.2023.

ОБЩИЕ И РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ 'БЕСПОКОЙСТВО, ТРЕВОГА' В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В. И. КОРНАКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются вопросы взаимосвязи языка, культуры и мышления, схожести и специфичности номинативных фондов национальных языков, а также факторы, обуславливающие межъязыковые лексико-фразеологические сходства и различия. Применяется предложенная М. С. Гутовской классификация разноязычных номинативных единиц по признаку их межъязыковых сходств или различий с учетом языкового, культурного и когнитивного факторов становления этих признаков. Выявляется доля лексем и фразем в разрядах общих и различительных черт при сопоставлении как всех четырех языков в целом, так и славянских (русского и белорусского) и германских (английского и немецкого) языков в частности. Отмечается, что в объективизации чувств беспокойства, тревоги как во всех четырех языках в целом, так и в германских языках в частности преобладают межъязыковые различия, тогда как в славянских языках превалируют межъязыковые сходства. Интерпретируются межъязыковые различия между лексикой и фразеологией с точки зрения языковых, культурных и когнитивных факторов. Устанавливается ведущая роль когнитивного фактора при формировании межъязыковых сходств и различий во фразеологии и межъязыковых сходств в лексике, а также ключевое значение языкового фактора как детерминанта межъязыковых лексических различий всех четырех языков. Объясняются выявленные при внутригрупповом анализе (славянские языки vs германские языки) закономерности: во фразеологии германских языков преобладают когнитивно детерминированные межъязыковые сходства, тогда как во фразеологии славянских языков превалируют межъязыковые различия, в лексике славянских языков насчитывается большая доля межъязыковых сходств, связанных с языковыми факторами, чем в германских языках.

Ключевые слова: межъязыковое сходство; межъязыковое различие; славянские языки; германские языки; лексико-фразеологическое поле; лексема; фразема.

АГУЛЬНЫЯ І АДРОЗНІВАЛЬНЫЯ РЫСЫ ЛЕКСІКА-ФРАЗЕАЛАГІЧНЫХ ПАЛЁЎ 'НЕСПАКОЙ, ТРЫВОГА' У РУСКАЙ, БЕЛАРУСКАЙ, АНГЛІЙСКОЙ І НЯМЕЦКАЙ МОВАХ

В. І. КАРНАКОВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца пытанні ўзаемазвязі мовы, культуры і мыслення, падабенства і спецыфічнасці намінацыйных фондаў нацыянальных моў, а таксама фактары, якія абумоўліваюць міжмоўныя лексіка-фразеалагічныя падабенствы і адрозненні. Прымяняецца прапанаваная М. С. Гутоўскай класіфікацыя разнамоўных намінацыйных адзінак

Образец цитирования:

Корнакова В.И. Общие и различительные черты лексико-фразеологических полей 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;2:68–83.

For citation:

Kornakova V.I. Similar and distinctive features of the lexical-phraseological fields 'anxiety' in the Russian, Belarusian, English and German languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;2:68–83. Russian.

Автор:

Виктория Ивановна Корнакова – аспирантка кафедры русского языка филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент М. С. Гутовская.

Author:

Victoria I. Kornakova, postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology.
kornakovaviktoria3@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1007-0259>

па прыкмеце іх міжмоўных падабенстваў ці адрозненняў з улікам моўнага, культурнага і кагнітыўнага фактараў станаўлення гэтых прыкмет. Выяўляецца доля лексем і фразем у разрадах агульных і адрознівальных рыс пры супастаўленні як усіх чатырох моў у цэлым, так і славянскіх (рускай і беларускай) і германскіх (англійскай і нямецкай) моў у прыватнасці. Адзначаецца, што ў аб'ектывізацыі пачуццяў неспакою, трывогі як ва ўсіх чатырох мовах у цэлым, так і ў германскіх мовах у прыватнасці пераважаюць міжмоўныя адрозненні, тады як у славянскіх мовах прэваліруюць міжмоўныя падабенствы. Інтэрпрэтуюцца міжмоўныя адрозненні паміж лексікай і фразеалогіяй з пункту гледжання моўных, культурных і кагнітыўных фактараў. Устанаўліваецца вядучая роля кагнітыўнага фактара пры фарміраванні міжмоўных падабенстваў і адрозненняў у фразеалогіі і міжмоўных падабенстваў у лексіцы, вырашальная роля моўнага фактара як дэтэрмінанта лексічных адрозненняў усіх чатырох моў. Тлумачацца выяўленыя пры ўнутрыгрупавым аналізе (славянскія мовы vs германскія мовы) заканамернасці: у фразеалогіі германскіх моў пераважаюць кагнітыўна дэтэрмінаваныя міжмоўныя падабенствы, тады як у фразеалогіі славянскіх моў прэваліруюць міжмоўныя адрозненні, у лексіцы славянскіх моў налічваецца большая доля міжмоўных падабенстваў, звязаных з моўнымі фактарамі, чым у германскіх мовах.

Ключавыя словы: міжмоўнае падабенства; міжмоўнае адрозненне; славянскія мовы; германскія мовы; лексіка-фразеалагічнае поле; лексема; фразема.

SIMILAR AND DISTINCTIVE FEATURES OF THE LEXICAL-PHRASEOLOGICAL FIELDS 'ANXIETY' IN THE RUSSIAN, BELARUSIAN, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES

V. I. KORNAKOVA^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The paper considers issues of the interrelationship of language, culture and thinking, the similarities and differences of national languages nominative funds, factors that determine cross-language lexical and phraseological similarities and differences. The classification by M. S. Gutovskaya of nominative units belonging to different languages on the basis of cross-language similarities and differences taking into account linguistic, cultural and cognitive factors is applied. The proportion of lexemes and phrasemes in the categories of similar and distinctive is revealed in both all four languages, and in groups of Slavic (Russian and Belarusian) and Germanic (English and German) languages separately. There is a prevalence of differences in the naming of anxiety both in four languages and in the Germanic languages separately, the prevalence of similarities in the Slavic languages. Differences between lexical and phraseological parts are interpreted in terms of linguistic, cultural and cognitive factors. The leading role of the cognitive factor in the formation of cross-language similarities and differences in phraseology and cross-language similarities in lexics is determined, as well as the decisive role of the linguistic factor in the formation of lexical differences discovered by comparing four languages. The patterns revealed in the intra-group analysis (Slavic languages vs Germanic languages) are explained: the prevalence of cognitively determined phraseological similarities compared to differences of the same type in Slavic languages, a larger percentage of lexical similarities stimulated by linguistic reasons in Slavic languages compared to Germanic.

Keywords: cross-language similarity; cross-language difference; Slavic languages; Germanic languages; lexical-phraseological field; lexeme; phraseme.

Введение

Вопросы взаимосвязи языка, культуры и сознания привлекали внимание мыслителей еще в древние времена [1, с. 338; 2, с. 552]. С расширением международных связей начала осознаваться специфичность каждого языка [3, с. 45; 4, с. 53] и стали изучаться факторы, обуславливающие межъязыковые сходства и различия. По мнению И. Г. Гердера, общие свойства языков объясняются единством законов человеческого мышления [5, с. 252], а их различия – специфичностью жизни народов, говорящих на этих языках [5, с. 297]. Между тем В. фон Гумбольдт видел различия языков не только в формальной стороне лингвистических систем, но и в зафиксированных в них картинах мира [6, с. 349; 7, с. 80]. Мнение о том, что язык представляет собой совокупность черт уникального национального мировидения, разделяли А. А. Потебня [8, с. 259], И. А. Бодуэн де Куртенэ [9, с. 71] и Б. Л. Уорф [10, с. 209]. В свою очередь, Й. Л. Вайсгербер указывал на определяющую роль языка в формировании мировосприятия человека [11, с. 58]. В современной лингвистике вопросу специфичности национальных языковых картин мира посвящены работы Ю. Д. Апресяна [12], О. А. Корнилова [13], Н. И. Жинкина [14], В. А. Гречко [15]

и Е. С. Яковлевой [16]. Как отмечает М. С. Гутовская, языки сочетают в себе универсальные, интернациональные и этноспецифические черты. Существование универсальных (общечеловеческих) черт объясняется общностью мыслительных операций и типовых ассоциаций человечества. Интернациональные (общие для ряда генеалогически, типологически или ареально близких языков) черты обусловлены близостью исторического и духовного развития языковых сообществ одного культурного ареала. Этноспецифические (индивидуальные, присущие отдельному языку) черты отражают структурные особенности конкретного национального языка [17, с. 116].

Сегодня ощущается недостаток эмпирических данных о соотношении интернациональных (встречающихся во всех языках), региональных (характерных для конкретной группы языков) и этноспецифических (уникальных для национального языка) черт в номинативных фондах европейских, славянских и германских языков, а также в их лексических и фразеологических подкорпусах. Малоизученной представляется роль языкового, культурного и когнитивного факторов при формировании межъязыковых и межгрупповых сходств и различий. Решению этих актуальных проблем посвящена данная статья.

Целью работы является изучение межъязыковых сходств и различий лексем и фразем, номинирующих чувства беспокойства, тревоги в русском, белорусском, английском и немецком языках. В задачи исследования входят апробация классификации, построенной М. С. Гутовской с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов возникновения межъязыковых сходств и различий (применима как к лексическим, так и к фразеологическим номинациям), и интерпретация количественных показателей межъязыковых сходств и различий номинативных единиц с семантикой ‘беспокойство, тревога’ в русском, белорусском, английском и немецком языках. Подобное исследование проводится впервые, что обуславливает его новизну.

Материалы и методы исследования

Апробируемая классификация включает шесть групп номинаций:

- единицы, сходство которых связано с языковыми факторами;
- единицы с культурно обусловленным сходством;
- единицы с когнитивно детерминированным сходством;
- единицы с этноязыковой специфичностью;
- единицы с этнокультурной специфичностью;
- единицы с этнокогнитивной специфичностью [17, с. 117–131].

Номинативные единицы, межъязыковое сходство которых связано с языковыми факторами, а также номинативные единицы с культурно обусловленным и когнитивно детерминированным межъязыковым сходством объединяются по признаку их межъязыковых сходств, а номинативные единицы с этноязыковой, этнокультурной и этнокогнитивной специфичностью – по признаку их межъязыковых различий.

Комплекс исследовательских процедур, примененный для сопоставительного изучения русских, белорусских, английских и немецких номинативных единиц (лексем и фразем) с семантикой ‘беспокойство, тревога’ на предмет их межъязыковых сходств или различий с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов становления этих признаков, включает два этапа. На первом этапе номинативные единицы рассматриваются на предмет соотносимости их формы и содержания. Лексемы и фраземы, отличающиеся по форме и (или) содержанию, интерпретируются как национально-специфические. На втором этапе устанавливаются факторы, обуславливающие межъязыковое сходство или различие исследуемых номинативных единиц.

Совпадение номинативных единиц по звуковому либо графическому составу и наличие у них общего языкового источника являются свидетельством того, что межъязыковое сходство данных единиц связано с языковыми факторами. Например, русская, белорусская, английская и немецкая лексемы: *кризис* ‘1. Резкое изменение, крутой перелом; тяжелое переходное состояние’ (OnlineБТС), *крызіс* ‘1. Рэзкі пералом, пераходны стан, абвастрэнне становішча’ (OnlineV), *crisis* ‘критический или решающий момент, ситуация, особенно трудная или нестабильная, связанная с надвигающимися изменениями’¹ (OnlineFD), *Krise* ‘трудная позиция, критическая ситуация, переломный момент опасного развития событий; время опасности’ (OnlineDW) – происходят от древнегреческого слова *κρίσις* ‘суд, приговор, решение; поворотный пункт’, которое было заимствовано в рассматриваемые языки через латинскую лексему *crisis* (OnlineШЭСРЯ). Номинативные единицы, внутренняя форма которых восходит к общим наднациональным культурно-историческим феноменам (например, к греческому преданию о сиракузском тиране Дионисии, который во время пира посадил на свое место завидовавшего ему Дамокла и повесил над ним на конском волосе меч (OnlineФСРЛЯ)), обладают культурно обусловленным межъязыковым

¹Здесь и далее перевод наш. – В. К.

сходством: рус. *дамоклов меч* ‘о постоянно грозящей опасности’ (ФСРЯ, с. 60), бел. *дамоклаў меч* ‘постоянная небяспека, неадступная пагроза’ (СФБМП, с. 51), англ. *sword of Damocles* ‘постоянная угроза; неминуемая опасность’ (OnlineFD), нем. *das Schwert des Damokles (Damoklesschwert)* ‘четко осознаваемая, существующая опасность, которая в любой момент может привести к разрушениям или чему-либо подобному’ (OnlineDW). Предметно-логическое и ассоциативно-образное изучение сопоставимых по внутренней форме номинативных единиц позволяет выявить общий номинативный замысел и, следовательно, когнитивно детерминированное межъязыковое сходство единиц: рус. *трястись* ‘5. разг. Бояться кого-либо, чего-либо; трепетать’ (OnlineБТС), бел. *трэсіцца* ‘4. Адчуваць страх, боязь’ (ТСБЛМ, с. 666), англ. *tremble* ‘2. Чувствовать страх или беспокойство’ (OnlineFD), нем. *zittern* ‘2. а. Сильно бояться кого-либо, чего-либо’ (OnlineDW).

Аналогичным образом определяются факторы, лежащие в основе специфичности номинативных единиц. Лексемы и фраземы, имеющие отличные формы в сопоставляемых языках, объективируют особенности национального языка и, соответственно, обладают этноязыковой специфичностью: рус. *опасность* ‘2. Угроза бедствия, несчастья, катастрофы’ (OnlineБТС), бел. *небяспека* ‘стан, становішча, якое пагражае каму-небудзь, можа прычыніць няшчасце, зло, шкоду’ (OnlineV), англ. *danger* ‘1. Состояние уязвимости перед чем-либо, что грозит нанести вред’ (OnlineFD), нем. *Gefahr* ‘возможность того, что с кем-то что-то случится, что будет причинен вред; надвигающаяся катастрофа’ (OnlineDW). Специфичность номинативных единиц, связанных с особенностями жизни носителей языка, их национальной культурой, является этнокультурной: рус. *хоть святых (вон) выноси (неси)* ‘о чем-либо ужасном, невыносимом для зрения или слуха’ (ФСРЯ, с. 254), бел. *наварыць (заварыць) піва* ‘распачаць складаную, непрыемную справу’ (СФБМП, с. 89), англ. *wreak (play) havoc* (‘букв. Сеять хаос, играть в хаос’) ‘причинять много неприятностей или путаницы’ (LID, p. 159), нем. *ein Reiter über den Bodensee* (‘букв. Всадник на Боденском озере’) ‘о ком-либо, кто предпринимает что-либо, об опасности, последствиях чего он не знает’ (DRW, S. 607). В основе русского оборота *хоть святых (вон) выноси (неси)* лежит традиция уважительного отношения к иконам, на которых изображались святые (ИЭФС, с. 520). Белорусская фраза *наварыць (заварыць) піва* происходит от свободного словосочетания: в давние времена пиво варилось в складчину, что было непростым делом, и распивалось на праздниках (OnlineЭФС). Некогда английское имя существительное *havoc* использовалось захватчиками в качестве команды, чтобы начать грабить и убивать (OnlineFD). Немецкая фраза *ein Reiter über den Bodensee* восходит к балладе Г. Б. Шваба «Всадник и Боденское озеро», в которой описывается всадник, скачущий по заснеженному тонкому льду Боденского озера в лютой холод. Когда герой узнает о том, какой опасности подверг себя, он падает замертво (OnlineRA). Этнокогнитивная специфичность характерна для номинативных единиц, которые отражают особенности национального мировидения и обладают отличительной внутренней формой: рус. *в расстрепанных чувствах* ‘в состоянии сильного волнения, расстройстве, смятения’ (ФСРЯ, с. 238), бел. *як (бы) гарох пры дарозе* ‘1. Ненадзейна, трывожна, з неспакоем (жыць)’ (СФБМП, с. 297), англ. *turn to (feel like) jelly* (‘букв. Превратиться в (чувствовать себя как) желе’) ‘о ком-либо, кто чувствует слабость, потому что нервничает, напуган или устал’ (LID, p. 182), нем. *Gespenster sehen* (‘букв. Видеть призраков’) ‘иметь необоснованный страх, фантазии’ (DRW, S. 273).

В общей сложности исследовано 1108 номинативных единиц различной частеречной принадлежности: 230 единиц русского языка (92 лексемы и 138 фразем), 344 единицы белорусского языка (98 лексем и 246 фразем), 255 единиц английского языка (92 лексемы и 163 фраземы) и 279 единиц немецкого языка (74 лексемы и 205 фразем).

Результаты и их обсуждение

Распределение номинативных единиц с семантикой ‘беспокойство, тревога’ по признаку их межъязыковых сходств или различий. Выделено шесть групп номинативных единиц русской, белорусской, английской и немецкой лексики и фразеологии с семантикой ‘беспокойство, тревога’ по признаку их межъязыковых сходств или различий с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов становления этих признаков.

Единицы, сходство которых связано с языковыми факторами. Разноязычные номинативные единицы, сходство которых связано с языковыми факторами, совпадают по семантике и материальной (звуковой и (или) графической) оболочке. К данной группе относятся:

- наименования, восходящие к общим языковым источникам (русская, белорусская, английская и немецкая лексемы: *риск* ‘1. только ед. Возможная опасность чего-либо... 3. мн., фин. Опасность непредвиденной потери ожидаемой прибыли, дохода или имущества, денежных средств из-за случайного изменения условий экономической деятельности, неблагоприятных обстоятельств и т. п.’ (OnlineБТС), *рызыка* ‘1. Магчымая небяспека, пагроза чаму-небудзь’ (ТСБЛМ, с. 569), *risk* ‘1. Возможность причинения вреда

или убытков; опасность' (OnlineFD), *Risiko* 'возможный негативный исход дела, связанный с убытками, потерями, ущербом' (OnlineDW) – происходят от греческого слова *risikon* 'утес' (OnlineШЭСРЯ));

• их дериваты (рус. *рисковать* '1. Подвергать себя опасности, идти на риск. 2. Подвергать что-либо опасности ради кого-либо, чего-либо. 3. Создавать для себя возможную опасность чего-либо (своими действиями, поступками)' (OnlineБТС), бел. *рызыкаваць* '1. Ісці на рызыку, рабіць рызыкаўны ўчынак. 2. Падвяргаць каго-небудзь, што-небудзь рызыцы. 3. Ісці на ўчынак, звязаны з магчымымі непрыемнасцямі' (ТСБЛМ, с. 569), англ. *risk* '1. Подвергать риску утраты или повреждения. 2. Взять на себя риск' (OnlineFD), нем. *riskieren* '1. b. Создавать опасность своим поведением или действиями. 2. Подвергать что-либо своим поведением или действиями невыгоде, риску потери; подвергать риску' (OnlineDW)).

Фразеологические межъязыковые сходства, связанные с языковыми факторами, более характерны для близкородственных языков. В этом контексте стоит отметить ряд заимствований из русского языка в белорусский: рус. *днем с огнем* 'с величайшим трудом можно найти (отыскать и т. п.) кого-либо или что-либо' (OnlineФСРЛЯ), бел. *днём з агнём не знойдзеш (не знайсці, шукаць, пашукаць)* '2. З вялікімі цяжкасцямі, прыкладаючы значныя намаганні (шукаць, пашукаць каго-небудзь, што-небудзь)' (OnlineЭФС; СФБМІ, с. 383); рус. *наступать на грабли* 'повторять свои ошибки' (OnlineWR), бел. *наступаць на граблі* 'рабіць непрадуманы крок з магчымымі непрыемнымі наступствамі для таго, хто гэта робіць' (OnlineЭФС; СФБМІ, с. 120); рус. *подводит (подвести) под монастырь* 'ставит кого-либо в тяжелое, безвыходное положение; навлекать на кого-либо беду, неприятности' (OnlineФСРЛЯ), бел. *падводзіць пад манастыр* 'хітрасцю, падманам ставіць каго-небудзь у цяжкае, непрыемнае становішча' (OnlineЭФС; СФБМІ, с. 181); рус. *поедом ест* '2. Непрестанно бранить, мучить попреками. 3. Непрестанно мучить, терзать, доставлять беспокойство' (ФСРЯ, с. 203), бел. *есці поедам* 'бесперастанку папракаць, дакараць, зневажаць' (СФБМІ, с. 416). Приведенные примеры построены на основе приема тавтологического повтора, свойственного русскому и белорусскому языкам.

Единицы с культурно обусловленным сходством. Межъязыковое сходство номинативных единиц данной группы объясняется ареально-культурными факторами. С точки зрения образности русские, белорусские, английские и немецкие наименования, обладающие культурно обусловленным сходством, восходят к общему культурному наследию:

• античной традиции (рус. *разрубить (рассечь* и т. п.) *гордиев узел* 'разрешить какие-либо затруднения быстро, смело и решительно' (ИЭФС, с. 583; OnlineБТС), бел. *секчы (сячы) гордзіеў вузел* 'смела і рашуча вырашаць якія-небудзь цяжкасці, супярэчнасці' (СФБМІ, с. 533), англ. *cut the Gordian knot* 'решать проблему смело и решительно' (OnlineFD), нем. *den gordischen Knoten durchschlagen (zerschlagen, durchtrennen, lösen, durchhauen)* 'решить проблему одним махом; найти удивительно простое решение проблемы' (OnlineRA); рус. *осиное гнездо* 'общество злобных людей, тревожить которых небезопасно; опасная ситуация' (ИЭФС, с. 116), бел. *асінае гняздо* 'прыстанішча, зборышча небяспечных, шкодных людзей' (СФБМІ, с. 315), англ. *hornet's nest* 'большое количество неприятностей или враждебности' (OnlineFD), нем. *in ein Wespennest stechen (greifen) (sich in ein Wespennest setzen)* 'вызывать беспорядки; говорить о чем-то чувствительном и, возможно, причинять себе вред в процессе; нажить себе много врагов; подвергаться жесткой критике' (OnlineRA));

• библейским сюжетам (рус. *крест* '6. Испытания, страдания, выпавшие на чью-либо долю' (OnlineБТС), бел. *крыж* '6. Пра цяжкі лёс, які выпаў на чыю-небудзь долю' (ТСБЛМ, с. 303), англ. *cross* '4. Испытание, страдание или разочарование' (OnlineFD), нем. *Kreuz* '5. Печаль, тяжелое бремя, которое приходится нести' (OnlineDW); рус. *отрясти (отряхнуть) прах от своих ног* 'книжн. Окончательно порвать отношения с кем-либо; окончательно забыть о трудной ситуации' (ИЭФС, с. 471; OnlineБТС), бел. *абтрэсці прах з (ад) ног (сваіх, нашых)* 'кніжн. Канчаткова, назаўсёды парваць з кім-небудзь, чым-небудзь; адрачыся ад каго-небудзь, чаго-небудзь' (СФБМІ, с. 47), англ. *shake the dust (of something) from your feet* 'уйти или забыть о сложной ситуации, особенно о той, которая долгое время доставляла неприятности' (LID, p. 97), нем. *den Staub von den Füßen schütteln* 'оставить позади зависть, старую ненависть и горечь' (OnlineRA));

• европейским легендам (рус. *колумбово яйцо* 'неожиданный, смелый выход из затруднительного положения или неординарное, остроумное решение сложной задачи' (ИЭФС, с. 651; OnlineФСРЛЯ), бел. *калумбава яйка (яйцо)* 'удалае рашэнне чаго-небудзь, знойдзены выхад з цяжкага становішча' (СФБМІ, с. 953), англ. *egg of Columbus (Columbus' egg)* 'блестящая идея или открытие, которое кажется простым и легким' (OnlineFD), нем. *das Ei des Kolumbus* 'удивительно простое решение' (OnlineRA)).

Единицы с когнитивно детерминированным сходством. Существование когнитивно детерминированных межъязыковых сходств объясняется общностью законов функционирования человеческой психики. Номинативные единицы, входящие в данную группу, являются мотивированными наименованиями. Формально-семантическая схожесть разноязычных лексем и фразем может быть обусловлена следующими причинами:

• общностью логических схем переосмысления явлений окружающего мира (рус. *беспокойство* '1. Беспокойное состояние; тревога, волнение' (OnlineБТС), бел. *неспакой* '1. Тривога, душэўнае ўзбуджэнне'

(ТСБЛМ, с. 390), англ. *unrest* '1. Тревожное или беспокойное состояние; беспокойство или недовольство' (OnlineFD), нем. *Unruhe* '1. Состояние беспокойства, отсутствия покоя' (OnlineDW) (значение 'волнение, тревожное состояние, т. е. отсутствие покоя' формально выражается с помощью отрицательных приставок *bes-*, *ne-*, *un-* и *Un-* в русском, белорусском, английском и немецком языках соответственно));

- сходством моделей переосмысления объектов действительности, возникающих за счет параллельного развития единиц с одинаковой образностью в разных языках (рус. *играть (шутить) с огнем* 'делать то, что может повлечь за собой неприятные, опасные последствия' (ФСРЯ, с. 179), бел. *гуляць (жартаваць) з агнём* 'дзейнічаць неасцярожна, не лічачыся з небяспекай' (СФБМІ, с. 335), англ. *be playing with fire* 'идти на ненужный риск в заведомо опасной ситуации' (LID, p. 121), нем. *mit dem Feuer spielen* 'опрометчиво предпринимать опасные действия' (DRW, S. 214); рус. *ломать руки (пальцы)* 'волноваться, горевать (сопровождая это соответствующими жестами)' (ФСРЯ, с. 137), бел. *ламаць (сабе, свае) рукі* 'даходзіць да адчаю, узрушэння (ад вялікага гора)' (СФБМІ, с. 634), англ. *wring your hands* 'показывать или говорить о своей расстроенности, обеспокоенности, особенно ничего не предпринимая по этому поводу' (LID, p. 154), нем. *die Hände ringen* 'горевать; беспокоиться; быть потрясенным, встревоженным' (OnlineRA); рус. *как рыба без воды* 'о чьих-то страданиях, испытаниях, беспомощности' (OnlineПРН), бел. *мучыцца як рыба без вады* 'пра пакуты, выпрабаванні каго-небудзь' (OnlineСБНП), англ. *be (feel) like a fish out of water* 'смущаться, нервничать, чувствовать неудобство в незнакомой, непривычной обстановке' (LID, p. 122), нем. *wie ein Fisch auf dem Trocken sein* ('букв. Как рыба на суше') 'быть беспомощным' (OnlineRA));

- калькой (рус. *буря в стакане воды* 'о сильном возбуждении, горячем споре и т. п. из-за пустяков, по ничтожному поводу' (ФСРЯ, с. 23), бел. *бура ў шклянцы вады* 'моцнае хваляванне, шум, спрэчка з-за дробязных прычын' (СФБМІ, с. 155), англ. *a tempest in a teacup* 'непропорциональная реакция гнева, беспокойства или неудовольствия по какому-то незначительному или тривиальному поводу' (OnlineFD), нем. *ein Sturm im Wasserglas* 'большое волнение по пустяковому поводу' (DRW, S. 730) (калька с французской фраземы *une tempête dans un verre d'eau*, восходящей к древнеримской поговорке *excitare fluctus in simpulo* (ИЭФС, с. 62)); рус. *свет в конце туннеля* 'о проблеске надежды на успешное завершение какого-либо трудного дела' (OnlineЭСКСБ), бел. *святло ў канцы тунэля* 'выйсце з цяжкага, змрочнага становішча' (СФБМІІ, с. 529), нем. *Licht am Ende des Tunnels sehen* 'видеть признаки улучшения в сложной ситуации; смотреть в будущее с оптимизмом в трудные времена; обрести надежду' (OnlineRA) (калька с английской фразы *to see the light at the end of the tunnel*, которую произнес президент США Дж. Ф. Кеннеди на пресс-конференции в 1962 г. (OnlineЭСКСБ))).

Единицы с этноязыковой специфичностью. Специфичность номинативных единиц с этноязыковыми особенностями связана с фоносемантическими и структурными характеристиками сопоставляемых языков. В данную группу входят лексемы и фраземы русского, белорусского, английского и немецкого языков, формы которых отличаются друг от друга. Выделяются следующие номинации:

- исконные синхронно немотивированные наименования и их производные (рус. *испуг* 'внезапное чувство страха, состояние испугавшегося' (OnlineБТС), бел. *спалох* 'раптоўнае адчуванне страху, стан перапалоху' (ТСБЛМ, с. 615), англ. *fright* '1. Внезапный сильный страх, как будто перед чем-то угрожающим' (OnlineFD), нем. *Schreck* 'сильный эмоциональный шок, который обычно вызывается внезапным осознанием [предполагаемой] опасности или угрозы' (OnlineDW); рус. *забота* '1. Беспокойная мысль о чем-либо; сосредоточенность мыслей на исполнении чего-либо, на удовлетворении какой-либо потребности' (OnlineБТС), бел. *клопат* '1. Неспакойная думка пра што-небудзь або дзейнасць па ажыццяўленні чаго-небудзь' (ТСБЛМ, с. 294), англ. *care* '1. а. Обеспокоенность или беспокойное состояние ума, возникающее из-за серьезной ответственности; волнение' (OnlineFD), нем. *Sorge* '1. Мучительные мысли (вызванные неприятной, трудной, опасной ситуацией), гнетущее чувство беспокойства и страха' (OnlineDW), а также бел. *паскакаць дроздзіка* '1. Памучыцца ў цяжкіх умовах. 2. Мець непрыемнасці ад каго-небудзь, адчуць на сабе чыю-небудзь уладу' (СФБМІІ, с. 259), *браць у іх* 'трывожыцца, непакоіцца' (СФБМІ, с. 149), англ. *cook somebody's goose* ('букв. Приготовить чье-то гуся') 'доставить кому-либо неприятности или помешать им добиться успеха в том, что они пытаются сделать' (LID, p. 141), нем. *Panhas am Schwenkmast* ('букв. Панхас на поворотной мачте') 'объявление о том, что должно произойти что-то неприятное' (DRW, S. 554));

- единицы с осложненной языковыми факторами формой (английская фразема *cruising for a bruising* ('букв. Крейсировать за синяками') '*сленг.* О ком-то настолько раздражающем или глупом, кто скорее всего попадет из-за этого в беду, драку, спор и т. д.' построена на рифме, а немецкая номинативная единица *sich drehen und winden* ('букв. Крутиться и изворачиваться') 'пытаться выйти из неудобной, неловкой ситуации' (DRW, S. 167) базируется на синонимии).

Единицы с этнокультурной специфичностью. В основе образности этно-культурно-специфичных номинативных единиц лежат отсылки к следующим явлениям:

- традиционной культуре (фольклору, мифам, верованиям);
- быту народа;

- истории народа;
- своеобразие природно-географических условий;
- национальной литературе.

В основе русской и английской фразем: *не к ночи будь сказано что (помянут кто)* ‘о ком-либо, чем-либо страшном, крайне неприятном’ (ФСРЯ, с. 174) и *have kittens* (‘букв. Иметь котят’) ‘быть очень обеспокоенным или расстроенным из-за чего-либо’ (LID, р. 188) – лежат отсылки к традиционной культуре. Согласно древним славянским суевериям зверь, злой дух или черт появится, стоит произнести его имя (ИЭФС, с. 409). Между тем в соответствии со средневековым поверьем, если у беременной женщины болит живот, в ее чреве царапаются котятка (OnlineFD).

Русская и немецкая фраземы: *навязаться на голову (шею)* ‘обременить собой кого-либо, оказаться для кого-либо обузой’ (ФСРЯ, с. 159) и *seine Haut zu Markte tragen* (‘букв. Относить шкуру на рынок’) ‘1. Сделать что-либо и тем самым подвергнуть себя опасности’ (DRW, S. 331) – связаны с бытом европейских народов. Так, некогда шкурами животных оплачивались правонарушения (OnlineRA), а для утопления животных на их шею привязывался камень (ИЭФС, с. 637).

В свою очередь, английская фразема *a basket case* (‘букв. Случай корзины’) ‘1. Человек, который слишком нервничает, беспокоится, чтобы справиться с простой ситуацией’ (LID, р. 18) возникла во времена Первой мировой войны, когда так называли потерявших в бою все конечности солдат, для перемещения которых требовались носилки (*basket*) (OnlineFD). Немецкая номинативная единица *be in Dutch with somebody* (‘букв. Быть на голландском с кем-либо’) ‘быть в неприязненных отношениях с кем-либо’ (LID, р. 97) восходит к войнам с голландцами за морские торговые пути (OnlineOED). Этимология немецкой фраземы *im Dreieck (Viereck) springen* (‘букв. Прыгать по треугольнику (квадрату)’) ‘быть вне себя от радости (гнева, волнения)’ (DRW, S. 168) связана с построенной в 1840 г. тюрьмой в Берлине, где были очень маленькие треугольные внутренние дворы (OnlineRA).

Примером этно-культурно-специфичных номинативных единиц, в основе которых лежит своеобразие природно-географических условий, является немецкая фразема *einen Föhn kriegen* (‘букв. Быть подхваченным потоком воздуха’) ‘расстроиться, ужаснуться, смутиться, быть вне себя’ (DRW, S. 228), которая имеет отношение к мнению о том, что плохая погода в Альпах может ухудшить состояние здоровья (OnlineRA).

Наконец, английская фразема *a catch (situation) 22* (‘букв. Ловушка (ситуация) 22’) ‘ситуация, в которой любой сделанный выбор приводит к неудаче или неприятностям’ (LID, р. 55) восходит к роману Дж. Хеллера «Уловка-22», в котором главный герой притворяется сумасшедшим, чтобы избежать опасных ситуаций на войне, однако представители власти утверждают, что он не может сойти с ума, если беспокоится о собственной безопасности (OnlineFD).

Единицы с этнокогнитивной специфичностью. Этнокогнитивной специфичностью обладают номинативные единицы, фиксирующие особенности переосмысления феноменов окружающего мира носителями различных языков. Выделяются следующие номинации:

- единицы, отражающие своеобразие номинативного замысла;
- единицы, демонстрирующие особенности языковой концептуализации;
- единицы, объективирующие различия в ассоциативно-образной базе сопоставляемых языков.

В основе наименований, отражающих своеобразие номинативного замысла, лежит образность, не представленная в сопоставляемых языках (при этом сами понятия зафиксированы носителями языков). В эту группу входят призывы о помощи в случае опасности (рус. *караул!* ‘разг. Призыв на помощь в случае опасности’ (OnlineБТС), бел. *гвалт!* ‘разм. Кліч аб ратунку ў выпадку небяспекі’ (OnlineV)), которые осмысливаются как случаи уже совершенных преступлений, обращения к вооруженной охране, страже для констатации факта применения физической силы по отношению к кому-либо (типа англ. *help!* (‘букв. Помогите!’) ‘межд. Восклицание, чтобы позвать на помощь или привлечь внимание’ (OnlineFD), нем. *Hilfe!* ‘караул! (на помощь!)’ (OnlineL)), а также угрозы срыва сроков, что приравнивается к физическому уничтожению (метафора пожара в русском и белорусском языках (рус. *гореть* ‘11. разг. Быть под угрозой срыва, провала и т. п. из-за опоздания, упущения сроков’ (OnlineБТС), бел. *гарэць* ‘12. перан. Быць пад пагрозай зрыву па прычыне спазнення, упушчэння тэрмінаў’ (ТСБЛМ, с. 146)) и метафора смерти в английском и немецком языках (англ. *deadline* (‘букв. Линия, за которой смерть’) ‘время, к которому что-то должно быть закончено, представлено и т. д.’ (OnlineFD), нем. *Deadline* ‘2. Крайний срок’ (OnlineDW))). Уникальность образности исследованных языков демонстрируют следующие единицы: рус. *солоно прийтись (достаться)* ‘о выпавших на долю кого-либо тяжелых жизненных обстоятельствах, неприятностях, обидах и т. п.’ (ФСРЯ, с. 269), бел. *пераядаць косці (костачкі)* ‘страшэнна хваляваць, даводзіць да адчаю каго-небудзь, дакучаючы чым-небудзь непрыемным; станавіцца невыносным для каго-небудзь’ (СФБМП, с. 293), англ. *be sweating bullets* (‘букв. Потеть пулями’) ‘быть очень обеспокоенным или напуганным чем-то, что происходит сейчас или может произойти очень скоро’ (LID, р. 46), нем. *auf neunundneunzig*

sein ('букв. Быть на девяносто девять, т. е. за один градус до температуры кипения воды') 'быть крайне взволнованным, рассерженным' (DRW, S. 535).

Номинативные единицы, демонстрирующие особенности языковой концептуализации, номинируют явления действительности, зафиксированные лишь в одном языке (в сопоставляемых языках в этом случае имеются лакуны). На фоне русского, белорусского и немецкого языков когнитивно безэквивалентным является английский оборот *call off the dogs* ('букв. Отозвать собак') 'сказать кому-то, чтобы он прекратил критиковать, нападать или создавать проблемы кому-то другому, особенно в судебном деле' (LID, p. 90). При сопоставлении с русским, белорусским и английским языками не были выявлены когнитивные параллели у немецкой фраземы *Schreck in der Abendstunde* ('букв. Испуг в вечерний час') 'неприятный сюрприз вечером' (DRW, S. 666).

Фраземы, объективирующие различия в ассоциативно-образной базе сопоставляемых языков, представляют собой наименования, в основе которых лежит один и тот же образ, по-разному переосмысленный носителями языков. Например, в белорусском языке образ нетугого гаечно-винтового крепления связан как со страхом, так и со слабостью, неспособностью что-либо сделать (*аслаблі гайкі* '1. Кто-нибудь вельмі спалохаўся. 2. У каго-небудзь не хапае сіл, здольнасцей і пад. зрабіць што-небудзь' (СФБМІ, с. 279)), в русском языке – только с беспомощностью, бессилием (*гайка слаба* 'не хватает сил, способностей и т. п., чтобы сделать что-либо' (OnlineФСРЛЯ)), а в английском языке – с глупостью и сумасшествием (*have a screw loose* ('букв. Иметь слабый винт') 'быть или казаться особенно глупым, эксцентричным, сумасшедшим или психически неуравновешенным' (OnlineFD)). Семантическая доминанта английской фраземы *stew in one's (own) juice(s)* ('букв. Тушиться в собственном соку') 'размышлять о таких неприятных эмоциях, как вина, гнев или тревога, в изоляции' (OnlineFD) отличается от ядерных значений межъязыковых омонимов (рус. *вариться в собственном соку* 'жить и работать вне связи с общественной жизнью, изолированно от нее' (OnlineФСРЛЯ), бел. *варыцца ў сваім (уласным) саку* 'працаваць, не падтрымліваючы сувязі з тымі, хто займаецца падобнай работай, не выкарыстоўваць іх вопыт' (OnlineV), нем. *im eigenen Saft schmoren* 'быть самому по себе; не контактировать с другими людьми' (OnlineRA)).

Сосуществование в единице нескольких видов этномаркированности. В номинативных единицах могут сочетаться языковой, культурный и когнитивный факторы, определяющие их межъязыковые сходства или различия. Например, русская, белорусская и английская фраземы: *на свою голову* 'во вред, в ущерб себе' (OnlineФСРЛЯ), *на сваю галаву (шыю)* 'сабе на шкоду, на турботы (рабіць што-небудзь)' (СФБМІ, с. 289), *on your (own) head be it* 'используется для того, чтобы сказать кому-то, что он должен нести ответственность за то, что он решил сделать, но это глупо и вызовет у человека проблемы' (LID, p. 161) – являются результатом калькирования с греческого и латинского языков (когнитивно детерминированное сходство) и в то же время восходят к Библии (культурная маркированность) (ИЭФС, с. 116). Русский и белорусский обороты: *огород городить* 'затевать какое-либо хлопотливое и безуспешное дело' (ФСРЯ, с. 55), *агарод (гарод) гарадзіць* 'задумваць ці распачынаць якую-небудзь клопатлівую справу' (СФБМІ, с. 295) – строятся на основе идентичного тавтологического приема (сходство, связанное с языковыми факторами) и обладают общей моделью переосмысления (когнитивный фактор). Помимо яркой образности, русская, белорусская, английская и немецкая фраземы: *играть (шутить) с огнем* (ФСРЯ, с. 179), *гуляць (жартаваць) з агнём* (СФБМІ, с. 335), *be playing with fire* (LID, p. 121), *mit dem Feuer spielen* (DRW, S. 214) – имеют культурную детерминированность: огонь и вода издавна считались атрибутами гаданий и наделялись силой предсказания (ИЭФС, с. 415). Обладающая этноязыковой маркированностью (синонимический повтор) немецкая фразема *Kopf und Krage riskieren (wagen, aufs Spiel setzen, verlieren)* ('букв. Рискнуть головой и воротником (поставить на кон, потерять голову и воротник)') 'поставить под угрозу жизнь, существование' (DRW, S. 423) построена на основе синекдохи (когнитивная детерминированность). Специфичная в этноязыковом плане немецкая номинативная единица *Panhas am Schwenkmast* (DRW, S. 554) также является культурно-маркированной (панхас – вестфальское блюдо из колбасного бульона, мясного фарша и гречневой муки, сваренное до плотной массы и обжаренное ломтиками (OnlineDW)).

Соотношение общих и различительных черт семантических полей 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках. В семантических полях 'беспокойство, тревога' русского, белорусского, английского и немецкого языков присутствуют как межъязыковые сходства, так и межъязыковые различия. Межъязыковые параллели наблюдаются в случаях тождественности звуковой и (или) графической оболочки и значения разноязычных номинативных единиц, а межъязыковые различия – в случаях специфичности формы и содержания лексем и фразем. С учетом языкового, культурного и когнитивного факторов становления признака межъязыковых сходств или различий номинативных единиц в русском, белорусском, английском и немецком семантических полях 'беспокойство, тревога' выделены шесть групп номинаций:

- единицы, сходство которых связано с языковыми факторами;
- единицы с культурно обусловленным сходством;

- единицы с когнитивно детерминированным сходством;
- единицы с этноязыковой специфичностью;
- единицы с этнокультурной специфичностью;
- единицы с этнокогнитивной специфичностью.

Данные о распределении номинативных единиц, входящих в семантические поля ‘беспокойство, тревога’ всех четырех языков в целом и славянских (русского и белорусского) и германских (английского и немецкого) языков в частности, по признаку их межъязыковых сходств или различий с разграничением языковых, культурных и когнитивных факторов становления этих признаков представлены в табл. 1–3.

Таблица 1

Распределение номинативных единиц, входящих в семантические поля ‘беспокойство, тревога’ русского, белорусского, английского и немецкого языков, по признаку их межъязыковых сходств или различий с разграничением языковых, культурных и когнитивных факторов становления этих признаков

Table 1

Distribution of nominative units included in the semantic fields ‘anxiety’ of Russian, Belarusian, English, and German languages, on the basis of their cross-language similarity or difference, with a distinction between linguistic, cultural and cognitive factors in the formation of these signs

Признак	Номинативные единицы	
	Количество, ед.	Доля, %
<i>Номинативные единицы с общими чертами</i>		
Сходство, связанное с языковыми факторами	9	1
Культурно обусловленное сходство	24	2
Когнитивно детерминированное сходство	386	35
<i>Номинативные единицы с различительными чертами</i>		
Этноязыковая специфичность	127	11
Этнокультурная специфичность	74	7
Этнокогнитивная специфичность	488	44

Таблица 2

Распределение номинативных единиц, входящих в семантические поля ‘беспокойство, тревога’ русского и белорусского языков, по признаку их межъязыковых сходств или различий с разграничением языковых, культурных и когнитивных факторов становления этих признаков

Table 2

Distribution of nominative units included in the semantic fields ‘anxiety’ of Russian and Belarusian languages, on the basis of their cross-language similarity or difference, with a distinction between linguistic, cultural and cognitive factors in the formation of these signs

Признак	Номинативные единицы	
	Количество, ед.	Доля, %
<i>Номинативные единицы с общими чертами</i>		
Сходство, связанное с языковыми факторами	41	7
Культурно обусловленное сходство	34	6
Когнитивно детерминированное сходство	403	70

Окончание табл. 2
Ending table 2

Признак	Номинативные единицы	
	Количество, ед.	Доля, %
<i>Номинативные единицы с различительными чертами</i>		
Этноязыковая специфичность	31	5
Этнокультурная специфичность	7	1
Этнокогнитивная специфичность	58	11

Таблица 3

Распределение номинативных единиц, входящих в семантические поля ‘беспокойство, тревога’ английского и немецкого языков, по признаку их межъязыковых сходств или различий с разграничением языковых, культурных и когнитивных факторов становления этих признаков

Table 3

Distribution of nominative units included in the semantic fields ‘anxiety’ of English and German languages, on the basis of their cross-language similarity or difference, with a distinction between linguistic, cultural and cognitive factors in the formation of these signs

Признак	Номинативные единицы	
	Количество, ед.	Доля, %
<i>Номинативные единицы с общими чертами</i>		
Сходство, связанное с языковыми факторами	8	1
Культурно обусловленное сходство	16	3
Когнитивно детерминированное сходство	213	40
<i>Номинативные единицы с различительными чертами</i>		
Этноязыковая специфичность	59	11
Этнокультурная специфичность	41	8
Этнокогнитивная специфичность	197	37

В семантических полях ‘беспокойство, тревога’ всех четырех языков общие и различительные черты находятся в соотношении 1 : 1,6, в семантических полях русского и белорусского языков – в соотношении 4,8 : 1, а в семантических полях английского и немецкого языков – в соотношении 1 : 1,3. По сравнению со степенью схожести семантических полей всех четырех языков в целом и германских языков в частности бóльшая схожесть семантических полей славянских языков объясняется географическим соседством России и Беларуси, единой историей народов, близкой родственностью русского и белорусского языков.

Сравнительная значимость языкового, культурного и когнитивного факторов при становлении межъязыковых сходств или различий разноязычных номинативных единиц является неодинаковой. Как при сопоставлении семантических полей ‘беспокойство, тревога’ всех четырех языков в целом, так и при сравнении семантических полей славянских и германских языков в частности было установлено, что когнитивный фактор оказывает преобладающее влияние на формирование межъязыковых сходств или различий разноязычных номинативных единиц. Это объясняется, с одной стороны, межнациональными контактами, которые приводят к заимствованиям, а с другой стороны, тем, что в каждом языке отражается самобытность мировидения народа. При формировании общих и различительных черт исследуемых семантических полей языковой фактор является вторым по значимости. Культурная детерминанта преобладает у сравнительно небольшого количества номинативных единиц, номинирующих чувства беспокойства, тревоги в русском, белорусском, английском и немецком языках.

Лексический и фразеологический подкорпусы русского, белорусского, английского и немецкого языков отличаются друг от друга тем, в какой пропорции в них представлены межъязыковые сходства и различия разноязычных номинативных единиц. В семантических полях ‘беспокойство, тревога’ всех четырех языков удельный вес общих и различительных черт в лексике и фразеологии является разным.

Данные о соотношении общих и различительных черт в лексических и фразеологических подкорпусах русского, белорусского, английского и немецкого языков с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов представлены на рис. 1–3.

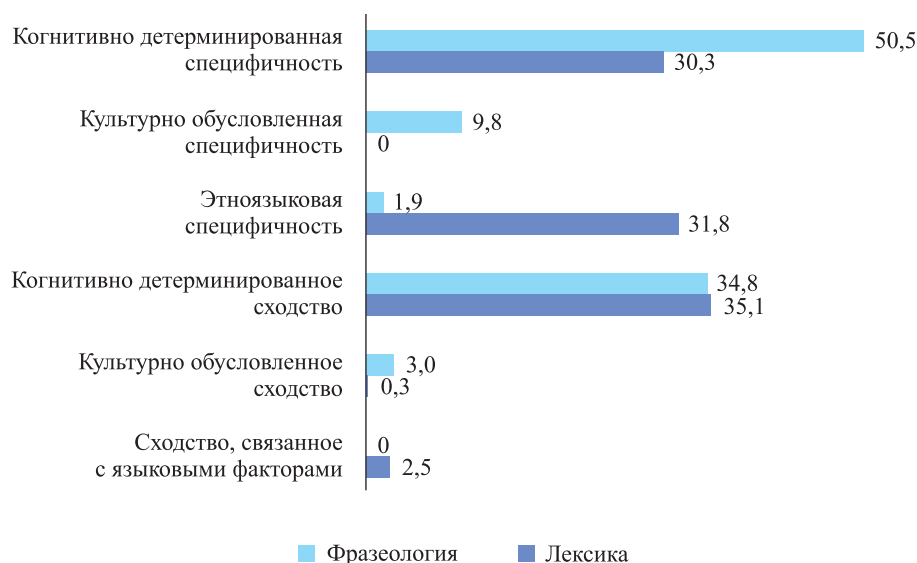

Рис. 1. Соотношение общих и различительных черт русской, белорусской, английской и немецкой лексики и фразеологии с семантикой ‘беспокойство, тревога’ с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов, %

Fig. 1. Correlation between similar and distinctive features of Russian, Belarusian, English, and German vocabulary and phraseology with the semantics ‘anxiety’ taking into account the linguistic, cultural and cognitive factors, %

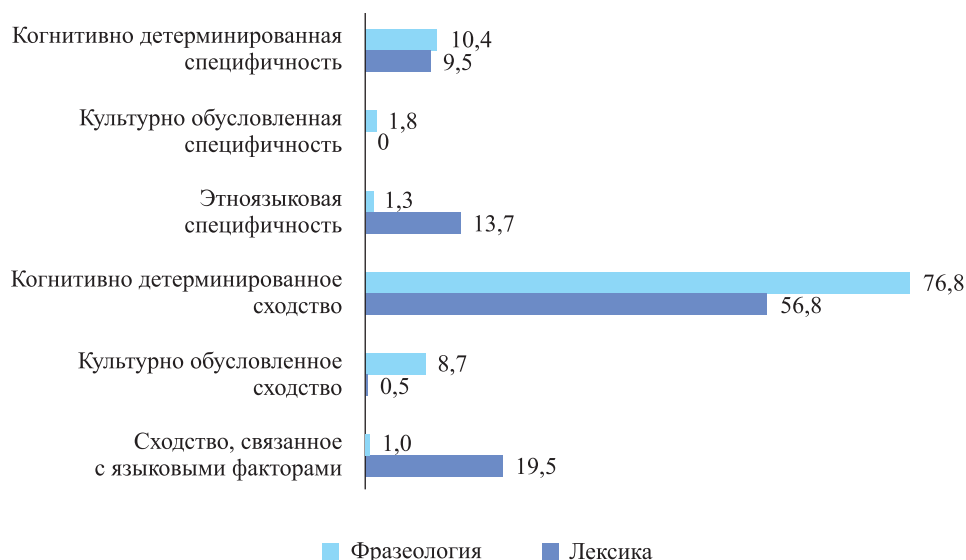

Рис. 2. Соотношение общих и различительных черт русской и белорусской лексики и фразеологии с семантикой ‘беспокойство, тревога’ с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов, %

Fig. 2. Correlation between similar and distinctive features of Russian and Belarusian vocabulary and phraseology with the semantics ‘anxiety’ taking into account the linguistic, cultural and cognitive factors, %

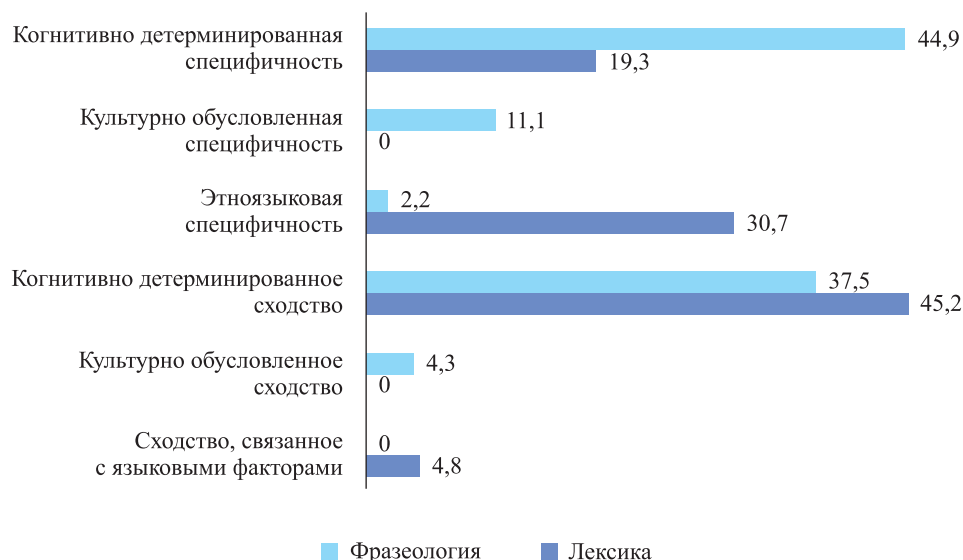

Рис. 3. Соотношение общих и различительных черт английской и немецкой лексики и фразеологии с семантикой 'беспокойство, тревога' с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов, %
Fig. 3. Correlation between similar and distinctive features of English and German vocabulary and phraseology with the semantics 'anxiety' taking into account the linguistic, cultural and cognitive factors, %

В лексических подкорпусах, номинирующих чувства беспокойства, тревоги, русского, белорусского, английского и немецкого языков преобладают межъязыковые различия (62,1 %), в лексических подкорпусах германских языков количество межъязыковых сходств и различий совпадает, а в лексических подкорпусах славянских языков превалируют межъязыковые сходства (76,8 %). Во фразеологических подкорпусах с семантикой 'беспокойство, тревога' как всех четырех языков в целом, так и германских языков в частности преобладают межъязыковые различия (62,2 и 58,2 % соответственно), а во фразеологических подкорпусах славянских языков – межъязыковые сходства (86,5 %). Полученные данные о том, что доля межъязыковых сходств во фразеологических подкорпусах всех четырех языков в целом и германских и славянских языков в частности составляет 37,8; 41,8 и 86,5 % соответственно, подтверждают несостоятельность идеи об абсолютной национальной окрашенности фразеологического фонда.

Удельный вес межъязыковых сходств русской, белорусской, английской и немецкой фразеологии с семантикой 'беспокойство, тревога' является более высоким, чем доля межъязыковых сходств во фразеологических подсистемах этих языков (исследование Э. М. Солодухо показало, что во фразеологических подкорпусах русского, болгарского, английского и немецкого языков межъязыковые сходства наблюдаются в 35 % наиболее употребительных оборотов [18, с. 267]). Повышенный удельный вес межъязыковых сходств во фразеологических подкорпусах, номинирующих чувства беспокойства, тревоги, объясняется наличием в них значительного количества калек и полукалек, восходящих как к современным, так и к древним языкам: рус. *между молотом и наковальней* 'о сложной ситуации, когда опасность грозит с двух сторон' (OnlineФСРЛЯ), бел. *між (паміж) молатам і кавадлам* '1. У цяжкім становішчы, калі небяспека пагражае з двух бакоў (быць, трапіць, апынуцца і пад.). 2. Цяжкае, небяспечнае з абодвух бакоў (становішча)' (СФБМП, с. 62), англ. *between the hammer and the anvil* 'столкновение с двумя одинаково неприятными, опасными или рискованными альтернативами, избегание одной из которых гарантирует столкновение с другой' (OnlineFD) (калька с немецкой фраземы *zwischen Hammer und Amboß sein*, которая восходит к названию романа Ф. Шпильгагена (ИЭФС, с. 385; OnlineЭФС)); рус. *тронуть (задеть) чувствительную (больную, деликатную) струну* 'коснуться вопроса, особенно трогающего или болезненно задевающего кого-либо' (ФСРЯ, с. 281), бел. *слабая струнка (струна)* 'найбольш чуллiвая, уразлiвая рыса, асаблiвасць характару, на якiя лёгка ўздзейнiчаць' (OnlineV), англ. *strike a chord* ('букв. Ударить по струне') 'вызывать сильную эмоциональную реакцию на что-либо; быть очень острым' (OnlineFD), нем. *in (bei) jemandem eine Saite zum Klingen bringen* ('букв. Заставить чью-либо струну звучать') 'вызвать у кого-либо чувство, эмоцию' (OnlineRA) (калька с французской фраземы *toucher la corde sensible* (ИЭФС, с. 556)); рус. *ни жив ни мертв* 'о состоянии оцепенения (от страха, испуга и т. п.)' (OnlineБТС), бел. *ні жывы ні мёртвы* 'страшэнна спалоханы, знямелы' (СФБМП, с. 425) (кальки с латинской фраземы *neque vivos neque mortuos* (ИЭФС, с. 185)).

Языковые, культурные и когнитивные факторы формирования межъязыковых сходств или различий номинативных фондов, объективирующих чувства беспокойства, тревоги в русском, белорусском, английском и немецком языках, имеют разный статус в лексике и фразеологии.

Когнитивный фактор играет главную роль в становлении общих и различительных черт во фразеологии и общих черт в лексике всех четырех языков. Меньшее влияние когнитивного фактора на формирование межъязыковых сходств и различий в лексике, чем на становление межъязыковых сходств во фразеологии, связано с более низким удельным весом покомпонентно и образно мотивированных номинативных единиц в лексическом подкорпусе по сравнению с фразеологическим подкорпусом. При сопоставительном изучении всех четырех языков было выявлено, что под воздействием когнитивного фактора формируется примерно одинаковое количество межъязыковых сходств и различий (по $\frac{1}{3}$ подкорпуса) в лексике и в 2 раза больше межъязыковых различий ($\frac{1}{2}$ подкорпуса), чем межъязыковых сходств ($\frac{1}{3}$ подкорпуса), во фразеологии. Однако внутригрупповой сравнительный анализ славянских и германских языков показал следующие отличительные закономерности. Во фразеологических подкорпусах русского и белорусского языков когнитивно детерминированных межъязыковых сходств насчитывается в 7,5 раза больше, чем когнитивно детерминированных межъязыковых различий, а во фразеологических подкорпусах английского и немецкого языков – в 1,2 раза меньше. Большой удельный вес когнитивно детерминированных межъязыковых сходств, чем когнитивно детерминированных межъязыковых различий, в русской и белорусской фразеологии объясняется тесными межъязыковыми контактами, приводящими к переносам фразем в виде калек и полукалек из одного языка в другой, а также сходством когнитивных моделей переосмысления объектов и явлений окружающей действительности, возникшим в результате общности истории народов – носителей русского и белорусского языков и обусловленным географическим соседством России и Беларуси.

Языковой фактор является доминирующим в становлении межъязыковых различий в лексике как всех четырех языков в целом, так и славянских и германских языков в частности. В лексических подкорпусах славянских и германских языков межъязыковых различий, связанных с языковыми факторами, насчитывается в 1,5 раза больше, чем когнитивно детерминированных межъязыковых различий. Это свидетельствует о том, что специфичность объективизации чувств беспокойства, тревоги в русской и белорусской, английской и немецкой лексике связана с фоносемантическими и структурными особенностями национальных языков. Вместе с тем когнитивные модели переосмысления чувств беспокойства, тревоги, существующие в сознании народов – носителей славянских и германских языков, являются скорее сходными, чем различными: в лексике русского и белорусского языков когнитивно детерминированных межъязыковых сходств насчитывается в 6 раз больше, чем обусловленных тем же фактором межъязыковых различий, а в лексике английского и немецкого языков – в 2 раза больше. При формировании межъязыковых сходств в лексике языковой фактор выступает вторым по значимости. С языковыми факторами связаны $\frac{1}{14}$ межъязыковых сходств в лексике всех четырех языков, $\frac{1}{10}$ межъязыковых сходств в лексике германских языков и $\frac{1}{4}$ межъязыковых сходств в лексике славянских языков. Большая доля межъязыковых сходств, связанных с языковыми факторами, в лексике русского и белорусского языков объясняется наличием значительного количества (78 %) единиц, восходящих к праславянскому, старославянскому и древнерусскому языкам (рус. *страх* ‘1. Состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. опасностью, бедой и т. п.; боязнь’ (OnlineБТС), бел. *спрах* ‘1. Пачуццё і стан вельмі моцнага спалоху’ (ТСБЛМ, с. 629) ← др.-рус., ст.-слав. *спрахъ* ← праслав. **strachъ* (OnlineV); рус. *успокоиться* ‘1. Стать спокойным, подавить свое волнение, тревогу или горячность, возбуждение’ (OnlineБТС), бел. *супакойцца* ‘2. Перастаць турбавацца’ (ТСБЛМ, с. 637) ← др.-рус., ст.-слав. *покои* ← праслав. **rokojъ* (OnlineWR); рус. *бояться* ‘1. Испытывать боязнь (о человеке или животном)’ (OnlineБТС), бел. *баяцца* ‘1. Адчуваць страх’ (ТСБЛМ, с. 84) ← ст.-слав. *boiati съ* ← праслав. *bojati se* (OnlineV)). Во фразеологии языковой фактор оказывает наименьшее влияние на формирование межъязыковых сходств или различий как всех четырех языков в целом, так и германских ($\frac{1}{30}$ межъязыковых различий) и славянских (менее $\frac{1}{10}$ межъязыковых сходств и различий) языков в частности. По мнению М. С. Гутовской, во фразеологии нехарактерность межъязыковых сходств, стимулированных языковыми причинами, объясняется устойчивостью фразем к демотивации, а также нетипичностью фразеологических заимствований в иноязычной языковой оболочке (межъязыковое перемещение осуществляется преимущественно путем калькирования) [17, с. 140–142].

Влияние культурного фактора на фразеологический подкорпус оказывается более широким, чем на лексический. Культурный фактор является вторым по значимости детерминантом, обуславливающим межъязыковые сходства и различия во фразеологии как всех четырех языков в целом, так и славянских и германских языков в частности. Как отмечает М. С. Гутовская, большая культурная маркированность фразем, чем лексем, связана с их раздельнооформленностью и наличием значительного количества сем (в том числе культурно-маркированных) в семантике фразеологической единицы [17, с. 140].

Заклучение

Номинативные единицы русского, белорусского, английского и немецкого языков, объективирующие чувства беспокойства, тревоги, имеют как сходные, так и различительные черты. Межъязыковые сходства представлены лексемами и фраземами, совпадающими по форме и содержанию, а межъязыковые различия – номинативными единицами, специфичными в плане материальной (звуковой, графической) оболочки и (или) значения. Как сходства, так и различия в номинативных фондах сопоставляемых языков вызваны языковым, культурным и когнитивным факторами.

Предложенная М. С. Гутовской классификация разноязычных номинативных единиц по признаку их межъязыковых сходств или различий с учетом языкового, культурного и когнитивного факторов становления этих признаков была успешно апробирована. В лексико-фразеологических полях ‘беспокойство, тревога’ русского, белорусского, английского и немецкого языков выделены шесть групп номинаций:

- единицы, сходство которых связано с языковыми причинами (совпадают по семантике и материальной оболочке, восходят к общим языковым источникам);
- единицы с культурно обусловленным сходством (имеют подобные черты, вызванные ареально-культурными факторами);
- единицы с когнитивно детерминированным сходством (обладают общностью семантики, проявляющейся в сходстве номинативного замысла – логических схем переосмысления явлений окружающего мира);
- единицы с этноязыковой специфичностью (определяются особенностями национальных языков);
- единицы с этнокультурной специфичностью (отсылают к культуре, быту, истории народа, своеобразию природно-географических условий и др.);
- единицы с этнокогнитивной специфичностью (отражают особенности национального мировидения носителей языков).

В семантических полях ‘беспокойство, тревога’ всех четырех языков общие и различительные черты находятся в соотношении 1 : 1,6, в семантических полях русского и белорусского языков – в соотношении 4,8 : 1, а в семантических полях английского и немецкого языков – в соотношении 1 : 1,3. Преобладание межъязыковых сходств в номинативных фондах русского и белорусского языков объясняется сравнительно более близким генетическим родством этих языков, тесным географическим соседством народов и активными межнациональными контактами между ними. Когнитивный фактор играет ключевую роль при формировании межъязыковых сходств и различий: он обуславливает 35 % межъязыковых сходств и 44 % межъязыковых различий всех четырех языков, 70 % межъязыковых сходств и 11 % межъязыковых различий славянских языков, а также 40 % межъязыковых сходств и 37 % межъязыковых различий германских языков. Вторым по значимости является языковой фактор, третьим – культурный фактор.

Удельный вес общих и различительных черт в лексике и фразеологии, номинирующих чувства беспокойства, тревоги, всех четырех языков в целом и славянских языков в частности совпадает: в подкорпусах всех четырех языков преобладают межъязыковые различия (62,1 % в лексике и 62,2 % во фразеологии), а в подкорпусах славянских языков – межъязыковые сходства (76,8 % в лексике и 86,5 % во фразеологии). В лексике германских языков наблюдается одинаковое количество межъязыковых сходств и различий, тогда как во фразеологии преобладают межъязыковые различия (58,2 % межъязыковых различий, 41,8 % межъязыковых сходств).

Языковой, культурный и когнитивный факторы становления общих и различительных черт разноязычных номинативных единиц имеют разные статусы в лексике и фразеологии. Под влиянием когнитивного фактора формируется подавляющее большинство межъязыковых сходств в лексике и межъязыковых сходств и различий во фразеологии русского, белорусского, английского и немецкого языков. Вместе с тем количество когнитивно детерминированных межъязыковых сходств в лексике и фразеологии совпадает, а число когнитивно детерминированных межъязыковых различий во фразеологии в 1,6 раза превышает количество обусловленных тем же фактором межъязыковых различий в лексике. Языковой фактор находится на первом месте при формировании лексических межъязыковых различий и на втором месте при формировании лексических межъязыковых сходств. Культурный фактор играет наименьшую роль в становлении лексических межъязыковых сходств, однако во фразеологии, наоборот, культурно обусловленных межъязыковых сходств и различий насчитывается в 5 раз больше, чем межъязыковых сходств и различий, связанных с языковыми факторами. Это объясняется тем, что неоднословность фразем позволяет вместить во фразеологический оборот больше сем, в том числе культурно-маркированных, чем в лексему, а также тем, что фразеологические заимствования в иноязычной языковой оболочке являются крайне редкими.

В результате внутригруппового анализа славянских и германских языков были выявлены следующие закономерности. Во фразеологии славянских языков когнитивно детерминированных межъязыковых сходств насчитывается в 7 раз больше, чем когнитивно детерминированных межъязыковых различий,

что обусловлено тесными межъязыковыми контактами, приводящими к переносу фразем в принимающий язык в виде калек и полукалек, а также сходством когнитивных моделей переосмысления объектов и явлений окружающей действительности в результате общности истории, географического соседства народов – носителей русского и белорусского языков. Сравнительно большая доля сходств, связанных с языковыми факторами, в лексике славянских языков (¼), чем в лексике всех четырех языков в целом (¼) и германских языков в частности (¼), является следствием заимствований (78 %) из праславянского, старославянского и древнерусского языков.

Сокращения

DRW – Duden. Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik / ed. by W. Scholze-Stubenrecht. 4. Aufl. Berlin : Dudenverlag, 2013. 929 S. ; **LID** – Longman idioms dictionary : over 6000 idioms / ed. by K. Stern, D. Summers. Harlow : Pearson Educ. Ltd., 1998. 398 p. ; **OnlineDW** – Duden Onlinewörterbuch [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (Datum der Bewerbung: 01.03.2020) ; **OnlineFD** – The free dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/dictionary.htm> (date of access: 01.03.2020) ; **OnlineL** – Lingvo Live [Electronic resource]. URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (date of access: 28.12.2022) ; **OnlineOED** – Oxford English dictionary [Electronic resource]. URL: https://public.oed.com/search/go+Dutch/?post_type=any (date of access: 28.12.2022) ; **OnlineRA** – Redensarten index [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.redensarten-index.de/suche.php> (Datum der Bewerbung: 28.12.2022) ; **OnlineV** – Verbum [Электронны рэсурс]. URL: <https://verbum.by/> (дата звароту: 28.12.2022) ; **OnlineWR** – Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/Викисловарь:Заглавная_страница (дата обращения: 28.12.2022) ; **OnlineБТС** – Большой толковый словарь русского языка : А – Я / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 01.03.2020) ; **OnlineППН** – *Даль В. И.* Пословицы русского народа : в 2 т. М. : Худ. лит., 1989. 2 т. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs (дата обращения: 28.12.2022) ; **OnlineСБНП** – Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / уклад.: Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей ; навук. рэд. В. М. Макіенка. Мінск : Беларус. навука, 2011. 482 с. [Электронны рэсурс]. URL: <https://slounik.org/paraunanni> (дата звароту: 28.12.2022) ; **OnlineЭСКСВ** – Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. М. : Локид-пресс, 2003. 877 с. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_wingwords (дата обращения: 28.12.2022) ; **OnlineФСРЛЯ** – Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Фёдоров. 3-е изд. М. : Астрель, 2008. 878 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://phraseology.academic.ru> (дата обращения: 28.12.2022) ; **OnlineШЭСРЯ** – Школьный этимологический словарь русского языка : происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. 7-е изд. М. : Дрофа, 2004. 398 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://etymological.academic.ru> (дата обращения: 28.12.2022) ; **OnlineЭФС** – *Лепешаў І. Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск : БелЭн, 2004. 448 с. [Электронны рэсурс]. URL: https://royallib.com/read/lepsha_van/etimalagchni_slonk_frazealagzma.html# (дата звароту: 28.12.2022) ; **ИЭФС** – *Бирих А. К.* Русская фразеология : ист.-этимол. слов. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд. М. : Астрель, 2005. 926 с. ; **СФБМИ** – Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / склад. І. Я. Лепешаў. Мінск : БелЭн, 2008. Т. 1 : А – Л. 672 с. ; **СФБМП** – Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / склад. І. Я. Лепешаў. Мінск : БелЭн, 2008. Т. 2 : М – Я. 704 с. ; **ТСБЛМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. 2-е выд. Мінск : БелЭн, 2002. 784 с. ; **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. 4-е изд. М. : Рус. яз., 2008. 334 с.

Библиографические ссылки

1. Платон. *Собрание сочинений. Том 2.* Лосев ЛВ, Асмус ВФ, Тахо-Годи АА, редакторы. Москва: Мысль; 1993. 528 с.
2. Аристотель. *Сочинения. Том 2.* Микеладзе ЗН, редактор. Москва: Мысль; 1978. 687 с.
3. Restaut P. *Principes généraux et raisonnés de la grammaire française avec des observations sur l'orthographe, les accents, la ponctuation et un abrégé des règles de la versification Française.* Paris: Lottin; 1766. 496 p.
4. Dumarsais C. *Logique et principes de grammaire.* Paris: Briasson & C°; 1769. 700 p.
5. Гердер ИГ. *Идеи к философии истории человечества.* Михайлов АВ, переводчик. Москва: Наука; 1977. 703 с.
6. фон Гумбольдт В. *Язык и философия культуры.* Гулыш АВ, Рамишвили ГВ, редакторы. Москва: Прогресс; 1985. 451 с.
7. фон Гумбольдт В. *Избранные труды по языкознанию.* Рамишвили ГВ, редактор. Москва: Прогресс; 2000. 396 с.
8. Потемкина АА. *Эстетика и поэтика.* Иванов ИВ, Колодная ИА, составители. Москва: Искусство; 1976. 614 с.
9. Бодуэн де Куртэнэ ИА. *Избранные труды по общему языкознанию. Том 2.* Григорьев ВП, Леонтьев АА, составители. Москва: Академия наук СССР; 1963. 384 с.
10. Уорф БЛ. Наука и языкознание. В: Королёв К, составитель. *Языки как образ мира.* Санкт-Петербург: Terra Fantastica; 2003. с. 202–219.
11. Вайсгербер ЙЛ. *Родной язык и формирование духа.* Радченко ОА, переводчик. Москва: Едиториал УРСС; 2004. 229 с.
12. Апресян ЮД. *Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография.* Москва: Языки русской культуры; 1995. 767 с.
13. Корнилов ОА. *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов.* Москва: КДУ; 2011. 350 с.
14. Жинкин НИ. *Язык – речь – творчество.* Москва: Лабиринт; 1998. 364 с.
15. Гречко ВА. *Теория языкознания.* Москва: Высшая школа; 2003. 374 с.
16. Яковлева ЕС. Фрагмент русской языковой картины мира времени. *Вопросы языкознания.* 1994;5:73–89.
17. Гутовская МС. *Лексико-фразеологическая структура поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках.* Минск: БГУ; 2019. 399 с.
18. Солодухо ЭМ. *Теория фразеологического сближения: на материале языков славянской, германской и романской групп.* Москва: Едиториал УРСС; 2008. 294 с.

References

1. Platon. *Sobranie sochinenii. Tom 2* [Collection of works. Volume 2]. Losev LV, Asmus VF, Takho-Godi AA, editors. Moscow: Mysl'; 1993. 528 p. Russian.
2. Aristotel'. *Sochineniya. Tom 2* [Works. Volume 2]. Mikeladze ZN, editor. Moscow: Mysl'; 1978. 687 p. Russian.
3. Restaut P. *Principes généraux et raisonnés de la grammaire française avec des observations sur l'orthographe, les accents, la ponctuation et un abrégé des règles de la versification Française*. Paris: Lottin; 1766. 496 p.
4. Dumarsais C. *Logique et principes de grammaire*. Paris: Briasson & C°; 1769. 700 p.
5. Gerder IG. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of the history of mankind]. Mikhailov AV, translator. Moscow: Nauka; 1977. 703 p. Russian.
6. fon Gumbol'dt V. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture]. Gulysh AV, Ramishvili GV, editors. Moscow: Progress; 1985. 451 p. Russian.
7. fon Gumbol'dt V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Ramishvili GV, editor. Moscow: Progress; 2000. 396 p. Russian.
8. Potebnaya AA. *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. Ivan'o IV, Kolodnaya IA, compilers. Moscow: Iskusstvo; 1976. 614 p. Russian.
9. Boduen de Kurtene IA. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu. Tom 2* [Selected works on general linguistics. Volume 2]. Grigor'ev VP, Leont'ev AA, compilers. Moscow: Akademiya nauk SSSR; 1963. 384 p. Russian.
10. Uorf BL. [Science and linguistics]. In: Korolev K, compiler. *Yazyki kak obraz mira* [Languages as an image of the world]. Saint Petersburg: Terra Fantastica; 2003. p. 202–219. Russian.
11. Vaisgerber IL. *Rodnoi yazyk i formirovanie dukha* [Native language and the formation of the spirit]. Radchenko OA, translator. Moscow: Editorial URSS; 2004. 229 p. Russian.
12. Apresyan YuD. *Izbrannye trudy. Tom 2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works. Volume 2. Integral description of language and system lexicography]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1995. 767 p. Russian.
13. Kornilov OA. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic world pictures as derivatives of national mentalities]. Moscow: KDU; 2011. 350 p. Russian.
14. Zhinkin NI. *Yazyk – rech' – tvorchestvo* [Language, speech, creativity]. Moscow: Labirint; 1998. 364 p. Russian.
15. Grechko VA. *Teoriya yazykoznaniiya* [Theory of linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola; 2003. 374 p. Russian.
16. Yakovleva ES. [A fragment of the Russian language world picture of time]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1994;5:73–89. Russian.
17. Gutovskaya MS. *Leksiko-frazeologicheskaya struktura polya metayazykovykh oboznachenii v russkom i angliiskom yazykakh* [Lexical-phraseological structure of the metalingual nominative field in the Russian and English languages]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 399 p. Russian.
18. Solodukho EM. *Teoriya frazeologicheskogo sblizheniya: na materiale yazykov slavyanskoi, germanskoi i romanskoi grupp* [The theory of phraseological rapprochement: on the material of the languages of the Slavic, Germanic and Romance groups]. Moscow: Editorial URSS; 2008. 294 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.03.2023.
Received by editorial board 07.03.2023.

УДК 81'42

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЕСЕДНИКОМ НЕРЕАЛИЗОВАННОГО КОММУНИКАТИВНОГО ЗАМЫСЛА ГОВОРЯЩЕГО

О. В. МАРЧЕНКО¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Рассмотрена возможность интерпретации коммуникативного замысла говорящего в ситуации отказа от его реализации. Выявлены четыре основания, которые позволяют реконструировать коммуникативный замысел говорящего (частичная вербализация коммуникативного замысла, существование контекста, невербальное поведение адресанта и наличие у собеседников общей коммуникативной пресуппозиции). Продемонстрировано, что построение интерпретационной гипотезы собеседником может осуществляться с опорой как на одно основание, так и на несколько оснований. Установлено, что корреляция между степенью вербализации коммуникативного замысла и возможностью его дешифрования не является однозначной, и это обусловлено структурными и семантическими особенностями вербализованного фрагмента коммуникативного замысла. Обнаружено, что собеседник может построить интерпретационную гипотезу в случаях, когда адресант сообщения принимает решение об отказе от реализации коммуникативного замысла, еще не приступив к его вербализации.

Ключевые слова: коммуникативный замысел; адресат; адресант; интерпретационная гипотеза; отказ; коммуникативная ситуация.

РЭКАНСТРУКЦЫЯ СУРАЗМОЎЦАМ НЕРЭАЛІЗАВАНАЙ КАМУНІКАТЫЎНАЙ ЗАДУМЫ ГАВОРАЧАГА

В. У. МАРЧАНКА^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарова, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Разгледжана магчымасць інтэрпрэтацыі камунікатыўнай задумы гаворачага ў сітуацыі адмовы ад яе рэалізацыі. Выяўлены чатыры падставы, якія дазваляюць рэканструяваць камунікатыўную задуму гаворачага (частковая вербалізацыя камунікатыўнай задумы, існаванне кантэксту, невербальныя паводзіны адрасанта і наяўнасць у суразмоўцаў агульнай камунікатыўнай прэсупазіцыі). Прадэманстравана, што пабудова інтэрпрэтацыйнай гіпотэзы суразмоўцаў можа ажыццяўляцца з апорай як на адну падставу, так і на некалькі падстаў. Устаноўлена, што карэляцыя паміж ступенню вербалізацыі камунікатыўнай задумы і магчымасцю яе дэшыфравання не з'яўляецца адназначнай, і гэта абумоўлена структурнымі і семантычнымі асаблівасцямі вербалізаванага фрагмента камунікатыўнай задумы. Вызначана, што суразмоўца можа пабудаваць інтэрпрэтацыйную гіпотэзу ў выпадках, калі адрасант паведамлення прымае рашэнне аб адмове ад рэалізацыі камунікатыўнай задумы, яшчэ не прыступіўшы да яе вербалізацыі.

Ключавыя словы: камунікатыўная задума; адрасат; адрасант; інтэрпрэтацыйная гіпотэза; адмова; камунікатыўная сітуацыя.

Образец цитирования:

Марченко ОВ. Реконструкция собеседником нереализованного коммуникативного замысла говорящего. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;2:84–91.

For citation:

Marchanka VU. Reconstruction of the unrealised communicative intention of the speaker by the interlocutor. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;2:84–91. Russian.

Автор:

Ольга Владимировна Марченко – аспирантка кафедры общего языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. Г. Задворная.

Author:

Volha U. Marchanka, postgraduate student at the department of general linguistics.
march_home@mail.ru

RECONSTRUCTION OF THE UNREALISED COMMUNICATIVE INTENTION OF THE SPEAKER BY THE INTERLOCUTOR

V. U. MARCHANKA^a

^a*Minsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus*

The article deals with the possibility of interpretation of the communicative intention in a situation of refusal to realise the communicative intention. The author reveals four grounds that make it possible to reconstruct the communicative intention (partial verbalisation of the communicative intention, context, speaker's non-verbal behaviour and presence of common communicative presupposition among interlocutors). It is shown that the construction of the interpretative hypothesis by the interlocutor can be based on a single ground, as well as on several ones. It has been established that the correlation between the degree of verbalisation of the communicative intention and the possibility of its decoding is not unambiguous due to structural and semantic features of the verbalised fragment of the communicative intention. It is found that the interlocutor has the possibility to construct an interpretative hypothesis also in situations where the addressee of the message decides to not realise the communicative intention without having yet started its verbalisation.

Keywords: communicative intention; hearer; speaker; interpretative hypothesis; refusal; communicative situation.

Введение

В ходе устного диалогического общения ввиду его спонтанного, динамичного и непредсказуемого характера собеседники могут сталкиваться с коммуникативными сбоями, неудачами, затруднениями и т. д.

Сложности, связанные с осуществлением коммуникативного замысла, не раз становились объектами исследования в рамках лингвопрагматики. Разные аспекты возникающих коммуникативных затруднений изучены несколько неравномерно. Так, например, коммуникативные неудачи, т. е. ситуации, в рамках которых говорящий осуществляет коммуникативный замысел, но его собеседнику не удается декодировать смысл высказывания, получили подробное и всестороннее освещение в работах Б. Ю. Городецкого, И. М. Кобозевой, И. Т. Сабурова [1], Л. Голетиани [2], О. П. Ермаковой, Е. А. Земской [3], Л. Ю. Иванова¹, С. Г. Ильенко [4], А. Мустайоки [5], А. Ю. Серебряковой [6], Л. Л. Славовой² и др. Иным видам сбоев, возникающих в диалогическом общении, пока уделяется значительно меньше внимания. Весьма немногочисленные публикации посвящены таким феноменам, как вербальные хезитативы, употребляемые при появлении у говорящего трудностей с формулированием словесной стороны коммуникативного замысла (Н. В. Богданова-Бегларян [7], Д. О. Добровольский, И. Б. Левонтина [8], Р. В. Лебедевич [9], В. И. Подлеская [10]), недомолвки (речевой акт умолчания), которые являются незаконченными в структурном плане, но вполне завершенными (хотя и в имплицитной форме) с точки зрения содержания (О. В. Пузанова³, Г. А. Тезекбаева⁴), и др.

Отдельным типом таких ситуаций является отказ говорящего от осуществления коммуникативного замысла (ОКЗ). При анализе данного феномена принципиально важно различать две разновидности соответствующих коммуникативных ситуаций. Первая разновидность представлена случаями, когда решение об ОКЗ принимается под давлением собеседника ввиду использования им коммуникативного хода запрета или перехвата коммуникативной инициативы, препятствующего реализации замысла говорящего. Изучением подобных ситуаций занимались О. С. Иссерс [11], М. Ю. Олешков [12] и М. Л. Макаров [13]. Вторая разновидность связана с ОКЗ как следствием самостоятельного решения говорящего, принимаемого в ходе текущего анализа коммуникативной ситуации. В рамках настоящего исследования рассматриваются те контексты, в которых ОКЗ осуществляется добровольно. В результате самостоятельно принятого говорящим решения коммуникативный замысел оказывается полностью (1) или частично (2) нереализованным.

(1) – *Из-за нее, из-за новенькой! Она сказала, что вы глупая, а ваши уроки кошмарные! – нябедничала Гробыня Склепова, показывая пальцем на Таню.*

¹Иванов Л. Ю. Коммуникативная неудача // Культура рус. речи : энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова. М. : Флинта, 2003. С. 251–252.

²Славова Л. Л. Типология коммуникативных неудач (на материале современной английской речи) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Киев, 2000. 19 с.

³Пузанова О. В. Прагматика и семантика умолчания : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. СПб., 1998. 18 с.

⁴Тезекбаева Г. А. Прагматика недомолвок в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Тобольск, 2011. 18 с.

Таня *хотела было возразить*⁵, но решила, что правильнее будет промолчать (НКРЯ (Емец Д. А. Таня Гроттер и магический контрабас. 2002)).

(2) «Я хочу просто...» – Она *оборвала себя*, как только что Ефима. Как глупо было бы сейчас перечислять то немного, что сделало бы ее счастливой, и как невозможно, кощунственно это перечислять!.. (НКРЯ (Осипов С. Ю. Страсти по Фоме. Кн. 3: Книга Перемен. 1998)).

Как правило, в подобных ситуациях коммуникативный замысел говорящего не распознается слушающим: он либо вообще не догадывается о том, что его собеседник намеревался что-то сказать, либо не может понять, что именно планировал сообщить говорящий. Несмотря на это, возможны (хотя и весьма редко) случаи, когда слушающему все же удается эффективно распознать коммуникативный замысел говорящего и построить правильную интерпретационную гипотезу (ИГ). Соответственно, большой интерес представляет рассмотрение оснований, выступающих в роли опорных элементов, которые помогают адресату создавать вполне надежные и адекватные ИГ. Цель настоящей статьи состоит в выявлении оснований, на которых строится ИГ, т. е. факторов, позволяющих реконструировать нереализованный коммуникативный замысел собеседника.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили 630 контекстов с ситуациями ОКЗ, отобранных из НКРЯ и произведений русскоязычных авторов, которые не зафиксированы в НКРЯ. Из них были выделены 35 контекстов, в которых представлены случаи интерпретации коммуникативного замысла адресанта. В данную группу включались контексты, содержащие непосредственное указание на то, что собеседник действительно дешифровал коммуникативный замысел говорящего, реконструировал его и понял информацию, которую собирался донести ему адресант до того, как принял решение об ОКЗ. В тексте о факте интерпретации коммуникативного замысла говорящего свидетельствует либо использование глаголов с семантикой понимания (*понять – понимать, сообразить – сообразить* и др.) в ремарках автора или внутренней речи героя, либо дальнейшее коммуникативное поведение слушающего.

Использовался метод контекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение

По результатам анализа основания для построения ИГ были объединены в четыре группы.

Частичная вербализация коммуникативного замысла. Наиболее очевидную и перспективную возможность для построения достоверных ИГ предоставляет факт частичной вербализации коммуникативного замысла, когда адресант принимает решение об ОКЗ уже в процессе говорения.

В подобных ситуациях релевантными являются две характеристики вербализованного фрагмента. В первую очередь это объем вербализованной части высказывания. Очевидно, что чем больше человек успел сказать, тем легче собеседнику строить ИГ. Однако важен не только объем вербализованного фрагмента, или соотношение вербализованной и невербализованной частей высказывания, но и семантико-прагматические особенности соответствующих фрагментов. Продемонстрируем это на примере интерпретации коммуникативного замысла в ситуации, когда озвучена главная часть сложноподчиненного предложения с определительной (3) и изъяснительной (4) придаточными частями. Синтаксические конструкции подобного рода оказываются наиболее характерными для данного типа реконструкции коммуникативного замысла говорящего.

(3) – *Мне тяжело говорить вам все это... Я знаю, где я нахожусь... Мне трудно говорить так о близком человеке, которого я...*

Она осеклась, смутилась, а Птицын про себя отметил: «Пожалуй, я начинаю проникать в тайну, которую не отнесешь к категории государственных. Вот уж действительно – молодость не умеет таить своих чувств» (НКРЯ (Тайник // Огонек. 1970. № 5–6, 8–13)).

В данном контексте вербализованный фрагмент коммуникативного замысла говорящего представляет собой сложноподчиненное предложение с неполной придаточной определительной частью. О построении ИГ позволяют судить слова *начинаю проникать в тайну* во внутренней речи адресата. В качестве опоры для интерпретации выступает главная часть предложения, в которой содержится существенная информация о степени близости между говорящим и тем, кто обсуждается.

(4) – *Тогда посидите, расскажите мне о Григории Ивановиче. Он пишет, что... – Она что-то осеклась. Профессор посмотрел и опустил на стул.*

⁵Здесь и далее полужирный курсив в цитатах наш. – О. М.

– Ну, **что он пишет, я не знаю**, – сказал он без улыбки, – но передать вам он мне кое-что да наказал (НКРЯ (Домбровский Ю. О. Рождение мыши. 1951–1956)).

В приведенном примере вербализованный фрагмент коммуникативного замысла говорящего представляет собой сложноподчиненное предложение с неполной придаточной изъяснительной частью. Несмотря на то что адресант полностью озвучивает главную часть предложения, слушающий не может реконструировать коммуникативный замысел говорящего, поскольку содержащейся в ней информации недостаточно для построения ИГ.

Различия между исследованными контекстами объясняются тем, что рассмотренные предложения имеют несхожие семантические структуры. В примере (3) это сложноподчиненное предложение с придаточной определительной частью, причем и в главной, и в придаточной частях выражается диктумная информация – «объективное внеязыковое содержание» [14, с. 96]. Другими словами, передается сообщение, которое «сопровождается указанием на его целенаправленность (повествование – волеизъявление – вопрос), отнесенность или неотнесенность к определенному субъекту, а также, в случае отнесенности к субъекту, на коммуникативные намерения последнего» [15, с. 472]. В примере (4) это сложноподчиненное предложение с придаточной изъяснительной частью. В предложениях такого типа диктумная информация содержится в придаточной части, а в главной части передается модус, т. е. «субъективное отношение, коммуникативная целеустановка» [14, с. 96] и «характеризующий аспект высказывания» [15, с. 472]. Соответственно, в случаях, когда адресант отказывается от реализации коммуникативного замысла, озвучив главную часть сложноподчиненного предложения с придаточной изъяснительной частью, в которой выражается диктумная составляющая пропозиции, или «представление, воспринятое чувствами, памятью или воображением», его собеседник может судить лишь о модальной части высказывания, т. е. о «производимой над этим представлением мыслящим субъектом психической операции» [16, с. 44].

В случаях, когда незавершенное высказывание имеет другие типы синтаксических структур, построение ИГ также возможно, однако поскольку информации, содержащейся в подобном фрагменте, бывает недостаточно, то при реконструкции коммуникативного замысла говорящего собеседник опирается на другие основания.

Существование контекста. Как известно, в лингвистике выделяются два вида контекста – лингвистический и экстралингвистический. Под лингвистическим понимается контекст, «ограничиваемый рамками чисто языкового воплощения содержания коммуникации и детерминируемый конкретной языковой системой и закономерностями формирования лексических и грамматических значений речевого акта» [17, с. 38]. Лингвистический контекст играет важную роль в интерпретации коммуникативного замысла говорящего, поскольку значение той или иной семантической единицы языка раскрывается в связи со смыслом других высказываний. В ситуациях ОКЗ такой вид контекста позволяет реконструировать коммуникативный замысел говорящего на основе информации, ранее озвученной в текущем диалогическом взаимодействии. При построении ИГ собеседник может опираться на грамматические связи между высказываниями (5).

(5) – *Не шутите, Ветер, – нахмурилась Веда, – я говорю серьезно. Когда я узнала вас, командовавшего всей силой Земли, говорившего с дальними мирами... Там, на ваших обсерваториях, вы могли быть сверхъестественным существом древних, как это они называли, – богом! А здесь, на нашей простой работе, наравне со многими, вы... – Веда умолкла.*

– *Что же я, – с любопытством допытывался ее собеседник, – потерял величие?* (НКРЯ (Ефремов И. А. Туманность Андромеды. 1956)).

В данном контексте реконструкция коммуникативного замысла говорящего возможна благодаря использованию адресантом в последнем предложении противительного союза *а*. С точки зрения семантики высказывания противопоставляются, что позволяет слушающему определить значение невербализованного фрагмента, которое противоположно значению предыдущего предложения.

Экстралингвистический контекст толкуется как «ситуация коммуникации, включающая условия общения, предметный ряд, время и место коммуникации, самих коммуникантов, их отношения друг к другу и т. п.»⁶. В случае построения ИГ на основе экстралингвистического контекста адресат опирается на текущую обстановку, условия протекания разговора, действия, предшествующие отказу, и другие обстоятельства (6).

(6) – *Георгий Николаевич, – позвала Клара сзади.*

Он остановился. Оказывается, за своими мыслями он шел все быстрее и быстрее и ушел так далеко, что пришлось его догонять. Она тяжело дышала. Волосы лезли на глаза. Она провела рукой по лицу, отбрасывая их.

⁶Контекст // Лингвист. энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 238.

И вдруг почти истерическая нежность и чувство вины охватили его. Он схватил ее за руку.
– **Кларочка**, – сказал он, – **я ведь совсем...** – И он хотел сказать, что он совсем, совсем забыл о ней, и осекся.

Он не забыл о ней. Он просто думал о Лине. Он знал за собой это – когда задумывается, то бежит. Чем больше задумывается, тем быстрее бежит.

– **Ничего**, – сказала Клара и скинула рюкзак. – *Только жарко уж очень* (НКРЯ (Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей. 1978)).

В приведенном контексте адресат сообщения строит ИГ исходя из ситуации: коммуниканты шли вместе, но в какой-то момент мужчина ускорился, забыв о спутнице. Окликнув его, женщина проанализировала обстановку и коммуникативное поведение адресанта, построила правильную ИГ и ответила собеседнику таким образом, будто коммуникативный замысел говорящего был реализован полностью.

Невербальное поведение адресанта. В число оснований, позволяющих собеседнику распознать коммуникативный замысел говорящего, входят также невербальные средства общения. Как отметил Г. Е. Крейдлин, «невербальная коммуникация является одной из важнейших областей функционирования знаков и знаковой информации и занимает значительное место в жизни человека и общества» [18, с. 6].

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что кинемы («значащие положения и изменение положения человеческого тела и лица», к которым относятся «мимика, пантомимика (жесты, движения, позы)»⁷) могут иметь как коммуникативный, так и некоммуникативный характер. Под коммуникативными кинемами понимаются действия, которые «несут преднамеренное сообщение первоначальному коммуникатору по поводу его высказывания», а под некоммуникативными кинемами – действия, которые «не осознаются адресатом во время восприятия сообщения, но тем не менее в той или иной мере говорят о его отношении к сообщению коммуникатора или окружающей действительности»⁸.

Следовательно, важно разграничивать ситуации, в которых адресант сообщения прибегает к коммуникативным невербальным действиям, т. е. намеренно использует средства несловесного общения и «с их помощью... сознательно передает информацию» собеседнику [19, с. 36], и случаи, в которых элементы языка тела адресанта носят некоммуникативный характер. Ситуации первого типа не рассматриваются как случаи ОКЗ, поскольку говорящий использует невербальные средства в замещающей функции и в полной мере реализует коммуникативный замысел (7).

(7) – *Гораздо важнее, что говорит по этому поводу ваша совесть.*

– *Для церкви она не судья. Важно суждение моих начальников, хотя...*

Шуман не договорил и сделал жест, означавший, что ему теперь все безразлично (НКРЯ (Шпанов Н. Н. Ученик чародея. 1935–1950)).

В приведенном контексте говорящий не произносит высказывание до конца, тем не менее он полностью реализует коммуникативный замысел, обращаясь к невербальным средствам, которые в данном случае заменяют лексически невыраженную часть сообщения.

В ситуациях второго типа, т. е. в случаях ОКЗ, невербальное поведение адресанта носит произвольный характер, и при реконструкции коммуникативного замысла говорящего собеседник опирается лишь на те движения, которые адресант совершает неосознанно (8).

(8) – *Они там все уснули. А милицию вызвала одна из присутствовавших там дам. Приехали – братва спит. На кухне труп. Ну, понятно, всех взяли, привезли, стали колоть. Все – в отказ. Отправили в предва- риловку. А там и пошло...*

Бекетов хотел было спросить, что же именно там «пошло», но, памятуя данное себе слово держаться индифферентно, промолчал. Однако следователь заметил немой вопрос, все-таки блеснувший в глазах Гавриила Семеновича, и ответил:

– *Что пошло? То самое* (НКРЯ (Белозеров А. Чайка. 2001)).

Наличие у собеседников общей коммуникативной пресуппозиции. Общая коммуникативная пресуппозиция – «представление говорящего о степени осведомленности адресата речи (коммуникативные пресуппозиции)» [20, с. 89]. Как отметила И. Н. Борисова, коммуникативная пресуппозиция отражает «личностные характеристики коммуникантов и их межличностные отношения (историю общения)» [21, с. 91]. Другими словами, это общий фонд знаний коммуникантов друг о друге и их жизни, информация, известная лишь им двоим или весьма ограниченному кругу людей.

⁷Баженова И. С. Обозначения эмоций в художественном тексте (прагматический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. М., 2004. С. 13.

⁸Там же. С. 14.

В процессе коммуникации сформированная у собеседников общая пресуппозиция позволяет им с высокой степенью точности догадываться о том, что хотел сказать адресант сообщения (9).

(9) – Папа тогда уходил. <...> А папа сказал, что очень меня любит, даже больше своей женщины, и вообще жизнь, мол, у нас только начинается. И будет она – во жизнь! Он выставил большой палец, а ноготь у него был синий-синий, он его прищемил дверью. Поверить в синий ноготь сил не было. С тех пор я и не верю никому. Кроме Алеши.

– Но разве... – начала было я.

– Нет, – сказала она. – С Димоном было чистое любопытство, познание – и не больше (НКРЯ (Щербакова Г. Н. Моление о Еве. 2000)).

В данном контексте одна из подруг делится историей о потере доверия ко всем людям, за исключением некоего человека. Собеседница, в свою очередь, знает подробности личной жизни подруги и актуализирует эту информацию, обращаясь к общей пресуппозиции. Структурно фрагмент озвученного высказывания представляет собой часть вопросительной конструкции, состоящей из противительного союза *но* и вопросительной частицы *разве*, и в нем не содержатся сведения, которые бы напрямую указывали на то, о каком человеке идет речь. Однако, несмотря на это, адресат успешно распознает коммуникативный замысел говорящего.

Кроме того, интерпретация коммуникативного замысла говорящего с опорой на общую пресуппозицию возможна в случаях, когда адресант, принявший решение об ОКЗ, ничего не произносит. Как правило, в подобных ситуациях коммуниканты хорошо знают друг друга и имеют довольно близкие отношения, что обуславливает их способность понимать друг друга без слов (10).

(10) – Не, не, не, – сказал Боголюбов, ложкой поедая пенку с капучино. – Вот тут ошибка. Он ее герой не потому, что она раскисла. Он герой, потому что избавил ее от подонка. Если я правильно понимаю, он навсегда избавит ее от всякого рода подонков.

Лера хотела возразить, но не стала и глотнула кофе.

– Вот именно, – продолжал Боголюбов, отвечая на то, что она не сказала, – рано или поздно это должно было случиться (Устинова, с. 333).

В приведенном примере представлен разговор двух бывших супругов, которые долгое время прожили вместе. Как следствие, коммуниканты обладают общими знаниями, благодаря чему один из них успешно распознает коммуникативный замысел собеседника.

Комбинация оснований. Нередко, выстраивая ИГ, говорящий использует сразу несколько оснований для реконструкции невербализованной части высказывания. В случаях, когда озвученной информации недостаточно для построения ИГ, одной из распространенных комбинаций является сочетание частичной вербализации коммуникативного замысла и другого основания (см. примеры (3) – (9), в частности, в контексте (3) главную роль играет озвученный фрагмент замысла, а второстепенную – общая пресуппозиция). Интересны также случаи реконструкции коммуникативного замысла говорящего с опорой на несколько оснований в ситуациях ОКЗ, когда вербализация коммуникативного замысла полностью отсутствует (11).

(11) И тут же в трубке раскатился и завибрировал миролюбивый, увещевающий бас Варичева:

– Федор Иванович? Надо бы поговорить...

– У нас, по-моему, все бумаги подписаны. Все решено.

– Не все, дорогой. Только начинается. Приходи, поговорим...

Федору Ивановичу *хотелось сказать еще что-нибудь твердое – терять все равно было нечего. Но удержался. Уже понимал: надо учиться у природы молчанию. Твердые слова и жесты – прекрасная пища для хорошего уха. Они служат только обнаружению того, что держишь на самом дне души.*

Но и молчание его оказалось красноречивым.

– Федор Иванович, ты, как я понимаю, обиделся... Вылезай скорей из бутылки. Дело общее, касается и тебя, и нас (НКРЯ (Дудинцев В. Д. Белые одежды. 1987)).

В приведенном примере представлен разговор ректора института и доцента, которые тесно общаются по работе и знают характеры друг друга, что выступает в качестве общей коммуникативной пресуппозиции. Вторым опорным элементом, благодаря которому собеседнику удается расшифровать нереализованный коммуникативный замысел говорящего, является невербальная реакция адресанта, а именно его молчание.

Иногда в ситуации ОКЗ адресат сообщения может строить ИГ с опорой на три основания (12).

(12) Потом женщина, доверительно перегнувшись ко мне над столом, кивнула головой в сторону операционной:

– Вы слышали... Он сказал, возможно, будет нужна кровь. Если им не привезут. Вернее, если не успеют привезти... До того, как она им понадобится, – помолчав, тихо добавила она.

Я встрепенулась, попросила шепотом:

– Можно мне?

Женщина понимающе кивнула головой.

– Да, да, я и подумала, что тебе бы надо. Хоть немного от души отлегло бы. Только подойдет ли группа крови. **И потом...**

Женщина вдруг замолчала, ее взгляд ушел от меня. Глаза стали невидящими и немигающими. Я поняла, что значило это «потом...». Разве могла бы я позволить кому-нибудь на свете отдать кровь моему ребенку, случись с ним такое, если бы во мне оставалась хоть капля собственной крови, так необходимой ему (НКРЯ (Маркова Е. Г. Мяч. 1990–2000)).

В данном контексте реконструировать коммуникативный замысел говорящего помогают информация, содержащаяся в вербализованной части высказывания, коммуникативная пресуппозиция (сын адресанта сообщения находится в тяжелом состоянии после аварии, которую совершила женщина-рассказчик), а также неосознанное невербальное поведение собеседницы.

Заключение

Несмотря на то что реконструкция коммуникативного замысла говорящего в ситуациях ОКЗ может казаться сложной и на первый взгляд даже не всегда решаемой коммуникативной задачей, вероятность осуществления такой реконструкции все же имеется. Это становится возможным благодаря учету адресатом в процессе диалогического взаимодействия четырех факторов, или оснований: частичной вербализации коммуникативного замысла, существования контекста, невербального поведения адресата и наличия у собеседников общей коммуникативной пресуппозиции. Такие основания могут использоваться слушающим как автономно, так и комплексно. Кроме того, корреляции между возможностью интерпретации коммуникативного замысла и степенью его вербализации являются неоднозначными. В случае неполной вербализации высказывания говорящим адресат может успешно распознать коммуникативный замысел собеседника или не понять то, что хотел сказать ему адресант сообщения. В подобных ситуациях вероятность построения адекватной ИГ зависит от структурного и семантического характера озвученного фрагмента, т. е. наличия или отсутствия в нем важной информации.

Сокращения

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.12.2022);
Устинова – Устинова Т. В. Чудны дела твои, Господи! // Шекспир мне друг, но истина дороже. Чудны дела твои, Господи! / Т. В. Устинова. М.: Изд-во «Э», 2016. С. 271–541.

Библиографические ссылки

1. Городецкий БЮ, Кобозева ИГ, Сабуров ИГ. К типологии коммуникативных неудач. В: Нариньяни АС, редактор. *Диалоговое взаимодействие и представление знаний*. Новосибирск: Вычислительный центр Сибирского отделения АН СССР; 1985. с. 64–78.
2. Голетиани Л. *Коммуникативная неудача в диалоге: на материале русского и украинского языков*. Мюнхен: Otto Sagner Verlag; 2003. 412 с.
3. Ермакова ОП, Земская ЕА. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога). В: Земская ЕА, Шмелёв ДН, редакторы. *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. Москва: Наука; 1993. с. 30–64.
4. Ильенко СГ. К поискам ориентиров речевой конфликтологии. В: Ильенко СГ, редактор. *Аспекты речевой конфликтологии*. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена; 1996. с. 3–13.
5. Мустайоки А. Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего. В: Кибрик АА, Кошелев АД, редакторы. *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*. Москва: Языки славянской культуры; 2015. с. 543–560.
6. Серебрякова АЮ. Экстралингвистические причины коммуникативных неудач. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2015;12(4):34–37. DOI: 10.14529/ling150407.
7. Богданова-Бегларян НВ, Маслова ЕР. Русские контактные глаголы в устной спонтанной речи: объем словника и функционально-семантическое разнообразие. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2019;3(15):158–184. DOI: 10.30842/alp23065737153061.
8. Добровольский ДО, Левонтина ИБ. Дискурсивные частицы и способы их перевода: ну в романе Владимира Сорокина «Очередь». В: Селегей ВП, редактор. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2017;16:106–117.
9. Лебедев РВ. Способы преодоления коммуникативного затруднения говорящего в диалоге. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018;3:127–136.
10. Подлеская ВИ. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2013;12:631–634.
11. Иссерс ОС. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва: УРПС; 2002. 284 с.

12. Олешков МЮ. *Моделирование коммуникативного процесса*. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия; 2006. 342 с.
13. Макаров МЛ. *Основы теории дискурса*. Москва: Гнозис; 2003. 280 с.
14. Краснова ТИ. *Субъективность – модальность (материалы активной грамматики)*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; 2002. 189 с.
15. Шведова НЮ, редактор. *Русская грамматика. Том 2, Синтаксис*. Москва: Наука; 1980. 662 с.
16. Балли Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. Вентцель ЕВ, Вентцель ТВ, переводчики. Москва: Издательство иностранной литературы; 1955. 416 с.
17. Колшанский ГВ. *Контекстная семантика*. Москва: Высшая школа; 1980. 152 с.
18. Крейдлин ГЕ. *Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык*. Москва: Новое литературное обозрение; 2002. 592 с.
19. Верещагин ЕМ, Костомаров ВГ. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка). *Вопросы языкознания*. 1981;1:36–47.
20. Арутюнова НД. Понятие пресуппозиции в лингвистике. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1973;32(1):89–94.
21. Борисова ИН, Данилов СЮ, Матвеева ТВ, Розанова НН, Шалина ИВ. *Русское повседневное общение: прагматика, культурология*. Екатеринбург: Гуманитарный университет; 2018. 442 с.

References

1. Gorodetskii BYu, Kobozeva IG, Saburov IG. [To the typology of communication failures]. In: Narin'yani AS, editor. *Dialogovoe vzaimodeistvie i predstavlenie znaniy* [Dialogue interaction and knowledge representation]. Novosibirsk: Vychislitel'nyi tsentr Sibirskogo otdeleniya AN SSSR; 1985. p. 64–78. Russian.
2. Goletiani L. *Kommunikativnaya neudacha v dialoge: na materiale russkogo i ukrainskogo yazykov* [Communicative failure in a dialogue: on the material of the Russian and Ukrainian languages]. München: Otto Sagner Verlag; 2003. 412 p. Russian.
3. Yermakova OP, Zemskaya EA. [To the construction of a typology of communicative failures (based on the natural Russian dialogue)]. In: Zemskaya EA, Shmelev DN, editors. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect]. Moscow: Nauka; 1993. p. 30–64. Russian.
4. Il'enko SG. [To the search of the benchmarks of speech conflictology]. In: Il'enko SG, editor. *Aspekty rechevoi konfliktologii* [Aspects of speech conflictology]. Saint Petersburg: Herzen University; 1996. p. 3–13. Russian.
5. Mustaioki A. [Communication failures from the point of view of the needs of the speaker]. In: Kibrik AA, Koshelev AD, editors. *Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and thought: contemporary cognitive linguistics]. Moscow: Languages of Slavic culture; 2015. p. 543–560. Russian.
6. Serebryakova AYu. Extralinguistic reasons of communication failures. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*. 2015;12(4):34–37. Russian. DOI: 10.14529/ling150407.
7. Bogdanova-Beglarian NV, Maslova ER. Russian contact verbs in oral speech: glossary and functional and semantic variety. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2019;3(15):158–184. Russian. DOI: 10.30842/alp23065737153061.
8. Dobrovol'skij DO, Levontina IB. Discourse particles and their translation: *ну* in Vladimir Sorokin's novel «The queue» («Ochered'»). *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 2017;16:106–117. Russian.
9. Lebedevich RV. Moods of overcoming communicative difficulties of the speaker in dialogue. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:127–136. Russian.
10. Podlesskaya VI. Vague reference in Russian: evidence from spoken corpora. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 2013;12:631–634. Russian.
11. Issers OS. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communication strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: URRS; 2002. 284 p. Russian.
12. Oleshkov MYu. *Modelirovanie kommunikativnogo protsessa* [Communication process modelling]. Nizhny Tagil: Nizhneta-gil'skaya gosudarstvennaya sotsial'no-pedagogicheskaya akademiya; 2006. 342 p. Russian.
13. Makarov ML. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow: Gnozis; 2003. 280 p. Russian.
14. Krasnova TI. *Sub'ektivnost' – modal'nost' (materialy aktivnoi grammatiki)* [Subjectivity – modality (active grammar material)]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i finansov; 2002. 189 p. Russian.
15. Shvedova NYu, editor. *Russkaya grammatika. Tom 2, Sintaksis* [Russian grammar. Volume 2, Syntax]. Moscow: Nauka; 1980. 662 p. Russian.
16. Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. Venttsel' EV, Venttsel' TV, translators. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury; 1955. 416 p. Russian.
17. Kolshanskii GV. *Kontekstnaya semantika* [Contextual semantics]. Moscow: Vysshaya shkola; 1980. 152 p. Russian.
18. Kreidlin GE. *Neverbal'naya semiotika: yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Non-verbal semiotics: body language and natural language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2002. 592 p. Russian.
19. Vereshchagin EM, Kostomarov VG. [On diversity of reflection of facial expression and gesture with verbal means (on materials from the Russian language)]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1981;1:36–47. Russian.
20. Arutyunova ND. [The concept of presupposition in linguistics]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1973;32(1):89–94. Russian.
21. Borisova IN, Danilov SYu, Matveeva TV, Rozanova NN, Shalina IV. *Russkoe povsednevnoe obshchenie: pragmatika, kul'turologiya* [Russian daily communication: pragmatics, culturology]. Yekaterinburg: Liberal Arts University; 2018. 442 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.02.2023.
Received by editorial board 21.02.2023.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В НАУЧНОМ МОНОЛОГЕ И НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Е. А. БЕЛИКОВА¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Продемонстрированы особенности употребления отрицательных конструкций, которые выражают отсутствие действия, явления или свойства, в монологических и диалогических жанрах научного дискурса. Анализ проведен на материале русского и английского языков. Выявлены количественно-качественные различия в употреблении показателей отрицания с лексико-семантическими группами глаголов в научном монологе и научном диалоге. Установлено, что семантические различия отрицательных конструкций в научном монологе и научном диалоге обусловлены спецификой решаемых автором или говорящим прагматических задач.

Ключевые слова: отрицательные конструкции; научный дискурс; научный монолог; научный диалог; семантические особенности.

СЕМАНТИЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ АДМОЎНЫХ КАНСТРУКЦЫЙ У НАВУКОВЫМ МАНАЛОГІ І НАВУКОВЫМ ДЫЯЛОГІ НА МАТЭРЫЯЛЕ РУСКАЙ І АНГЛІЙСКОЙ МОЎ

К. А. БЕЛІКАВА^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарова, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Прадэманстраваны асаблівасці ўжывання адмоўных канструкцый, якія адлюстроўваюць адсутнасць дзеяння, з'явы або ўласцівасці, у маналагічных і дыялагічных жанрах навуковага дыскурсу. Аналіз праведзены на матэрыяле рускай і англійскай моў. Выяўлены колькасна-якасныя адрозненні ва ўжыванні паказчыкаў адмаўлення з лексіка-семантычнымі групамі дзеясловаў у навуковым маналогу і навуковым дыялогу. Устаноўлена, што семантычныя адрозненні адмоўных канструкцый у навуковым маналогу і навуковым дыялогу абумоўлены спецыфікай прагматычных задач, якія вырашаюцца аўтарам ці гаворачым.

Ключавыя словы: адмоўныя канструкцыі; навуковы дыкурс; навуковы маналог; навуковы дыялог; семантычныя асаблівасці.

Образец цитирования:

Беликова ЕА. Семантические особенности отрицательных конструкций в научном монологе и научном диалоге на материале русского и английского языков. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;2:92–100.

For citation:

Belikova KA. Semantic features of negative constructions in scientific monologue and scientific dialogue on the material of Russian and English languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;2:92–100. Russian.

Автор:

Екатерина Александровна Беликова – аспирантка кафедры общего языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. Г. Задворная.

Author:

Katsiaryna A. Belikova, postgraduate student at the department of general linguistics.
ekaterina.belav@gmail.com

SEMANTIC FEATURES OF NEGATIVE CONSTRUCTIONS
IN SCIENTIFIC MONOLOGUE AND SCIENTIFIC DIALOGUE
ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGESK. A. BELIKOVA^a^aMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

Semantic peculiarities of the use of negative constructions that denote the absence of action, phenomenon or property in scientific speech are demonstrated. The analysis is based on the material of Russian and English languages. Quantitative and qualitative differences of usage of the negative indicators with lexical-semantic groups of verbs in scientific monologue and scientific dialogue are revealed. It is established that the semantic differences of the negative constructions in scientific monologue and scientific dialogue are determined by the specific pragmatic tasks that are solved by the author or speaker.

Keywords: negative constructions; scientific discourse; scientific monologue; scientific dialogue; semantic features.

Введение

Одной из наиболее интересных и значимых языковых категорий является семантико-прагматическая категория отрицания. К проблеме определения ее семантического статуса неоднократно обращались как зарубежные, так и отечественные лингвисты. Так, Дж. Лакофф понимал отрицание как оператор, применяемый по отношению к пропозиции и семантически интерпретируемый с помощью предиката *неверно, что...* [1, p. 1]. В свою очередь, Р. С. Джекендофф исследовал проблему сферы действия отрицания [2]. Как отмечал Л. Р. Хорн, отрицательное высказывание означает, что некоторое утвердительное высказывание, озвученное ранее или относящееся к фонду пресуппозиций коммуникантов, является ложным [3, p. 15].

В отечественной лингвистике на семантический аспект категории отрицания одним из первых обратил внимание А. М. Пешковский. Ученый рассмотрел отрицание как элемент значения, указывающий на то, что связь между компонентами предложения, по мнению говорящего, не существует в реальности [4, с. 386]. Весомый вклад в трактовку отрицания как семантической категории внесла Е. В. Падучева, которая интерпретировала его как «специализированное языковое средство для выражения идеи о том, что некоторое положение вещей не имеет места» [5, с. 17]. По замечанию лингвиста, отрицание обусловлено речевой ситуацией, поскольку отрицательное высказывание произносится, либо когда соответствующее утвердительное высказывание уже было сделано, либо когда оно входит в общую презумпцию говорящих.

В последние десятилетия особое внимание уделяется выявлению функциональных особенностей категории отрицания на материале различных типов дискурса, в особенности художественного и публицистического [6–8].

Несмотря на внушительную историю исследования, дискурсивная и жанровая специфика функционирования данной категории в научной коммуникации изучена не в полной мере. В частности, проанализированы некоторые семантико-прагматические аспекты употребления показателей отрицания на материале отдельных жанровых разновидностей: выявлен характер их участия в реализации стратегии убеждения на материале научных статей по прикладной лингвистике [9], установлены особенности использования отрицательных конструкций (ОК) во вводной части диссертационных исследований [10], а также показана роль отрицания в актуализации риторических функций в жанре научной аннотации [11].

В работах, выполненных в рамках научного дискурса, рассматриваются различные аспекты функционирования разноуровневых языковых средств отрицания, главным образом на материале монологической речи [12; 13]. Вместе с тем хорошо известно, что монологическая форма взаимодействия отличается от диалогической формы взаимодействия, которая характеризуется экспрессивностью, спонтанностью, интеррогативностью, полемической направленностью, а также вариативностью коммуникативных интенций участников, что существенно влияет на выбор языковых средств, в том числе показателей отрицания. В этом контексте принципиально важно сравнить особенности употребления исследуемых языковых единиц в научном монологе и научном диалоге. К числу центральных монологических жанров относятся научная статья и монография, а в качестве ядерного диалогического жанра рассматривается научная дискуссия.

Хотя с точки зрения содержания отрицание предстает как «свойственная всем языкам мира семантически неразложимая смысловая категория» [5, с. 17], в каждом языке она характеризуется специфической системой языковых средств выражения, а также многообразием прагматических функций, на вариативность которых могут влиять традиции англоязычной и русскоязычной научной коммуникации. В связи с этим актуальным и важным представляется выявление семантических особенностей ОК, функционирующих в научном монологе и научном диалоге, на материале русского и английского языков.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили 992 ОК, отобранные из 16 научных статей и 4 монографий, и 1003 ОК, извлеченные из 16 стенограмм научных дискуссий, на русском языке, а также 991 ОК, отобранная из 16 научных статей и 4 монографий, и 1067 ОК, извлеченных из 16 стенограмм научных дискуссий, на английском языке. Проанализированные тексты были взяты из разных проблемных областей: лингвистики, медицины, математики, физики и географии. В общей сложности изучено 1995 русскоязычных единиц и 2058 англоязычных единиц.

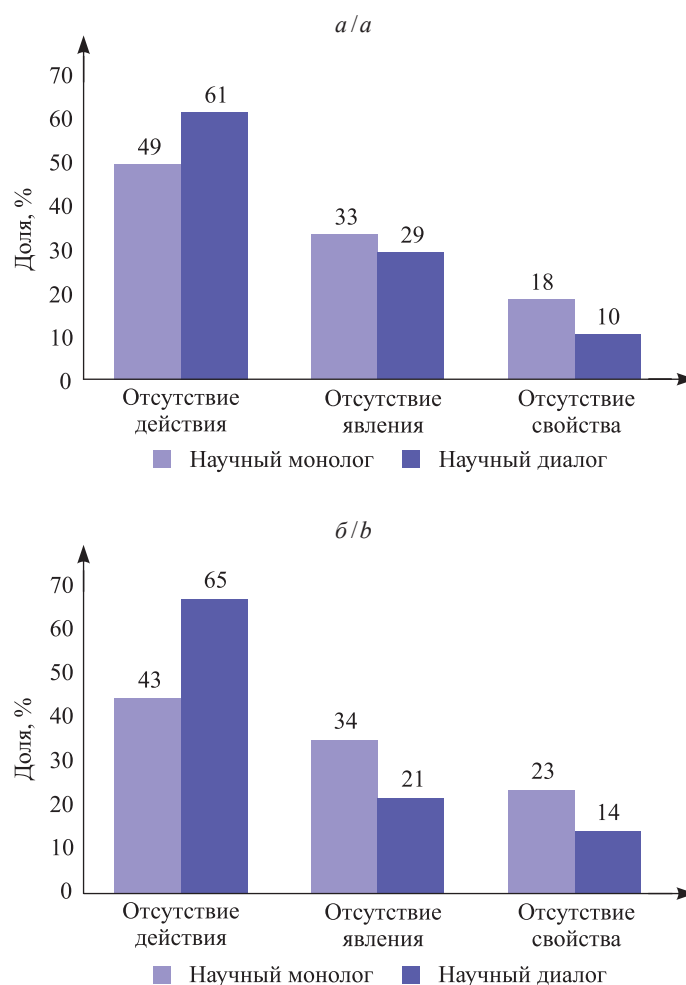
Применялись контекстуальный и сопоставительный методы анализа фактического материала, а также приемы количественной обработки языкового материала.

Результаты и их обсуждение

Цель исследования предполагает анализ семантических и прагматических видов ОК применительно к научному дискурсу. Лингвисты, как правило, выделяют три семантические разновидности ОК:

- ОК, фиксирующие отсутствие действия;
- ОК, фиксирующие отсутствие явления;
- ОК, фиксирующие отсутствие свойства [14; 15].

Проведенный анализ позволил установить, что в русскоязычном и англоязычном научном монологе и научном диалоге семантические типы ОК распределились следующим образом (см. рисунок).

Семантика ОК в русскоязычном (а) и англоязычном (б) научном дискурсе
Semantics of negative constructions in Russian (a) and English (b) scientific discourse

ОК, фиксирующие отсутствие действия. И в русском, и в английском языках наиболее употребительными являются ОК со значением отсутствия действия, которое выражается с помощью глаголов разных лексико-семантических групп (ЛСГ). Эта семантическая разновидность ОК демонстрирует наиболее выразительные различия функционирования в научном монологе и научном диалоге.

В научном дискурсе показатели отрицания сочетаются со следующими ЛСГ глаголов:

- глаголами интеллектуальной деятельности (*знать, понимать, считать, думать, полагать, игнорировать, помнить, осознавать, наблюдать, исследовать, предполагать* и др.; *know, understand, consider, think, believe, guess, ignore, remember, realise, observe, study, analyse, suppose* и др.¹) (*При этом мы не игнорируем² важности эмоционального плана оценки, который так или иначе вплетается в план познавательный* (Данилевская, с. 22); *I think Dan was right – it's not just the current leadership, I don't think we ever had that kind of leadership* (TR-3));
- глаголами речевой деятельности (*говорить, обсуждать, отвечать, предлагать* и др.; *say, tell, discuss, answer, suggest, explain* и др.³) (*Специфика геодезической метрологии заключается в том, что практически весь комплекс работ по созданию новых и исследованию существующих средств геодезических измерений выполняется в лабораторных условиях, в то время как все геодезические задачи (здесь не будем говорить о специальных задачах) решают в открытом пространстве, в условиях реальной атмосферы* (Вшивкова, с. 3); *Just before I move on Representative Curtis, I didn't tell you I was going to ask you about this beforehand or anything, but you had a really interesting bill in the last Congress, which I thought was just a really innovative example of the things we're talking about to do with wind turbine* (TR-2));
- глаголами проявления признака (*изменяться, уменьшаться, увеличиваться, возрастать, усиливать, снижать* и др.; *vary, change, increase, decrease, strengthen, reduce, lower* и др.⁴) (*Сочетание ингибиторов ДПП-4 с метформинном не усиливает побочных эффектов метформина со стороны желудочно-кишечного тракта, что обеспечивает хороший профиль безопасности данной комбинации* (Шестакова, с. 9); *Но путь выбран и его уже не изменить* (СТ-4); *If just PS-1 mutation did not change LTP in mice, it means mice Aβ does not work?* (TR-8));
- глаголами взаимоотношения (*приводить, вызывать, влиять, зависеть* и др.; *cause, lead to, result in, influence, affect, depend* и др.⁵) (*Присоединение ингибиторов ДПП-4 к метформину не вызывает риска гипогликемий и повышения массы тела, обеспечивает положительное влияние на факторы сердечно-сосудистого риска и артериальное давление* (Шестакова, с. 9); *Two, is there any realistic chance if a judgment about the pros and cons in the end comes down in favor of abandoning that or getting rid of it or going back on it if possible; is there any realistic chance of changing it in a way that won't cause more harm than good?* (TR-4));
- глаголами межличностных отношений (*нравиться, понравиться, любить, интересоваться* и др.; *like, love, be interested in, care* и др.⁶) (*«Комильфо» употреблялось по-русски, но нам это не нравится* (СТ-10); *Now, 34 years later, I sit in a room and young people tell me that corporate greed is encouraging authenticity and preventing alienation. The pendulum has swung. I'm not particularly interested in either end of the pendulum swing. I'm more interested in what is generally true* (TR-7)).

Для выявления особенностей функционирования ОК с указанными ЛСГ глаголов в русскоязычном и англоязычном научном монологе и научном диалоге следует проанализировать частотность их употребления, с одной стороны, в научных статьях и монографиях и, с другой стороны, в стенограммах научных дискуссий (см. таблицу).

Употребительность показателей отрицания с ЛСГ глаголов
в русскоязычном и англоязычном научном дискурсе, %

Usage of indicators of negation with lexical-semantic groups of verbs
in Russian and English scientific discourse, %

ЛСГ глаголов	Научный монолог	Научный диалог
<i>Русскоязычный научный дискурс</i>		
Глаголы интеллектуальной деятельности	57	68
Глаголы речевой деятельности	5	19
Глаголы проявления признака	23	2
Глаголы взаимоотношения	15	7
Глаголы межличностных отношений	0	4

¹Глаголы интеллектуальной деятельности = Mental and intellectual activity // Толковый слов. рус. глаголов. Идеограф. описание. Англ. эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-пресс, 1999. С. 303–348.

²Здесь и далее полужирный курсив в цитатах наш. – Е. Б.

³Глаголы речевой деятельности = Speech and conversation // Толковый слов. рус. глаголов... С. 349–379.

⁴Глаголы проявления признака = Actualisation of qualitative features // Там же. С. 495–516

⁵Глаголы взаимоотношения = Interrelation // Там же. С. 557–563.

⁶Глаголы межличностных отношений = Personal relations // Там же. С. 593–603.

Окончание таблицы
Ending table

ЛСГ глаголов	Научный монолог	Научный диалог
<i>Англоязычный научный дискурс</i>		
Глаголы интеллектуальной деятельности	59	76
Глаголы речевой деятельности	11	15
Глаголы проявления признака	17	5
Глаголы взаимоотношения	13	2
Глаголы межличностных отношений	0	2

Как показывают приведенные количественные данные, в русскоязычных и англоязычных научном монологе и научном диалоге преобладают глаголы интеллектуальной деятельности, причем их доминирование в научном диалоге оказывается более очевидным. Кроме того, рассматриваемые ОК демонстрируют общие тенденции употребления. В частности, они используются для решения следующих задач:

- описания накопленных сведений по обсуждаемой проблеме с целью подчеркнуть имеющиеся исследовательские лакуны (*Многие авторы, указывая, что реакция превращения протекает достаточно быстро, не отмечают различия в механизме критических и быстрых процессов* (Лопанов, с. 7); *Further, Dickson and Wedderburn considered only the question of when a cyclic algebra is a division algebra and did not consider related questions such as: when is it simple?* (McConnell, p. 155));

- характеристики процесса сбора, обработки и анализа данных (*При использовании Небилета не наблюдалось ухудшения компенсации липидного состава крови и углеводного обмена, более того, происходило уменьшение уровня триглицеридов на 5,3 %* (Ваулин, с. 80); *Thus, the blood entering the aneurysmal dome in Model 2 was quickly flushed out, a pattern not observed* (Shimano, p. 48); *And I think that's an important message, also, as far as how this data could be used. It is not analyzed on the basis of an individual serving or an individual consumer* (TR-1)).

Следует также отметить, что научный монолог репрезентирует прототипические черты научного стиля: рационализированность, подчеркнутую объективность, обобщенность, деперсонализированность. В научном диалоге актуализируется субъективная сторона научного познания и происходит экспликация авторской позиции. Это выражается с помощью употребления ОК с глаголами в форме 1-го лица единственного числа (*Если отвечать на ваш вопрос, то работ Твердислова я просто не знаю, но думаю, что они не имеют отношения к топологии* (СТ-8); *I don't know how you would get this information. It would be a difficult question* (TR-5)).

Кроме того, в жанре научной дискуссии ОК с глаголами интеллектуальной деятельности участвуют в реализации более широкого набора прагматических функций:

- выразить непонимание (*Я не понимаю одной вещи: ты все время говоришь о полимерной цепи, которая замкнута в кольцо, но она не имеет концов, потом ты привел потрясающий пример с ДНК, которая уложена так, как надо в складчатую глобулу, но у нее-то концы не замкнуты* (СТ-8); *Intriguing pieces of an apparent connection between apoE4, cholesterol, and their effect on neuroplasticity keep cropping up, but I don't understand how the dots connect* (TR-8));

- уклониться от ответа на вопрос ввиду отсутствия необходимых сведений, знаний по обсуждаемой проблеме (*Звуки издаются разными органами, но я не знаю, насколько тонко можно модулировать звуки, производимые другими органами* (СТ-7); *I don't know the full answer to that. That's why I'm looking around amongst my colleagues here* (TR-1));

- усомниться в чем-либо (*Не знаю, есть ли смысл отвечать на этот вопрос...* (СТ-2); *This might be a private discussion. I don't know, but I mean, that we can forecast who's going to have a lot of trouble, and the way that looks like is going to look like emotional reactivity in general* (TR-5));

- продемонстрировать несогласие с собеседником (*У меня короткая реплика. Я не считаю, что сегодня особенно среди молодых людей словари являются авторитетом. Более того, я знаю многих людей разного возраста, которые, когда им надо проверить слово, не лезут в словарь, что было естественно лет десять-пятнадцать назад, а делают это с помощью компьютера, выбирая вариант, который в интернете встречается чаще, а это далеко не всегда правильный вариант* (СТ-9); *The challenge is that, in a good afternoon in a gain of function laboratory, you can put 500, 600, 700 years of what would be natural evolution into a virus in an afternoon. So, I don't think what they're doing in the lab has much relationship to what's going on in nature* (TR-9)).

Еще одним важным различием употребления ОК в научном монологе и научном диалоге является то, что в монологических жанрах научного дискурса гораздо более употребительны глаголы проявления признака и глаголы взаимоотношения. Это можно объяснить тем, что научный монолог предоставляет автору возможность последовательно выстраивать развернутую аргументацию, детально и многоаспектно описывать изученные явления и результаты исследования (*На показатели липидного состава крови, уровень мочевой кислоты, просвет бронхов ингибиторы АПФ не влияют* (Вдовиченко, с. 59); *Thus this operation does not change the congruence class of the position sum* (Snevily, p. 142)). В то же время в научном диалоге ввиду его реплицирующего характера, полемичности и относительной ограниченности во времени говорящий стремится не столько к подробной фиксации фактов, сколько к убедительному обоснованию своего мнения или выражению несогласия с собеседником.

Следует добавить, что частота употребления глаголов речевой деятельности в научном диалоге является более высокой по сравнению с аналогичным показателем в научном монологе, причем при попадании глаголов данной ЛСГ в сферу действия оператора отрицания они используются говорящим в следующих целях:

- объяснения своей точки зрения и блокировки возможных неверных умозаключений со стороны слушающего (*Я не говорю, что это всегда так, но мы говорим об эволюции, а значит, о статистике* (СТ-5); *I'm not saying this is something I personally agree with, but I think it might be important as a context here* (TR-6));

- фиксации ошибочности в интерпретации слушающим ранее высказанного мнения (*А я и не говорил, что там все нормально. Там все очень плохо* (СТ-5); *You have an active news media – all different types of outlets that are interested in food safety, so I think I was just wanting to make sure that IFSAC was aware, or at least thinking about this. I wasn't suggesting consumer-facing message, per se, but just figuring out how to present this information, whether it's talking points when people are interviewed about it* (TR-1)).

Специфичными для научного диалога являются и ОК с глаголами межличностных отношений, которые не встречаются в монологических жанрах (*Мне не нравится формулировка темы дискуссии* (СТ-9); *So that's why I think we want to pick your brain a little bit on kind of what are those next topics we likely will have to meet around. And I don't care which side* (TR-10)). Подобные сочетания придают изложению экспрессивность, подчеркивают вовлеченность говорящего в диалог и его заинтересованность в обсуждении вопроса.

ОК, фиксирующие отсутствие явления. В научных текстах ОК со значением отсутствия явления, понятия, состояния, связи, тенденции, зависимости, влияния, ожидаемого эффекта или некоторых различий оказываются вторыми по востребованности (*В городах ситуация другая, здесь нет устойчивой языковой среды* (СТ-3); *Generally speaking, there are no independent, objective tests for mental disorders* (TR-7)). В научном монологе подобного рода конструкции носят обобщающий характер, поскольку фиксируют отсутствие единого мнения относительно чего-либо, однозначного ответа на поставленный вопрос, решения обозначенной проблемы, действий, ориентированных на разработку направления, проведенного исследования и др. (*До настоящего времени нет детальной микроскопической модели этого явления, не выяснено, какие элементарные процессы играют определяющую роль при возбуждении детонации* (Лопанов, с. 51) – *While there are to our knowledge no extensive diachronic corpus studies which provide conclusive evidence for the claim that the use of 'to' to mark the recipient of a transfer of possession in English originated in descriptions of prototypical 'give' events where a concrete entity is being transferred from one person to another, it is quite uncontroversial to assume that this is indeed the case* (Colleman, p. 19)).

В жанре научной дискуссии этот тип ОК встречается в реактивных репликах и акцентирует отсутствие у говорящего конкретных сведений, наблюдений или данных, что затрудняет ответ на вопрос (*Поскольку это единственный пример, у меня нет большого числа наблюдений, это только образный ответ на вопрос* (СТ-1)).

ОК, фиксирующие отсутствие свойства. ОК со значением отсутствия признака, качества, характеристики, свойства описываемого научного объекта, понятия, явления или процесса оказываются на третьем месте по частотности употребления в научных текстах. Выделяются два типа подобных конструкций.

Первый тип представлен ОК, которые выражают отрицательную оценку описываемого явления, объекта, положения дел, иными словами, фактуальных аспектов содержания (*Однако механизмы решения этих проблем не очень убедительны, так как не учитывается особенность химического загрязнения и его влияния на биоту, а также эволюционные экологические кризисы самой биоты* (Шальнев, с. 94); *Our previous system was used to simulate the normal labor condition and thus was not suitable for simulating various abnormalities that can occur during labour* (Doi, p. 21)). Данные конструкции характерны для научного монолога, а в жанре научной дискуссии более употребительны негативно-оценочные суждения,

ориентированные на оценку мнения оппонентов и полученных результатов. Категоричность и резкость критики, как правило, снижается за счет употребления различных деинтенсификаторов и показателей некатегоричности (*Вы дали некоторую идею, иллюстрации к ней, не более того. Обсуждать что-то как проект здесь трудно. Но можно давать вам советы здесь, на этой площадке, с каким бизнесменом или инвестором вас жизнь сведет, и какие задачи он вам поставит, в какой угол загонит. Я думаю, это не очень продуктивно* (СТ-6); *So to say that scientists have been trying to cut off debate is, I think, not a fair statement of the situation* (TR-6)). В первом случае в роли деинтенсификатора негативной оценки выступает наречие меры и степени *очень*, которое сочетается с отрицательной частицей *не*, а во втором случае резкость негативной оценки уменьшается за счет вводного предложения *I think*, которое подчеркивает субъективность мнения говорящего.

Второй тип включает ОК, которые не содержат оценочного компонента, а употребляются для характеристики объекта, понятия, явления или процесса (*Поскольку любое реальное излучение, используемое для измерений, не является строго монохроматическим и существует в полосе несущих частот $\Delta\omega$ оптического излучения, следовательно, оно распространяется в атмосфере только с групповой скоростью* (Кошелев, с. 10); *In particular, if is not chaotic on any set* (Bassein, p. 121)). Рассматриваемые ОК регулярно встречаются как в научном монологе, так и в научном диалоге.

Заключение

Специфика функционирования ОК трех семантических разновидностей (ОК, фиксирующие отсутствие действия, ОК, фиксирующие отсутствие явления, и ОК, фиксирующие отсутствие свойства) в русскоязычном и англоязычном научном монологе и научном диалоге проявляется в их различной употребительности, своеобразии взаимодействия с категорией персональности, а также в наборе прагматических функций. Данные особенности реализации категории отрицания в научной коммуникации можно объяснить вариативностью коммуникативных задач, которые решает автор или говорящий. Кроме того, для научного диалога характерно употребление предикатов межличностного отношения, повышающих выразительность и экспрессивность научной речи.

Сокращения

Bassein – Bassein S. The dynamics of a family of one-dimensional maps // Amer. Math. Month. 1998. Vol. 105, No. 2. P. 118–130. DOI: 10.2307/2589643; **Colleman** – Colleman T., de Clerck B. “Caused motion”? The semantics of the English to-dative and the Dutch aan-dative // Linguistics. 2009. Vol. 20, No. 1. P. 5–42. DOI: 10.1515/COGL.2009.002; **Doi** – Doi A., Noguchi K., Ishii T. A computer-assisted internal examination training system using both anatomical and virtual models // Modelling in medicine and biology. 2011. Vol. 4, No. 3. P. 21–34. DOI: 10.2495/DNE-V5-N2-108-121; **McConnell** – McConnell J. C. Division algebras-beyond the quaternions // Amer. Math. Month. 1998. Vol. 105, No. 2. P. 154–162. DOI: 10.2307/2589646; **Shimano** – Shimano K., Kudo T., Yoshimoto S. A numerical study of blood flow patterns in cerebral aneurysms and the causal relationship with platelet aggregation // Modelling in medicine and biology. 2011. Vol. 4, No. 3. P. 35–54. DOI: 10.2495/DNE-V5-N2-122-141; **Snevily** – Snevily H. S., West D. B. The bricklayer problem and the strong cycle lemma // Amer. Math. Month. 1998. Vol. 105, No. 2. P. 131–143. DOI: 10.48550/arXiv.math/9802026; **TR-1** – Interagency Food Safety Analytics Collaboration Public Meeting 2015 [Electronic resource]. URL: <https://www.cdc.gov/foodsafety/pdfs/ifsac-public-meeting-2015-transcript-508c.pdf> (date of access: 20.02.2023); **TR-2** – Rethinking climate change and environmental issues: a conservative approach [Electronic resource]. URL: <https://s3.amazonaws.com/media.hudson.org/Transcript-%20Rethinking%20Climate%20Change%20and%20Environmental%20Issues-%20A%20Conservative%20Approach.pdf> (date of access: 02.02.2023); **TR-3** – Roundtable discussion. The California environmental quality act [Electronic resource]. URL: <http://www.planetizen.com/node/19871> (date of access: 18.01.2023); **TR-4** – Session 1. The healing professions [Electronic resource]. URL: <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/transcripts/june07/session1.html> (date of access: 18.02.2023); **TR-5** – Session 3. Enhancement 3. Happiness and sadness: depression and the pharmacological elevation of mood [Electronic resource]. URL: <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/transcripts/sep02/session3.html> (date of access: 19.01.2023); **TR-6** – Session 4. Biotechnology and public policy: embryo and related research. [Electronic resource]. URL: <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/transcripts/jun03/session4.html> (date of access: 20.12.2022); **TR-7** – Session 4. Enhancement 4. Happiness and sadness: depression and the pharmacological elevation of mood [Electronic resource]. URL: <https://biotech.law.lsu.edu/research/pbc/transcripts/sep02/session4.html> (date of access: 19.01.2023); **TR-8** – The neuroplasticity theory of Alzheimer’s disease [Electronic resource]. URL: <https://www.alzforum.org/webinars/neuroplasticity-theory-alzheimers-disease> (date of access: 02.02.2023); **TR-9** – Uncovering the origins of COVID-19 [Electronic resource]. URL: <http://s3.amazonaws.com/media.hudson.org/Transcript-%20Uncovering%20the%20Origins%20of%20COVID-19-%20A%20Scientific%20Discussion.pdf> (date of access: 05.12.2022); **TR-10** – Use of whole genome sequence (WGS) analysis to improve food safety and public health [Electronic resource]. URL: http://www.fsis.usda.gov/pdf/nacmcf_transcript_060407.pdf (date of access: 05.12.2022); **Ваулин** – Ваулин Н. А. Десять лет изучения Небилета в России // Concilium Medicum. Кардиология. 2010. № 1. С. 76–82; **Вдовиченко** – Вдовиченко В. П. Фармакоэпидемиологическая и фармакоэкономическая оценка лечения артериальной гипертензии. Гродно : Гродн. гос. мед. ун-т, 2012. 343 с.; **Вшивкова** – Вшивкова О. В. Двухпространственное метрологическое обеспечение геодезического производства // Изв. высш. учеб. заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2011. № 1. С. 3–6; **Данилевская** – Данилевская Н. В. Научный текст как динамика оценочных действий. Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. 2009. № 2. С. 20–28; **Кошелев** – Кошелев А. В. Исследование скорости оптических волн по результатам геодезических измерений. Изв. высш. учеб. заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2011.

№ 1. С. 10–12 ; **Лопанов** – *Лопанов А. Н.* Критические процессы. Белгород : Белгород. гос. тех. ун-т, 2010. 210 с. ; **СТ-1** – Есть ли у животных культура? Гипотеза распределенного социального обучения [Электронный ресурс]. URL: http://polit.ru/article/2014/03/16/lecture_reznikova (дата обращения: 07.12.2022) ; **СТ-2** – Задачи и перспективы наук о человеке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/09/17/ivanov> (дата обращения: 18.11.2022) ; **СТ-3** – История языков [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2005/11/09/mudrak> (дата обращения: 08.01.2023) ; **СТ-4** – Критерии научности. Наука и лженаука [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elib.org.ua/html> (дата обращения: 28.01.2023) ; **СТ-5** – Люди и медицина будущего [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2013/07/03/kuzmin> (дата обращения: 13.11.2022) ; **СТ-6** – Новые перспективы науки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/11/10/bogomolov> (дата обращения: 13.11.2022) ; **СТ-7** – О неизбежности происхождения человеческого языка [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2008/11/07/lang/> (дата обращения: 09.02.2023) ; **СТ-8** – О топологии веревки, неевклидовой геометрии и фрактальной укладке ДНК в хромосомах [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2013/05/31/nechaev> (дата обращения: 09.02.2023) ; **СТ-9** – Стенограмма дискуссии, состоявшейся на стенде проекта «Словари XXI века» на ММКВЯ [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari21.ru/analytics/13> (дата обращения: 05.12.2022) ; **СТ-10** – Язык перевода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2013/01/07/interpretation> (дата обращения: 27.02.2023) ; **Шальнев** – *Шальнев В. А.* Проблемы взаимодействия общества и природы: взгляд географа. Ставрополь : Ставропол. гос. ун-т, 2006. 109 с. ; **Шестакова** – *Шестакова М. В.* Выбор оптимальной сахароснижающей терапии у пациентов с сахарным диабетом типа 2 в дебюте заболевания // *Consilium medicum*. 2010. № 12. С. 5–10.

Библиографические ссылки

1. Lakoff G. A note on negation. *Mathematical Linguistics and Automatic Translation* [Internet]. 1966 [cited 2022 November 3];3. Available from: <https://georgelakoff.files.wordpress.com/2014/06/a-note-on-negation-lakoff-1966.pdf>.
2. Jackendoff RS. An interpretive theory of negation. *Foundations of Language*. 1969;5:218–241.
3. Horn LR. *A natural history of negation*. Stanford: CSLI Publications; 2001. 637 p.
4. Пешковский АМ. *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: Учпедгиз; 1956. 511 с.
5. Падучева ЕВ. *Русское отрицательное предложение*. Москва: Языки славянской культуры; 2013. 303 с.
6. Мусаева АА. Отрицание в англоязычном публицистическом дискурсе. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2011;2:74–78.
7. Лунькова ЛН. Способы выражения отрицания в художественном тексте. *Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института*. 2016;3:8–12.
8. Durán JM. A corpus study of negation and their disruptive patterns in political discourse. *Letras*. 2018;28(56):15–41. DOI: 10.5902/2176148531175.
9. Xu Xiaoyu, Nesi H. Differences in engagement: a comparison of the strategies used by British and Chinese research article writers. *Journal of English for Academic Purposes*. 2019;38:121–134. DOI: 10.1016/j.jeap.2019.02.003.
10. Sun SA, Crosthwaite P. «The findings might not be generalizable»: investigating negation in the limitations sections of PhD theses across disciplines. *Journal of English for Academic Purposes*. 2022;59:1–33. DOI: 10.1515/opli-2022-0190.
11. Feng Jiang, Ken Hyland. «The datasets do not agree»: negation in research abstracts. *English for Specific Purposes*. 2022;68:60–72. DOI: 10.1016/j.esp.2022.06.003.
12. Laso NJ, Comelles E, Verdaguer I. Negation in biometrical English. In: Laso NJ, Comelles E, Verdaguer I, editors. *Biomedical English: a corpus-based approach*. Amsterdam: John Benjamins; 2013. p. 105–120. DOI: 10.1075/scl.56.06.las.
13. Webber P. Negation in linguistics paper. In: Del Lungo Camiciotti G, Tognini Bonelli E, editors. *Academic discourse: new insights into evaluation*. Lausanne: Peter Lang Verlag; 2014. p. 181–202. DOI: 10.3726/978-3-0351-0784-5.
14. Бондаренко ВН. *Отрицание как логико-грамматическая категория*. Москва: Наука; 1983. 212 с.
15. Габучан КВ. Отрицание в структуре простого предложения и при его распространении. В: Шведова НЮ, редактор. *Русская грамматика. Том 2. Синтаксис*. Москва: Наука; 1980. с. 402–410.

References

1. Lakoff G. A note on negation. *Mathematical Linguistics and Automatic Translation* [Internet]. 1966 [cited 2022 November 3];3. Available from: <https://georgelakoff.files.wordpress.com/2014/06/a-note-on-negation-lakoff-1966.pdf>.
2. Jackendoff RS. An interpretive theory of negation. *Foundations of Language*. 1969;5:218–241.
3. Horn LR. *A natural history of negation*. Stanford: CSLI Publications; 2001. 637 p.
4. Peshkovskii AM. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow: Uchpediz; 1956. 511 p. Russian.
5. Paducheva EV. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [Russian negative sentence]. Moscow: Languages of Slavic culture; 2013. 303 p. Russian.
6. Mусаeva AA. [Negation in the English publicistic discourse]. *Pyatigorsk State University Bulletin*. 2011;2:74–78. Russian.
7. Lunkova LN. Ways of expressing negation in a literary text. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo sotsial'no-gumanitarnogo instituta*. 2016;3:8–12. Russian.
8. Durán JM. A corpus study of negation and their disruptive patterns in political discourse. *Letras*. 2018;28(56):15–41. DOI: 10.5902/2176148531175.
9. Xu Xiaoyu, Nesi H. Differences in engagement: a comparison of the strategies used by British and Chinese research article writers. *Journal of English for Academic Purposes*. 2019;38:121–134. DOI: 10.1016/j.jeap.2019.02.003.
10. Sun SA, Crosthwaite P. «The findings might not be generalizable»: investigating negation in the limitations sections of PhD theses across disciplines. *Journal of English for Academic Purposes*. 2022;59:1–33. DOI: 10.1515/opli-2022-0190.

11. Feng Jiang, Ken Hyland. «The datasets do not agree»: negation in research abstracts. *English for Specific Purposes*. 2022;68:60–72. DOI: 10.1016/j.esp.2022.06.003.
12. Laso NJ, Comelles E, Verdaguer I. Negation in biometrical English. In: Laso NJ, Comelles E, Verdaguer I, editors. *Biomedical English: a corpus-based approach*. Amsterdam: John Benjamins; 2013. p. 105–120. DOI: 10.1075/scl.56.06las.
13. Webber P. Negation in linguistics paper. In: Del Lungo Camiciotti G, Tognini Bonelli E, editors. *Academic discourse: new insights into evaluation*. Lausanne: Peter Lang Verlag; 2014. p. 181–202. DOI: 10.3726/978-3-0351-0784-5.
14. Bondarenko VN. *Otritsanie kak logiko-grammaticheskaya kategoriya* [Negation as a logical-grammatical category]. Moscow: Nauka; 1983. 212 p. Russian.
15. Gabuchan KV. [Negation in the structure of a simple sentence and in its distribution]. In: Shvedova NYu, editor. *Russkaya grammatika. Tom 2. Sintaksis* [Russian grammar. Volume 2. Syntax]. Moscow: Nauka; 1980. p. 402–410. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.02.2023.
Received by editorial board 07.02.2023.

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОБОЗНАЧЕНИЙ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ В ДРЕВНЕРУССКИХ И СТАРОРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ: ГРЕЦИЗМЫ ГРАМОТА, ЕПИСТОЛИЯ, ХАРТИЯ, ХАРАТИЯ

О. В. ЗУЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Установлены смысловые различия между лексико-семантическими вариантами слов *грамота*, *епистолия*, *хартия*, *харатия*, объединенными значением 'эпистолярный текст', в древнерусском и старорусском языках. Для анализа семантики выбраны древнейшие греческие заимствования и производные от лексемы *грамота* номинации *грамотица* и *грамотка*. Доказано, что обозначения, за исключением слов *хартия*, *харатия*, не выступали синонимами-дублетами на разных исторических этапах. В древнерусском языке эти грецизмы были многозначными, в частности они могли называть как эпистолярный текст, так и официальный документ, что является одним из факторов, обуславливающих проблему различения актовых и эпистолярных источников. В старорусском языке лексема *грамота* называла два типа источников, ее функционирование не было ограничено рамками книжной культуры, номинация (единственная из проанализированных) стала базой для образования других жанровых обозначений. Лексема *грамота* и производное от нее слово *грамотка* не употреблялись для обозначения частных духовных посланий, в отличие от номинаций *хартия* и *епистолия*. У грецизма *епистолия*, имевшего выраженный книжный характер на протяжении всего выбранного периода, выявлен самый широкий семантический диапазон, при этом в старорусском языке слово практически полностью утратило значение 'документ'. У лексемы *хартия* в старорусском языке, напротив, в пассивное языковое знание ушло эпистолярное значение. Все проанализированные грецизмы использовались в повествовательных текстах по отношению к не уточняемому по содержанию виду письма, т. е. при обозначении ситуации эпистолярного диалога вообще.

Ключевые слова: древнерусский язык; старорусский язык; источник; жанр; эпистолярный текст; письмо; документ; многозначное слово.

Благодарность. Автор статьи выражает благодарность германисту, переводчику С. П. Павловицкому за возвращенный историко-лингвистический комментарий к слову *breff (Brief)* 'письмо' и высказанное мнение относительно семантики словоупотреблений в немецкой части русско-нижнегерманского разговорника Т. Фенне.

Образец цитирования:

Зуева ОВ. К проблеме семантической дифференциации обозначений эпистолярных текстов в древнерусских и старорусских письменных памятниках: грецизмы *грамота*, *епистолия*, *хартия*, *харатия*. Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2023;2:101–114.

For citation:

Zuyeva VU. Towards the semantic differentiation problem of epistolary text denotations in Ancient Russian and Old Russian written monuments: Greecisms *грамота*, *епистолия*, *хартия*, *харатия*. Journal of the Belarusian State University. Philology. 2023;2:101–114. Russian.

Автор:

Ольга Владимировна Зуева – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Volha U. Zuyeva, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Russian language, faculty of philology.
zuyeva.volha@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9686-6268>

ДА ПРАБЛЕМЫ СЕМАНТЫЧНАЙ ДЫФЕРЭНЦЫЯЦЫ АБАЗНАЧЭННЯЎ ЭПІСТАЛЯРНЫХ ТЭКСТАЎ У СТАРАЖЫТНАРУСКІХ І СТАРАРУСКІХ ПІСЬМОВЫХ ПОМНІКАХ: ГРЭЦЫЗМЫ ГРАМОТА, ЕПІСТОЛИЯ, ХАРТИЯ, ХАРАТИЯ

В. У. ЗУЕВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Устаноўлены сэнсавыя адрозненні паміж лексіка-семантычнымі варыянтамі слоў *грамота*, *епистолия*, *хартія*, *харатія*, аб'яднанымі значэннем 'эпістальны тэкст', у старажытнарускай і старарускай мовах. Для аналізу семантыкі выбраны найстаражытнейшыя грэчаскія запазычаны і вытворныя ад лексемы *грамота* намінацыі *грамотица* і *грамотка*. Даказана, што абазначэнні, за выключэннем слоў *хартія*, *харатія*, не выступалі сінонімамі-дублетами на розных гістарычных этапах. У старажытнарускай мове гэтыя грэцызмы былі шматзначнымі, у прыватнасці яны маглі называць як эпістальны тэкст, так і афіцыйны дакумент, што з'яўляецца адным з фактараў, якія абумоўліваюць праблему адрознівання актывых і эпістальных крыніц. У старарускай мове лексема *грамота* называла два тыпы крыніц, яе функцыянаванне не было абмежавана рамкамі кніжнай культуры, намінацыя (адзіная з прааналізаваных) стала базай для ўтварэння іншых жанравых абазначэнняў. Лексема *грамота* і вытворнае ад яе слова *грамотка* не ўжываліся для абазначэння прыватных духоўных пасланняў, у адрозненне ад намінацыі *хартія* і *епистолия*. У грэцызме *епистолия*, які меў нааўны кніжны характар на працягу ўсяго выбранага перыяду, адзначаны самы шырокі семантычны дыяпазон, пры гэтым у старарускай мове слова практычна цалкам страціла значэнне 'дакумент'. У лексемы *хартія* ў старарускай мове, наадварот, у пасіўныя моўныя веды сышло эпістальнае значэнне. Усе прааналізаваныя грэцызмы выкарыстоўваліся ў апавядальных тэкстах у адносінах да тыпу ліста, што не ўдакладняецца па змесце, гэта значыць пры абазначэнні сітуацыі эпістальнага дыялогу ўвогуле.

Ключавыя словы: старажытнаруская мова; стараруская мова; крыніца; жанр; эпістальны тэкст; ліст; дакумент; шматзначнае слова.

Падзяка. Аўтар артыкула выказвае падзяку германісту, перакладчыку С. П. Паўлавіцкаму за разгорнуты гісторыка-лінгвістычны каментарый да слова *breff* (*Brief*) 'ліст' і выказанае меркаванне адносна семантыкі словаўжыванняў у нямецкай частцы руска-ніжнямецкага размоўніка Т. Фяне.

TOWARDS THE SEMANTIC DIFFERENTIATION PROBLEM OF EPISTOLARY TEXT DENOTATIONS IN ANCIENT RUSSIAN AND OLD RUSSIAN WRITTEN MONUMENTS: GREECISMS ГРАМОТА, ЕПІСТОЛИЯ, ХАРТИЯ, ХАРАТИЯ

V. U. ZUYEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The purpose of the study is to establish the differences in meaning between the lexical and semantic variants of the words *грамота*, *епистолия*, *хартія*, *харатія*, which are united by the common meaning 'epistolary text', in the Ancient Russian language and in the Old Russian language. For the analysis of semantics, the most ancient Greek borrowings were selected, as well as the nominations *грамотица* and *грамотка* derived from *грамота*. The designations, except for the words *хартія*, *харатія*, are not absolute synonyms at different historical periods. In the Ancient Russian language, these Greek borrowings were polysemantic, in particular, they could designate both an epistolary text and an official document, which is one of the factors that determine the problem of distinguishing act sources and epistolary sources. For the lexeme *грамота* in the Old Russian period too, the designation of both types of the sources was equally relevant, this word was not limited to the framework so-called book culture and the only one of those analysed became the basis for the formation of other genre designations. The lexeme *грамота* and the derivative word *грамотка* were not used to designate private spiritual messages, in contrast to the nominations *хартія* and *епистолия*. The Greek borrowing *епистолия*, which had notable literary stylistic features throughout the selected period, revealed the widest semantic range, while in the Old Russian language this word practically completely lost the meaning of 'document'. The epistolary meaning of the lexeme *хартія* in the Old Russian language goes into passive linguistic knowledge, on the contrary. All the analysed words could be used in narrative texts in relation to a form of letters not specified in content, that is, when denoting the situation of the epistolary dialogue in general.

Keywords: the Ancient Russian language; the Old Russian language; source; genre; epistolary text; letter; document; polysemantic word.

Acknowledgements. The author of the article thanks the Germanist, translator S. P. Pavlovitsky for a detailed historical and linguistic commentary on the word *breff* (*Brief*) 'letter' and for his opinion on the semantics of word usage in the German part of T. Fenne's Russian and Low German phrasebook.

Введение

Древнерусские и старорусские эпистолярные тексты в своем внутрижанровом многообразии составляют разнородную в стилистическом и языковом отношении группу письменных источников. Исходя из собственно лингвистических, структурно-композиционных и функциональных признаков текстов для разграничения писем и произведений других жанров ранее было предложено следующее определение: «...памятником эпистолярного жанра является речевое произведение, созданное с целью осуществления дистантного межличностного общения, грамматически и прагматически ориентированное на второе лицо – конкретного адресата, обладающее стереотипной структурной организацией, реализующее систему принятых в данное время для данной жанровой разновидности текста коммуникативных формул. Не являясь юридическими документами, письма лишены свойства облигаторности»¹. Эта характеристика полностью релевантна для текстов, относящихся к центру поля эпистолярных памятников (частные светские письма, духовные воодушевляющие послания церковных властей, полемическая переписка по идеологическим вопросам). Продолжение исследования истории письменного общения в средневековой Руси и привлечение новых источников показали широту, недостаточную определенность параметра «межличностное общение» и неverifiedируемость признака «облигаторность» применительно к ряду конкретных текстов. Такой вывод непосредственно связан со сложностью разграничения сфер и модусов общения, трудностью однозначной дифференциации разных дискурсов в средневековой восточнославянской письменной коммуникации. Данное наблюдение, в свою очередь, актуализирует проблему определения места эпистолярных текстов в кругу письменных источников и классификации этих текстов. О неоднозначности подходов к решению указанной проблемы писали многие лингвисты [1; 2, с. 42–44; 3, с. 253–256]. Вопрос актуален для эпистолярных традиций различных средневековых культур [4–6]. Систематизация материала, извлекаемого из письменных памятников, – это в том числе попытка увидеть текст (в данном случае письмо) глазами либо его автора, либо составителя сборника, в который письмо включалось, либо автора (переводчика) сочинения, в котором упоминается тот или иной текст. Важно установить, что они считали письмом, и выяснить, какие типы текстов обозначались определенными словами.

В лингвистическом источниковедении используются разные термины для названия различных видов писем. Например, грамотами обозначались письма на бересте в XI–XV вв., грамотками – частные письма помещиков в XVII в., а посланиями – обращения духовных отцов к прихожанам церкви на любом историческом этапе. Эти номинации извлечены из письменных памятников, и их употребление стало устоявшейся традицией. Древнерусскому и старорусскому языкам известен, кроме них, целый ряд обозначений писем: *бересто, грамотица, епистолия, кнѣзѣ, листъ, написание, писание, писмя, писмена, хартия, харатия, цедула* и др. Данные лексемы отражают разнообразие ситуаций эпистолярной коммуникации и рефлексию ее участников или комментаторов над ним. Различные названия встречаются в текстах разных жанров и стилей.

В работе представлены результаты описания семантики номинаций, обозначающих эпистолярные тексты в древнерусском и старорусском языках, – древних славянских лексических заимствований из греческого языка (*грамота, епистолия, хартия, харатия*), а также рассмотрены производные слова *грамотица* и *грамотка*. Все заимствованные номинации известны древнерусскому языку с XI в. Цель исследования – установление смысловых различий между лексико-семантическими вариантами слов, объединенными значением ‘эпистолярный текст’, в древнерусском и старорусском языках. Данные различия отражают жанровую дифференциацию текстов, маркируемых разными номинациями. Семантическая история этих многозначных слов после XVII в. не прослеживается, они не анализируются вне эпистолярного употребления.

Материалы и методы исследования

Источники исследования – исторические словари русского языка, электронные публикации серии «Библиотека литературы Древней Руси» (сплошная выборка из 1–6-го томов, посвященных письменным памятникам древнерусского периода), Национальный корпус русского языка (сплошная выборка из исторического корпуса с учетом примеров, извлеченных из книг серии «Библиотека литературы Древней Руси»), а также издания эпистолярных памятников.

Текстовые примеры и переводы к ним даются в той форме, в которой они представлены в публикациях. Вне текстовых примеров номинации приводятся в упрощенной орфографии.

Методы исследования – аналитическое описание, анализ количественных данных, контекстуальный анализ, классификация.

¹Зуева О. В. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Минск, 2009. С. 6–7.

Результаты и их обсуждение

Слово *грамота*. Лексема образована от греческой формы множественного числа *γράμματα* (форма единственного числа – *γράμμα* ‘черта, письменный знак, буква’), которая в эпоху заимствования славянами имела до 15 значений [7, с. 148–149]. Это наиболее древнее из рассматриваемых в статье заимствование из греческого языка, причем, вероятно, первоначально устное [8, с. 102]. Интерес представляет эпистолярное значение слова. Выявление его в ряде контекстов оказывается затруднительным: в истории русского языка номинацией *грамота* обозначался самый широкий круг письменных текстов, от публично-правовых актов до частных писем [3, с. 250–256]. Она входила в десятки устойчивых наименований древнерусских и старорусских документов (СДрЯ, т. 2, с. 383–384; СРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 119–120).

Вопрос о разграничении актовых источников (в узком понимании актов как документов, устанавливающих «определенные правоотношения либо между контрагентами сделки, либо между автором и адресатом» [3, с. 250]) и эпистолярных источников, т. е. размежевании документов и недокументов, крайне актуален. Среди текстов, обслуживавших в Средневековье деловую коммуникацию по вертикали и горизонтали, насчитывается множество памятников, которые имеют все признаки письма. В рамках настоящей статьи каждый текст, обозначенный в анализируемом источнике словом *грамота* (в заголовке или самом тексте), который имеет конкретного адресата и адресанта, не сопровождается другим жанровым обозначением (в заголовке или самом тексте)², обязательно отсылающим к сфере правоотношений, не содержит указания на принадлежность к этой сфере, обладает определенными элементами формуляра и передает любые интенции (распоряжение, отчет, фиксация информации и т. д.), относится к эпистолярному тексту. Среди изученного корпуса такие источники присутствуют: словом *грамота* назывались и отписки воевод, и дипломатические послания, и распоряжения государей, и официальные уведомления церковных иерархов³.

В статьях исторических словарей русского языка, разумеется, разграничивается жанровое обозначение грамоты как документа и грамоты как текста, не относящегося к документам: ‘5. То, что написано, текст || послание, письмо | о текстах священного писания. 6. Письменный документ, договор’ (СДрЯ, т. 2, с. 382–383); ‘2. То, что написано: книга, послание, надпись и т. д. 4. Деловой документ, акт (грамота)’ (СРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 119); ‘2. Письмо, послание || воззвание, обращение ко многим людям (обычно противоправительственного содержания) || известие, весть, донесение. 3. *дел.* Документ, официальный письменный акт’ (СОРЯМР, вып. 4, с. 250). Во всех исторических словарях неактовое значение предшествует актовому, и оно является синкретичным (‘то, что написано, в том числе послание, письмо’). Этот синкретизм был унаследован от языка-источника, причем он сохранился на протяжении всего донационального периода истории русского языка.

Словом *грамота* в проанализированных материалах обозначались следующие разновидности писем⁴.

Частные письма бытового и делового содержания. Именно такое самоназвание имеют берестяные грамоты, начиная от древнейших, датированных XI в., текстов: ...*грамота*⁵ *ѡ вонѣга къ с[т]ав[ѣро](ви)* (НКРЯ (берестяная грамота № 613. 1050–1075)); ...*грамота ѡ [л]юдѣславѣ хотѣноу* (НКРЯ (берестяная грамота № 912. 1050–1075)) и др. До конца XIV в. в корпусе берестяных грамот слово *грамота* часто встречалось в значении ‘частное письмо’. Кроме берестяных грамот, другие частные бытовые или деловые древнерусские письма, не выполнявшие культурно-идеологические функции или не приобретающие их со временем, пока неизвестны.

По нашим наблюдениям, в старорусской частной бытовой межличностной переписке слово *грамота* не использовалось адресантами для названия своих писем или писем адресатов. Такие тексты сначала обозначались с помощью лексем *грамотка*, *посланейце*, а позже – с помощью номинаций *письмо*, *письмецо*⁶. В связи с этим заслуживает внимания обозначение датированных 1526–1530 гг. писем Василия III жене, содержание которых исключительно частное бытовое: ...*а ты бѣ ко мнѣ и впередь о своемъ здоровьѣ отписывала* (ПРГ, № 1–2, с. 3); ...*противъ пятницы сынъ Иванъ покрѣчьль* (ПРГ, № 1–2, с. 3) и др. Их он называл грамотами: ...*да послалъ есми къ тебѣ въ сей грамотѣ запись свою руку* (ПРГ, № 1–2, с. 3);

²Например, не включает слова *бессудная*, *благословенная*, *ввозная*, *върющая* и т. д.

³Предполагали ли такие распоряжения или уведомления ответ, т. е. уместно ли говорить в связи с ними о переписке? Если нет, то можно ли считать подобные тексты письмами? Обязательный ответ в виде текста, письменной реплики является типичной, но не обязательной составляющей эпистолярной коммуникации. Ответом на интенцию, высказанную в письме, может быть невербальное действие.

⁴Классификация проводится с опорой на следующую публикацию: Зуева О. В. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка... С. 7.

⁵Здесь и далее полужирный курсив в цитатах наш. – О. З.

⁶Грамотой могло быть обозначено частное бытовое письмо в экстратексте, сопровождающем основной текст, но это редкое употребление: *Да скажи от насъ А блгословение Тимоѣю Савиновичю Такова грамота і посылка послака с ѡзвоицомъ с Кирюшкою Ѡедоровымъ марта въ S де* (НКРЯ (Неелов Д. И. Д. И. Неелов жене Домне Григорьевне. 1650–1720)).

...а писалъ у меня сію **грамоту** (ПРГ, № 1–2, с. 3). Возможно, в письмах Василия III отражено важное социолингвистическое измерение жанрового обозначения: письмо великого князя, даже адресованное членам семьи и посвященное бытовым сюжетам, не может именоваться с помощью слова *грамотка*, которое имеет прозрачное уменьшительное значение? Лексемой *эпистолия* или *послание* оно тоже не может называться, так как ее значению не соответствуют стиль, регистр коммуникации⁷.

Итак, в старорусском языке частные межличностные письма бытового, фатического содержания не назывались грамотами. Однако в частной деловой переписке XVII в. (письма помещиков, посвященные хозяйственным вопросам, сообщения приказчиков владельцам вотчин и т. п.) слово *грамота* регулярно использовалось для обозначения как своего письма, так и письма получателя: *Да возил я, г(о)с(у)д(а)рь, с пусташши Прорѣхиной съно по вашему велен(ь)ю вывазных крестьян, и нас, г(о)с(у)д(а)рь, села Трехпруток да деревни Лукины побили и съно отняли в деревне Лукине. И я, г(о)с(у)д(а)рь, о том к вам грамоту послал обо вѣм* (НКРЯ (грамотка приказчика Г. Васильева и старосты К. Елфимова из д. Ивашкова. 1669. 20 дек.); *Кирпичники от тебя г(о)с(у)д(а)ря пришли, дал б(о)г, здорова и грамоту твою к нам принесли* (НКРЯ (грамотка приказчика А. Казакова и старост И. Петрова и К. Акулова из д. Тельчя. 1680. 22 окт.); *Да в твои, г(о)с(у)д(а)рь, грамоте написано, что я невад изадрал* (НКРЯ (грамотка приказчика А. Казакова и старосты П. Найденова из д. Тельчя. 1681. 18 дек.)).

Слово *грамота*, как обозначение письма, встречается в русско-нижненемецком разговорнике Т. Фенне 1607 г.: *Moi gospodin prislall komne grammatu, da pizall ŷ velill mne domum iechatt na pokroff den da dole ne vizitza* (Fenne, p. 142); *Otneszi: otprauil mnie tu gramatu kbatku* (Fenne, p. 142); *Omeesli tŷ tu gramnatu protzest: protzitat: tzeit* (Fenne, p. 192). Всякий раз номинация *грамота* переводится в разговорнике словом *breff* 'письмо'. В СОРЯМР приведены примеры из разговорника для иллюстрации эпистолярного значения слова *грамота* (СОРЯМР, вып. 4, с. 250). Исходя из анализа содержания подлинных старорусских писем, обозначаемых отправителями как грамоты, можно предположить, что речь в этих репликах шла о частных письмах делового содержания.

Официальные письма делового содержания. Употребление слова *грамота* по отношению к официальным письмам является таким же древним, как и использование его применительно к частным письмам. Это высокочастотное жанровое обозначение использовалось как в заголовках, так и в самих текстах. Уже в древнеславянских переводных сочинениях грамотами назывались послания, которые, если судить по контекстам, воспринимались переводчиками как официальные: ...и абие принесѡша **грамотоу** (в греческом тексте – ἐπιστολαί. – О. 3.) *сли ѿ кесаря* (НКРЯ (История Иудейской войны Иосифа Флавия. XI–XIII вв.); ...*покоръ же хотъ такоже ирода вбольстити. и пославъ чрьца своего съ грамотами* (в греческом тексте – τὰς ἐπιστολάς. – О. 3.), *твораса яко ѿ кесаря посланъ* (НКРЯ (История Иудейской войны Иосифа Флавия. XI–XIII вв.); ...и срътоша дарьеви сли, носяще къ нему **грамотоу** (в греческом тексте – ἐπιστολάς. – О. 3.) (НКРЯ (Александрия. XI–XIII вв.); ...*приимъ же александръ грамотоу* (в греческом тексте – τὰ γράμματα. – О. 3.) *дарѡа, црѡа прьскаго* (НКРЯ (Александрия. XI–XIII вв.)). В оригинальных греческих текстах использовались слова ἐπιστολή и γράμματα (о различиях в переводах рассуждала А. А. Пичхадзе [9, с. 291–292]).

К официальным письмам делового содержания относятся распорядительные и информирующие письма светских властей, дипломатическая переписка, уведомления местной администрации и др. Это тексты различного ранга и разной модальности. Именно данные источники являются наиболее уязвимыми при классификации текстов, они свидетельствуют о невозможности абсолютного размежевания собственно эпистолярных и собственно актовых материалов. Старорусских примеров обозначения различных типов официальных деловых писем грамотами насчитывается множество: *Скудость же бысть ума въ главъ его, посла сына своего к безбожному Мамаю с великою честью и съ многыми дары и писа грамоты своа к нему сице: «Въсточному великому и волному, царемъ царю Мамаю – радоватися!»* (НКРЯ (Сказание о Мамаевом побоище. 1400–1425)); *Что прислалъ еси свою грамоту с полоняникомъ, и которая твоя лая, и тому заповедь опосле* (НКРЯ (Иван Грозный. Послание шведскому королю Юхану III 1573 года. 1573)); *А противъ сей грамоты отписати бѣ тебѣ на Еланчикъ къ Федору Окинфову, чтобъ ему тѣ вѣсти были вѣдомы, и жилъ бы въ Туринскомъ острогѣ бережно* (НКРЯ (отписка тобольского воеводы князя Ивана Катырева-Ростовского тюменскому воеводе Матвею Годунову. 1612. Июль)) и др.

⁷В отличие от писем Василия III послания царя Михаила Федоровича патриарху Филарету (отцу, в миру Федору Никитичу Романову) 1610–20-х гг., также имеющие самоназвание *грамота*, маркируют иной тип общения. В нем реализуется исключительно церемониал, этикет: это диалог царя и патриарха, а не сына и отца. Участники переписки тоже называют подобные письма грамотами (например, в письме царя Михаила Федоровича патриарху Филарету с благодарностью за присылку освященной просфоры и святой воды 1619 г. есть следующие слова: ...*писалъ еси намъ въ своей... грамотѣ...* (ПРГ, № 7, с. 10). Однако в рамках настоящей статьи такие примеры не рассматриваются в связи с номинацией частных писем. Это официальные фатические (этикетные) послания царя к патриарху и ответы на них. То же касается и писем инокини Марфы патриарху Филарету, многочисленные примеры которых представлены в ПРГ.

Воодушевляющие духовные послания. Слово *грамота* зафиксировано в следующих воодушевляющих духовных посланиях: *И тогда приспѣ грамота⁸ от преподобнаго игумена Сергия, от святаго старца, благословенаа; в ней же писано благословение его таково, веля ему битися с татары: «Что бы еси, господине, тако и пошоль, а поможет ти Богъ и святаа Богородица»* (НКРЯ (Летописная повесть о Куликовской битве. 1380–1400)); *Мѣсяца майа въ 7 день в четвертом часу ноци пришли в Троецкой Сергиевъ монастырь сходницы троецкие, каменосѣчцы Шулеши Шпаниковъ да Гаранька, присланы с Москвы з грамотами от келаря старца Авраамия Палицына. А пишет в грамотах архимариту Иасафу з братьею и государевым воеводам и к воинству и ко всем осадным людемъ, православному христианству, чтобы попомнили крестное цѣлование, стояли бы противъ невѣрныхъ крѣпко и непоколебимо...* (НКРЯ (Авраамий Палицын. Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. 1620)).

Послания интеллектуальной тематики, в том числе полемические. Такие письма номинировались грамотами редко: *О любви убо твоей яже к нам и благом устроени, яже изначала показал еси и еще являеши, яко же честными твоими грамотами утверждаеши, иже любви источникъ* (НКРЯ (Максим Грек. Послание Максима Грека к Федору Карпову. 1518–1519)). Иван Грозный назвал грамотой письмо Андрея Курбского в своем первом ответе ему: *...сия вся аки злочестива творяхуся, яко же въ твоей бесосоставной грамоте написано* (НКРЯ (Иван Грозный. Первое послание Ивана Грозного Курбскому. 1564)). В свою очередь, Андрей Курбский для обозначения писем Ивана Грозного (и своих) использовал слова *послание* и *эпистолия* (гораздо чаще). В тексте третьего послания Андрея Курбского Ивану Грозному лексема *послание* встречается девять раз, не считая заглавия. Слово *грамота* в значении ‘эпистолярный текст’ в переписке с Иваном Грозным Андрей Курбский не употреблял, однако оно появилось один раз (на полях) в списке 1570-х гг.: *...грамоту твою* (комментарий к фрагменту. – О. 3.) [*аз давно уже*] *на широковетчательный листъ твой [отписах ти]* (БЛДР (т. 11: Третье послание Курбского Ивану Грозному. 1579)). Слово *листъ* в послании Андрея Курбского потребовало глоссирования (об употреблении этого заимствования в великорусской деловой письменности XV–XVI вв. писал А. Золтан [10, с. 100–102, 166]).

Послания-вопросания. В проанализированных источниках (ни в самоназваниях текстов, ни при упоминании писем в других произведениях) не были зафиксированы обозначения словом *грамота* духовных посланий, имевших характер частной межличностной беседы. Вместе с тем отмечено употребление этой лексемы для номинации послания-вопросания – особой жанровой разновидности писем, которая представляет собой запрос на духовное послание. Традиция наименования грамотами таких писем светских лиц духовным сохранялась на протяжении столетий: *А о немже, господине, прислалъ ми еси грамоту, аки прошая великаго и святаго скимнаго образа, въ н же издавна облецися желеаеши* (БЛДР (т. 4: Слова и поучения Кирилла Туровского. Послание к игумену Василию о схиме. После 1182 г.)); *Прислал ты, государь мой, ко мнѣ свою грамоту, а в ней писано, чтобы мнѣ внутрь в ней твои список истолковати* (НКРЯ (Филофей. Послание о неблагоприятных днях и часах. 1510–1540)); *Писано же пакы въ грамотѣ вашей, яко тиши же пришелицы глаголаша вамъ...* (НКРЯ (Об умствованиях Косого (из Многословного послания). 1557–1563)). Ответом на послание-вопросание было письмо, в котором авторитетный деятель церкви, выступавший в этом эпистолярном диалоге как духовный наставник, объяснял положения христианского вероучения, оценивал те или иные жизненные ситуации. Таким образом, ответ на послание-вопросание – это духовное, учительное по содержанию послание, при этом само послание-вопросание могло исходить от светского лица.

В старорусском языке существовало устойчивое выражение *посыл(ь)ная грамота*, с помощью которого обозначались официальные письма (светские, в том числе дипломатические, письма, послания церковных властей): *Грамота посылная от архиепископа епископу Прохору. Святейшому и боголюбивому и о святем душе брату и сослужебнику епископу имярек...* (НКРЯ (формулярный извод послания новгородского архиепископа Геннадия Гонзова Сарскому и Подонскому епископу Прохору. 1482–1483)). На базе этого словосочетания возник субстантиват *посылная* в том же значении (СРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 274). В НКРЯ функционирование лексемы *посыл(ь)ная* как субстантивированного слова не отмечено. Возможно, у него было более редкое, в сравнении с устойчивым выражением *посылная грамота*, употребление.

Особые случаи. В Поучении Владимира Мономаха выявлен особый случай функционирования слова *грамота*. Владимир Мономах несколько раз использовал эту лексему в послании к князю Олегу Святославичу, обозначив с ее помощью следующие тексты:

• письмо своего сына к нему, Владимиру Мономаху (*...принуди мя сынъ мой... прислалъ ко мнѣ мужъ свой и грамоту, река: «Ладимъся и смѣримся, а братцю моему судъ пришесть...»*) (БЛДР (т. 1: Поучение Владимира Мономаха. Около 1117 г.));

⁸Грамотой обозначено благословляющее обращение Сергия Радонежского и в Новгородской второй летописи. В житии святого оно, однако, называется посланием: *И се внезапно въ той час приспѣ борзоходець с посланиемъ от святаго, глаголюще: «Без всякого съмнѣния, господине, съ дръзновениемъ поиди противу свирѣпства их...»* (БЛДР (т. 6: Житие Сергия Радонежского. Конец XIV – первая половина XV в.)).

- само письмо Владимира Мономаха к князю Олегу Святославичу (*Послушах сына своего, написах ти грамоту: аще ю приимеши с добромъ, ли с поруганьемъ, свое же узрю на твоём писаньи* (БЛДР (т. 1: Поучение Владимира Мономаха. Около 1117 г.)));

- ожидаемый Владимиром Мономахом ответ князя Олега Святославича (*...а еже начнеши каятися Богу... и грамоту напиши с правдою* (БЛДР (т. 1: Поучение Владимира Мономаха. Около 1117 г.))).

Слово *грамота* употреблено в книжно-литературном сочинении, т. е. не в обиходно-бытовом дискурсе. В переводе Д. С. Лихачёва всякий раз в этих контекстах используется современное слово *грамота* (в том числе в следующем фрагменте: *...на твоём писаньи 'из твоей грамоты'* (БЛДР (т. 1: Поучение Владимира Мономаха. Около 1117 г.))). В поучении не приведены тексты грамот князя Олега Святославича и сына Владимира Мономаха. Контексты позволяют предположить, что Владимир Мономах говорил о письмах, а не о документах. О каких письмах по степени официальности, характеру этикетности, тональности он писал? Могут ли эти письма считаться частными (деловыми, фатическими и др.) исследователем, изучающим древнерусскую эпистолярную культуру, или же они должны быть отнесены к официальным деловым? Что было важнее в средневековом эпистолярном диалоге (причем на протяжении столетий) – наличие родственных связей адресанта и адресата или социальные статусы обоих? Едва ли эти вопросы могут получить однозначный ответ, но они указывают на сложность проведения классификации эпистолярных текстов и неизбежность оставления значительной зоны переходности. Есть основания характеризовать коммуникацию Владимира Мономаха с его адресатами как эпистолярную и определять слово *грамота* в поучении как обозначение не документа, а письма в принципе.

Слово грамотица. От лексемы *грамота* в древнерусском языке было образовано слово *грамотица*, семантическую историю которого целесообразно рассмотреть в рамках освещаемой темы. Как и номинация *грамота*, слово *грамотица* 'то, что написано: книга, письмо, документ' (СРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 120) является многозначным. В древнерусских книжных памятниках оно встречается с XI в.: в эпизодах из Жития Феодора Студита (перевод XI в. в рукописи XII в.) после смерти игумена Феодора женщина знатного рода вспоминает, что у нее было письмо от него, и рассказывает о чудесном спасении с помощью этого письма от огня: *...чѣстную вноу грамотицю* (в греческом тексте – *γραμματαῖον*. – О. 3.) *на высящіяся пламы възверъгохъ* (СДрЯ, т. 2, с. 385). Полагаем, словом *грамотица* названо учительное послание частного характера, обращенное к прихожанке. В этом же сочинении упоминается письмо Феодора папе римскому: *Посылаше же и римському първопрестольнику послание* (в греческом тексте – *ἐπιστολάς*. – О. 3.) (СДрЯ, т. 7, с. 319). Номинации разных видов писем различались в греческом тексте (*γραμματαῖον* и *ἐπιστολάς*), и славянские переводчики дифференцировали обозначения.

Владимир Мономах, обращаясь к своим детям, трижды назвал собственное сочинение (весь текст, а не его часть, адресованную князю Олегу Святославичу) грамотицей: *Да дѣти мои, или инь кто, слышавъ сю грамотицю, не посмгѣйтеся...; Аще ли кому не любя грамотиця си, а не поохритаються...; Да сю грамотицю прочитаючи, потъснгѣтеся на вся дѣла добрая* (БЛДР (т. 1: Поучение Владимира Мономаха. Около 1117 г.)). Содержание трех контекстов традиционно для дидактического красноречия (самоуничительные просьбы благосклонно принять сочинение, призыв обратиться к добру). Поучение Владимира Мономаха обычно не относится к эпистолярным памятникам (за исключением одной его части – послания князю Олегу Святославичу). В его композиции нет смысловых блоков, характерных для писем. Выражение [*дѣти мои, или инь кто,*] *слышавъ сю грамотицю* в начале поучения прямо отсылает к формуле, общей для эпистолярных (официальных деловых писем) и актовых памятников, – извещению адресанта в начале текста о том, что письменное сообщение адресата получено и информация из него воспринята. Например, в дипломатическом послании 1312–1315 гг. имеются следующие слова: *...донесли къ намъ посланіи отъ твояе власти грамоты княженія твоего, слышалъ есмь и вси митрополиты...* (Нифонт, стб. 147). Владимир Мономах трансформировал коммуникативную ситуацию: он предвидел определенное восприятие своего обращения адресатом (конкретным (*дѣти мои*) и обобщенным (*или инь кто*)).

Возникает вопрос, аналогичный поставленному выше касательно слова *грамота*: как воспринимал свое сочинение Владимир Мономах, называя его грамотицей? Вопрос непосредственно связан с проблемой определения жанра Поучения Владимира Мономаха. В самоназвании текста употребляется слово *грамотица*, в зачине письменного памятника размещается самопрезентация автора по формуле *азъ + приложение*, которая использовалась и в деловых грамотах, и в духовных учительных письмах (например, в Мстиславовой грамоте 1130 г. и Послании Феодосия Печерского великому князю Изяславу о вере варяжской или латинской, датированном до 1074 г.), содержание сочинения дидактическое, а его адресат характеризуется и как конкретный, и как обобщенный. Есть основания рассматривать Поучение Владимира Мономаха (целиком, а не только послание князю Олегу Святославичу) в одном ряду с древнерусскими эпистолярными сочинениями. Традиция христианского самоуничтожения требовала от Владимира Мономаха как писателя называть этот текст грамотицей, а не грамотой (в письме князю Олегу Святославичу эта традиция не реализуется, так как в нем действует другая прагматическая установка). Грамотицей, таким образом, обозначается письмо

дидактического, интеллектуального содержания, созданное светским лицом, причем великим князем. Формально это послание является частным, межличностным, тогда как по сути оно публицистическое.

Слово *грамотица* употреблялось в древнерусской бытовой письменности с начала XII в.: ...а присъте ми *грамотичу* сторови ли есте (НКРЯ (берестяная грамота № 424. 1100–1120)) и др.

В Мериле праведном, написанном в XIV в., грамотицами названы послания церковных иерархов: ...въ юдинъ днь посласта оба патриарха другъ къ другу *грамотиць* (СДрЯ, т. 2, с. 385).

В старорусском языке это слово отсутствует. Исторические словари русского языка не приводят его.

Слово *грамотка*. Еще одним восточнославянским производным от лексемы *грамота* является слово *грамотка*. В отличие от слова *грамотица*, оставшегося достоянием лексической системы древнерусского языка, номинация *грамотка* появилась только в старорусских текстах. Наиболее ранние примеры ее использования именно как обозначения письма (возможно, частного делового) зафиксированы в берестяной грамоте: ...[имъ ѱ]оловгькомъ *грамотку* пришли таино (НКРЯ (берестяная грамота № 24. 1400–1410)).

В послании Андрея Курбского Вассиану Муромцеву XVI в. упоминается межличностное письмо адресата интеллектуальной тематики: [Посланейцо твое, любовию помазанное, дошло до меня]. <...> Да паметца обръглася в твоей *грамотки* запечатана, а написано в ней, яко Григорей рече Богослов называет тайным учеником Христовым Никодима (НКРЯ (Андрей Курбский. Второе послание Вассиану Муромцеву. 1564–1583)).

Номинация попала в список Азбучного письмовника конца XVI – начала XVII в.: *Епистолия и предисловие и начертание, како писати грамотки ко всякому чину* [11, с. 611]. Для переписчика письмовника грамотка – это любое письмо вне зависимости от его адресата и тематики.

К XVII в. относятся массовые примеры употребления слова *грамотка* для обозначения бытовых, деловых частных писем, в том числе в составе текстовых формул: ...по сю *грамотку* жив (Гр-ки, № 51, с. 39; № 58, с. 43; № 170, с. 96); ...отдать ся *грамотка* (Гр-ки, № 149, с. 83; № 152, с. 84; № 156, с. 87). Уникальный пример обозначения этим словом частного духовного послания зафиксирован в частном письме боярыни Федосьи Морозовой 1668–1669 гг.: она упрекает детей и жену протопопа Аввакума в том, что те прочли письма протопопа к ней, и обращается к ним с рядом риторических вопросов: *Откуда вы взяли то, что прочитали чужия грамотки? И ныне пришли ко мне грамотки просматриваны, батюшковы печати нет на них, вы прочитали. В котором правиле взяли? Кто от духовных отцов или от детей духовных прочитает грамотки?* (Морозова). Такой же единичный пример использования слова *грамотка* как обозначения послания, которое можно определить как официальное деловое, отмечен в Малой комедии о Баязете и Тамерлане, т. е. в художественном тексте, причем переведенном с немецкого языка: *А где та грамотка? Муж и к Зде она есть* (НКРЯ (Темир-Аксаково действо. 1675)). Далее употреблен синоним: [А в листу написано:] *Байцет велит тебе поклон свой объявить Финею, державцу царегороцкому* (НКРЯ (Темир-Аксаково действо. 1675)). Однако примеры из послания Федосьи Морозовой и пьесы являются исключительными, а не типичными: в обиходном языке XVII в. грамотка – это светское частное бытовое или деловое письмо. Именно это обозначение использовалось в качестве термина при публикации старорусской частной переписки в 1960–70-х гг. Выходя за выбранные хронологические рамки, отметим, что в XVIII в. происходит стилистическое перемещение лексемы в сторону просторечия при сохранении ей значения ‘письмо, послание’ (СРЯ XVIII, т. 5, с. 218). В издании «Словарь Академии Российской» к слову *грамотка* дается помета *употребляемое токмо между простым народом* (СРЯ XVIII, т. 5, с. 218). Рукопись начала XIX в. имеет название «Форма грамотки писать» [11, с. 658].

Слово *епистолия*. В древнерусском языке эта лексема, заимствованная от среднегреческой номинации ἐπιστολή, которая, в свою очередь, происходит от древнегреческого слова со значением ‘письмо; поручение, приказание’ (Вейсман, стб. 508), была многозначной (*епистолия* ‘письменное обращение, послание; грамота, официальный документ’ (СДрЯ, т. 3, с. 215–216). В исторических словарях представлена также номинация мужского рода *епистоль* ‘то же что, что епистолия’. Например, она встречается в списках Пандектов Никона Черногорца конца XIII – XIV в. (СДрЯ XI–XIV, т. 3, с. 216). В ГСБМ зафиксированы обозначения женского рода *епистола* ‘пасланне’, *епистолия* ‘тое, што і епистола’ (вып. 9, с. 1989). Это более молодое, по сравнению с номинацией *грамота*, заимствование со значением ‘письмо = послание’ [9, с. 292].

Для старорусского языка в словарях определяется только значение ‘послание’ (СРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 55; СОРЯМР, т. 6, с. 146)⁹.

⁹Обнаружен единственный пример употребления слова, не только допускающий, но и требующий актовую интерпретацию его семантики: *Градсти же держатели архиепископову словесе усердне повинуются, Богу поспышествующу, скоро посланных от себе съ епистолиями отрядиша. Также и архиепископ свою епистолию с посланнымъ посла, да великий той остров Валам преподобному Сергию отдадут* (НКРЯ (Сказание о Валаамском монастыре. 1558–1570)) ‘Правители же города, прилежно повинуваясь словам архиепископа – Бог им помощь оказывал, – быстро отрядили посланцев с письменными указами. Также и архиепископ свой письменный указ с гонцом послал, чтобы был тот остров Валаам отдан преподобному Сергию, а живущие там люди изгнаны’ (БЛДР (т. 13: Сказание о Валаамском монастыре. 1558–1570)).

Епистолия – слово, которое использовалось исключительно в книжных текстах, написанных на церковнославянском языке строгой нормы или гибридном языке. Оно употреблялось на протяжении древнерусского и старорусского периодов в текстах различных жанров (летопись, житие, сборник поучений, послание, письмовник и др.), вошло в словарь XVII в.: *Епистолия* – послание писменное (СРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 55). Семантизация в этом примере осуществляется через приведение синонима – слова, также употреблявшегося в восточнославянской письменности с XI в. как переводное соответствие греческой лексемы ἐπιστολή. Синоним в данном случае сопровождается уточнением *писменное*, хотя сама лексема *послание* использовалась в средневековых текстах без такого уточнения.

На книжный характер слова *епистолия* указывают не только жанры и стили текстов, в которых оно встречается, но и обозначаемые им в этих текстах разновидности писем. Весь комплекс значений, реализуемых в древнерусских текстах, актуален и для текстов периода Московской Руси.

Послания духовного лица мирянам или другим духовным лицам. В эту группу входят следующие разновидности текстов:

- учительное послание к князю (*То же тако обличаше того, овъгда епистолия пиша, посылаше тому... Се же и послъже въписа къ нему епистолию велику зъло, обличая того и глаголя: «Глас крѣве брата твоего въпиеть на тя къ Богу, яко Авелева на Каина...». ...И яко ть прочьте епистолию ту, разнѣвася зъло... (НКРЯ (Нестор. Житие Феодосия. 1080-е гг.))*);

- беседа духовных лиц (*Постригъ же ся святыи Сава въ Русскомъ манастырь, потомъ же повельниемъ протовымъ начя жити въ Ватопеди; посылаетъ же и ко отцу епистолию, да, оставивъ царство земное, приидеть къ нему (НКРЯ (Никоновская летопись 1176–1362 гг. 1526–1530)); ... а на томъ... Богъ заплатитъ въ ономъ въцѣ, что вы насъ благословениемъ своимъ посылти и епистолиями зъло обвеселили (эпистолярный топос: письмо как посещение и утешение) (Иванов))*);

- воодушевляющее послание (*Паче же многи епистолии архимаритъ во время кровопролития християнского по градомъ посылая, сего Иванна, способника себѣ на то имѣя, многи доброписцы дав ему, и тѣми епистолиями во всѣхъ градѣхъ воеводѣ, и приказныхъ и всѣхъ ратныхъ людей, и всѣхъ православныхъ християн умоляя, да бы подвизались за православную християнскую вѣру... (НКРЯ (Симон Азарьин. Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия. 1648–1654))*).

Номинацией *епистолия* еще в старейших славянских переводах обозначались апостолические послания и сочинения Отцов Церкви. На эти послания ориентировались авторы духовных обращений и наставлений.

Официальные послания светских властей (распорядительные, советные, дипломатические письма и др.). В Истории Иудейской войны Иосифа Флавия слово *епистолия* много раз употребляется именно в таком значении: ...принесена же бѣсть епистолѣа (в греческом тексте – ἐπιστολή. – О. 3.) ѿ александра къ иродовоу властелиноу; ...вна же къ римоу приплювши вѣста кесареви црѣву епистолѣю (в греческом тексте – τὰ... ῥάμματα. – О. 3.); ...тиверѣи же прочетъ епистолѣю (в греческом тексте – τὴν ἐπιστολήν. – О. 3.). И вбрадовѣа зъло (НКРЯ (История Иудейской войны Иосифа Флавия. XI–XIII вв.)) и др. В старорусской оригинальной повествовательной литературе зафиксирован следующий пример: *И золь совѣтъ устроиша, и епистолиями королевѣскими и своими злохитными глаголы царствующици град Москву прелестиша, обѣщая королевича дати во крещении царствовати на Великую Россию (НКРЯ (Плач о пленении и конечном разорении Московского государства. Июнь – ноябрь 1612 г.))*.

Письма интеллектуальной тематики формально частного, межличностного, но по сути публицистического характера. В XV–XVI вв. широкое развитие получила переписка светских и духовных лиц либо светских лиц (письма архиепископа Геннадия Новгородского, Иосифа Волоцкого, Федора Карпова, Андрея Курбского, Максима Грека и др.). В текстах такой разновидности слово *епистолия* обозначало письма адресанта и адресата: *Увы, нынѣ нѣтъ мнѣ время епистолей слагати, но время належит рыданю, не бо плачевнаа книга Иеремѣина толикихъ рыданий исполнена быти можетъ, елико моа худая епистолия (НКРЯ (Федор Карпов. Послание митрополиту Даниилу. 1522–1539)); Епистолию твою прях и прочтох, и выразишь... (НКРЯ (Андрей Курбский. Послание Семену Седларю. 1564–1583))*. Андрей Курбский часто употреблял именно это слово.

Частные светские письма. Такие тексты, будь они подлинными, можно отнести к бытовой или деловой переписке, но случаи обозначения их с помощью слова *епистолия* зафиксированы только в литературных сочинениях: *Съ епистолюю (в греческом тексте – ἐπιστολή. – О. 3.) приимъ ѿ мѣри (НКРЯ (Пчела. XI–XIII вв.))*; *Фома (отец главного героя. – О. 3.) же... скоро написав епистолию со многимъ молениемъ... «да увижу, чадо мое, красоту лица твоего, понеже давно не видахъ тя» (НКРЯ (Повесть о Савве Грудцыне. 1660–1670))*. В Повести о Савве Грудцыне для номинации частных бытовых писем также используются слова *писание* и *письмо*, т. е. лексема *епистолия* не является единственным жанровым обозначением. Составители СОРЯМР включили лексему *епистолия* в словник, приведя именно этот

пример (т. 6, с. 146). Книжный контекст, окружающий слово, указывает на то, что оно сохраняло стилистическую маркированность и в обиходном языке. В связи с этим наблюдением уместно вспомнить Азбучный письмовник XVI в., имеющий заглавие «Сказание начертанья епистолия, предисловия и посланья ко всякому человеку» [11, с. 588]. Заглавие варьируется по спискам. В сборнике даны образцы зачинов писем в зависимости от адресата. Большинство адресатов – духовные лица (*к священнику* [11, с. 588], *к ыноку* [11, с. 590], *к старцу младу* [11, с. 591]), но встречаются также следующие адресаты: *в полк другу* [11, с. 589], *к мещанину* [11, с. 591], *от вдовы сыну* [11, с. 596], *мужу от жены* [11, с. 597]. Такие письма обозначены как епистолии в письмовнике, однако в подлинных старорусских частных бытовых или деловых письмах при характеристике отправителем своего письма это слово не использовалось.

В Азбучном письмовнике слова *епистолия* и *послание* употребляются в одном ряду. Разночтения по спискам также сохраняют это параллельное употребление: *...яко всем человеком послание и епистолием предисловие; ...ко всем человеком посланиям и епистолиям предисловие* [11, с. 611] и др. Исследователь старорусских письмовников А. С. Демин указывал только один список без слова *епистолия* в заглавии и несколько списков без слова *послание* [11, с. 611]. Возможно, такое параллельное употребление – память о древнерусских устойчивых сочинительных биномах [12]: одно слово актуализирует собственно жанр (*епистолия*), другое – способ передачи информации (*послание*). В таком случае в подобном контексте синонимы не выступают дублетами (в упомянутом примере *епистолия – послание писменное* (СРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 55) полное семантическое соответствие достигается приведением уточняющего имени прилагательного).

Слова хартия, харатия. Лексема *хартия* имеет значение ‘пергамен, кожа, приготовленная для письма; послание; грамота’ (Срезн., т. 3, стб. 1362), а слова *харатия, харотия* имеют значение ‘пергамен, кожа, приготовленная для письма; письмо; грамота’ (Срезн., т. 3, стб. 1361). В ГСБМ указаны только формы *харатья, харатия, хоратья* ‘пергамент; грамота на пергаменце’ (т. 36, с. 50)). Слова восходят к среднегреческой лексеме *χαρτίον* (форма множественного числа – *χαρτία*), производной от номинации *χαρτης* ‘бумага’ (Фасмер, т. 4, с. 223). В словарной статье заглавным является слово *харатья* (Фасмер, т. 4, с. 223)).

Хартия (номинация с такой основой) – одно из старейших обозначений эпистолярного текста в древнерусской книжности, с XI в. оно представлено в переводных сочинениях, с XII в. – в оригинальных. В основе и актового, и эпистолярного обозначения лежит метонимия (‘писчий материал’ > ‘сообщение, зафиксированное на носителе из этого материала’) ¹⁰. Этот перенос происходил в языке-источнике, о чем свидетельствуют данные исторического корпуса греческого языка ¹¹ и материалы А. Д. Вейсмана (Вейсман, стб. 1339). В эпистолярном значении отмечено употребление слова *хартия* (не *харатья*) в древнерусских книжных памятниках следующей разновидности.

Недифференцированные в жанровом отношении письма. В Минее 1097 г. (перевод византийских гимнов) употреблено слово *хартия*, им обозначается метафорическое, символическое послание: *Всѣмъ бо зоветь жена... приимъшоу новописаную ѿ тебе прѣславную хартию, възвъщающую прощение...* (Срезн., т. 3, стб. 1362). Это один из древнейших примеров употребления слова в тексте, созданном на Руси, причем семантически спорный (непонятно, реализуется ли здесь эпистолярное значение в принципе).

В переводном Житии Алексея, человека Божьего, словом *хартия* обозначается послание, написанное главным героем, с рассказом о его жизни: «...*Вѣдажь намъ харѣтию, да видимъ, что ты еси и что есть писано въ ней*». *Тѣгда вѣдасть имъ харѣтию, и възъмъша вѣдаста ю дьяку церьковному. Съдъшема же цесарема, и архиепископу, и Еуфимияну, начать харѣтию чисти халтоларь. Егда слыша отецъ чѣтения харѣтия, възкочи съ прѣстола скоро...* «Отдай нам послание, дабы мы увидели, что написано в нем, и узнали, кто ты». Тогда он отдал им свое письмо, а они, взяв его, передали церковному дьяку. И когда цесари, архиепископ и Евфимиан сели, архиварий начал читать грамоту. Как только отец услышал чтение письма, тут же вскочил с места...» (БЛДР (т. 2: Житие Алексия, человека Божия. XI в., по рукописи XII в.)). Обратим внимание на разнообразие лексических единиц, использованных в переводе текста на современный русский язык. Предполагаем, что славянский книжник, переводя и переписывая текст жития, мог воспринимать такое письмо как учительное духовное послание.

Духовные учительные послания. Автор – адресант духовного учительного послания назвал свое письмо словом *хартия*: *И вину ми исповѣдавиу, егоже ради пишеши, ты же, любимиче, не тяжьско мни мноу восписаную ти хартиемо* ‘Но после того, как поведал ты мне, чего ради пишешь, и сам ты, любимый мой, не пообидься на мою, написанную к тебе, хартию’ (БЛДР (т. 4: Послание Климента Смолятича. 1147–1154)).

¹⁰Словом *бересто* обозначались письма частного бытового или делового характера в берестяных грамотах XII–XV вв. (НКРЯ (берестяная грамота № 27. 1380–1400; берестяная грамота № 40. 1410–1420; берестяная грамота № 988. 1180–1200; берестяная грамота № 1004. 1140–1160)). Номинация функционировала в сфере письменного обиходного общения, однако затем она полностью ушла из употребления. Эпистолярное значение не приводится в словарях старорусского языка и русского языка XVIII–XIX вв.

¹¹Thesaurus linguae Graecae [Electronic resource]. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu> (date of access: 03.02.2023).

Исследованные примеры из старорусских текстов не позволяют однозначно интерпретировать употребление слов *хартія* и *харатія* именно в эпистолярном значении. Например, во *Временнике* Ивана Тимофеева лексема *хартія* употребляется несколько раз: *Таковымъ. Убо образомъ лжяя славы, и хартія* (слово означает или официальное послание, или царскую грамоту. – О. З.) *многи градомъ всеа державы съ царскими печатльми разослаша, наполняюще соплетеного своего лжесловесія впуцающихъ слухи...; ...собрашася необлгнню вкупть силнословесныя рачителя его вся и, молебну челоуьку угоды хартію* (неизвестно, означает слово прошение или послание. – О. З.) *писанми тцанно соплетіе* (НКРЯ (Иван Тимофеев. *Временник*. 1610–1617)). Такие примеры не единичны. В большинстве отмеченных в источниках контекстов идет речь или об официальных грамотах, или о писчем материале, свертках, листах¹²: *Онъ же нача уготовлятися къ путному шествію и испроси себѣ у великого князя хартіи, сирѣчь грамоты, не писаны, а запечатаны великого князя печатію...* (НКРЯ (Никоновская летопись 1362–1424 гг. 1526–1530)); *Нынѣ же врази животу – мраз, студен снѣгъ и дымъ разумъ смущаютъ, перѣсты стѣсняють, очи слезити понужаютъ, чернило мрѣзнетъ, харатію сажею опорачают, коя вся писцу спротивна быти видятся* (НКРЯ (Федор Карпов. *Послание митрополиту Даниилу*. 1522–1539)). Для обозначения письма адресата и своего письма Федор Карпов в этом же сочинении употребляет слово *епистолия* и др.

В разговорнике Т. Фенне 1607 г. приводится форма *харатія* (*гараця – garatzia – pergamentit* (Fenne, p. 65)), т. е. указывается только значение ‘писчий материал’. Мы не говорим о том, что слово *хартія* или *харатія* не употреблялось для обозначения писем в старорусскую эпоху, поскольку позднее в словаре В. И. Даля (как и в издании М. Фасмера, заголовочным является слово *харатья*) оно зарегистрировано: «...вообще хартія – важное письмо, документ, грамота или жалованное письмо, дарственная и пр.» (Даль, с. 542). Отсутствие в старорусских текстах, зафиксированных в НКРЯ, примеров употребления лексем *хартія* и *харатія* в значении ‘письмо’ позволяет предположить наличие у них в старорусском языке особой стилистической нагруженности, обусловившей ограниченность употребления, по сравнению с другими названиями писем, в том числе обозначениями духовных посланий.

Заключение

В таблице показано, по отношению к каким типам писем применялись обозначения *грамота*, *епистолия*, *хартія*, *харатья*, а также *грамотица* и *грамотка* в исследованных восточнославянских письменных памятниках XI–XVII вв.

Обозначения разных типов писем в восточнославянских письменных памятниках XI–XVII вв.

Designations of different types of letters in East-Slavic written monuments of the 11–17th centuries

Период	I	II	III	IV	V	VI	VII
Слова <i>хартія</i> , <i>харатія</i>							
XI в.							+
XII в.					+		
XIII в.							
XIV в.							
XV в.							
XVI в.							
XVII в.			+	(?)			
Слово <i>грамота</i>							
XI в.	+						
XII в.	+			+			+
XIII в.	+		+				
XIV в.	+					+	+
XV в.			+			+	
XVI в.		+	+	+		+	
XVII в.		+	+			+	+

¹²Современные исторические словари русского языка до соответствующей буквы не дошли, поэтому в данном случае мы ограничены в поиске оцифрованными источниками и материалами для словаря И. И. Срезневского.

Окончание таблицы
 Ending table

Период	I	II	III	IV	V	VI	VII
<i>Слово грамотка</i>							
XI в.							
XII в.							
XIII в.							
XIV в.							
XV в.	+						
XVI в.				+			
XVII в.		+		+	+(s)		+
<i>Слово грамотица</i>							
XI в.							
XII в.	+				+		+(?)
XIII в.							
XIV в.						+	
XV в.							
XVI в.							
XVII в.							
<i>Слово епистолия</i>							
XI в.			+		+		
XII в.						+	
XIII в.		+	+		+		
XIV в.						+	
XV в.				+			
XVI в.			+	+	+	+	+
XVII в.			+		+	+	

Примечание. Цифрой I обозначены берестяные грамоты, цифрой II – светские частные бытовые, фатические и деловые письма, цифрой III – светские официальные деловые письма, цифрой IV – письма интеллектуального, в том числе полемического, содержания, цифрой V – частные духовные письма, цифрой VI – официальные духовные письма, цифрой VII – не дифференцированные в видовом отношении письма; знаком (s) отмечена номинация, зафиксированная в единственном тексте, знаком (?) маркированы случаи, когда письменный памятник нельзя однозначно интерпретировать как эпистолярный текст.

Номинации не выступают синонимами-дублетами. Наиболее широкий семантический диапазон выявлен у слова *епистолия*. Лексема *хартія* – самое редкое обозначение писем. Номинации *грамота* и *грамотка* не употреблялись для обозначения частных духовных посланий, в отличие от слов *хартія* и *епистолия*. Все гречизмы могли использоваться по отношению к не уточняемому в сочинении виду письма, когда упоминается некое отправленное сообщение или даже приводится его фрагмент, но можно только предполагать, каков характер этого эпистолярного общения. Номинации были многозначными в древнерусском языке и, в частности, могли обозначать как эпистолярный текст, так и официальный документ. Это обстоятельство является одним из факторов, обуславливающих проблему дифференциации актов и эпистолярных источников. Для слова *грамота* и в старорусском языке одинаково актуальным было обозначение двух типов источников. Лексема *епистолия* практически утратила значение ‘документ’ в старорусском языке, она даже не приводится в исторических словарях. У номинации *хартія* в старорусском языке, напротив, эпистолярное значение ушло в пассивное языковое знание.

В истории русского языка донационального периода только слово *грамота* в значении ‘письмо’ не было ограничено рамками книжной культуры, а также стало базой для образования слов – других эпистолярных жанровых обозначений. При всей высокой частотности употребления слова *грамота* в древнерусских и старорусских письменных памятниках, сохранении употребления слова *епистолия* в книжно-литературных текстах вплоть до XVIII в. ни одно из них не стало основным обозначением эпистолярного текста

в русском языке национальной эпохи. Не стали основным названием и такие древние обозначения писем, как *писанье*, *послание* и др. Направления дальнейшего изучения вопроса – определение времени и факторов закрепления в русском языке номинации *письмо* ‘эпистолярный текст’, установление смысловых отношений между разными обозначениями текстов эпистолярного жанра в истории русского языка.

Сокращения

Fenne – Tönnies Fenne's Low German manual of spoken Russian. Pskov, 1607 : in 4 vol. / ed. by L. L. Hammerich, R. Jakobson. Copenhagen : Munksgaard, 1970. Vol. 2 : Transliteration and translation. 488 p. ; **БЛДР** – Библиотека литературы Древней Руси [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070> (дата обращения: 01.02.2023) ; **Вейсман** – *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. 5-е изд. СПб. : Издание автора, 1899. VIII с., 1370 стб. ; **Гр-ки** – Грамотки XVII – начала XVIII века / под ред. С. И. Коткова. М. : Наука, 1969. 415 с. ; **ГСБМ** – Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 37 вып. / под ред. А. І. Жураўскага, А. М. Булыкі. Мінск : Навука і тэхніка, 1982–2017. 37 вып. ; **Даль** – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 2003. Т. 3 : П – Р. 555 с. ; **Иванов** – Письмо дьякона Федора Иванова игумену Феоктисту // *Материалы для истории раскола за первое время его существования* : в 8 т. / под ред. Н. Субботина. М. : Тип. Т. Рис, 1874. Т. 1. : Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования, ч. 1 : О лицах, судившихся на Соборе 1666–1667 года. С. 397–399 ; **Морозова** – Письмо боярыни Ф. П. Морозовой к жене и детям протопопа Аввакума на Мезень. Москва, [1668–1669 гг.] // Протопоп Аввакум. Личность и эпоха в архивных документах [Электронный ресурс]. URL: <https://avvakum.rusarchives.ru/pismo-boaryny-fp-morozovoy-k-zhene-i-detyam-protopora-avvakuma-na-mezen> (дата обращения: 01.02.2023) ; **Нифонт** – Послание патриарха Константинограда Нифонта великому князю Михаилу // *Рус. ист. библиотека* : в 39 т. / под ред. А. С. Павлова. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. Т. 6, ч. 1 : Памятники древнерусского канонического права (памятники XI–XV в.). Стб. 147–148 ; **НКРЯ** – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.02.2023) ; **ПРГ** – Письма русских государей и других особ царского семейства : в 5 т. Т. 1. М. : Унив. тип., 1848. 191 с. ; **СДРЯ** – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / под ред. В. Б. Крысько. М. : Рус. яз., 1988–2013. 10 т. ; **СОРЯМР** – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв. : в 9 вып. / под ред. О. С. Мжельской. СПб. : Наука, 2004–2020. 9 вып. ; **Срезн.** – *Срезневский И. И.* *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам* : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1893–1912. 3 т. ; **СРЯ XI–XVII** – Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 29 вып. / под ред. С. Г. Бархударова. М. : Наука : Азбуковник : Лексрус, 1975–2011. 29 вып. ; **СРЯ XVIII** – Словарь русского языка XVIII века : в 6 вып. / под ред. Ю. С. Сорокина. Л. : Наука, 1984–1991. 6 вып. ; **Фасмер** – *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка* : в 4 т. М. : Прогресс, 1973. 4 т.

Библиографические ссылки

1. Сметанин ВА. Новое в развитии представлений об эпистографии. *Античная древность и средние века*. 1980;17:5–18.
2. Грицкевич ВП, Каун СБ, Ходин СН. *Теория и история источниковедения*. Минск: БГУ; 2000. 221 с.
3. Данилевский ИН, Кабанов ВВ, Медушевская ОМ, Румянцева МФ. *Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 1998. 702 с.
4. Крычко ВП. Эпістэлярны жанр і аратарская проза ў старабеларускай літаратуры XII–XIII стст. У: Хаўстовіч М, рэдактар. *Працы кафедры гісторыі беларускае літаратуры Белдзяржуніверсітэта. Выпуск трэці*. Мінск: БДУ; 2002. с. 26–37.
5. Milić D, Đekić D. Methods of written communication in Medieval Serbia based on the life of Saint Sava written by Domentian. *Media Studies and Applied Ethics*. 2022;III(2):75–85. DOI: 10.46630/msae.2.2022.06.
6. Schulte R, von Tippelskirch X, editors. *Reading, interpreting and historicizing: letters as historical sources* [Internet]. Fiesole: European University Institute; 2004 [cited 2023 February 3]. 202 p. Available from: <http://hdl.handle.net/1814/2600>.
7. Никитина ОВ. Слово «грамота» и его история в русском языке. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2013;1(часть 1):147–155.
8. Львов АС. К истории слова «грамота» в древнерусской письменности. В: Жуковская ЛП, Тарабасова НИ, редакторы. *Исследования источников по истории русского языка и письменности*. Москва: Наука; 1966. с. 88–103.
9. Пичхадзе АА. *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси; 2011. 403 с.
10. Золтан А. *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. Москва: Индрик; 2014. 222 с.
11. Демин АС. *О древнерусском литературном творчестве: опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова*. Гребенюк ВП, редактор. Москва: Языки славянской культуры; 2003. 760 с.
12. Артамонова МВ. Дефиниции устойчивых сочинительных биномов в древнерусском тексте. *Ярославский педагогический вестник. Серия: Гуманитарные науки*. 2012;1:214–217.

References

1. Smetanin VA. [New in the development of ideas about epistolography]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. 1980;17:5–18. Russian.
2. Gritskevich VP, Kaun SB, Khodin SN. *Teoriya i istoriya istochnikovedeniya* [Theory and history of source studies]. Minsk: Belarusian State University; 2000; 221 p. Russian.
3. Danilevskii IN, Kabanov VV, Medushevskaya OM, Romyantseva MF. *Istochnikovedenie: teoriya, istoriya, metod. Istochniki rossiiskoi istorii* [Source study: theory, history, method. Sources of Russian history]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 1998. 702 p. Russian.
4. Krychko VP. [Epistolary genre and oratorical prose in Old Belarusian literature of the 12th–13th centuries]. In: Khaustovich M, editor. *Pracy kafedry gistoryi belaruskae litaratury Beldzjarzhuniversteteta. Vypusk trjeci* [Works of the department of the history of Belarusian literature of the Belarusian State University. Issue three]. Minsk: Belarusian State University; 2002. p. 26–37. Belarusian.

5. Milić D, Đekić D. Methods of written communication in Medieval Serbia based on the life of Saint Sava written by Domentian. *Media Studies and Applied Ethics*. 2022;III(2):75–85. DOI: 10.46630/msae.2.2022.06.
6. Schulte R, von Tippelskirch X, editors. *Reading, interpreting and historicizing: letters as historical sources* [Internet]. Fiesole: European University Institute; 2004 [cited 2023 February 3]. 202 p. Available from: <http://hdl.handle.net/1814/2600>.
7. Nikitina OV. Word «gramota» and its history in the Russian language. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*. 2013;1(part 1):147–155. Russian.
8. L'vov AS. [Toward the history of the word «gramota» in Old Russian writing]. In: Zhukovskaya LP, Tarabasova NI, editors. *Issledovaniya istochnikov po istorii russkogo yazyka i pis'mennosti* [Studies of sources on the history of the Russian language and writing]. Moscow: Nauka; 1966. p. 88–103. Russian.
9. Pichkhadze AA. *Perevodcheskaya deyatel'nost' v domongol'skoi Rusi: lingvisticheskii aspekt* [Translation activity in Pre-Mongol Rus: linguistic aspect]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi; 2011. 403 p. Russian.
10. Zoltan A. *Interslavica. Issledovaniya po mezhlavyanskim yazykovym i kul'turnym kontaktam* [Interslavica. Studies on inter-Slavic linguistic and cultural contacts]. Moscow: Indrik; 2014. 222 p. Russian.
11. Demin AS. *O drevnerusskom literaturnom tvorchestve: opyt tipologii s XI po seredinu XVIII vv. ot Ilariona do Lomonosova* [On Old Russian literary work: an experience of typology from the 11th to the middle of the 18th centuries from Hilarion to Lomonosov]. Moscow: Language of Slavic culture; 2003. 760 p. Russian.
12. Artamonova MV. Definitions of stable coordinating binomials in the Old Russian text. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin. The Humanities*. 2012;1:214–217. Russian.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023.
Received by editorial board 15.03.2023.

УДК 811.161.2+811.162.3

БОГЕМИЗМЫ В СТАРОУКРАИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПАМЯТНИКЕ «ЛУЦИДАРИЙ»

А. В. АЛЕКСЕЕВИЧ¹⁾

¹⁾Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Анализируется староукраинский литературный памятник «Луцидарий» – перевод старочешского апокрифического произведения «Lucidář». Исследуется язык трех его староукраинских списков, который содержит многочисленные заимствования инославянского происхождения – чешского, польского и церковнославянского. Наличие полонизмов и церковнославянизмов объясняется общими условиями развития староукраинской письменности, находившейся под длительным влиянием польского и церковнославянского языков. Чешские заимствования, т. е. богемизмы, проникли в староукраинский литературный памятник «Луцидарий» непосредственно из источника перевода. По результатам историко-этимологического анализа выявляются следующие богемизмы: *гнед*, *звѣрница* (*звѣраница*), *кузло* (*каузлостось*), *кожула*, *лепкое* (*липское*) *море*. Подробное изучение западнославянского (в частности, чешского) языкового влияния на литературные памятники восточнославянской письменности способствует лучшему пониманию процессов межславянского взаимодействия.

Ключевые слова: староукраинский язык; старочешский язык; инославянские заимствования; богемизм; полонизм; церковнославянизм.

БАГЕМІЗМЫ Ў СТАРАЎКРАЇНСКІМ ЛІТАРАТУРНЫМ ПОМНІКУ «ЛУЦЫДАРЫЙ»

Г. В. АЛЕКСЯЕВИЧ^{1*}

^{1*}Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,
вул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь

Аналізуецца стараўкраінскі літаратурны помнік «Луцыдарый» – пераклад старачэшскага апакрыфічнага твора «Lucidář». Даследуецца мова трох яго стараўкраінскіх спісаў, якая ўтрымлівае шматлікія запазычання іншаславянскага паходжання – чэшскага, польскага і царкоўнаславянскага. Наяўнасць паланізмаў і царкоўнаславянізмаў тлумачыцца агульнымі ўмовамі развіцця стараўкраінскай пісьменнасці, якая знаходзілася пад працяглым уплывам польскай і царкоўнаславянскай моў. Чэшскія запазычання, ці багемізмы, праніклі ў стараўкраінскі літаратурны помнік «Луцыдарый» непасрэдна з крыніцы перакладу. Па выніках гісторыка-этымалагічнага аналізу выяўляюцца наступныя багемізмы: *гнед*, *звѣрница* (*звѣраница*), *кузло* (*каузлостось*), *кожула*, *лепкое* (*липское*) *море*. Падрабязнае вывучэнне заходнеславянскага (у прыватнасці, чэшскага) моўнага ўплыву на літаратурныя помнікі ўсходнеславянскай пісьменнасці садзейнічае лепшаму разуменню працэсаў міжславянскага ўзаемадзеяння.

Ключавыя словы: стараўкраінская мова; старачэшская мова; іншаславянскія запазычання; багемізм; паланізм; царкоўнаславянізм.

Образец цитирования:

Алексеєвіч ГВ. Багемізмы ў стараўкраінскім літаратурным помніку «Луцыдарый». *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2023;2:115–124.

For citation:

Aleksiyevich HV. Bohemisms in Old Ukrainian literature monument «Lucidarius». *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;2:115–124. Belarusian.

Автор:

Анна Вікторовна Алексеевич – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник сектора этнолингвистики и фольклора отделения славистики и теории языка Института языкознания имени Якуба Коласа.

Author:

Hanna V. Aleksiayevich, PhD (philology); senior researcher at the sector of ethno-linguistics and folklore, department of Slavic studies and language theory, Yakub Kolas Institute of Linguistics. hanaaleks@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2950-9890>

BOHEMISMS IN OLD UKRAINIAN LITERATURE MONUMENT «LUCIDARIUS»

H. V. ALEKSIAYEVICH^a

^aThe Centre for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches,
National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article is devoted to Old Ukrainian literature monument «Lucidarius», which came down to us in several copies. This monument is a translation of Old Czech apocryphal work «Lucidář». The focus of the study is the language of three Old Ukrainian copies, which contains numerous borrowings of foreign Slavonic origin – Czech, Polish and Church Slavic. The presence of Polonisms and Church Slavicisms is explained by the general conditions of the development of the Old Ukrainian written language, which was under the lasting influence of the Polish and Church Slavic languages. Czech loanwords, or Bohemisms, penetrated into Old Ukrainian literature monument «Lucidarius» directly from the source of translation. The results of the historical and etymological analysis revealed the following Bohemisms: *глед*, *звѣрница* (*звѣраница*), *кузло* (*каузлостось*), *кожула*, *ленкое* (*липское*) *море*. A detailed study of the West Slavic (in particular, Czech) language influence on the literature monuments of East Slavic writing scribes contributes to a better understanding of processes of inter-Slavic interaction.

Keywords: Old Ukrainian language; Old Czech language; foreign Slavic loanwords; Bohemism; Polonism; Church Slavicism.

Уводзіны

«Луцыдарый» – ранні сярэднявекавы твор энцыклапедычнага характару, пабудаваны ў форме пытанняў і адказаў (вучань пытаецца, настаўнік адказвае). Помнік вядомы ў чатырох славянскіх літаратурна-пісьмовых традыцыях – царкоўнаславянскай, чэшскай, харвацкай і ўкраінскай. Зыходным тэкстам з’яўляецца тэалагічны трактат «Elucidarium», напісаны па-латыні Ганорыем Аўгустадунскім у канцы XI ст. Гэты трактат быў перапрацаваны і дапоўнены нямецкім складальнікам у канцы XII ст. У сваю чаргу, нямецкі літаратурны помнік «Lucidarius» перакладаўся на царкоўнаславянскую мову рускай рэдакцыі (не пазней за першую трэць XVI ст.) і чэшскую мову (каля 1400 г.). Чэшскі літаратурны помнік «Lucidář» выступіў у якасці крыніцы для харвацкага (XV–XVI стст.) і стараўкраінскага (XVI–XVII стст.) перакладаў [1, s. 11–12; 2, с. 147; 3, с. 98–102; 4, с. 13–15; 5, с. 129].

У Вялікім Княстве Літоўскім літаратурны помнік «Луцыдарый», выдавочна, карыстаўся папулярнасцю. Ён тройчы перакладаўся на стараўкраінскую мову: каля сярэдзіны XVI ст., у 1563 і 1636 гг. Да сённяшняга дня захавалася некалькі спісаў гэтых перакладаў [2, с. 148–150; 5, с. 129–130]. У табліцы пералічваюцца або іх назвы, або рукапісы, у якіх яны былі знойдзены.

Храналогія перакладаў літаратурнага помніка «Луцыдарый» на стараўкраінскую мову з пералікам спісаў помніка

Chronology of the translations of literature monument «Lucidarius» into Old Ukrainian language and a list of its copies

Храналогія перакладу	Захаваныя спісы перакладу
Пераклад, зроблены каля сярэдзіны XVI ст.	Спіс з Ракашынскага зборніка (XVII–XVIII стст.)
Пераклад, зроблены ў 1563 г.	Спіс з Жыровіцкага зборніка (каля XVI ст.) Спіс з палемічнага зборніка (першая палова XVII ст.)
Пераклад, зроблены ў 1636 г.	Віленскі спіс (другая чвэрць XVII ст. (пасля 1636 г.)) Спіс паводле Я. Ф. Карскага (XVII ст. (пасля 1636 г.)) Спіс з Баршавіцкага рукапісу (1713) Спіс з Сакольскага рукапісу (1721) Спіс, створаны ў Малым Ліпніку (1794) Пецяярбургскі спіс (пачатак XIX ст.)

Чэшскі літаратурны помнік «Lucidář» быў перакладзены з нямецкай мовы каля 1400 г. [3, с. 98]. Самы ранні яго спіс паходзіць з сярэдзіны XV ст. і змяшчаецца ў Фюрстэнбергскім рукапісе. Першы друкаваны варыянт гэтага тэксту быў выдадзены ў 1498 г. [1, s. 68–73]. Даследчыкі вылучаюць тры рэдакцыі чэшскага

літаратурнага помніка «Lucidář», якія адрозніваюцца наборам і паслядоўнасцю пытанняў і адказаў¹ [1, s. 72; 2, с. 148; 6, s. 40].

Паходжанне стараўкраінскага помніка «Луцыдарый» дазваляе разглядаць яго ў рамках праблем чэшскага літаратурна-пісьмовага ўплыву на ўсходнеславянскую пісьменнасць, а таксама пранікнення багемізмаў у стараўкраінскую мову. Шэраг старабеларускіх літаратурных помнікаў, сярод якіх вылучаюцца біблейскія пераклады, зробленыя Ф. Скарынам, творы «Сказанне пра Сівілу-прарочыцу», «Песня песняў» з 588-га рукапісу Сінадальнага збору рукапісаў і тэксты «Аповесць пра Таўдала-рыцара», «Кніга Тавіта», узяходзяць да чэшскіх рэдакцый. Некаторыя старабеларускія перакладныя творы, а менавіта «Жыцце Аляксея, чалавека Богага», «Траянская гісторыя», «Гісторыя пра Апалона Цірскага», мелі апасродкаванае дачыненне да чэшскіх крыніц. Аналізуючы тэксталагічныя асаблівасці названых літаратурных помнікаў, даследчыкі звярталі ўвагу і на іх моўныя адметнасці, у тым ліку на выпадкі запазычвання багемізмаў [7; 8, с. 28–45; 9–16].

Мова, на якой быў напісаны літаратурны помнік «Луцыдарый», належыць да стараўкраінскай². Прыкметную ролю адыгрываюць таксама іншаславянскія моўныя ўплывы на яе (чэшскі, польскі і царкоўнаславянскі). Асноўная задача артыкула – выяўленне чэшскіх моўных элементаў у тэкстах стараўкраінскага літаратурнага помніка «Луцыдарый», тым не менш пэўная ўвага надаецца аналізу польскіх і царкоўнаславянскіх запазычанняў, паколькі ў асобных выпадках іх немагчыма адрозніць ад чэшскіх.

Я. Ф. Карскі, Ю. А. Яворскі, А. В. Флароўскі, І. Я. Франко, Д. Пецішкава і С. Ю. Цемчын у рознай ступені даследавалі мову стараўкраінскіх перакладаў літаратурнага помніка «Луцыдарый» і звярталі ўвагу на асаблівасці яго лексікі, графікі, фанетыкі, марфалогіі і сінтаксісу. У дадзеным артыкуле аналізуюцца лексічныя запазычання ў стараўкраінскім літаратурным помніку «Луцыдарый», таму прывядзём некаторыя заўвагі наконт лексічных адметнасцей тэксту, якія былі зроблены вучонымі. Так, Я. Ф. Карскі пісаў пра чэшскі і польскі моўны ўплыў на мову стараўкраінскага літаратурнага помніка. Згодна з меркаваннем філолага, наяўнасць у ім багемізмаў (*красного, тамъ дойти, ложе смерти, смраду, души заживаю, найдено каузлостось, прибываетъ и убива, въ горахъ двери, владнетъ, пропорции, крупы, вѣтри потикаю, барву мудрую, буратую*) тлумачыцца паходжаннем перакладу, крыніцай якога быў чэшскі праатограф [18, с. 521–522]. Ужыванне паланізмаў у літаратурным помніку звязана з працяглым уплывам польскай мовы на стараўкраінскую пісьменнасць. Высновы Я. Ф. Карскага падтрымаў А. В. Флароўскі [8, с. 42–45]. Ю. А. Яворскі даволі сцісла ахарактарызаваў пераклад літаратурнага помніка «Луцыдарый» са спіса з Ракашынскага зборніка, галоўным чынам вылучыўшы ў ім багемізмы і славакізмы (*младенець, мистерь (мистръ), власть, начъ, гудьбу, краль, кнѣзята, правѣ, прамени, имено, коприва, крижъ, на прохацку, прекажска, прекажуютъ*) [17, с. 96]. Адна з літаратуразнаўчых прац І. Я. Франко ўтрымлівае два індэксы слоў, першы з якіх прысвечаны ўласным і геаграфічным назвам, другі – «рэдкамі і незразумелым словам» [19, с. 479–514]. Трэба мець на ўвазе, што індэксы змяшчаюць прыклады не толькі з тэксту «Луцыдарый», але і з розных стараўкраінскіх літаратурных помнікаў апакрыфічнага жанру.

Сярод сучасных даследаванняў адзначым дысертацыю [1] і артыкул [20] Д. Пецішкавай, публікацыі С. Ю. Цемчына [2–5]. Нягледзячы на пераважна літаратуразнаўчы характар дысертацыі, Д. Пецішкава правяла параўнальны аналіз геаграфічных назваў (кантынентаў, частак свету, краін), выкарыстаных у чэшскіх і стараўкраінскіх перакладах літаратурнага помніка «Луцыдарый» [1, s. 127–168]. Марфалагічная залежнасць стараўкраінскага тэксту ад чэшскага была паказана ў артыкуле, прысвечаным вылучэнню спецыфікі ўжывання форм прошлага часу [20]. С. Ю. Цемчын даволі падрабязна даследаваў абставіны паходжання і бытавання літаратурнага помніка, яго спісы, структуру, рэцэпцыю, а таксама мову (у меншай ступені). Між тым каштоўнымі з’яўляюцца яго заўвагі наконт фанетыка-арфаграфічных асаблівасцей украінізмаў, беларусізмаў і некаторых царкоўнаславянзізмаў [5, с. 130–131].

Матэрыялы і метады даследавання

У якасці крыніц матэрыялу даследавання былі абраны тры спісы стараўкраінскага літаратурнага помніка: спіс з Ракашынскага зборніка, апублікаваны П. Жэнюхам [21, с. 292–301], спіс з палемічнага зборніка першай паловы XVII ст., апублікаваны С. Ю. Цемчыным [5, с. 131–140], і спіс паводле Я. Ф. Карскага [18, с. 523–547]. Пры неабходнасці па выданні пад рэдакцыяй Ч. Зібрта цытуецца чэшскі літаратурны помнік «Lucidář»: спіс з Фюрстэнбергскага рукапісу і першадрук 1498 г. [6, с. 41–71]. Прыклады са стараўкраінскіх тэкстаў падаюцца ў спрошчанай графіцы. На сённяшні дзень усе тэксты апублікаваны ў арыгінальнай арфаграфіі, таму ўдакладніць напісанне можна паводле друкаваных выданняў.

¹Truhlář A. Lucidář // Ottův slovník naučný : ill. encykl. obecn. vědomostí. D. 16. Lih – Media. Praha : J. Otto, 1900. S. 414–415.

²У навукова-крытычнай літаратуры, прысвечанай аналізу літаратурнага помніка «Луцыдарый», назіраецца тэрміналагічная варыятыўнасць у абазначэнні мовы перакладу. Напрыклад, Ю. А. Яворскі называў яе маларускай мовай [17], а С. Ю. Цемчын – рускай мовай паўднёвага (украінскага) тыпу [5, с. 130].

Нягледзячы на даследчыцкі інтарэс да стараўкраінскага літаратурнага помніка «Луцыдарый», адчуваецца недахоп работ, у якіх бы падрабязна вывучалася яго мова з улікам сучасных дасягненняў гістарычнага мовазнаўства і этымалогіі. Перад тым як непасрэдна перайсці да гісторыка-этымалагічнага аналізу багемізмаў, варта агучыць некалькі момантаў.

У перакладзе ўтрымліваецца значная колькасць запазычанняў заходнеславянскага паходжання, якія маюць свае адпаведнікі як у старачэшскай, так і ў старажытнапольскай мове: стараўкр. *брунатную* (Т., 138:46)³, *буратую* (К., 543:76) – старачэш. *brunátný*⁴ (ESSČ; Gebauer, d. 1, s. 108; Malý stč., s. 26), старажытнапол. *brunatny, bronatny* (SłStp, t. 1, s. 167); стараўкр. *ведле* (К., 544:79) – старачэш. *vedlé* (Malý stč., s. 560), старажытнапол. *wedle* (SłStp, t. 10, s. 68); стараўкр. *встеклоє* (Ж., 296), *оустеклоє* (Т., 134:16), *встекляя* (Т., 134:17) – старачэш. *vztekly, vstekly, ztekly* (Malý stč., s. 618), старажытнапол. *wściekły* (SłStp, t. 10, s. 412); стараўкр. *дѣдицтво* (Т., 140:67) – старачэш. *dědičstvo, dědičství* (ESSČ; Gebauer, d. 1, s. 217–218), старажытнапол. *dziedzictwo, dziedzicstwo, dziedzistwo* (SłStp, t. 2, s. 276–278); стараўкр. *доконала* (Т., 133:14), *доконало* (Т., 134:14) – старачэш. *dokonalý, dokonale* (ESSČ; Gebauer, d. 1, s. 286), старажытнапол. *dokonalý, dokonale* (SłStp, t. 2, s. 119); стараўкр. *живоли* (К., 525:7) – старачэш. *živěl* (Malý stč., s. 689), старажытнапол. *żywiól* (SłStp, t. 11, s. 62); стараўкр. *калацію* (К., 532:36) – старачэш. *kolací* (ESSČ), старажытнапол. *kolacyja* (SłStp, t. 3, s. 314); стараўкр. *мдло* (Т., 137:42) – старачэш. *mdlý, medlý* (ESSČ; Gebauer, d. 2, s. 328; Malý stč., s. 133), старажытнапол. *mdły, mgły, mldy* (SłStp, t. 4, s. 180–181); стараўкр. *немоцныи* (Ж., 297; Т., 134:17) – старачэш. *netosny* (Gebauer, d. 2, s. 566–567; Malý stč., s. 181; StčS, seš. 4, s. 552–554), старажытнапол. *niemosny* (SłStp, t. 5, s. 199–200); стараўкр. *овоцы* (Ж., 293), *овоци* (К., 528:24) – старачэш. *ovoce* (StčS, seš. 14, s. 1056–1057), старажытнапол. *owoc* (SłStp, t. 5, s. 705–707); стараўкр. *очевисте* (К., 531:35) – старачэш. *očivěstě, očivistě* (Malý stč., s. 249; StčS, seš. 9, s. 269), старажытнапол. *oczwiście, oczwiście* (SłStp, t. 5, s. 412); стараўкр. *пихи* (К., 525:9) – старачэш. *pych, pycha* (Malý stč., s. 412), старажытнапол. *pycha, puch* (SłStp, t. 7, s. 410–411); стараўкр. *повѣтра* (Ж., 293), *повѣтріє* (Т., 134:16), *повѣтра* (К., 543:74) – старачэш. *powětrje* (Malý stč., s. 353; StčS, seš. 20, s. 948–950), старажытнапол. *powietrze* (SłStp, t. 6, s. 520–521); стараўкр. *посполю* (К., 524:3; Т., 138:44) – старачэш. *pospolu* (Malý stč., s. 344; StčS, seš. 19, s. 795–796), старажытнапол. *pospołu* (SłStp, t. 6, s. 443–444); стараўкр. *поцтивостю* (К., 544:8) – старачэш. *poctivost* (Malý stč., s. 308), старажытнапол. *poctiwość, poctiwość* (SłStp, t. 6, s. 213–214); стараўкр. *прамена* (Ж., 293), *промины, промены* (Т., 131:5, 137:40, 138:45) – старачэш. *pramen* (Malý stč., s. 360; StčS, seš. 21, s. 1073–1074), старажытнапол. *promień, promienie* (SłStp, t. 7, s. 56–57); стараўкр. *прекажку* (Ж., 298) – старачэш. *prěkážka* (StčS, seš. 25, s. 386–388), старажытнапол. *przekazka, przekażka* (Słp XVI, t. 31, s. 354); стараўкр. *(на) прохацку* (Ж., 297) – старачэш. *procházka* (StčS, seš. 22, s. 66–67), старажытнапол. *przechadzka* (Słp XVI, t. 31, s. 53–54); стараўкр. *рыхло* (К., 539:54) – старачэш. *rychle* (ESSČ), старажытнапол. *rychle, rychło* (SłStp, t. 8, s. 58, 59); стараўкр. *рыбнікъ* (Ж., 295) – старачэш. *rybnik* (ESSČ), старажытнапол. *rybnik* (SłStp, t. 8, s. 55); стараўкр. *сполу* (Ж., 295; Т., 132:10) – старачэш. *spolu, spolú* (ESSČ), старажытнапол. *spolu* (SłStp, t. 8, s. 354–355); стараўкр. *суреѡе* (Ж., 294), *суреѡе* (Ж., 296), *сыровыи* (Т., 132:9), *сыровие* (К., 531:36) – старачэш. *syrový* (Malý stč., s. 494), старажытнапол. *syrowy* (SłStp, t. 5, s. 525–526); стараўкр. *тлустии* (К., 532:36) – старачэш. *tlustý* (Malý stč., s. 513), старажытнапол. *thusty* (SłStp, t. 9, s. 163–164).

Відавочна, пад чэшскім і (або) польскім фанетычным уплывам з’явіліся формы *чыры* (Ж., 300), *чырех* (Ж., 299), *чтуру* (К., 525:7); старачэш. *čtyři, čtyřie, čtyř, čtyry, čtyr* (ESSČ; Gebauer, d. 1, s. 198–199), старажытнапол. *cztyry, cztyrzej, cztyrzy* (SłStp, t. 1, s. 399–403). Разам з тым у літаратурным помніку сустракаюцца іх усходнеславянскія адпаведнікі: *чырех* (Ж., 299), *чырех* (Т., 132:9), *чотирохъ* (К., 529:28), *четвертая* (К., 530:34), *четири* (К., 538:48). Падобны заходнеславянскі фанетычны ўплыў трэба бачыць у формах *човекъ* (Ж., 293), *чловечу* (Ж., 295), *чловеци* (Ж., 298), *чловечю* (К., 533:38), *чловець* (К., 538:50); старачэш. *člověk* (ESSČ; Gebauer, d. 1, s. 183–184; Malý stč., s. 36), старажытнапол. *człowiek* (SłStp, t. 1, s. 390–394). Ён таксама праяўляецца ў выкарыстанні займенніка *чо* (Ж., 293–296); старачэш. *čso, co* (ESSČ; Gebauer, t. 1, s. 191–192; Malý stč., s. 37), старажытнапол. *co, cso, czso* (SłStp, t. 1, s. 317–326). У іншых месцах тэксту ўжываюцца ўсходнеславянскія формы *чо, што, що* (Ж., 294, 295, 299, 300).

³ Тут і далей літарай Ф. пазначаны спіс старачэшскага літаратурнага помніка «Lucidař» з Фюрстэнбергскага рукапісу, літарай Р. – першадрук старачэшскага літаратурнага помніка «Lucidař» 1498 г., які цытуюцца па выданні [6, с. 41–71] (пры цытаванні падаецца нумар старонкі і радка), літарай Ж. – спіс стараўкраінскага літаратурнага помніка «Луцыдарый» з Ракашынскага зборніка, які цытуецца па выданні [21, с. 292–301] (пры цытаванні падаецца нумар старонкі), літарай К. – спіс стараўкраінскага літаратурнага помніка «Луцыдарый» паводле Я. Ф. Карскага, які цытуецца па выданні [18, с. 523–547], літарай Т. – спіс стараўкраінскага літаратурнага помніка «Луцыдарый» з палемічнага зборніка, які цытуецца па выданні [5, с. 131–140] (пры цытаванні падаецца нумар старонкі і пытання).

⁴ Старачэшскія адпаведнікі падаюцца паводле гістарычных слоўнікаў чэшскай мовы, паколькі спіс літаратурнага помніка «Lucidař» з Фюрстэнбергскага рукапісу і першадрук літаратурнага помніка з 1498 г. не з’яўляюцца першапачатковымі тэкстамі, з якіх быў зроблены стараўкраінскі пераклад. У сувязі з гэтым некаторыя словы могуць адсутнічаць ці быць заменены на іншыя.

Стараўкраінскія спісы змяшчаюць невялікую групу багемізмаў, якія раней былі запазычаны ва ўсходнеславянскія (найперш старабеларускую і стараўкраінскую) мовы пры польскім пасрэдніцтве: стараўкр. *барвы* (Ж., 295), *барву* (Т., 138:46), *барви* (К., 527:17) ← старажытнапол. *barwa* ← старачэш. *barva, barba* (Basaj – Siatkowski, s. 23–24); стараўкр. *брамь* (К., 534:40) ← старажытнапол. *brana, brama* ← старачэш. *brána, brány* (Basaj – Siatkowski, s. 29); стараўкр. *владне* (Ж., 299), *владне* (К., 544:81) ← старажытнапол. *władnąć, włodnąć* ← старачэш. *vlasti (vladu)* (Basaj – Siatkowski, s. 440–442); стараўкр. *власне* (К., 532:36) ← старажытнапол. *właśnie, wlostnie, włośnie* ← старачэш. *vlastně* (Basaj – Siatkowski, s. 442–443); стараўкр. *зачуная* (К., 535:41) ← старажытнапол. *zaczny, wzaczny* ← старачэш. *vzácny, zácny* (Basaj – Siatkowski, s. 465–466); стараўкр. *кратофилъ* (Т., 135:19), *кратофиліи* (у скажоным выглядзе) (К., 537:44) ← старажытнапол. *krotochwila, krotofila* ← старачэш. *kratochvile* (Basaj – Siatkowski, s. 106–107); стараўкр. *мистер, містр* (Ж., 292), *містръ* (Т., 137:43) ← старажытнапол. *mistrz* ← старачэш. *mistr, mistr, mistr̃* (Basaj – Siatkowski, s. 159); стараўкр. *поневажъ* (Ж., 293; К., 524:3) ← старажытнапол. *ponieważ* ← старачэш. *poňadź (poňavadź), poňudź (poňuvadź), poněž* (Basaj – Siatkowski, s. 249–250); стараўкр. *презличное* (Т., 138:51), *презлшиъ* (К., 540:61) ← старажытнапол. *przelisz, przezlisz* ← старачэш. *přieliš* (Basaj – Siatkowski, s. 278–279); стараўкр. *уставичнои* (Ж., 299), *уставичный* (Т., 136:35), *уставиченства, уставичной* (К., 545:85) ← старажытнапол. *ustawiczny* ← старачэш. *ustavičny, ústavný* (Basaj – Siatkowski, s. 416); стараўкр. *шлехетны* (Т., 134:17), *шлехетности* (Т., 135:18), *шлехетни* (К., 535:41), *осляхенъло* (К., 536:41) ← старажытнапол. *ślachta (szlachta), ślechta* ← старачэш. *šlechta* (Basaj – Siatkowski, s. 368). Некалькі слоў належаць да семантычных багемізмаў: стараўкр. *валчат* ‘ваяваць’ (Т., 132:9) ← старажытнапол. *walczycь* ← старачэш. *válčiti* (Basaj – Siatkowski, s. 421); стараўкр. *тварь* ‘твар, аблічча’ (К., 533:38) ← старажытнапол. *twarz* ← старачэш. *tvář* (Basaj – Siatkowski, s. 402); стараўкр. *мѣсто* ‘горад’ (Ж., 294; К., 534:40; Т., 133:13) ← старажытнапол. *miasto, miesto* ← старачэш. *město* (Basaj – Siatkowski, s. 152–153); стараўкр. *чистец* (Т., 134:17) ← старажытнапол. *czyściec* ← старачэш. *čistec, očistec* (Basaj – Siatkowski, s. 46).

Нягледзячы на тое што стараўкраінскі літаратурны помнік «Луцыдарый» узыходзіць да старачэшскай рэдакцыі, у тэксце сустракаюцца лексічныя, фанетычныя і семантычныя паланізмы: стараўкр. *барз, барзо* (Ж., 295, 296), *борзо* (Т., 132:9), *барзо* (К., 526:13) – старажытнапол. *barzo (bardzo)* (SłStp, t. 1, s. 63–66); стараўкр. *бляха* (Т., 140:62), *бляху* (К., 546:90) – старажытнапол. *blacha* (SłStp, t. 1, s. 97–98); стараўкр. *ведлугъ* (К., 537:46) – старажытнапол. *według* (SłStp, t. 10, s. 68); стараўкр. *виитко* (Ж., 292), *вииток* (Ж., 293), *виитци* (Ж., 297) – старажытнапол. *wszytek, szwszytek, szwytek, szytek, wszwytek* (SłStp, t. 10, s. 398–408); стараўкр. *жродло* (К., 543:77) – старажытнапол. *źródło, jrzódło, rziódło, źródło, źrudło* (SłStp, t. 11, s. 536); стараўкр. *завжды* (Т., 137:38), *завжди* (К., 525:12) – старажытнапол. *zawždy* (SłStp, t. 11, s. 246–247); стараўкр. *застанет* (Т., 137:38) – старажытнапол. *zostać* (SłStp, t. 11, s. 464–467); стараўкр. *мешкаль* (К., 534:40) – старажытнапол. *mieszkać (się), mięszkać* (SłStp, t. 4, s. 239–242); стараўкр. *скарбом* (Т., 139:58) – старажытнапол. *skarb* (SłStp, t. 8, s. 216–217); стараўкр. *подлуг* (Т., 136:35) – старажытнапол. *podług* (SłStp, t. 6, s. 250–254); стараўкр. *посполите* (К., 534:40) – старажытнапол. *pospolity* (SłStp, t. 6, s. 440–443); стараўкр. *розмаитие* (Ж., 294; Т., 133:14), *розмаитии* (К., 543:76) – старажытнапол. *rozmaity* (SłStp, t. 7, s. 539–542); стараўкр. *цорку* (К., 533:38) – старажытнапол. *córka* (SłStp, t. 1, s. 330). Сярод фанетычных паланізмаў адзначым словы, у якіх захоўваюцца рэфлексы *-ro-*, *-lo-* ў групах з дыфтангічнымі спалучэннямі **iort*, **iolt*: *злото* (Ж., 295; К., 523), *кролеве* (Ж., 295; К., 529), *королева* (Ж., 296), *стокро* (К., 546:88), *трикром* (Т., 135:19), *трикром* (К., 537:44), *хлопи* (Т., 131:2).

Акрамя запазычанняў заходнеславянскага паходжання, у літаратурным помніку прысутнічае пэўная колькасць царкоўнаславянізмаў: *немоць* (К., 538:50), *немоцни* (К., 536:41), *рождества* (К., 536:41), *полунощи* (Т., 131:1), *владыки* (Т., 131:2), *владыки* (К., 529:30), *владычнейо* (Ж., 299), *кладъз* (Т., 133:14), *поки* (Т., 134:17), *гораздъ* (Т., 139:59), *освѣщеніе* (Т., 134:17), *сѣдмѣце* (Т., 140:63), *помощію* (Т., 140:67), *всемогуцим* (К., 526:13), *тыслиц* (Т., 134:15), *тысяца* (К., 536:43), *благословенны* (Ж., 292), *хоцеш* (Т., 134:17). У некаторых выпадках немагчыма адрозніць фанетычныя царкоўнаславянскія ад багемізмаў: *благая* (К., 545:85), *власт* (Ж., 294), *власы* (Ж., 298), *враты* (Ж., 297), *вратъ* (Ж., 293; К., 536:41), *главы* (Ж., 297), *град* (Ж., 295), *глас* (К., 545:85), *злата* (Ж., 294; К., 531:36), *крал*, *королеве* (Ж., 293), *краткіи* (Т., 136:29), *младо* (Ж., 300), *облаки* (Ж., 296; Т., 133:14), *смаду* (К., 526:13), *стражъ* (Ж., 297), *страна* (Ж., 294), *трикрат* (Т., 135:20). Як вядома, захаванне рэфлексаў *-ra-*, *-la-* ў групах зычных гукаў з’яўляецца агульнай фанетычнай рысай царкоўнаславянскай і чэшскай моў. Няпоўнагалосныя формы (*древо* (К., 531:36; Т., 135:18), *посредъ* (Т., 134:17; К., 537:43), *пред* (Ж., 292; К., 25:11), *през* (Ж., 296), *срибра* (Ж., 293), *сребра* (Т., 132:9; К., 529:29)), словы з пачатковым гукам [e], якому адпавядае ўсходнеславянскі гук [o] (*едно* (Ж., 294; К., 543:75; Т., 131:5), *една* (Ж., 293), *еднакже* (К., 543:75), *еднаку* (Ж., 295), *езеро* (Ж., 295), *еленя* (Ж., 295; К., 533:38)) могуць лічыцца прыкладамі фанетычнага ўплыву на стараўкраінскі літаратурны помнік адначасова трох моў – царкоўнаславянскай, чэшскай і польскай.

У стараўкраінскіх спісах літаратурнага помніка «Луцыдарый» назіраюцца выпадкі няправільнага пра-чытання тэксту, замены адных слоў на іншыя: стараўкр. з *безбожnymi людми* (Т., 134:17) – стара-чэш. *sbozuz ulidmy* ‘з маёмасцю і людзьмі’ (F., 56:14); стараўкр. *живота* (Ж., 293) – старачэш. *živly* ‘стыхія’ (P., 45:9); стараўкр. *ложе* (К., 526:13) – старачэш. *lužie* ‘лужа’ (F., 44:33), *luže* (P., 65:21); стараўкр. *мудрою* (Т., 138:46), *мудрую* (К., 543:76) – старачэш. *modru* ‘сінію’ (F., 64:18; P., 65:21); стараўкр. *младо* (Ж., 300) – старачэш. *mdlo* ‘мала, цьмяна’ (F., 62:29; P., 63:31); стараўкр. *перси* (К., 531:36) – старачэш. *per-žie* ‘пёры’ (F., 50:19); стараўкр. *понерь* (Ж., 294) – старачэш. *perž* ‘перац’ (F., 50:23), *peprz* (P., 51:4); стараўкр. *пропорции* (К., 542:68) – старачэш. *paprsky* ‘прамяні’ (F., 62:21), *paprsky* (P., 63:22). Такім чынам, нельга пагадзіцца з думкай Я. Ф. Карскага аб тым, што лексемы *ложе*, *мудрую*, *пропорции* належаць да багемізмаў [18, с. 521–522], паколькі яны ўжо былі вядомы стараўкраінскай мове, а ў літаратурным помніку апынуліся з-за неразумення перакладчыкам чэшскіх слоў.

Вынікі і іх абмеркаванне

У сувязі з тым што на мову стараўкраінскага літаратурнага помніка «Луцыдарый» не толькі ўплывала чэшская мова, але і ўздзейнічалі польская і царкоўнаславянская мовы, багемізмы павінны аналізавацца з улікам рознага іншаславянскага лексічнага матэрыялу. Акрамя таго, варта звяртацца да даных гістарычных і этымалагічных слоўнікаў украінскай, беларускай і рускай моў. У працэсе даследавання былі выяўлены наступныя багемізмы: *глед*, *звѣрница* (*звѣраница*), *кузло* (*каузлостось*), *кожула*, *лепкое* (*липское*) *море*. Ніжэй падаецца іх падрабязны гісторыка-этымалагічны аналіз.

Гісторыка-этымалагічны аналіз стараўкр. *глед* (Ж., 295, 297, 300) – старачэш. *ynhed* (F., 52:5; P., 53:4), *hned* (F., 56:13; P., 53:6). Старачэш. *inhed*, *inehed*, *inhede*, *inhned*, *ihend*, *ihned*, *hinhed*, *hinhned*, *jihned*, *nhed*, *hned*, *ithned*, *hined* ‘адразу, зараз жа, як толькі, нечакана, адначасова’ (ESSČ; Malý stč., s. 82) датуецца другой трэцю XIV ст. (Gebauer, d. 1, s. 584). Словы былі ўтвораны ад праслав. **jьnogьda*, **jьnъgьdъ*, **jьnokъde*, **jьnokъdu* шляхам складання кораня **jьnъ* і энклітычнай часціцы *-gъ*, *-da* (ЭССЯ, вып. 8, с. 231–232). Па іншай версіі, яны ўзыходзяць да праслав. **inъgodъ* ці **inъgьdъ*, складзенай з каранёў **inъ* ‘адзін’ і **god-*, **gьd-* ‘час’. У выніку ўнутрыслоўнай метатэзы старачэш. *inhed* змянілася на *ihned*, а пазней – на *hned* і пад. (Gebauer, d. 1, s. 584; Holub – Korečnů, d. 1, s. 146; Holub – Lyer, s. 208; Korečnů, sv. 2, s. 224–225; Machek-1957, s. 167; Machek-1968, s. 213; Rejzek, s. 258).

Старажытнапол. *wnet* ‘за кароткі час, адразу, зараз’ (з этымалагічна няяснай, на думку Ф. Копечнага, заменай *h* на *v* (Korečnů, sv. 2, s. 224)) было пісьмова засведчана ў 1498 г. (SłStr, t. 10, s. 264). У літаратурных помніках XVI ст. таксама фіксуецца старажытнапол. *hnet* ‘адразу, зараз, неадкладна, без затрымкі, неўзабаве, хутка, шпарка’ (Słr XVI, t. 8, s. 353–354). Даследчыкі лічаць слова багемізмам (Basaj – Siatkowski, s. 71; Boryś, s. 705; Brückner, s. 627; Navránek-1963, s. 297; Navránek-1998, s. 110, 111; Holub – Korečnů, d. 1, s. 146; Klemensiewicz, s. 339; Machek-1957, s. 167; Machek-1968, s. 213; Siatkowski).

Стараўкр. *гнетъ*, *гнетъ* ‘хутка, неўзабаве, адразу, скоро’ датуецца 1556–1561 гг. (СлСУМ XVI–XVII, вып. 6, с. 229), а стараўкр. *внетъ* ‘1. Адроз, зараз. 2. Тады (ужываецца ў галоўным сказе як адноснае слова да злучніка *калі* ў даданым сказе ўмовы або часу)’ было зарэгістравана ў 1575 г. (СлСУМ XVI–XVII, вып. 4, с. 124). Старабел. *внетъ*, *внѣтъ* ‘адразу, зараз жа, хутка, скоро’, зафіксаваныя ў 1595 г. (ГСБМ, вып. 4, с. 59), належаць да паланізмаў (Булыка, с. 67). Паводле ЕСУМ, укр. *гнет* было запазычана з чэшскай мовы праз польскае пасрэдняцтва (ЕСУМ, т. 1, с. 535–536).

Відавочна, што ў старабеларускай і стараўкраінскай мовах слова з’яўляецца багемізмам, які замацаваўся дзякуючы польскай мове: стараўкр. *гнетъ*, *гнетъ* – старажытнапол. *hnet*; стараўкр. *внетъ*, старабел. *внетъ*, *внѣтъ* – старажытнапол. *wnet*. У спісе літаратурнага помніка «Луцыдарый» з Ракашынскага зборніка паслядоўна ўжываецца стараўкр. *глед*, якое цалкам адпавядае старачэш. *hned*. Абгрунтавана разглядаць стараўкр. *глед* як багемізм, непасрэдна запазычаны са старачэшскага літаратурнага помніка.

Гісторыка-этымалагічны аналіз стараўкр. *звѣрница*, *звѣрница* (Ж., 299, 300), *звѣраницею*, *звѣраница* (К., 540:58) – старачэш. *zvierzedlnyze* (*zvierzedlnyze*) (F., 60:12, 60:15), *hwiezda zwieřęcy* (P., 61:12), *zvierzeczje hwiezda* (P., 61:16, 61:17). Старачэш. *zvieředlnicě*, *zvieřednicě*, *zvieřennicě*, *zvieřitedlnicě* ‘вчэрняя зорка; планета Венера’ (ESSČ), *zvieřinicě*, *zvieřidnicě* ‘вчэрняя зорка, ранішняя зорка’ (Malý stč., s. 680) этымалагічна звязаны са старачэш. *zvěř*, якое ўзыходзіць да праслав. **zvěрь* (Holub – Lyer, s. 521; Machek-1957, s. 589; Machek-1968, s. 720; Rejzek, s. 812). Паводле думкі Ц. Авіліна, у фальклорна-этнаграфічнай літаратуры розных славянскіх народаў сустракаюцца назвы вчэрняй Венеры з унутраным сэнсам ‘самка звера’: чэш. *zwirednice*, *zvjřetnjce*, пол. *zvierzynka*, *zvierzęca gwiazda*, *zvierzonka*, славен. *zviradnica*, *zve-rinščica*, кашуб. *zvierzova* (Авілін, с. 111).

У старажытнапольскай пісьменнасці фіксуецца спалучэнні *zvierzęca gwiazda* ‘вчэрняя зорка, Венера’, *zvierzedlnniczy* (SłStr, t. 2, s. 531; t. 11, s. 508), *zvierzęcja gwiazda* (Słr XVI, t. 8, s. 265), таксама вядома пол. *zvierzynka* ‘ранішняя зорка’ (Warsz., t. 2, s. 189–190; t. 8, s. 650). М. Басай і Я. Сяткоўскі слухна лічаць іх багемізмамі (Basaj – Siatkowski, s. 488).

У гістарычных слоўніках усходнеславянскіх моў былі засведчаны старабел. *зверяница* ‘Венера’ (ГСБМ, вып. 12, с. 84), стараўкр. *звѣрница, звѣраніця* ‘вячэрняя зорка, Венера’ (СлСУМ XVI–XVII, вып. 11, с. 136). Старабеларускі адпаведнік быў зарэгістраваны толькі аднойчы ў перакладзе тэксту «Кніга Іёва», зробленым Ф. Скарынам, і, відавочна, ён з’яўляецца багемізмам. У гістарычным слоўніку ўкраінскай мовы словы падаюцца са спасылкай на літаратурны помнік «Луцыдарый» па спісе паводле Я. Ф. Карскага. З улікам таго што пераклады Ф. Скарыны і спісы стараўкраінскага літаратурнага помніка «Луцыдарый» узыходзяць да старацэшскіх рэдакцый, ва ўсходнеславянскай пісьменнасці гэтыя лексемы можна аднесці да багемізмаў.

Гісторыка-этымалагічны аналіз стараўкр. *кузло* (Т., 133:12), *каузлость* (К., 534:39) – **старацэш. *kuzlo*** (F., 52:22), *kuzlo* (P., 53:23). Старацэш. *kúzlo, kúzdlo, kúzl* ‘1. Чары, чарадзейныя дзеянні. 2. Прароцтва, прадказанне будучага. 3. Чарадзеіства, чараўніцтва. 4. Сукупнасць сродкаў і спосабаў для ажыццяўлення чарадзеіства. 5. Падман’ упершыню былі зарэгістраваны каля 1400 г. (ESSČ; Gebauer, d. 2, s. 186; Malý stč., s. 114). Вядомы таксама вытворныя ад іх старацэш. *kúzedlničstvie, kúzedlnost (kúzedelnost), kuzlovánie (kúzlovánie)* у значэнні ‘чараўніцтва’ (Gebauer, d. 2, s. 185–186). Паводле думкі В. Махка, гэтыя лексемы звязаны з рус. *kudesa*, якое змянілася на **kudeslo*, пазней скарацілася да **kudslo* з наступным выпадзеннем гука [d] і аэванчэннем гука [s] (Machek-1957, s. 229; Machek-1968, s. 285). Высновы даследчыка выклікаюць пэўныя сумненні, палкам верагодна, што слова ўзыходзіць да праслав. **kuzlo*, якое, у сваю чаргу, з’яўляецца словам, вытворным з суфіксам *-zl-* ад кораня **kovati, *kujō* (ЭССЯ, вып. 13, с. 142–144). Некаторыя этымалагі лічаць паходжанне слова няясным (Holub – Корсёны, d. 1, s. 183; Rejzek, s. 340).

Акрамя чэшскай, славацкай і верхнялужыцкай моў, слова сустракаецца ва ўсходнеславянскіх мовах: старарус. *кузло* ‘1. Кавальская работа, коўка. 2. Тое, што вырабляецца коўкай’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 8, с. 108), рус. *дыял. кузло* ‘кавальская работа; кавальскае рамяство’, ‘каваны выраб’, ‘месца, дзе куюць коней’, ‘кавальскі горн’, ‘кавадла’, ‘ніжні канец снапа’ (Фасмер, т. 2, с. 402; ЭССЯ, вып. 13, с. 142–144), бел. *дыял. кузла* ‘1. Чараўніцтва. 2. Закрутка з каласоў на ніве жыта, зробленая з мэтай чараўніцтва’ (разглядаецца як амонім) (ЭСБМ, т. 5, с. 148). Нягледзячы на пашырэнне значэння слова ў рускіх і беларускіх дыялектах, стараўкр. *кузло, каузлость*, па ўсёй верагоднасці, маюць чэшскае паходжанне, на што звяртаў увагу Я. Ф. Карскі [18, с. 522].

Гісторыка-этымалагічны аналіз стараўкр. *кожжла, кожула* (Т., 140:64) – **старацэш. *kažila*** (F., 68:27), *kažula* (P., 69:30). Адзін з эпизодаў літаратурнага помніка «Луцыдарый» тычыцца царкоўнага аблачэння (у спісе з Ракашынскага зборніка ён адсутнічае). Выклікаюць цікавасць наступныя словы і спалучэнні: *хоржмгънл (хоржмигънл)* (Т., 140:64) – *одьяніе служебное* (К., 546:90) – *rucho* (F., 68:18) – *rucho mesne* (P., 69:20); *прижа* (Т., 140:63) – *rzyzu* (F., 68:23) – *ryssi* (P., 69:27) (у спісе паводле Я. Ф. Карскага лексема адсутнічае); *кожжла, кожула* (Т., 140:64) – *сукна* (К., 546:92) – *kažila* (F., 68:27) – *kažula* (P., 69:30); *инфула* (Т., 140:65) – *оморфор, омофоръ* (К., 547:93) – *infula, ynfula* (F., 68:30, 68:31) – *inffula, infula* (P., 69:33, 69:34).

Паводле даных гістарычных слоўнікаў чэшскай мовы, захаваліся наступныя адпаведнікі гэтых слоў: старацэш. *richo mešni* ‘літургічнае адзенне’ (ESSČ), *řiza* ‘літургічнае адзенне святара, альба, белае палатняная вопратка з рукавамі’ (ESSČ), *kažula, kažila, kazula* ‘арнат, літургічнае адзенне святара’ (ESSČ; Malý stč., s. 94), *infula, infule* ‘мітра, галаўны ўбор біскупа і некаторых іншых святароў, якія маюць высокі царкоўны сан’ (ESSČ; Gebauer, d. 2, s. 584; Malý stč., s. 83).

Відавочна, што пераклад адзінак, якія называлі элементы каталіцкага аблачэння, выклікаў у перакладчыка пэўныя цяжкасці. Гэта выявілася, напрыклад, у падмене слоў (стараўкр. *сукна* ‘верхняе адзенне’, *оморфор, омофоръ* ‘наплечнік архірэя’), скажоным перакладзе (стараўкр. *прижа, хоржмгънл (хоржмигънл)* узніклі ў выніку перастаноўкі складоў *cho, rú (richo* ‘адзенне’) і іх аб’яднання з прыметнікам *mešni* ‘царкоўны’), пропуску лексемы (у спісе паводле Я. Ф. Карскага адсутнічае адпаведнік старацэш. *řiza*).

На нашу думку, стараўкр. *кожжла, кожула* з’яўляюцца багемізмамі. Старацэш. *kažula, kažila, kazula* ‘арнат, літургічнае адзенне святара’ (ESSČ; Malý stč., s. 94) былі зафіксаваны ў трэцяй чвэрці XIV ст. (Gebauer, d. 2, s. 29). Яны ўтвораны ў выніку запазычвання лац. *casula* (Gebauer, d. 2, s. 29; Holub – Lyer, s. 236; Newerkla, S. 579). У якасці сіноніма ўжывалася таксама старацэш. *ornát* ‘1. Літургічнае адзенне, часта багата аздобленае. 2. Святочнае аздобленае аблачэнне’ (StčS, seš. 11, s. 590). У старажытнапольскай пісьменнасці якраз атрымала пашырэнне другое слова: старажытнапол. *ornat* (SłStp, t. 5, s. 628), старабел. *орнать* (верагодна, паланізм) (ГСБМ, вып. 22, с. 321). Адсутнасць слова ў гістарычных слоўніках усходнеславянскіх моў дадаткова сведчыць на карысць чэшскага паходжання стараўкр. *кожжла, кожула*.

Гісторыка-этымалагічны аналіз стараўкр. *ленкого морæ* (Ж., 296), *липскаго морæ* (Т., 134:16) – **старацэш. *lepkeho morzie*** (F., 54:26, 54:27), *lepkeho moře* (P., 55:29), *lepke morzie* (F., 56:15). У старацэшскай мове захавалася некалькі найменняў Чырвонага мора: *Rudné moře, Črvené moře, Lepké moře* (ESSČ; Gebauer, d. 2, s. 400; Malý stč., s. 121). Згодна з меркаваннем Я. Гебаўэра, старацэш. *Lepké moře* ўтворана ад старажытнаням. *klēbermer* ‘мора з застылай (густой) вадой, у якім караблі не могуць рухацца’ (Gebauer,

d. 2, s. 229): старажытнаням., сярэдневерхняям. *klebermer*, новаверхняям. *Klebermeer* ‘легендарнае застылае (густое) мора, у якім караблі не могуць рухацца (назва выкарыстоўвалася ў дачыненні да Чырвонага мора)’ (Köbler). Паводле думкі І. Я. Франко, з дапамогай спалучэння *лепкое море* абазначалася «казачнае ўяўленне пра такое мора, у якім замест вады густы, цягучы паток, які не пускае караблі» [19, с. 497].

Старачэш. *lepky* ‘1. Ліпкі, клейкі, (аб гліне і пад.) глейкі, мяккі. 2. Абмазаны глінай (аб драўніне для будаўніцтва). 3. *Lepké moře*. Чырвонае мора. 4. Прывабны, спакуслівы’ (ESSČ) узыходзіць да праслав. **lěpъkjъ* (**lěp-*), утворанага ад дзеяслова **lěpiti* з дапамогай суфікса *-ъk-* (Holub – Korešný, d. 1, s. 212; Holub – Luer, s. 285; Machek-1957, s. 263; Machek-1968, s. 327; Rejzek, s. 374; ЭССЯ, вып. 14, с. 229–230).

У чэшскім тэксе «*Lucidáť*» назва мора з’яўляецца двойчы (у першадруку толькі адзін раз, паколькі адпаведная старонка не захавалася). На стараўкраінскую мову спалучэнне перакладалася па-рознаму: *лепкого морæ* (Ж., 296), *легкы моромъ* (Ж., 297), *липскаго морæ* (Т., 134:16), *плавалитское море* (Т., 134:17), *червоное море* (К., 531:36), *море легкое* (К., 536:41). Толькі аднойчы быў зроблены дакладны пераклад (*червоное море* (К., 531:36)). У двух выпадках (*легкы моромъ* (Ж., 297), *море легкое* (К., 536:41)) назіраецца замена слова, калі старачэш. *lepke* заступіла стараўкр. *легкий, легкій, легкій, легкий* (СлСУМ XVI–XVII, вып. 15, с. 253–255). Цікаваць выклікае новаўтварэнне *плавалитское море* (Т., 134:17), якое з’явілася ў выніку аб’яднання дзеяслова *plavá* ‘плавае’ і прыметніка *lepke*: ...*agešfcze tu plawa lepke morzie* (паўтлусты курсіў наш. – Г. А.) (Ф., 56:15). Двойчы пераклад набліжаецца да чэшскага адпаведніка: *лепкого морæ* (Ж., 296), *липскаго морæ* (Т., 134:16). Мяркуем, што апошнія два спалучэнні варта разглядаць як багемізмы.

Высновы

Праведзены аналіз моўнага матэрыялу дазваляе зрабіць наступныя высновы.

1. «Луцыдарый» належыць да перакладных стараўкраінскіх помнікаў пісьменства Вялікага Княства Літоўскага, якія ўзыходзяць да чэшскай літаратурна-пісьмовай традыцыі. Першакрыніцамі перакладу былі старачэшскія тэксты. З аднаго боку, гэта сведчыць пра тое, што заходнееўрапейская літаратурная спадчына засвойвалася ўсходнеславянскімі пісьменнасцямі ў тым ліку дзякуючы чэшскаму пасрэдніцтву. З іншага боку, літаратурна-пісьмовае мова ўсходніх славян, у першую чаргу старабеларуская і стараўкраінская, фарміравалася пад заходнеславянскім моўным уплывам (не толькі польскім, але і чэшскім).

2. Мова стараўкраінскага літаратурнага помніка «Луцыдарый» з’яўляецца неаднароднай. У перакладзе прысутнічаюць запазычаныя з іншых славянскіх моў – старачэшскай, старажытнапольскай і царкоўнаславянскай. Наяўнасць паланізмаў і царкоўнаславянізмаў тлумачыцца агульнымі тэндэнцыямі развіцця стараўкраінскай пісьменнасці, якая працяглы час знаходзілася спачатку пад царкоўнаславянскім, а пазней пад польскім моўным уплывам. Пранікненне багемізмаў у стараўкраінскі літаратурны помнік звязана з яго чэшскім паходжаннем.

3. Чэшскі моўны ўплыў на лексічны склад стараўкраінскага літаратурнага помніка «Луцыдарый» быў даследаваны шляхам вылучэння трох груп запазычанняў:

- запазычанняў агульнага заходнеславянскага паходжання (пры немагчымасці дакладна высветліць, з якой мовы, чэшскай ці польскай, было засвоена слова);
- багемізмаў, раней запазычаных усходнеславянскімі мовамі пры пасрэдніцтве польскай мовы;
- багемізмаў, непасрэдна засвоеных з чэшскага літаратурнага помніка.

Трэба таксама мець на ўвазе, што некаторыя фанетычныя асаблівасці чэшскай мовы супадаюць з асаблівасцямі царкоўнаславянскай мовы. Да іх адносіцца захаванне рэфлексаў *-ra-*, *-la-* ў групах з дыфтангічнымі спалучэннямі **tort*, **tolt*. У асобных выпадках фанетычны адметнасці, напрыклад захаванне рэфлексаў *-rě-*, *-lě-* ў групах зычных гукаў **těrt*, **tělt*, наяўнасць пачатковага гука [e], могуць быць аднолькавымі для чэшскай, царкоўнаславянскай і польскай моў. Такім чынам, чэшскі моўны ўплыў вывучаўся комплексна, з улікам польскага і царкоўнаславянскага лексічнага матэрыялу.

4. У працэсе даследавання мовы стараўкраінскага літаратурнага помніка «Луцыдарый» было выяўлена некалькі лексічных багемізмаў: *гнед*, *звѣрница* (*звѣраница*), *кузло* (*каузлостось*), *кожула*, *лепкое* (*липское*) *море*. Падрабязны гісторыка-этымалагічны аналіз, які грунтуваўся на даных не толькі чэшскіх і ўкраінскіх, але і польскіх, беларускіх і рускіх гістарычных і этымалагічных слоўнікаў, пацвярджае іх чэшскае паходжанне.

Скарачэнні

Basaj – Siatkowski – *Basaj M.* Bohemizmy w języku polskim : słownik / M. Basaj, J. Siatkowski. Warszawa : Uniw. Warsz., 2006. 501 s. ; **Boryś** – *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków : Wydaw. lit., 2005. 861 s. ; **Brückner** – *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków : Krakow. spółka wydaw., 1927. 808 s. ; **ESSČ** – Vokabulář webový [Elektronický zdroj]. URL: <http://vokabular.ujc.cas.cz> (datum přístupu: 01.03.2023) ; **Gebauer** – *Gebauer J.* Slovník staročeský : ve 2 d. 2-é vyd. Praha :

Českoslov. akad. věd., 1970. 2 d. ; **Havránek-1963** – *Havránek B.* Vlivy spisovné češtiny na jiné jazyky slovanské v době feudalismu // Studie o spisovném jazyce. Praha : Českoslov. akad. věd., 1963. S. 291–304 ; **Havránek-1998** – *Havránek B.* Expanse spisovné češtiny od 14. do 16. století // Co daly naše země Evropě a lidstvu : ve 2 část. Čest. 1. Od slovanských věrozvěstů k národnímu obrození. 3-é vyd. Praha : Evrop. lit. klub, 1998. S. 103–116 ; **Holub – Kopečný** – *Holub J.* Etymologický slovník jazyka českého / J. Holub, F. Kopečný. Praha : Stát. nakl. učeb., 1952. 575 s. ; **Holub – Lyer** – *Holub J.* Stručný etymologický slovník jazyka českého se zvláštním zřetelem k slovům kulturním a cizím / J. Holub, S. Lyer. Praha : Státní ped. nakl., 1967. 527 s. ; **Klemensiewicz** – *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. 8-e wyd. Warszawa : Pol. akad. nauk, 2002. 827 s. ; **Köbler** – *Köbler G.* Mittelhochdeutsches Wörterbuch. 3. Aufl. [Elektronische Ressource]. 2014. URL: <https://www.koeblergerhard.de/mhdwbhin.html> (Datum der Bewerbung: 01.03.2023) ; **Kopečný** – *Kopečný F.* Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena : ve 2 sv. / F. Kopečný, V. Šaur, V. Polák ; ed.: B. Havránek, H. Pleváčová. Praha : Academia, 1973–1980. 2 sv. ; **Machek-1957** – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha : Českoslov. akad. věd., 1957. 627 s. ; **Machek-1968** – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. 2-é vyd. Praha : Českoslov. akad. věd., 1968. 868 s. ; **Malý stč.** – *Bělič J.* Malý staročeský slovník / J. Bělič, A. Kamiš, K. Kučera. Praha : Státní ped. nakl., 1979. 708 s. ; **Newerkla** – *Newerkla S. M.* Sprachkontakte Deutsch – Tschechisch – Slowakisch: Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und Deutungen. 2. Aufl. Frankfurt am Main : Lang, 2011. 780 S. ; **Rejzek** – *Rejzek J.* Český etymologický slovník. 3-é vyd. Voznice : Leda, 2015. 824 s. ; **Siatkowski** – *Siatkowski J.* Bohemizmy fonetyczne w języku polskim : w 2 cz. [Zasób elektroniczny]. Wrocław : Wydaw. Pol. akad. nauk, 1965–1970. 2 cz. URL: <https://zhjp.amu.edu.pl/teksty/Siat2.pdf> (data wniosku: 01.03.2023) ; **Slp XVI** – Słownik polszczyzny XVI wieku : w 36 t. / red. St. Bał. Wrocław : Wydaw. Pol. akad. nauk, 1966–2012. 36 t. ; **SISp** – Słownik staropolski : w 11 t. / red. S. Urbańczyk. Wrocław : Wydaw. Pol. akad. nauk, 1953–2002. 11 t. ; **StčS** – Staročeský slovník : ve 26 seš. / red.: B. Havránek [a další]. Praha : Českoslov. akad. věd., 1968–2008. 26 seš. ; **Warsz.** – Słownik języka polskiego : w 8 t. / red.: J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Warszawa : Kasa im. Mianowskiego, 1900–1927. 8 t. ; **Авілін** – *Авілін Ц.* Паміж небам і зямлёй: этнаастраномія. Мінск : Тэхналогія, 2015. 287 с. ; **Булыка** – *Булыка А. М.* Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск : Навука і тэхніка, 1972. 383 с. ; **ГСБМ** – Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 37 вып. / рэд.: А. І. Жураўскі, А. М. Булыка. Мінск : Навука і тэхніка, 1982–2017. 37 вып. ; **ЕСУМ** – Етимологічний словник української мови : у 6 т. / ред. О. С. Мельничук. Київ : Наук. думка, 1982–2012. 6 т. ; **СлПЯ XI–XVII** – Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 31 вып. / ред. П. И. Аванесов. М. : Наука, 1975–2019. 31 вып. ; **СлСУМ XVI–XVII** – Словник староукраїнської мови XVI – першої половини XVII ст. : у 17 вип. / ред. Д. Г. Гринчишин. Львів : Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 1994–2017. 17 вип. ; **Фасмер** – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1964–1973. 4 т. ; **ЭСБМ** – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : в 14 т. / рэд. Г. А. Цыхун. Мінск : Беларус. навука, 1978–2017. 14 т. ; **ЭССЯ** – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд : в 41 т. / ред. О. Н. Трубачев. М. : Наука, 1974–2011. 41 вып.

Бібліяграфічныя спасылкі

- Petišková D. *Recepte středověkého výkladového sborníku Lucidarius v ukrajinském literárním prostředí = The reception of the medieval compendium Lucidarius in the Ukrainian literary milieu* [disertační práce]. Praha: Univerzita Karlova; 2017. 203 s.
- Темчин СЮ. Руськомовный перевод 1636 года чешского Луцидария (Оломоуц, 1622). *Res Humanitariae*. 2020;28:146–163. DOI: 10.15181/rh.v28i0.2230.
- Темчин СЮ. Татры в древнейшем руськомовном переводе чешского Луцидария: время и место выполнения перевода. *Senoji Lietuvos Literatūra*. 2020;50:98–106.
- Темчин СЮ. Типы реценции Луцидария в России, Беларуси, Украине, Польше и Чехии середины XVI – первой четверти XX в. *Slavistica Vilnensis*. 2021;66(1):10–22. DOI: 10.15388/SlavViln.2021.66(1).56.
- Темчин СЮ. Список первой половины XVII в. руськомовного перевода 1563 г. чешского Луцидария: публикация текста. *Slavistica Vilnensis*. 2021;66(1):129–141. DOI: 10.15388/SlavViln.2021.66(1).65.
- Zíbrt Č, editor. *Staročeský Lucidář: text rukopisu Fürstenberského a prvotisku z roku 1498*. Praha: Nákladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, společnost a umění; 1903. 84 s.
- Врунчукова В. České Proroctví Siblylino v ruském překladě. *Český Lid*. 1927;27:49–60.
- Флоровский АВ. *Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.)*. Том 2. Прага: Слованский устав; 1947. 548 с.
- Андел ВП. До історії чесько-білоруських культурних зв'язків. В: Криль М, Чорній В, укладачі. *Українське слов'язнознавство. Випуск 3. Проблеми слов'язнознавства*. Львів: Інститут славістики Львівського національного університету імені Івана Франка; 1970. с. 107–113.
- Булыка АМ. Чэская лексіка ў выданнях Ф. Скарыны. *Весті Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук*. 1970;4:123–131.
- Алексеев А. «Песнь песней» в Чешской Библии и восточнославянские переводы XV–XVI вв. *Slavia*. 1983;52(3–4):283–289.
- Бразгуноў АУ. Запозычанні з чэшскай мовы ў перакладной «Аповесці пра Траянскую вайну». В: Чернышова ЛІВ, редактор. *Слово во времени и пространстве*. Минск: Белорусский государственный педагогический университет; 1999. с. 30–32.
- Verkholantsev J. *Ruthenica Bohemica: Ruthenian translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuanian and Poland*. Wien: LIT; 2008. 215 p.
- Алексеевич АВ. Богемизмы в старобелорусских переводах «Песни песней». *Славяноведение*. 2022;2:54–66. DOI: 10.31857/S0869544X0019025-0.
- Алексяевіч ГВ. Багемізмы ў старабеларускім «Сказанні пра Сівілу-прарочыцу». У: Капылюў ІЛ, рэдактар. *Беларуская мова – галоўная гісторыка-культурная каштоўнасць нацыі і дзяржавы. Матэрыялы I Міжнароднага кангрэса, прысвечанага 90-годдзю Інстытута мовознаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. Частка I*. Мінск: Беларуская навука; 2021. с. 16–22.
- Алексяевіч ГВ. Багемізмы ў старабеларускім літаратурным помніку «Аповесць пра Таўдала-рыцара». *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2021;3:77–84.
- Яворский ЮА. *Новые рукописные находки в области старинной карпато-русской письменности XVI–XVIII веков*. Прага: Сбор про вискум Словенска а Подкарпат Руси; 1931. 133 с.
- Карский ЕФ. *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*. Москва: Академия наук СССР; 1962. Малорусский Луцидарий по рукописи XVII в.; с. 518–557.

19. Франко ІЯ, упорядник. *Апокрифи і легенди з українських рукописів. Том 4. Апокрифи есхатологічні*. Львів: Наукове товариство імені Шевченка; 1906. 524 с.

20. Петішкова Д. Česká a ukrajinská redakce středověkého výkladového sborníku Lucidarius (způsob užití minulých časů v české a ukrajinské redakci ve srovnání s redakcí ruskou). В: Паламарчук ОЛ, редактор. *Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур. Випуск 19. Пам'яті академіка Леоніда Булаховського*. Київ: Київський національний університет імені Тараса Шевченка; 2012. s. 117–124.

21. Žeňuch P. *Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии = Pramene k byzantsko-slovanskej tradícii a kultúre na Slovensku*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV; 2013. 482 s. Dohromady s Slovenský komitét slavistov, Centrum spirituality Východ – Západ Michala Lacka, Pontifi cio Istituto Orientale.

References

- Petišková D. *Recepce středověkého výkladového sborníku Lucidarius v ukrajinském literárním prostředí = The reception of the medieval compendium Lucidarius in the Ukrainian literary milieu* [disertační práce]. Praha: Univerzita Karlova; 2017. 203 s.
- Temčinas SYu. [Russian translation of 1636 of the Czech Lucidarius (Olomouc, 1622)]. *Res Humanitariae*. 2020;28:146–163. Russian. DOI: 10.15181/rh.v28i0.2230.
- Temčinas SYu. [Tatras in the oldest Russian translation of the Czech Lucidarius: time and place of the translation]. *Senoji Lietuvas Literatūra*. 2020;50:98–106. Russian.
- Temčinas SYu. Lucidarius in Russia, Belarus, Ukraine, Poland, and Czechia: types of reception in the mid-16th to the first quarter of the 20th century. *Slavistica Vilnensis*. 2021;66(1):10–22. Russian. DOI: 10.15388/SlavViln.2021.66(1).56.
- Temčinas SYu. The 1563 Ruthenian translation of the Czech Lucidář in a manuscript copy of the first half of the 17th century: publication. *Slavistica Vilnensis*. 2021;66(1):129–141. Russian. DOI: 10.15388/SlavViln.2021.66(1).65.
- Zibrť Č, editor. *Staročeský Lucidář: text rukopisu Fürstenberského a prvotisku z roku 1498*. Praha: Nákladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, společnost a umění; 1903. 84 s.
- Brynychová V. České Proroctví Sibyllino v ruském překladě. *Český Lid*. 1927;27:49–60.
- Florovskii AV. *Chekhi i vostochnye slavyane. Očerki po istorii cheshsko-russkikh otnoshenii (X–XVIII vv.)*. Tom 2 [Bohemia and the East Slavs. Essays on the history of Czech-Russian relations (10th–18th centuries). Volume 2]. Praha: Slovanský ústav; 1947. 548 p. Russian.
- Andel VP. [To the history of Czech-Belarusian cultural ties]. In: Kril' M, Chornij V, compilers. *Ukrai'ns'ke slov'janoznavstvo. Vypusk 3. Problemy slov'janoznavstva*. Lviv: Instytut slavistyky L'vivs'kogo nacional'nogo universytetu imeni Ivana Franka; 1970. p. 107–113. Ukrainian.
- Bulyka AM. [Czech vocabulary in the publications of F. Skaryna]. *Vesci Akademiі navuk BSSR. Seryja gramadskih navuk*. 1970;4:123–131. Belarusian.
- Alekseev A. [«Song of songs» in the Czech Bible and East Slavonic translations of the 15th–16th centuries]. *Slavia*. 1983;52(3–4): 283–289. Russian.
- Brazgunov AU. [Borrowings from the Czech language in the translation of «Tale of the Trojan war»]. In: Chernyshova LV, editor. *Slovo vo vremeni i prostranstve* [Word in time and space]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 1999. p. 30–32. Belarusian.
- Verkholtantsev J. *Ruthenica Bohemica: Ruthenian translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuanian and Poland*. Wien: LIT; 2008. 215 p.
- Aleksiyevich AV. Bohemisms in the Old Belarusian translations of the «Song of songs». *Slavyanovedenie*. 2022;2:54–66. Russian. DOI: 10.31857/S0869544X0019025-0.
- Aleksiyevich HV. [Bohemisms in the Old Belarusian «Tales about Sibyl the prophetess»]. In: Kapylov IL, editor. *Belaruskaja mova – galovnaja gistoryka-kul'turnaja kashtownasc' nacyi i dzjarzhavy. Matjeryjaly I Mizhnarodnaga kangrjesa, prysvechanaga 90-goddzju Instytutu movaznavstva imja Jakuba Kolasa NAN Belarusi. Chastka 1* [The Belarusian language is the main historical and cultural value of the nation and the state. Proceedings of the 1st International congress dedicated to the 90th anniversary of the Yakub Kolas Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Belarus. Part 1]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2021. p. 16–22. Belarusian.
- Aleksiyevich HV. Bohemisms in Old Belarusian «Book of Taudal the knight». *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;3:77–84. Belarusian.
- Yavorskii YuA. *Novye rukopisnye nakhodki v oblasti starinnoi karpato-russkoi pis'mennosti XVI–XVIII vekov* [New manuscript finds in the field of ancient Carpatho-Russian literature of the 16th–18th centuries]. Praha: Sbor pro vyzkum Slovenska a Podkarpatsk Rusi; 1931. 133 s. Russian.
- Karskii EF. *Trudy po belorusskomu i drugim slavyanskim yazykam* [Works on Belarusian and other Slavic languages]. Moscow: Akademiya nauk SSSR; 1962 [Little Russian Lucidarium according to a manuscript of the 17th century]; p. 518–557. Russian.
- Franko IYa, compiler. *Apokryfy i legendy z ukrai'ns'kyh rukopysiv. Tom 4. Apokryfy eshatol'ogichni* [Apocrypha and legends from Ukrainian manuscripts. Volume 4. Eschatological Apocrypha]. Lviv: Naukove tovarystvo imeny Shevchenka; 1906. 524 p. Ukrainian.
- Petishkova D. Česká a ukrajinská redakce středověkého výkladového sborníku Lucidarius (způsob užití minulých časů v české a ukrajinské redakci ve srovnání s redakcí ruskou). In: Palamarchuk OL, editor. *Komparatyvni doslidzhennja slov'janskykh mov i literatur. Vypusk 19: pam'jati akademika Leonida Bulahovs'kogo* [Comparative studies of Slavic languages and literatures. Issue 19: in memory of academician Leonid Bulakhovskiy]. Kyiv: Taras Shevchenko National University of Kyiv; 2012. p. 117–124.
- Žeňuch P. [Sources of Byzantine-Slavic tradition and culture in Slovakia]. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV; 2013. 482 p. Dohromady s Slovenský komitét slavistov, Centrum spirituality Východ – Západ Michala Lacka, Pontifi cio Istituto Orientale. Russian.

Артыкул напісаны ў рэдкалегію 03.04.2023.
Received by editorial board 03.04.2023.

УДК 811.161.3'373

ГЕРМАНИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ФОЛЬКЛОРНО-ДИАЛЕКТНЫХ ЗАПИСЕЙ XIX – НАЧАЛА XX в.

В. В. ПАХИРКО¹⁾

¹⁾Белорусская государственная академия связи, ул. Петруся Бровки, 14, 220013, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются германизмы, зафиксированные в фольклорно-диалектных записях XIX – начала XX в. Приводится их тематическая классификация. Анализируются графико-орфографические особенности передачи фонетических черт слов немецкого происхождения, специфика их морфологического и семантического освоения белорусским языком. Определяются деривационный потенциал германизмов и их способность образовывать фразеологизмы. Становятся очевидными такие характерные черты германизмов в языке фольклорно-диалектных записей XIX – начала XX в., как продолжение старобелорусских традиций ассимиляции заимствований, их дальнейшая адаптация к особенностям белорусского языка периода становления кодифицированных общелитературных норм.

Ключевые слова: фольклорно-диалектные записи; лексико-тематические группы; фонетическая адаптация; морфологическая адаптация; семантическая адаптация; словообразовательный потенциал; фразеобразовательная активность.

ГЕРМАНІЗМЫ Ў МОВЕ ФАЛЬКЛОРНА-ДЫАЛЕКТНЫХ ЗАПІСАЎ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

В. У. ПАХІРКА^{1*}

^{1*}Беларуская дзяржаўная акадэмія сувязі, вул. Петруся Броўкі, 14, 220013, г. Мінск, Беларусь

Даследуюцца германізмы, зафіксаваныя ў фальклорна-дыялектных запісах XIX – пачатку XX ст. Даецца іх тэматычная класіфікацыя. Аналізуецца графіка-арфаграфічныя асаблівасці перадачы фанетычных рыс слоў нямецкага паходжання, спецыфіка іх марфалагічнага і семантычнага засваення беларускай мовай. Вызначаюцца дэрывацыйны патэнцыял германізмаў і іх здольнасць утвараць фразеалагізмы. Становяцца відавочнымі такія характэрныя рысы германізмаў у мове фальклорна-дыялектных запісаў XIX – пачатку XX ст., як працяг старабеларускіх традыцый засваення іншамойнай лексікі, іх далейшая адаптацыя да асаблівасцей беларускай мовы перыяду станаўлення кадыфікаваных агульналітаратурных норм.

Ключавыя словы: фальклорна-дыялектныя запісы; лексіка-тэматычныя групы; фанетычная адаптацыя; марфалагічная адаптацыя; семантычная адаптацыя; словаўтваральны патэнцыял; фразеаўтваральная актыўнасць.

Образец цитирования:

Пахірка ВУ. Германізмы ў мове фальклорна-дыялектных запісаў XIX – пачатку XX ст. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2023;2:125–133.

For citation:

Pakhirka VU. Germanisms in the language of 19th – early 20th century folklore and dialect records. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;2:125–133. Belarusian.

Автор:

Вероника Владимировна Пахирко – старший преподаватель кафедры гуманитарных наук.

Author:

Veranika U. Pakhirka, senior lecturer at the department of humanities.
veronicapachirko@gmail.com

GERMANISMS IN THE LANGUAGE OF 19th – EARLY 20th CENTURY FOLKLORE AND DIALECT RECORDS

V. U. PAKHIRKA^a

^a*Belarusian State Academy of Communications, 14 Pietrusia Browki Street, Minsk 220013, Belarus*

Germanisms recorded in the folklore and dialect records of the 19th – early 20th century are considered. Their thematic classification is given. The features of the graphical and orthographic transmission of the phonetic features of words of German origin, the specifics of their morphological and semantic assimilation by the Belarusian language are analysed. The derivational potential of Germanisms and their ability to form phraseological units are determined. Such characteristic features of Germanisms in the language of folklore and dialect records of the 19th – early 20th century become obvious, as a continuation of the old Belarusian traditions of borrowing assimilation, their further adaptation to the peculiarities of the Belarusian language of the period of formation of codified general literary norms.

Keywords: folklore and dialect records; lexical-thematic groups; phonetic adaptation; morphological adaptation; semantic adaptation; derivational potential; phrase-building activity.

Уводзіны

Уваходу германізмаў у лексічны склад беларускай мовы садзейнічалі розныя палітычныя, эканамічныя, сацыяльныя і культурныя ўмовы. Уплыў розных моў на мясцовыя гаворкі і з'яўленне ў іх шматлікіх запазычанняў-германізмаў тлумачацца найперш цэнтральнаеўрапейскім геаграфічным размяшчэннем Беларусі, актыўнымі кантактамі беларусаў з прадстаўнікамі нямецкага этнасу падчас міграцыі апошніх, працоўнай і гандлёвай дзейнасцю немцаў, распаўсюджваннем ідэй Рэфармацыі, якія заахвочвалі беларускіх студэнтаў набываць адукацыю за мяжой, а таксама ўзброенымі сутыкненнямі мясцовых жыхароў з нямецкімі воінамі.

У канцы XVIII – XIX ст. імкліва змянялася грамадска-палітычнае і культурнае жыццё Еўропы. Дагэтуль беларуская культура існавала ва ўмовах польскамоўнага асяроддзя. Падзел Рэчы Паспалітай і далучэнне тэрыторыі сучаснай Беларусі да Расійскай імперыі патрабавалі прыстасавання людзей да новых выклікаў часу. Насельніцтва пераходзіла з каталіцтва ў праваслаўе, шляхецкія маёнткі перадаваліся расійскім дваранам, адукацыя пераводзілася на рускую мову. У XIX ст. незадаволенасць станам жыцця, беднасць, абвостранасць сацыяльных і палітычных праблем сталі прычынамі рэвалюцыйнага грамадства. У канцы XIX ст. ідэйнай падставай для ўзнікнення рэвалюцыйных рухаў выступіла нацыянальнае адраджэнне, якое паспрыяла росту інтарэсу да беларускай культуры, мовы і традыцый народа.

Функцыянаванне лексікі нямецкага паходжання ў беларускім моўным асяроддзі XIX – пачатку XX ст. уяўляе значны інтарэс, таму што гэты перыяд – час адраджэння беларускіх моўных традыцый на аснове вусных гаворак у сітуацыі, калі старабеларуская мова, якая страціла дзяржаўны статус, не выкарыстоўвалася ў афіцыйным справаходстве больш за 100 гадоў. Беларускі фальклорны матэрыял аналізавалі найперш расійскія і польскія вучоныя, але значны ўнёсак у развіццё беларусазнаўства зрабілі і айчыныя навукоўцы. Фальклорны матэрыял збіралі і самі даследчыкі, і звычайныя людзі, якія запісвалі песні, прыказкі, загадкі і казкі і дасылалі іх філолагам. Характэрна, што на мову твораў XIX ст. уплывалі асаблівасці гаворкі іх аўтараў, а тыя лінгвістычныя рысы, што аб'ядноўвалі гэтыя тэксты, з'яўляюцца не столькі вынікам свядомых намаганняў пісьменнікаў, колькі адлюстраваннем спецыфікі беларускіх гаворак.

Крыніцамі фактычнага матэрыялу гэтага даследавання паслужылі фальклорна-дыялектныя запісы XIX – пачатку XX ст., прадстаўленыя асобнымі этнаграфічнымі зборнікамі і шматтомнымі работамі па этналогіі і геаграфіі, выданнямі Кракаўскай акадэміі мастацтваў і навук («Зборнік паведамленняў па айчынным антрапалогіі» («Zbiór wiadomości do antropologii krajowej»), «Антрапалагічна-археалагічныя і этнаграфічныя матэрыялы» («Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne»), «Матэрыялы і працы моўнай камісіі» («Materiały i prace komisji językowej»)), Імператарскай акадэміі навук («Сборник отделения русского языка и словесности», «Известия отделения русского языка и словесности»), Імператарскага Рускага геаграфічнага таварыства («Известия Императорского Русского географического общества»), «Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии», «Записки Северо-Западного отдела»), Імператарскага Маскоўскага ўніверсітэта («Труды этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии»), «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских»), а таксама артыкуламі ў перыядычных выданнях «Рубон» («Rubon»), «Віленскі дзённік» («Dziennik Wileński»), «Вісла» («Wisła»), «Кніга свету»

(«Księga świata»), «Атэнэум» («Athenaeum»), «Варшаўская бібліятэка» («Biblioteka Warszawska»), «Этнографическое обозрение», «Живая старина», «Русский филологический вестник», «Древняя и новая Россия», «Москвитянин», «Современник», «Пантеон», «Литовские епархиальные ведомости», «Виленский вестник» і «Наша ніва». Увогуле прааналізаваны 209 крыніц фактычнага матэрыялу і выяўлены 2330 адзінак нямецкага паходжання, 1802 з якіх з’яўляюцца фанетычнымі, граматычнымі і словаўтваральнымі дэрыватамі.

Вынікі і іх абмеркаванне

Другая палова XIX – пачатак XX ст. традыцыйна лічыцца перыядам станаўлення сучаснай (новай) беларускай літаратурнай мовы, паступовай выпрацоўкі яе графіка-арфаграфічных, марфалагічных і лексічных норм і замацавання іх на практыцы. У гэты час руская мова выкарыстоўвалася ў справаводстве і афіцыйным ужытку, была галоўным сродкам друкаванай літаратуры, а беларуская мова развівалася на аснове жывой народнай гаворкі. Моўныя дасягненні старабеларускага перыяду былі забыты па прычыне лінгвістычных (грамадска-культурныя функцыі мовы) і экстралінгвістычных (палітыка-эканамічныя і ідэалагічныя змены) фактараў [1, с. 368]. Разам з тым, з аднаго боку, адсутнічалі як знешнія, так і ўнутраныя выразныя стымулы актыўнага кантактавання беларускай мовы з замежнымі, але, з другога боку, ненармалізаваная беларуская мова была нічым не абаронена ад разнастайных стыхійных іншамоўных уплываў [2, с. 38]. У сувязі з гэтым аналіз функцыянавання слоў нямецкага паходжання менавіта ў вуснай народнай творчасці выклікае асаблівы інтарэс.

Лексіка-тэматычныя групы германізмаў. У народную мову найчасцей запазычваліся назвы пэўных рэалій, прадметаў і з’яў аб’ектыўнай рэчаіснасці, таму пераважную большасць германізмаў складае субстантыўная лексіка. Вылучаюцца тры колькасна значныя групы назоўнікаў нямецкага паходжання:

- сацыяльна-эканамічная і грамадская лексіка;
- побытавая і гаспадарчая лексіка;
- культурна-асветніцкая, прыродная і абстрактная лексіка.

Прапанаванае лексіка-тэматычнае размеркаванне германізмаў грунтуецца на семантычнай блізкасці запазычання да этымона і ўлічвае кантэкст, у якім слова нямецкага паходжання выкарыстоўвалася ў фальклорна-дыялектных запісах. Разам з тым асобныя германізмы спалучаюць прыкметы розных лексіка-тэматычных груп.

Да сацыяльна-эканамічнай і грамадскай лексікі адносяцца назвы, якія адлюстроўваюць грамадскія і гандлёва-эканамічныя адносіны паміж людзьмі ў сферы прафесійнай і прамысловай дзейнасці чалавека. У складзе гэтай лексікі вылучаюцца назвы асоб (*банкарць*¹, *бурмістрь*, *гунцвоть*, *кушнерь*, *мурын*, *фалетырь*, *швабь*), грамадскіх устаноў і прамысловых прадпрыемстваў (*гута*, *кляиторь*, *райшуля*, *турма*, *хвальварак*), абазначэнні дзелавых адносін і арганізацый гандлю (*базаринка*, *weksel*, *цэтликъ*, *шарварка*, *юргельтъ*), найменні разнастайных адзінак вымярэння і грашовых адзінак (*банкоцетли*, *дубельтъ*, *рэдзь*, *рэшита*, *талеръ*, *шанокъ*, *шарь*), а таксама ваенная і марская тэрміналогія (*вахта*, *дохъ*, *лагерь*, *ліхтань*, *фланкъ*, *flinta*, *шлюзь*, *штурмъ*, *штыхъ*).

Побытавую і гаспадарчую лексіку складаюць назвы прылад працы, інструментаў і іх частак, дэталей, матэрыялаў (*абцуги*, *гвинтъ*, *китъ*, *крыга*, *лина*, *цвикъ*, *шувель*), будаўнічыя намінацыі (*бэлька*, *данкратъ*, *кзымсь*, *люхта*, *стамеска*, *цэгла*, *шурхебель*), найменні прадметаў паўсядзённага дамашняга і гаспадарчага ўжытку (*зэгарь*, *келихъ*, *коць*, *лантухъ*, *пляха*, *rondel*, *шафа*), розных відаў вопраткі, яе частак і іншых прадметаў туалету (*андаракъ*, *апцась*, *гафтъ*, *кляйнота*, *райтузы*, *хвалендышь*, *цилихъ*), ежы і харчовых прадуктаў (*бигусъ*, *крухмаль*, *лякъ*, *нырка*, *ромъ*, *шинапсъ*), а таксама абазначэнні транспартных сродкаў (*ворчыкъ*, *дышель*, *рыдванъ*, *фура*).

Да культурна-асветніцкай лексікі належаць тэрміны асветніцкай і разумовай дзейнасці (*друкъ*, *жартъ*, *фальшь*), культуры і мастацтва (*басэтля*, *валець*, *фарба*), назвы гульні і звязаных з імі паняццяў (*арцабы*, *крэгли*, *киска*), свят, традыцый і іх элементаў (*троурь*, *труна*, *фэстъ*). Прыродная лексіка прадстаўлена заалагічнымі (*вальдшнепъ*, *гайстра*, *малта*), батанічнымі (*выка*, *кульванъ*, *цытварь*), тапанімічнымі (*obszar*, *румъ*, *шляхъ*), мінералагічнымі (*бруштынъ*, *крэйда*, *купарвасъ*) і метэаралагічнымі (*штыль*) намінацыямі з’яў прыроднага свету. Да назоўнікаў абстрактнай семантыкі адносяцца словы з адцягненым значэннем (*апштыть*, *borh*, *los*, *рада*, *фрасунокъ*).

Лексіка-тэматычны склад германізмаў у мове фальклорна-дыялектных запісаў XIX – пачатку XX ст. адлюстроўвае шматвектарнасць працэсу запазычвання. Словы нямецкага паходжання выкарыстоўваюцца для намінацыі прадметаў і з’яў, якія рознабакова апісваюць жыццё чалавека, аднак пераважная іх большасць называюць прадметы народнагаспадарчага ўжытку. Так, сацыяльна-эканамічная і грамадская лексіка

¹Прыклады прыводзяцца з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала.

складае 39 % германізмаў, побытавая і гаспадарчая лексіка – 48 %, а культурна-асветніцкая, прыродная і абстрактная лексіка – толькі 13 % слоў нямецкага паходжання.

Графіка-арфаграфічныя асаблівасці перадачы фанетычных рыс германізмаў. Адаптацыя іншамовных слоў праходзіць у некалькі этапаў. Перш за ўсё адбываецца фармальная адаптацыя запазычанняў за кошт графічнага, фанетычнага і марфалагічнага прыстасавання слова да норм мовы-рэцыпіента. Нягледзячы на тое што ў XIX – пачатку XX ст. графічнае і фанетычнае афармленне фальклорных матэрыялаў часта залежала ад светапогляду этнографа, пануючай ідэалогіі і мэт, якія былі пастаўлены перад збіральнікамі этнаграфічных даных кіраўніцтвам, вылучаюцца агульныя рысы графіка-арфаграфічнай перадачы фанетычных асаблівасцей слоў нямецкага паходжання.

Варыянтнасць форм была шырока прадстаўлена не толькі ў літаратурна-пісьмовай разнавіднасці мовы, але і ў вуснай гаворцы, зафіксаванай у фальклорна-дыялектных запісах таго часу. «Неўнармаванасць правапісу якраз і была адзінай агульнай арфаграфічнай рысай» [3, с. 63]. У XIX ст. сфарміравалася важная арфаграфічная тэндэнцыя, якая заключалася ў тым, што пры пісьмовым афармленні беларускай мовы аўтары тэкстаў арыентаваліся на асаблівасці жывой гаворкі, а менавіта на інтэрдыялектныя лінгвістычныя сродкі [3, с. 63].

У фальклорных матэрыялах XIX – пачатку XX ст. найбольш распаўсюджаным відам фанетычнай адаптацыі ў сістэме галосных гукаў з’яўляліся:

- аканне (бел. *андарак* (пол. *inderarak* ← ням. *Unterrock*): *андаракъ, андарачищами, андараки, въ андарачку*; бел. *рынак* (пол. *rynek* ← сярэдневерхняням. *ring*): *на рыначку, рынокъ, рынкъ*);

- яканне (бел. *галер* (пол. *halerz* ← ням. *Heller*): *halar, галеръ*; бел. *клеяноды* (пол. *klejnot* ← сярэдневерхняням. *kleinôt*): *кляйнота*);

- пераход гукаў [o] і [a] у гукі [ы], [і], [у] і [э] (бел. *клёц* (пол. *kloc, kloc* ← сярэдневерхняням. *kloz, Klotz*): *клиць, клёць*; бел. *мардаваць* (старажытнапол. *mordować* ← сярэдневерхняням. *mort*): *мурдуя, мурдуй, замордую, взмордоваўся*; бел. *маршалак* (старажытнапол. *marszałek* ← сярэдневерхняням. *marschalç*): *marszālek, маршалокъ, маршалакъ, маршулокъ, маршалыкъ, мыршалокъ, маршелокъ, маршалекъ*);

- пераход гука [a] у гук [o] (бел. *шукаць* (пол. *szukać* ← сярэдневерхняням. *suochen*): *шукоць, шукаць*);

- перадача гука [o] дыфтонгам [yo] (бел. *войт* (пол. *wójt* ← сярэдневерхняням. *Voget*): *вуйтъ, войтъ, вуйтъ*; бел. *рошт* (старажытнапол. *roszt, rost, ruszt* ← ням. *Rost, Röste*): *руoszt, roszt*);

- пераход гука [э] у гук [o] пад націскам (бел. *зугель* (ід. *kugel* ← сярэдневерхняням. *gugele*): *зуголь, зугель, кугель, кузель, гзукгель, кукгель*; бел. *шынк* (пол. *szynek, szynk, szenk* ← ням. *schenk, schenke*): *шынокъ, шинокъ, шинкъ, шинкъ*);

- пераход гука [э] у гукі [у], [ы] і [і] (бел. *кубел* (пол. *kubel, kublo* ← сярэдневерхняням. *kübel*): *кубиль, кубыль, кубель, кубэль, кубяль, кубло*; бел. *шырмаваць* (пол. *szermować* ← сярэдневерхняням. *schërmen*): *szurawaci, шурмоваць, шурмовать*);

- пераход гука [у] у гукі [ы], [і] і [o] (бел. *гурба* (пол. *hurba, hurma, hurm* ← сярэдневерхняням. *hurm, hurmen*): *horba, hurm, һурба, гурба, гурьба, гурьба, гурмъ*; бел. *руштоваць* (пол. *rusztować, roszkować* ← ням. *rusten, rüsten*): *руштоваць, руштоваць*);

- пераход гукаў [і] і [ы] у гукі [у] і [э] (бел. *рыхтаваць* (пол. *rychtować* ← сярэдневерхняням. *richten*): *рухтуваць, рехтуваць, рыхтоваць, рыхтаваць, рихтоваць*);

- вакалічная пратэза (бел. *аблам* (пол. *blam* ← ням. *Flamme, Flamm*): *обламъ, бламъ*).

Да фанетычных змен у сістэме кансанантызму адносяцца наступныя рысы:

- пераход гука [f] у гукі [п], [ф], [х], [к] і гукаспалучэнні [хв], [хф] і [кв] (бел. *кофта* (пол. *kofia* ← ніжняням. *kufi*): *кохта, копта, кофта*; бел. *трапіць* (старажытнапол. *tręfic* ← сярэдневерхняням. *treffen*): *траплю, trąchfić*; бел. *фортка* (пол. *forta* ← ням. *Pforte*): *хвортка, квортка, firtka, фортка*; бел. *штоф* (пол. *sztof* ← новаверхняням. *Stauf*): *полуштопъ, полуштохъ, полуштокъ*);

- з’яўленне цвёрдых і зацвярдзелых гукаў на месцы мяккіх (бел. *румка* (рус. *рюмка* ← ням. *Römer*): *румка, рюмка*; бел. *міля* (старажытнапол. *mila* ← старажытнаверхняням. *mīla*): *мыля, туля, миля*);

- змякчэнне гукаў (бел. *базарынка* (пол. *basarunek* ← сярэдневерхняням. *bazzerunge*): *басярынка, базаринка*; бел. *гетман* (пол. *hetman* ← сярэдняням. дыял. *häuptmann*): *гатманъ, гетьманъ, гацманъ, hetman, гетманъ*);

- дысіміляцыя (бел. *вандраваць* (пол. *wędrować* ← ням. *wandern*): *мандровати, мандруваты, мандроваты, вандровати, повендрую*; бел. *нырка* (пол. *nerka, nyrka* ← старажытнаверхняням. *Niero*): *мырка, нырка*; бел. *басэдня* (пол. *basetla* ← ням. *Bassetel*): *басетня, басэдня*);

- аэтанчэнне гукаў (бел. *дратаваць* (пол. *tratować, tretować* ← ням. *treten*): *дратаваць, здратаваць*; бел. *кірмаш* (пол. *kiertmasz* ← сярэдневерхняням. *kirmesse*): *кірмажъ, кермашъ, кармашъ, кірмашъ*);

- аглушэнне гукаў (бел. *абцас* (пол. *obcas* ← ням. *Absatz*): *анцаць, анцась, обцась, обцаць*; бел. *док* (рус. *док* ← гал. *dok*): *дохъ*);

- дыярэза (бел. *ландкарта* (рус. *ландкарта* ← ням. *Landkarte*): *ланкартэ*);
- метатэза (бел. *бурштын* (пол. *burszyn* ← ніжняням. *bornstēn*): *бруштын*);
- эпентэза (бел. *гільдыя* (пол. *gielda, gelda, gielda, galda* ← ням. *Gelde, Gilde, gild*): *гвільдыя, гильдія*);
- сінкопа (бел. *вахмістр* (пол. *wachtmistrz, wachmajster* ← ням. *Wachtmeister, Wachmeister, wachmeester*): *вахмістэ, ахмастры́нна, ахмістры́ня, охмістры́ня, охмустры́ня*);
- кансанантная пратэза (бел. *яфрэйтар* (рус. *ефрейтор* ← ням. *Gefreiter*): *ляхветорэ, лефеторэ*);
- аферэзіс (бел. *вінт* (пол. *gwint, gwind* ← ням. *Gewinde*): *вінтэ, гвінтэ*).

Апісаньня змены закранаюць большую частку вылучаных слоў нямецкага паходжаньня. Для 319 адзінак (60 %) выяўлены ўнікальныя беларускія фанетычныя варыянты.

Спецыфіка марфалагічнай адаптацыі германізмаў. Марфалагічная адаптацыя іншамоўных лексем выражаецца ў падпарадкаваньні запазычанняў граматычнай сістэме народна-дыялектнай мовы, у працэсе якога вызначаецца граматычная характарыстыка слова, устанаўліваецца яго прыналежнасьць да пэўнай часціны мовы, адбываецца ўключэньне лексем у сістэму асноўных марфалагічных форм і катэгорый гэтага граматычнага класа, акрэсліваецца яе марфемная будова [4, с. 151]. Сярод вылучаных 528 германізмаў назоўнікі складаюць 86 %, дзеясловы – 13 %, прыметнікі – 0,6 %, прыслоўі – 0,4 %.

Падчас прыстасаваньня слоў нямецкага паходжаньня да марфалагічнай сістэмы беларускай мовы зрэдку змяняўся род назоўнікаў. Па прычыне апасродкаванага характару запазычваньня германізмаў у беларускую мову, якое адбывалася ў большасці выпадкаў праз польскае, часткова рускае пасрэдніцтва, першапачатковая адаптацыя германізмаў праходзіла ў мове-пасрэдніцы. Так, у працэсе прыстасаваньня да марфалагічнай сістэмы польскай ці рускай мовы некаторыя нямецкія назоўнікі змянілі свой род, які захаваўся і пры пранікненьні гэтых слоў у беларускую мову: сярэдненіжняням. *brak* (н. р.) ← пол. *brak* (м. р.) ← бел. *бракэ* (м. р.); сярэдневерхняням. *ladunge* (ж. р.) ← пол. *ladunek, ladanek, ladynek* (м. р.) ← бел. *ладунок* (м. р.); сярэдневерхняням. *stücke* (н. р.) ← пол. *sztuka, sztuk* (ж. р. або м. р.) ← бел. *штука, sztuk* (ж. р. або м. р.). Асобныя назоўнікі прыстасаваліся непасрэдна да марфалагічнай сістэмы беларускай мовы: сярэдневерхняням. *kuefel* (н. р.) ← пол. *kufel* (м. р.) ← бел. *кухля* (ж. р.); сярэдневерхняням. *scharwërk* (н. р.) ← пол. *szarwark* (м. р.) ← бел. *шарварокэ, шарварка* (м. р. або ж. р.); сярэдневерхняням. *jarmarket* (м. р.) ← пол. *jarmark, jarmarek* (м. р.) ← бел. *ярмарокэ, ярмалыкэ, ярмолка, ярмылка* (м. р. або ж. р.).

Катэгорыя ліку ў нямецкай мове супадае з катэгорыяй ліку ў беларускай мове. У ёй вылучаюцца граматычныя значэньні адзіночнага і множнага ліку. Можна прывесці некалькі слоў, якія ў адрозненьне ад сваіх нямецкіх этымонаў выкарыстоўваліся пераважна ў форме множнага ліку: бел. *аблядры* (мн. л.) ← пол. *obladra, oblader* (адз. л.) ← ням. *Oberleder* (адз. л.); бел. *брыжы* (мн. л.) ← пол. *bryż* (адз. л.) ← ням. *Fries* (адз. л.); бел. *клубы* (мн. л.) ← пол. *kluba, klub* (адз. л.) ← сярэдненіжняням. *Klobe* (адз. л.); бел. *пранцы* (мн. л.) ← пол. *pranca* (адз. л.) ← ням. *Franze* (адз. л.).

Падчас прыстасаваньня германізмаў-дзеясловаў да марфалагічнай сістэмы беларускай народнай мовы яны набывалі характэрныя для старабеларускай мовы дзеяслоўныя суфіксы *-овати* і *-ати* (*вандровати* (*мандроваты*), *ратовати* (*ратоваці, ратоваты*), *шановати* (*шановаці, шановаты*), *шукати* (*шукаці, шукаты*), *шумоваці*) або ўласцівыя сучаснай беларускай літаратурнай мове суфіксы *-аць, -яць, -іць* і *-уць* (*будоваць, вартоваць, віншаваць, гандліваць, гартоваць, дзяковаць, кіроваць, кушаць, малеваць, мордоваць, мярковаць, мусіць, раховаць, трапляць, уповаць, шановаць, шароваць, шмароваць, шиковаць, шинковаць, шукаць*).

Невялікая колькасць адступленьняў ад патрабаваньняў марфалагічнай сістэмы беларускай мовы тлумачыцца тым, што вылучаныя германізмы адносяцца да адных з самых старажытных, і сведчыць аб тым, што ў XIX – пачатку XX ст. працэс марфалагічнай адаптацыі гэтых слоў знаходзіўся ўжо на завяршальнай стадыі. Разам з тым ужыванне назоўніка адначасова ў розных формах роду ці ліку, адступленьні ад правіл скланеньня, суіснаваньне двух паралельных інфінітыўных канчаткаў дзеясловаў абумоўлены «ўзуальнымі характарам народна-дыялектнай мовы, яе лакальнай замацаванасцю, тэрытарыяльным вар’іраваннем, адсутнасцю кадыфікацыі» [5, с. 126], а ў некаторых выпадках і грамадска-палітычнымі абставінамі.

Спецыфіка семантычнай адаптацыі германізмаў. Найвышэйшая ступень адаптацыі іншамоўных слоў – іх семантычнае засваенне, якое адлюстроўвае «поўнае падпарадкаваньне запазычанняў лексічнай сістэме мовы-рэцэптара і праяўляецца ў выразнай дыферэнцыяцыі семантычнага аб’ёму, вызначэньні іх дэнататыўнай суаднесенасці, развіцці семантычнага патэнцыялу і разнастайных сувязей з уласнай лексікай» [6, с. 99]. На першым этапе семантычнага засваення іншамоўнай лексікі адбываецца яе семантычная дыферэнцыяцыя, якая найчасцей выражаецца ў монасемантызацыі [7, с. 155]. Да першай ступені семантычнай адаптацыі германізмаў адносяцца наступныя працэсы:

- поўнае супадзеньне семантыкі запазычання са значэньнямі (значэньнем) мнагазначнага этымона (бел. *облаць* ‘футра’ – ням. *Flamme* ‘футра’, бел. *вата* ‘рыбалоўная снасьць, сетка’ – ням. *Wate* ‘сетка для лоўлі рыбы’,

бел. *ракаръ* ‘мярзотнік, паскуднік’ – ням. *Racker* ‘нягоднік’, бел. *юргельтъ* ‘плата за год’ – ням. *Jahrgeld* ‘плата за год’);

• запазычванне некалькіх значэнняў этымона і іх захаванне ў беларускай мове (бел. *вахта* ‘1. Неадлучнае дзяжурства, а таксама змена, якая нясе такое дзяжурства. 2. Месца, дзе знаходзіцца дзяжурны, вахцёр’ – ням. *Wacht* ‘1. Вахта, караул. 2. Месца, дзе трымаюць варту’, бел. *дахъ* ‘1. Верхняя частка будынка, якая засцерагае яго ад дажджу, снегу. 2. Пра дом, жыллё, прытулак’ – ням. *Dach* ‘1. Верхняя частка будынка. 2. Дом, жыллё’, бел. *штэмпель* ‘1. Драўляны брус. 2. Баннік, шомпал’ – ням. *Stempel* ‘1. Кароткія бярвёны, якія выкарыстоўваюцца ў якасці апоры. 2. Шомпал’);

• частковае супадзенне семантыкі запазычання і этымона, у тым ліку пашырэнне значэння, яго абстрагаванне (бел. *андаракъ* ‘спадніца’ – ням. *Unterrock* ‘ніжняя спадніца’, бел. *райшуля* ‘пабудова’ – ням. *Reitschule* ‘школа верхавой, коннай язды’), звужэнне значэння, яго спецыялізацыя (бел. *вакса* ‘мазь для чысткі скуранага абутку’ – ням. *Wachs* ‘воск’, бел. *прасаваць* ‘гладзіць прасам’ – ням. *pressen* ‘націскаць’), пераасэнсаванне семантыкі на аснове метафарызацыі (бел. *дрэфіць* ‘разбэсціцца, сапсавацца’ – гал. *drijven* ‘адкланяцца ад курсу’, бел. *нэмаць* ‘красці, паціху браць’ – ням. *nehmen* ‘браць’, бел. *фрасунокъ* ‘смутак, журба’ – ням. *Fressung* ‘хвароба, мука’) і пераасэнсаванне семантыкі на аснове метанімізацыі (бел. *гербъ* ‘сімвалічны знак’ – сярэдневерхняням. *erbe* ‘спадчына’, бел. *кнутъ* ‘пуга’ – старажытнаісл. *knutr* ‘вузел’, бел. *шанокъ* ‘мера сыпкіх рэчываў’ – ням. *Schank* ‘пасудзіна’).

Пад уплывам лексіка-семантычнай сістэмы беларускай мовы запазычаныя лексічныя адзінкі атрымлівалі новыя сэнсавыя варыянты, што пашырала іх семантычную структуру і сферу функцыянавання [8, с. 128]. Полісемантызацыя, якая закранула толькі частку лексікі нямецкага паходжання (37%), характарызуецца наступнымі тыпамі семантычнай дэрывацыі:

• метафарызацыяй (бел. *абцуги* ‘1. Абцугі. 2. Вялікія рукі’ – ням. *Hebzange* ‘абцугі’, бел. *скиба* ‘1. Луста (звычайна хлеба). 2. Пласт узаранай зямлі’ – старажытнаверхняням. *sciba* ‘луста’);

• метанімізацыяй (бел. *дрыліхъ* ‘1. Цік (тканіна). 2. Спадніца з такой тканіны’ – ням. *Drellich* ‘цік’, бел. *крэйда* ‘1. Мел. 2. Крэдыт, пазыка’ – сярэдневерхняням. *kride* ‘мел’);

• апелятывацыяй (бел. *швабъ* ‘1. Галандзец. 2. Злодзеі’ – ням. *Schwab* ‘жыхар Швабіі’);

• пашырэннем семантыкі (бел. *стальмахъ* ‘1. Майстар, які робіць калёсы, сані. 2. Сталяр’ – ням. *Stellmacher* ‘майстар, які робіць экіпажы’);

• звужэннем семантыкі (бел. *муляръ* ‘1. Рабочы, які будзе што-небудзь з каменю або цэглы. 2. Пячнік, спецыяліст па кладцы пячэй’ – сярэдневерхняням. *mürer* ‘муляр’);

• камбінаванай полісемантызацыяй (бел. *крукъ* ‘1. Цвік з загнутым тупым канцом. 2. Багор, бусак. 3. Вочап у калодзежы. 4. Прыстасаванне для падчэплівання і перамяшчэння грузаў; качарга. 5. Відэлец для выцягвання мяса з катла. 6. Назва старога кая. 7. Лішняя адлегласць пры хадзьбе кружным шляхам. 8. Суцяга. 9. Хабарнік’ – ням. *Krücke* ‘качарга’, бел. *люнскіі* ‘1. Англійскі (лонданскі). 2. Зроблены з англійскага (лонданскага) сукна. 3. Замежны’ – сярэдняням. *lundisch* ‘англійскі’).

Большасць вылучаных германізмаў (66%) знаходзяцца на першым этапе семантычнай адаптацыі, пераважае поўнае супадзенне семантыкі беларускага слова са значэннямі (значэннем) этымона (65%). Полісемантызацыя закранае толькі частку запазычанай лексікі (34%) і ажыццяўляецца часцей за ўсё ў выніку развіцця дадатковых пераносных значэнняў (73%).

Словаўтваральны патэнцыял германізмаў. Аналіз фальклорна-дыялектных матэрыялаў XIX – пачатку XX ст. паказвае, што не ўсе германізмы мелі аднолькавы словаўтваральны патэнцыял, і дазваляе размеркаваць лексемы нямецкага паходжання адносна іх словаўтваральнай актыўнасці наступным чынам:

• словы без дэрыватаў (160 германізмаў);

• словы са слабай (ад 1 да 5 дэрыватаў) словаўтваральнай здольнасцю (219 германізмаў);

• словы з сярэдняй (ад 6 да 19 дэрыватаў) словаўтваральнай здольнасцю (96 германізмаў);

• словы з высокай (ад 20 да 49 дэрыватаў) словаўтваральнай здольнасцю (16 германізмаў);

• словы са звышвысокай (50 ці больш дэрыватаў) словаўтваральнай здольнасцю (3 германізмы).

Некаторыя беларускія вытворныя словы падобны да сваіх адпаведнікаў у польскай мове, якая ў працэсе запазычвання германізмаў часам служыла мовай-пасрэдняй [9, с. 68]. Аднак германізмы маглі быць запазычаны беларускай і польскай мовамі адначасова і дэрывацыйна адаптавацца ў кожнай з іх паралельна. Выключная блізкасць вытворных слоў польскай і беларускай моў у фанетычных і словаўтваральных адносінах часта не дазваляе дакладна вызначыць, якія лексічныя адзінкі былі непасрэдна запазычаны з польскай мовы і якія былі самастойна ўтвораны ў беларускай мове [10, с. 152].

Пераважная частка германізмаў здольны ўтвараць абмежаваную, невялікую колькасць дэрыватаў, што тлумачыцца адназначнасцю і канкрэтнасцю семантыкі запазычанняў з нямецкай мовы. З пункту гледжання словаўтваральных сродкаў у фальклорна-дыялектных запісах XIX – пачатку XX ст. словы нямецкага паходжання ў большасці выпадкаў працягвалі словаўтваральныя тэндэнцыі старабеларускай мовы. Назоўнікі і прыметнікі ў асноўным утвараліся шляхам суфіксацыі, тады як дзеясловы – шляхам

прэфіксацыі. Асноваскладанне (*халабуда, шмаровозь (шмаравозь), штуркмайстэрь*) і словакладанне (*вандеръ-вонъ, ключевуйтъ*) не аказаліся прадуктыўнымі спосабамі дэрывацыі, сустракаюцца толькі адзінкавыя іх прыклады. Пры ўтварэнні дэрыватаў ад германізмаў выкарыстоўваліся тыя ж словаўтваральныя сродкі, якія былі характэрны для старабеларускай мовы.

Так, найбольш прадуктыўнымі для старабеларускай мовы і беларускай народнай мовы XIX ст. былі назоўнікавыя суфіксы *-нн-, -ень-* (*мордованне, раженье, шмарованне*), *-ств-* (*грабарство, кушнерство, хурманство*), *-ник-, -нык-* (*крамникъ, стодольникъ, цывынныйкъ*), *-к-* (*анкарка, грубка, шалька*), *-ак-, -ык-, -ик-, -ек-, -эк-, -ёк-, -ок-* (*биндаликъ, валёкъ, ганэчэкъ, гачокъ, dyszelek, келишакъ, рякруцыкъ*). Дастаткова прадуктыўнымі былі назоўнікавыя суфіксы *-чик-, -чык-, -щик-* (*кубельчикъ, муричикъ, пугарчыкъ*), *-ар-, -яр-, -ер-, -ур-* (*бляхаръ, дротяръ, tancer, szlachtur*), *-еу-, -иу-, -ич-* (*lichtańec, morderec, шляхциць (шляхтиць), -ишек-, -ышек-, -ушек-* (*wójciszek, жартушекъ, шыляжышекъ*), *-ачк-, -учк-, -ычк-, -очк-, -ичк-, -ечк-, -ячк-, -ыцк-, -оцк-, -ицк-* (*будучка, иришчка, кофточка, крамочка (крамычка), тарельца, цукерычка, szafeczka, шылячка, шинкарицка*), *-аньк-, -оньк-, -еньк-, -юньк-, -яньк-, -ыньк-, -эньк-, -янк-, -инк-, -онк-* (*баволнянка, kulijka, мялянька, панчошинка, рысынька, талеронка, шкоданька (шкодэнька), szluczeńka, шинкаронька*), *-ин-, -ын-* (*гонцина, stusina, chfartuszyna*), *-н-* (*гомарня, шафарня, шпитальня*), *-их-, -ых-* (*бурмистиха, вайтиха, кухарыха*) і *-иц-, -ыц-* (*андарачыца, кублицца, млыницца*).

Для прыметнікаў былі характэрны суфіксы *-ск-, -ськ-* (*браварський, лицарскій, цывынскій*), *-н-* (*варцабный, троурный, шорный*), *-ов-, -ыв-, -ёв-, -ев-, -ав-, -ив-* (*гарсывый, дротёвый, кахлевый, марцовый, рантавый, хвалишый*) і *-лив-* (*трапливый, шановливый, шкадливый*). Меншай прадуктыўнасцю адзначаліся прыметнікавыя суфіксы *-ан-, -ян-* (*блишаний, кахляный, цегляный*), *-ист-* (*барвистый, сталисты, хвалдисты*) і *-ават-* (*пранцаваты, штуркваты*).

Дзеясловам была ўласціва прэфіксальная дэрывацыя, у чым прасочваюцца паралелі са старабеларускай мовай, у якой найбольшай прадуктыўнасцю адрозніваліся прыстаўкі *вы-* (*wyhandlawać, вымушць, выцвичць*), *з-, с-* (*скироваць, злітоваць, sfrasować*), *па-, по-, пы-, пу-* (*ratandrawać, пымярковаць, по-смаковаць, пушукаць*), *на-* (*надзяковаць, надруковаць, нашурмоваць*), *у-, в-* (*угамоваць, враховаць, уфарбоваць*), *за-, зы-* (*zabrawawać, завербоваць, зымардоваць*), *пры-, при-* (*привартоваць, прымандруваць, прираховаць*), *аб-, об-* (*абгабляваць, абкреслиць, абшукваць*), *пера-, пере-, перэ-, няра-, пира-, пири-* (*перажагнаць (перэжэгнаць, няражагнаць), перегартоваць, пирамалеваць, пиримирковаць*) і *а-, о-* (*обраковаць, афарбаваць, ашпетить*). Разам з тым у фальклорна-дыялектных запісах сустракаліся прэфіксы *из-* (*izbidawać, измаловаць*), *ат-, от-, ад-, од-* (*атмалываць, адратаваць, отшлифоваць, одшукваць*), *пра-, про-* (*praratandrawać, прогандлеваць, прошинковаць*), *пад-, под-, пьд-* (*падвартаваць, подриштоваць, пьдтрапиць*), *да-, до-* (*добудоваць, дамуляваць*) і *раз-, рыз-, рас-* (*рызмиркуваць, распрасоваць, разшаховаць*).

Фразеаўтваральная актыўнасць германізмаў. Найбольшай фразеалагічнай актыўнасцю характарызуецца агульнанародныя лексемы, якія абазначаюць актуальныя, штодзённыя праявы чалавечага жыцця, займаюць цэнтральнае месца ў лексіка-семантычных групах, маюць разгалінаваную полісемантычную структуру, сімвальнае значэнне і ўваходзяць у шэраг найбольш частотных слоў гутарковай мовы [11, с. 63]. У фразеалагічныя адносіны ўступаюць адны з самых даўніх германізмаў, якія былі адаптаваны да фанетычных, марфалагічных і сінтаксічных асаблівасцей беларускай мовы яшчэ ў XI–XVI стст.: *пападаць у абыццунды* ‘быць злоўленым, схопленым кім-небудзь’ (*Попадзись въ его абыццунды*², *живого не выпускаць* (Носович-1, с. 355)), *з гунту* ‘сапраўдны, першарадны’ (*Зъ гунту шельма (пьяница, воръ) – первостатейный негодяй* (Никифоровский-1, с. 206)), *на дахах хадзіць* ‘быць лунацікам, хварэць на самнамбулізм’ («Цижарная» *женщина не должна лежать против мѣсяца, чтобы онъ не свѣтилъ на нее, а не то дитя будетъ ходить «по мѣсяцу по дахахъ»* (Шейн, с. 14)), *як зэгар* ‘дакладна і бесперабойна’ (*Ů jehò idziè, jak zagàrak* (Federowski, s. 123)), *званіць кілішкамі* ‘выпіваць спіртнога, напівацца’ (*Зво-ниць келишками – пьянствовать весьма часто* (Никифоровский-2, с. 74)) і інш.

У асобных выпадках адно і тое ж слова нямецкага паходжання можа быць часткай некалькіх абаротаў. Напрыклад, германізм *каўнер* уваходзіць у склад фразеалагізмаў *заліваць за каўнер* ‘выпіваць спіртнога, напівацца’ (*Lje, jak za kajnièr* (Federowski, s. 166)), *накласці ў каўнер* ‘суро́ва распраўляцца з кім-небудзь, біць з бязлітаснасцю’ (*Ů kajnièr nakladù!* (Federowski, s. 398)), *абхарчыцца да апошняга каўняра* ‘збяднець’ (*Ну, погъхувъ туды, побывъ тамъ; цяперъ яму тамъ малёнько полгъишло, гѣдзецъ ёнъ назадъ у свою сторону, и обхарчився да послѣдняго кувнерâ, – и самъ золодавъ и лошади, агу – гъсь нечаго* (Романов, с. 149)), *узяць (прыхваціць) на каўнер* ‘пазычаць’ (*Сягольта яму крѣпка мутарно пришлось: гречачка намерзла, тамъ пашли сухмени, – канпелька ни узыйшла, а тутъ яще падастѣла и жаницьба сына, усѣ адно ка’днаму пашло на вубытки, давлялось трохи и на каунеръ прихваціць у купца* (Косич, с. 233)), *як вош на каўняры* ‘пра добрую пасадку, цёплае месца’ (*Сядзіць, як вош на каўнѣры* (Ляцкий, с. 43)). Германізм *круж* уваходзіць

²Тут і далей паўтлусты курсіў у цытатах наш. – В. П.

у склад фразеалагізмаў *гнуць* (*звесці*) у *крук* (*кручкі*) ‘мардаваць, моцна прыгнятаць; знявечыць’ (*Хто вянокъ раздэуець, / Таго у круокъ сажнець* (Добровольский-1, с. 14)), *крукам носа не дастаць* ‘вельмі фанабэрыцца, зазнавацца’ (*Ran, szto i nosa krukot nie дастаць* (Dybowski, s. 16)), *крукамі валачыць* ‘выказванне немагчымасці зрабіць, выканаць, успомніць, зразумець што-небудзь’ (*Choć ty miniè walaczь krukami* (Federowski, s. 326)), *кручок захіліць* ‘цвёрда запамінаць, улічваць на будучае’ (*Zachilić kruszòk* (Federowski, s. 342)), *крук у носе* ‘разбірацца, разумець’ (*Знаить трòху, шупить, круокъ у насу* (Добровольский-2, с. 17)), *рукі як крукі* ‘пра няўмелага, нязграбнага чалавека’ (*Руки слова круки* (Добровольский-2, с. 48)), *крукам сядзець* (*хадзіць*) ‘пра старанную, працяглую працу’ (*Крукомъ сьдзиць надь работою* (Носович-1, с. 254)), *крукам нос у губы ўрос* ‘пра п’янага, што дрэмле’ (*Крукомъ носъ въ губы вросъ* (Носович-2, с. 70)). Германізм *шэлег* уваходзіць у склад фразеалагізмаў *баяцца як ліхога шэлега* ‘пра чалавека, якога асперагаюцца як някасных грошай’ (*Baicsa, jak lichòho szèlaha* (Federowski, s. 20)), *знаць як ліхога шэлега* ‘пра чалавека, якога добра ведаюць і не з лепшага боку’ (*Znajuć jehò jak liehoho szèleha* (Czeczot, s. 116)), *наварнуцца як ліхі шэлег* ‘пра рэзкі, катэгарычны напад на каго-небудзь’ (*Nawierniùsie, jak lichàja szàpka [szèlah]* (Federowski, s. 199)), *не збудзеш як ліхога шэлега* ‘пра чалавека або рэч, ад якіх цяжка пазбавіцца’ (*Ni zbudziesz, jak lichòho szèlaha* (Federowski, s. 352)), *ні на шэлег* ‘зусім няма, пра поўную адсутнасць чаго-небудзь’ (*У дзэўкі вума, на шэлиг нимá* (Ляцкий, с. 48)), *ні зломанага* (*гарэлага*) *шэлега* ‘зусім нічога’ (*Горэлага шелега не стоиць* (Носович-2, с. 28)). Гэта дазваляе меркаваць аб частым выкарыстанні такіх слоў у вусным маўленні і іх поўнай адаптацыі да беларускай мовы.

Заклучэнне

Праведзены аналіз фальклорна-дыялектнага матэрыялу XIX – пачатку XX ст. дазволіў выявіць сёмантычны характарыстыкі і асаблівасці асіміляцыі германізмаў на беларускай моўнай глебе. Так, усе германізмы прайшлі першую ступень засваення іншамоўнай лексікі (фанетычнае і марфалагічнае прыстасаванне), 373 словы нямецкага паходжання рэалізавалі свой словаўтваральны патэнцыял і ўтварылі як мінімум адзін дэрыват, 199 слоў у выніку ўзаемадзеяння з уласнабеларускай лексічнай сістэмай атрымалі новыя сэнсавыя варыянты і сталі полісэмантычнымі адзінкамі, 105 слоў увайшлі ў склад фразеалагічных зваротаў.

Варта адзначыць такія характэрныя рысы германізмаў у мове фальклорна-дыялектных запісаў XIX – пачатку XX ст., як працяг старабеларускіх традыцый засваення іншамоўнай лексікі, іх далейшая адаптацыя да асаблівасцей беларускай мовы перыяду станаўлення кадыфікаваных агульналітаратурных норм.

Скарачэнні

Dybowski – *Dybowski W.* Prysłowia białoruskie z powiatu Nowogródzkiego // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków : Druk. Un-tu Jagiellońskiego, 1881. T. 5. S. 3–23 ; **Federowski** – *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905. Warszawa : Państw. wyd. nauk., 1935. T. 4. 490 s. ; **Czeczot** – *Czeczot J.* Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy, w mowie Sławiano-Krewickiej, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi. Wilno : Druk. Józefa Zawadzkiego, 1846. 134 s. ; **Добровольский-1** – *Добровольский В. Н.* Нечистая сила в народных верованиях (по данным Смоленской губ.) // Живая старина. СПб. : Тип. М. П. С., 1908. Т. 17, вып. 1. С. 3–16 ; **Добровольский-2** – *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб. : Тип. С. Н. Худекова, 1894. Ч. 3 : Пословицы. 137 с. ; **Косич** – *Косич М. Н.* Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни // Живая старина. СПб. : Тип. кн. В. П. Мещерского, 1901. Т. 2, вып. 11. С. 221–260 ; **Ляцкий** – *Ляцкий Е. А.* Материалы для изучения творчества и быта белорусов // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских / под ред. Е. В. Барсова. М. : Унив. тип., 1898. Кн. 3. С. 1–64 ; **Никифоровский-1** – *Никифоровский Н. Я.* Полупословицы и полупоговорки, употребляемые в Витебской Белоруссии // Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества. Вильно : Тип. А. Г. Сыркина, 1913. Кн. 4. С. 205–210 ; **Никифоровский-2** – *Никифоровский Н. Я.* Очерки Витебской Белоруссии // Этнографическое обозрение / под ред. Н. А. Янчука. М. : Губ. тип., 1896. Т. 8, кн. 28, № 4. С. 65–88 ; **Носович-1** – *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1870. 756 с. ; **Носович-2** – *Носович И. И.* Сборник белорусских пословиц. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1874. 232 с. ; **Романов** – *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Сказки космогонические и культурные. Витебск : Типолитография Г. А. Малкина, 1891. Вып. 4. 220 с. ; **Шейн** – *Шейн П. В.* Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями : с прил. объясн. слов. и грамат. примеч. СПб. : Тип. Майкова, 1874. 566 с.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Жураўскі АІ. *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Том 1.* Мінск: Навука і тэхніка; 1967. 372 с.
2. Гапоненка ІА. Запазычэнні ў беларускай мове XIX ст. (на матэрыяле «Слоўніка беларускай мовы» І. Насовіча, 1870). У: Прыгодзіч МР, рэдактар. *Беларуская мова і мовазнаўства: XIX стагоддзе.* Мінск: БДУ; 2013. с. 37–42.
3. Гапоненка ІА. Графіка-арфаграфічная спецыфіка беларускіх выданняў XIX ст. У: Прыгодзіч МР, рэдактар. *Беларуская мова і мовазнаўства: XIX стагоддзе.* Мінск: БДУ; 2013. с. 50–63.
4. Станкевіч АА. Лексіка іншамоўнага паходжання ў беларускіх народных гаворках. У: Прыгодзіч МР, рэдактар. *Беларускае слова: дыялектнае і запазычанае. Матэрыялы навуковых чытанняў, прысвечаных памяці дацэнта Еўдакіі Сцяпанануны Мяцельскай; 26–27 красавіка 2011 г.; Мінск, Беларусь.* Мінск: Права і эканоміка; 2011. с. 149–158.

5. Станкевіч АА. Аб некаторых асаблівасцяў функцыянавання і адаптацыі германізмаў у беларускіх гаворках. У: Мальдзіс А, рэдактар. *Беларусіка = Albaruthenica. Беларуская-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне: гісторыя, сучаснасць, перспектывы. Матэрыялы Міжнароднага круглага стала. Кніга 7; 29–30 красавіка 1996 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Нацыянальны навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны; 1996. с. 124–129.
6. Станкевіч АА. Даўнія запазычанні ў беларускіх гаворках. *Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук*. 1990;3:97–102.
7. Станкевіч АА. *Мова і грамадства: міжмоўныя кантакты і лексічнае ўзаемадзеянне ў беларускіх народных гаворках*. Мінск: Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы; 2012. 220 с.
8. Маркевіч АА. О смысловой структуре лексических единиц, сходных по форме в немецком и белорусском языках. В: Лукьяненко КФ, редактор. *Вопросы семантики и методики преподавания иностранных языков*. Минск: Наука и техника; 1982. с. 120–128.
9. Масленікава СС. *Германізмы ў дыялектнай мове Гродзеншчыны*. Сцяцко ПУ, рэдактар. Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы; 2013. 130 с.
10. Жураўскі АІ. Запозычаная лексіка ў старабеларускай мове. У: Баханькоў АЯ, Жураўскі АІ, Суднік МР, рэдактары. *Гістарычная лексікалогія беларускай мовы*. Мінск: Навука і тэхніка; 1970. с. 81–160.
11. Даніловіч МА. *Слова і фразеалагізм у беларускай мове*. Гродна: ЮрСаПрынт; 2015. 300 с.

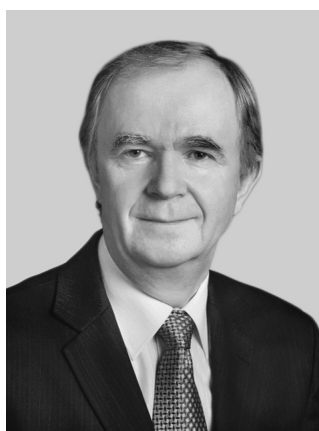
References

1. Zhurawski AI. *Gistoryja belaruskaj litaraturnaj movy. Tom 1* [The history of Belarusian literary language. Volume 1]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1967. 372 p. Belarusian.
2. Gaponenka IA. [Borrowings in the Belarusian language of the 19th century (on the material of the «Dictionary of the Belarusian language» by I. Nasovich, 1870)]. In: Prygodzich MR, editor. *Belaruskaja mova i movaznavstva: XIX stagoddze* [Belarusian language and linguistics: 19th century]. Minsk: Belarusian State University; 2013. p. 37–42. Belarusian.
3. Gaponenka IA. [Graphics and orthographic specificity of Belarusian editions of the 19th century]. In: Prygodzich MR, editor. *Belaruskaja mova i movaznavstva: XIX stagoddze* [Belarusian language and linguistics: 19th century]. Minsk: Belarusian State University; 2013. p. 50–63. Belarusian.
4. Stankevich AA. [Vocabulary of foreign origin in Belarusian dialects]. In: Prygodzich MR, editor. *Belaruskae slova: dyjalektnae i zapazychanae. Matjeryjaly navukovyh chytannjaj, prysvechanyh pamjaci dajcenta Ewdakii Scjapanawny Mjajel'skaj; 26–27 krasavika 2011 g.; Minsk, Belarus'* [Belarusian word: dialect and borrowed. Proceedings of scientific readings dedicated to the memory of associate professor Eudakia Stepanovna Myatel'skaya; 2011 April 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Prava i jekonomika; 2011. p. 149–158. Belarusian.
5. Stankevich AA. [On some features of functioning and adaptation of Germanisms in Belarusian dialects]. In: Mal'dzis A, editor. *Belarusika = Albaruthenica. Belaruska-njameckae gramadska-kul'turnae wzaemadzejanne: gistoryja, suchasnasc', perspektyvy. Matjeryjaly Mizhnarodnaga kruglaga stala. Kniga 7; 29–30 krasavika 1996 g.; Minsk, Belarus'* [Belarusian-German social and cultural interaction: history, present, prospects. Proceedings of the International round table. Book 7; 1996 April 29–30; Minsk, Belarus]. Minsk: Nacyjanal'ny navukova-asvetny cjeitr imja F. Skaryny; 1996. p. 124–129. Belarusian.
6. Stankevich AA. [Long-standing borrowings in Belarusian dialects]. *Vesci AN BSSR. Serija hramadskich navuk*. 1990;3:97–102. Belarusian.
7. Stankevich AA. *Mova i gramadstva: mizhmownyja kantakty i leksichnae wzaemadzejanne w belaruskich narodnyh gavorkah* [Language and society: interlingual contacts and lexical interaction in Belarusian dialects]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2012. 220 p. Belarusian.
8. Markevich AA. [On the semantic structure of lexical units similar in form in German and Belarusian]. In: Luk'yanenkov KF, editor. *Voprosy semantiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh jazykov* [Questions of semantics and methods of teaching foreign languages]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1982. p. 120–128. Russian.
9. Maslenikava SS. *Germanizmy w dyjalektnaj mowe Grodzenshchyny* [Germanisms in the dialect language of Grodno region]. Sejacko PU, editor. Hrodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2013. 130 p. Belarusian.
10. Zhurawski AI. *Zapazychanaja leksika w starabelaruskaj mowe* [Borrowed vocabulary in the Old Belarusian language]. In: Bahan'kow AJa, Zhurawski AI, Sudnik MR, editors. *Gistorychnaja leksikologija belaruskaj movy* [Historical lexicology of the Belarusian language]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1970. p. 81–160. Belarusian.
11. Danilovich MA. *Slova i frazealogizm u belaruskaj mowe* [Word and phraseology in the Belarusian language]. Hrodna: JurSaPrynt; 2015. 300 p. Belarusian.

ЮБИЛЕИ

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Иван Семёнович
РОВДО

Іван Сямёнавіч
РОЎДА

Ivan Semenovich
ROVDO

В июне 2023 г. отмечает свой юбилей заведующий кафедрой русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета доктор филологических наук, профессор Иван Семёнович Ровдо – талантливый ученый и педагог, автор учебников и учебных пособий по русскому и белорусскому языкам для школьников и студентов, глубоких и оригинальных работ по сопоставительной лексикологии, семантике, словообразованию, проблемам языковой ситуации и аспектам функционирования русского языка в Беларуси.

Иван Семёнович родился 13 июня 1953 г. в г. п. Мядель Минской области. С 1970 г., когда после окончания Мядельской средней школы он поступил на филологический факультет БГУ, до этого момента жизнь И. С. Ровдо неразрывно связана с ведущим учреждением высшего образования страны. По окончании университета в 1975 г. Иван Семёнович начал работать преподавателем кафедры русского языка

филологического факультета БГУ, а с 1977 по 1980 г. он учился в аспирантуре при этой же кафедре. В 1980 г. И. С. Ровдо блестяще защитил кандидатскую диссертацию «Межъязыковая омонимия в условиях русско-белорусского и белорусско-русского билингвизма» (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор П. П. Шуба), после чего продолжил работу на кафедре русского языка филологического факультета БГУ в должности преподавателя. В 1984 г. Иван Семёнович был избран на должность доцента этой кафедры. В 1996 г. И. С. Ровдо защитил докторскую диссертацию «Лексические лакуны и средства их компенсации (сопоставительное системно-функциональное исследование белорусского и русского языков)» (научный консультант – П. П. Шуба). В этом же году он был назначен на должность заместителя декана филологического факультета БГУ по научной работе и международным связям, в 1997 г. – на должность

профессора кафедры русского языка, а в 1999 г. – на должность заведующего этой кафедрой. В 2002 г. Иван Семёнович стал деканом филологического факультета БГУ и руководил им до 2021 г., после чего возглавил кафедру русского языка, где в настоящее время совмещает должности заведующего и профессора.

Научное творчество И. С. Ровдо представляется многогранным и целостным по своей направленности. Главное место в сфере его научных интересов занимает область сопоставительно-типологических исследований русского и белорусского языков (монография «Рознаўзроўневая адпаведнасць беларускай і рускай моў» (1999)). В то же время Иван Семёнович является автором более 250 научных и учебно-методических работ, в которых ставятся и решаются проблемы методики преподавания русского языка, в том числе иностранной аудитории, рассматриваются актуальные вопросы теории номинации и грамматики. Многие работы И. С. Ровдо пользуются популярностью за рубежом, его доклады на международных научных конференциях и симпозиумах в России, Болгарии, Италии, Финляндии, Великобритании, Испании, Китае, Чехии, Словакии и других странах вызывают большой интерес.

Иван Семёнович щедро делится своими научными идеями с коллегами и учениками. Помня о принципе преемственности в науке, он поддерживает и развивает традиции научной школы, основателем которой был его наставник П. П. Шуба. В рамках этой школы под руководством И. С. Ровдо было подготовлено и защищено десять кандидатских диссертаций и две докторские диссертации. Иван Семёнович является председателем совета по защите диссертаций по специальностям 10.02.01 «Белорусский язык», 10.02.02 «Русский язык» и 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при БГУ, научным руководителем двух тем научно-исследовательской работы, одна из которых входит в государственную программу научных исследований, одним из руководителей государственной программы научных исследований «Белорусский язык и литература».

Среди ученых-лингвистов И. С. Ровдо хорошо известен и как глубокий исследователь, и как неутомимый организатор науки. В течение многих лет он является председателем научно-методического совета по филологическим специальностям Учебно-методического объединения по гуманитарному образованию, председателем Белорусского общественного объединения преподавателей русского языка и литературы, членом президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, главным редактором журнала «Русистика в Беларуси», членом международного редакционного совета журнала «Вестник Московского университета», председателем редакционного совета журнала «Русский язык и литература», чле-

ном редколлегий журналов «Родные слова», «Журнал Белорусского государственного университета. Филология» (с 1996 по 2001 г. был ответственным редактором), а также научным редактором серии изданий «Замежная беларусістыка». На протяжении многих лет Иван Семёнович возглавляет жюри Республиканской олимпиады по русскому языку и литературе. Начиная с 2002 г. под руководством И. С. Ровдо на базе кафедры русского языка филологического факультета БГУ регулярно проводится Международная научная конференция «Русский язык: система и функционирование».

Будучи деканом филологического факультета БГУ, Иван Семёнович много сделал для развития плодотворного учебно-методического и научного сотрудничества с университетами России, Китая, Германии, Словакии, Польши, Украины и других стран. В результате этой деятельности были заключены договоры с вузами 11 стран мира, в том числе о совместной образовательной программе по системе «2 + 2» с университетами Китая и Узбекистана. При непосредственном участии И. С. Ровдо на филологическом факультете БГУ были открыты новые направления специальностей, кафедры, профильные кабинеты, а также известная за пределами университета аудитория «Народныя паэты і пісьменнікі Беларусі», ставшая не только музеем, но и центром музейной педагогики.

Иван Семёнович всегда придавал важное значение сохранению и популяризации истории своего факультета, сведений о людях, внесших значительный вклад в его развитие. Результатом работы в этом направлении стало издание под его редакцией книг «Філалагічны факультэт: да 70-годдзя заснавання» (2008) и «Окрыленные словом: к 80-летию филологического факультета БГУ» (2019).

Деятельность И. С. Ровдо получила высокую оценку со стороны не только университета, но и государства. Иван Семёнович награжден медалью Франциска Скорины, нагрудным знаком «Выдатнік адукацыі», почетными грамотами Совета Министров Республики Беларусь, Национального собрания Республики Беларусь, Министерства образования Республики Беларусь и БГУ, почетными званиями «Заслуженный работник образования Республики Беларусь», «Заслуженный работник Белорусского государственного университета». Кроме того, И. С. Ровдо является лауреатом премии имени В. И. Пичеты.

Иван Семёнович работает на филологическом факультете БГУ уже 48 лет. Все эти годы его научная и педагогическая деятельность была направлена на развитие и повышение международного статуса белорусской лингвистической науки и национального образования. За это время коллеги узнали и полюбили И. С. Ровдо как целеустремленного, эрудированного, энергичного и очень работоспособного человека. Преподаватели и студенты высоко ценят в нем такие качества, как доброжелательность,

интеллигентность, добросовестность в научных исследованиях, умение создать вокруг себя творческую атмосферу и увлечь идеями, высокий профессионализм и педагогическое мастерство.

Кафедра русского языка филологического факультета БГУ от всей души поздравляет Ивана Се-

мёновича с юбилеем и искренне желает ему крепкого здоровья, счастья, новых идей и достижений в нелегком, но благородном преподавательском труде.

Т. Н. Волынец¹, И. Э. Ратникова²

¹*Татьяна Николаевна Волынец* – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета.

Тацяна Мікалаеўна Валынец – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Tatyana N. Volynets, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian language, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: tatka6148@gmail.com

²*Ирина Энгелевна Ратникова* – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета.

Ірына Энгелеўна Ратнікава – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Irina E. Ratnikova, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian language, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: irina.e.ratnikova@gmail.com

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Станислав
ГАЙДА**

**Станіслаў
ГАЙДА**

**Stanisław
GAJDA**

Сумная вестка прыйшла з Апольскага ўніверсітэта (Польшча), дзе 23 лістапада 2022 г. на 78-м годзе спыніўся жыццёвы шлях аднаго з найбольш выбітных еўрапейскіх славістаў апошняй чвэрці XX – пачатку XXI ст. доктара філалагічных навук, прафесара Станіслава Гайды.

У асяроддзі беларускіх мовазнаўцаў імя польскага філолага, спецыяліста ў галіне польскай і славянскай лінгвістыкі, лексікалогіі, сацыялінгвістыкі, стылістыкі і тэорыі тэксту стала вядомым у 1990 г., калі 24–26 верасня ў тады яшчэ Вышэйшай педагагічнай школе імя паўстанцаў Шлёнскіх праходзіла навуковая канферэнцыя «Сінтэз у славянскай стылістыцы» («Synteza w stylistyce słowiańskiej») і была прапанавана ідэя падрыхтоўкі Міжнароднага праекта «Змены ў сучасных славянскіх мовах» («Najnowsze dzieje języków słowiańskich»). Выказаную С. Гайдам прапанову аднадушна падтрымалі Т. Р. Вінакур, С. Дзімітрова, М. П. Кацорава, Т. І. Панько, Р. Я. Салганік, М. Ялінек, М. Р. Прыгодзіч і інш. На наступных штогадовых сустрэчах каардынатараў і выканаўцаў праекта была выпрацавана агульная канцэпцыя і ўзгоднена структура асобных манаграфій па кожнай са славянскіх моў.

Шчырая заклапочанасць кіраўніка праекта вынікамі працы кожнага навуковага калектыву стала трывалай асновай будучага поспеху ўнікальнай для сусветнай славістыкі 14-томнай манаграфіі (Мінск, 1996–2004). Падрыхтоўцы беларускай часткі даследавання паспрыялі вынікі Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Беларуская мова ў другой палове XX стагоддзя», якая праходзіла на філалагічным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта 22–24 кастрычніка 1997 г. На канферэнцыі з грунтоўным дакладам выступіў і С. Гайда. Калектыўная манаграфія «Беларуская мова» (Аполе, 1998), падрыхтаваная ў рамках адзначанага праекта Л. Ц. Выгоннай, В. П. Краснеем, А. А. Крывіцкім, А. А. Лукашанцам, М. Р. Прыгодзічам, Т. Р. Рамзай, Л. І. Сямешкай і І. Р. Шкрабай, стала першай замежнай працай айчынных лінгвістаў.

Падчас выканання гэтага праекта Станіслаў Гайда стаў заснавальнікам і шматгадовым галоўным рэдактарам часопіса «Стылістыка». Менавіта дзякуючы плённай міжнароднай дзейнасці дырэктара Інстытута польскай філалогіі (1990–2012) і загадчыка кафедры польскай мовы (1998–2012) была вышэйшая школа атрымала статус паўнапраўнага

дзяржаўнага ўніверсітэта ў сталіцы Апольскага ваяводства.

Сярод найбольш значных работ польскага славіста можна адзначыць 4-томнае выданне «Параўнанне сістэм і функцыянавання сучасных славянскіх моў» («Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich», 2003–2009), выданні «Новыя дыскурсіўныя таварыствы супраць камунікатыўнай адукацыі» («Nowe społeczności dyskursywne a edukacja komunikacyjna», 2001), «Новыя сродкі масавай інфармацыі ў лінгвістычнай перспектыве» («Nowe media w perspektywie lingwistycznej», 2010) і інш. Усяго на творчым рахунку С. Гайды налічваецца амаль 300 навуковых публікацый.

Высока адзначаны ў краіне і за яе межамі навуковы і выключны арганізатарскі талент С. Гайды. У 2010 г. ён стаў членам-карэспандэнтам, а ў 2016 г. – сапраўдным членам Польскай акадэміі навук. З 2000 г. С. Гайда з'яўляўся членам прэзідыума Міжнароднага камітэта славістаў, а ў 2018 г. на чарговым форуме славістаў у Бялградзе ён быў абраны ганаровым членам гэтага камітэта. Акрамя таго, С. Гай-

да быў ганаровым членам Чэшскага лінгвістычнага таварыства, атрымаў званне ганаровага доктара (*honoris causa*) Універсітэта Святых Кірылы і Мяфодзія (Скоп'е), Педагагічнага ўніверсітэта (Кракаў) і Універсітэта гуманітарных навук і навук аб жыцці імя Яна Длугаша (Чэнстахова).

Стасункі С. Гайды з беларускімі лінгвістамі А. Я. Супруном, Б. А. Плотнікавым, Г. А. Цыхуном, Н. Б. Мячкоўскай, А. А. Лукашанцам і правядзенне штогадовых міжнародных славістычных канферэнцый у Апольскім універсітэце паспрыялі актыўнаму ўдзелу ў іх такіх навукоўцаў, як А. І. Яновіч, Л. М. Шакун, Л. І. Сямешка, В. П. Красней, Л. М. Чумак, І. Р. Шкраба, А. А. Ціхамірава, а таксама многіх аспірантаў БДУ, якія пазней сталі кандыдатамі і дактарамі філалагічных навук.

У памяці тых, хто ведаў С. Гайду і працаваў разам з ім, ён застаецца ўдумлівым вучоным, тактоўным педагогам і выкладчыкам, таленавітым арганізатарам і добразычлівым дарадчыкам.

*М. Р. Прыгодзіч*¹

¹Николай Григорьевич Пригодич – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Мікалай Рыгоравіч Прыгодзіч – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Mikalaj R. Pryhodzich, doctor of science (philology), full professor; head of the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: prigodichng@bsu.by

**Елена Ивановна
ЯНОВИЧ**

**Алена Іванаўна
ЯНОВІЧ**

**Elena Ivanovna
YANOVICH**

Один из самых авторитетных специалистов в области отечественной русистики и белорусистики, исторической грамматики русского языка, истории русского литературного языка профессор Елена Ивановна Янович скончалась 4 мая 2023 г. на 91-м году жизни.

Е. И. Янович родилась в семье ученого-биолога 18 марта 1933 г. в Гомеле, где получила образование в средней школе № 10. В 1955 г. Елена Ивановна закончила Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Научные интересы Е. И. Янович сформировались в этом учреждении высшего образования под влиянием лучших филологов того времени: профессоров С. И. Радцига, Н. К. Гудзия, Г. Н. Поспелова, С. Б. Бернштейна, П. С. Кузнецова, В. Г. Орловой и др. Особую роль в судьбе Елены Ивановны сыграл научный руководитель ее дипломной работы – профессор Р. И. Аванесов, от которого она получила рекомендацию для поступления в аспирантуру.

В 1960 г. Е. И. Янович успешно защитила кандидатскую диссертацию «Пытанні суфіксальнага дзеясловаўтварэння ў гісторыі беларускай мовы» под руководством доцента А. Я. Бирало. После окончания аспирантуры Елена Ивановна в течение десяти лет работала в отделе истории белорусского языка Института языкознания АН БССР.

С 1968 г. Е. И. Янович работала на кафедре русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, где вела курсы по исторической грамматике русского языка и истории русского литературного языка. Именно здесь в полной мере реализовался ее научный, педагогический, методический и воспитательный потенциал. Студенты надолго запоминали спокойный и вдумчивый голос лектора, его манеру держаться в аудитории, умение делать паузы в нужных местах, проводить параллели между современными и историческими фактами языка.

Научное наследие Елены Ивановны представляется весьма значительным: она является автором 150 научных публикаций, в том числе 11 книг, 7 разделов книг и учебных программ, нескольких десятков докладов, статей и рецензий. К наиболее ценным работам Е. И. Янович относятся издания «Русско-белорусский словарь общественно-политической терминологии» (1970) и «Руска-беларускі слоўнік сельскагаспадарчай тэрміналогіі» (1994), подготовленные в коллективе составителей, разделы в книгах «Гісторыя беларускай літаратурнай мовы» (1968), «Русский язык. Учебное пособие для учащихся педагогических колледжей и училищ» (1999) и др. Самым важным научно-методическим трудом Елены Ивановны является базовый учебник «Историческая грамматика русского языка. Учебное пособие для студентов филологических факультетов вузов» (1986). В 2009 г. вышло в свет ее учебно-методическое пособие «Русский язык в историческом освещении», в котором излагаются сведения о происхождении русского языка, основных этапах его становления, раскрывается исторический процесс формирования современной системы русского языка, а также дается исторический комментарий к актуальным лингвистическим аномалиям, сохраняющим следы древней языковой системы. В этом пособии принцип историзма обозначен как необходимый компонент преподавания русского языка в условиях белорусско-русского двуязычия.

В области белорусского языкознания Е. И. Янович интересовали аспекты становления графической системы белорусского литературного языка, проблемы исторической грамматики белорусского языка, в частности вопросы формирования категории вида в XV–XVII вв., особенности современного белорусского языка с точки зрения исторической перспективы. Елена Ивановна посвятила цикл статей проблемам лингвостилистики в произведениях белорусского народного творчества (загадках,

проклятиях, заговорах), проанализировала функции метафоры в фольклорных текстах, их структуру и лингвокультурный потенциал.

В 1982 г. Е. И. Янович защитила докторскую диссертацию «Наречие в истории русского языка: генезис и функционирование основных морфологических типов производных наречий» и на основе ее материалов издала в 1987 г. одноименную монографию. Данный большой научно-исторический труд включен в типовые учебники по исторической грамматике русского языка В. В. Иванова (Москва) и В. В. Колесова (Санкт-Петербург). Это скрупулезное исследование подтолкнуло Елену Ивановну к созданию серии научных статей, посвященных сравнению наречий в истории русского и белорусского, русского и чешского языков, а также выявлению этимологии наречий.

С конца 1990-х гг. научные интересы Е. И. Янович сместились в сторону синхронии. В этот период Елена Ивановна опубликовала несколько работ о структурных и функционально-стилистических изменениях в русском языке XX в., рассмотрела психолингвистические и лингвистические предпосылки появления ошибок в речи студентов, проанализировала аспекты взаимодействия языка, культуры и мышления в процессе взаимовлияния языков и культур в газетном тексте. Отдельный научный интерес для филолога представляли афоризмы современного русского языка, которые Е. И. Янович подвергала семан-

тико-стилистическому описанию. Кроме того, Елена Ивановна исследовала русскую афористику через призму носителя языка, отметив особую антропоцентричность фразеологической картины мира.

Многие идеи Е. И. Янович разрабатывались ее учениками. Она подготовила девять кандидатов наук.

На протяжении нескольких лет Елена Ивановна являлась председателем научных семинаров по предварительной экспертизе диссертаций по белорусскому и русскому языкознанию, председателем комиссии по аттестации аспирантов филологического факультета БГУ, была членом ученого совета филологического факультета БГУ, членом совета по защите кандидатских и докторских диссертаций БГУ.

Труд Е. И. Янович неоднократно отмечался на разных уровнях. Она удостоена звания «Отличник образования Республики Беларусь», награждена несколькими грамотами БГУ и Министерства образования БССР, почетной грамотой Верховного Совета БССР, а также медалью Франциска Скорины за создание серии новаторских работ о культурном наследии белорусского первопечатника.

В сердцах учеников, коллег и студентов Елена Ивановна навсегда останется сердечным, искренним и скромным человеком, всецело преданным любимому делу.

*А. А. Матюнова*¹

¹ Антонина Александровна Матюнова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета.

Антоніна Аляксандраўна Мацюнова – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры рускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Antonina A. Matsiunova, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Russian language, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: kozhevnikova_ant@mail.ru

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АННОТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 821.161.3.09(075.8-054.6)

Губская О. Н. Белорусская литература (для иностранных студентов) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 08 «Журналистика (по направлениям)» / О. Н. Губская, Н. В. Кузьмич ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 61 с. : табл. Библиогр.: с. 57–59. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/297482>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 24.05.2023, № 004924052023.

Электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Белорусская литература» предназначен для иностранных студентов специальности 1-23 01 08 «Журналистика (по направлениям)».

УДК 811.111'276.6:327(075.8)

Иностранный язык профессиональной деятельности (первый) (английский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 01 «Международные отношения». В 3 ч. Ч. 2 : Аспект «английский язык для профессиональной деятельности» (4–7-й семестры) / И. В. Авдеева, С. А. Зудова, И. Н. Ивашкевич ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 205 с. : табл. Библиогр.: с. 199–205. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/294522>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 16.02.2023, № 001216022023.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 2–4-го курсов специальности «международные отношения». Данный ЭУМК состоит из трех частей: аспект «английский язык для профессиональной деятельности» (2–3-й семестры), аспект «английский язык для профессиональной деятельности» (4–7-й семестры) и аспект «общелитературный английский язык» (2–7-й семестры).

УДК 811.1/.8(072)(06)

Иностранный язык (английский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-25 01 02 «Экономика», 1-25 01 01 «Экономическая теория», 1-96 01 02 «Экономическая безопасность», 1-25 01 04 «Финансы и кредит», 1-25 01 12 «Экономическая информатика», 1-26 02 02 «Менеджмент (по направлениям)», 1-26 02 02-05 «Менеджмент (международный)», 1-26 02 02-08 «Менеджмент (инновационный)» / БГУ ; сост.: Л. В. Хведченя [и др. ; под общ. ред. Л. В. Хведчени]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 246 с. : ил., табл. Библиогр.: с. 236. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/294903>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.03.2023, № 001909032023.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский)» предназначен для студентов первого курса экономических специальностей дневной формы обучения. Содержание ЭУМК предусматривает развитие академических, социально-личностных и профессиональных компетенций студентов. Цель ЭУМК – предоставить студенту полный комплект учебно-методических материалов для аудиторного и самостоятельного изучения дисциплины.

УДК 811.112.2'38(075.8)

Котовская С. С. Стилистика. Модуль «Теоретические основы первого иностранного языка-2» [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская филология» / С. С. Котовская, А. И. Риммар ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 106 с. : табл. Библиогр.: с. 103–106. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/296291>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.04.2023, № 003312042023.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Стилистика» предназначен для студентов специальности 1-21 05 06 «Романо-германская филология». ЭУМК включает в себя пояснительную записку, отражающую структуру ЭУМК, а также цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы; теоретический раздел; практический раздел с перечнем примерных тем и заданий для семинарских занятий; раздел контроля знаний с примерами УСР и примерными вопросами к зачету; вспомогательный раздел, содержащий учебно-программные материалы, перечень литературы, рекомендуемой для изучения дисциплины. ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ, также может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 811.111'373(075.8)

Лексикология английского языка [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс с креативным компонентом для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская (английская) филология» / БГУ ; сост. В. Ф. Толстоухова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 201 с. Библиогр.: с. 200–201. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/296323>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 13.04.2023, № 003513042023.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 05 06 «Романо-германская (английская) филология», а также для всех желающих углубить свои знания, совершенствовать навыки и умения по лексикологии английского языка. ЭУМК содержит теоретический материал, практические задания, в том числе с эвристическим компонентом, тестовые задания, направленные на проверку усвоения предлагаемого теоретического материала, основных терминов и понятий дисциплины «Лексикология». ЭУМК рассматривает такие актуальные лексикологические проблемы, как значения слова, этимология, стилистическая стратификация словарного состава, синонимия, антонимия, неологизмы, словообразование, фразеология, региональные варианты английского языка и др. Четкая организация, интересные задания, целенаправленный контроль позволит обучающимся самостоятельно успешно построить траекторию освоения данной дисциплины, повысить мотивацию.

УДК 811.124'276.6:61(072)(06)+811.124'276.6:57(072)(06)

Методика преподавания медицинской и биологической латыни [Электронный ресурс] : материалы Межуниверситетского круглого стола (Минск, 25 января 2023 г.) / БГУ ; [редкол.: А. В. Кириченко (отв. ред.), Д. Г. Минкевич]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 56 с. : табл. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/296306>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 13.04.2023, № 003413042023.

В сборнике представлены материалы Межуниверситетского круглого стола «Методика преподавания медицинской и биологической латыни», который состоялся 25 января 2023 г. на филологическом факультете БГУ.

Материалы охватывают широкий спектр вопросов, касающихся преподавания латинского языка в медицинских университетах и колледжах, на естественно-научных факультетах БГУ, а также подготовки преподавателей латинского языка.

Сборник адресуется преподавателям медицинской и биологической латыни, студентам специальности «классическая филология» и всем интересующимся вопросами методики преподавания.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе [Электронный ресурс] : материалы VII Респ. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (Минск, 26 янв. 2023 г.) / БГУ ; [редкол.: А. Э. Черенда (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 374 с. : табл. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/294880>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.03.2023, № 001809032023.

Сборник материалов VII Республиканской научно-практической конференции (с международным участием) «Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе» включает статьи, рассматривающие вопросы педагогики, психологии и методики преподавания иностранных языков, а также значимые вопросы внедрения инновационных технологий в образовательный процесс. Авторская редакция текстов сохранена.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Кашкан Т. А.</i> Формы интертекстуальности в романах М. З. Данилевского и Дж. С. Фоера.....	5
<i>Сьянова А. Е.</i> Рецепция античных и библейских образов в сборниках Р. М. Рильке «Новые стихотворения» и «Новых стихотворений вторая часть» в контексте концепции диалога культур.....	13
<i>Ефименко А. О.</i> Трансформация жанра детектива во французском романе рубежа XX–XXI вв. ...	22
<i>Губская О. Н.</i> Исследование литературы с доминантным документальным началом в белорусском литературоведении: развитие традиции.....	30

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Козловская Л. А.</i> Лингвосемиотика национальной идентичности в сфере цифровой публичной дипломатии.....	38
<i>Гапоненко И. О. В. К.</i> Стукалич – литературовед, историк, краевед XIX в.: лингвистическое наследие.....	45
<i>Болтовская Е. А.</i> О вариантности родовых характеристик склоняемых нарицательных имен существительных.....	56
<i>Корнакова В. И.</i> Общие и различительные черты лексико-фразеологических полей ‘беспокойство, тревога’ в русском, белорусском, английском и немецком языках.....	68
<i>Марченко О. В.</i> Реконструкция собеседником нереализованного коммуникативного замысла говорящего.....	84
<i>Беликова Е. А.</i> Семантические особенности отрицательных конструкций в научном монологе и научном диалоге на материале русского и английского языков.....	92
<i>Зуева О. В.</i> К проблеме семантической дифференциации обозначений эпистолярных текстов в древнерусских и старорусских письменных памятниках: грецизмы <i>грамота, епистолия, хартия, харатия</i>	101
<i>Алексеевич А. В.</i> Богемизмы в староукраинском литературном памятнике «Луцидарий».....	115
<i>Пахирко В. В.</i> Германизмы в языке фольклорно-диалектных записей XIX – начала XX в.	125

ЮБИЛЕИ

Иван Семёнович Ровдо.....	134
---------------------------	-----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Станислав Гайда	137
Елена Ивановна Янович	139
Аннотации депонированных работа в БГУ.....	141

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Кашкан Т. А.</i> Формы інтэртэкстуальнасці ў раманах М. З. Данілеўскага і Дж. С. Фоера.....	5
<i>С’янова Н. Я.</i> Рэцэпцыя антычных і біблейскіх вобразаў у зборніках Р. М. Рыльке «Новыя вершы» і «Новых вершаў другая частка» ў кантэксце канцэпцыі дыялогу культур.....	13
<i>Яфіменка Г. А.</i> Трансфармацыя жанру дэтэктыва ў французскім рамане рубяжа XX–XXI стст. ...	22
<i>Губская В. М.</i> Даследаванне літаратуры з дамінантным дакументальным пачаткам у беларускім літаратуразнаўстве: развіццё традыцыі.....	30

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Казлоўская Л. А.</i> Лінгвасеміётыка нацыянальнай ідэнтычнасці ў сферы лічбавай публічнай дыпламатыі.....	38
<i>Гапоненка І. А.</i> У. К. Стукаліч – літаратуразнавец, гісторык, краязнавец XIX ст.: лінгвістычная спадчына.....	45
<i>Балтоўская А. А.</i> Пра варыянтнасць радавых характарыстык скланяльных агульных назоўнікаў.....	56
<i>Карнакова В. І.</i> Агульныя і адрознівальныя рысы лексіка-фразеалагічных палёў ‘неспакой, трывога’ у рускай, беларускай, англійскай і нямецкай мовах.....	68
<i>Марчанка В. У.</i> Рэканструкцыя суразмоўцам нерэалізаванай камунікатыўнай задумы гаворачага....	84
<i>Белікава К. А.</i> Семантычныя асаблівасці адмоўных канструкцый у навуковым маналогу і навуковым дыялогу на матэрыяле рускай і англійскай моў.....	92
<i>Зуева В. У.</i> Да праблемы семантычнай дыферэнцыяцыі абазначэнняў эпістальярных тэкстаў у старажытнарускіх і старарускіх пісьмовых помніках: грэцызмы <i>грамота, епістолия, хартия, харатия</i>	101
<i>Алексяевіч Г. В.</i> Багемізмы ў стараўкраінскім літаратурным помніку «Луцыдарый».....	115
<i>Пахірка В. У.</i> Германізмы ў мове фальклорна-дыялектных запісаў XIX – пачатку XX ст.	125

ЮБІЛЕІ

Іван Сямёнавіч Роўда.....	134
---------------------------	-----

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

<u>Станіслаў Гайда</u>	137
<u>Алена Іванаўна Яновіч</u>	139
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	141

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Kashkan T. A.</i> Forms of intertextuality in the novel of M. Z. Danielewski and J. S. Foer.....	5
<i>Syanova N. E.</i> Reception of antique and biblical images in R. M. Rilke's collections «New poems» and «New poems second part» in the context of conception of dialogue of cultures.....	13
<i>Efimenko H. O.</i> Transformation of the detective genre in a French novel at the turn of the 20 th and 21 st centuries.....	22
<i>Gubskaya O. N.</i> Research of literature with a dominant documentary basis in Belarusian literary studies: the development of tradition.....	30

LINGUISTICS

<i>Kozlovskaya L. A.</i> Linguo-semiotics of national identity in the field of digital public diplomacy.....	38
<i>Gaponenko I. A.</i> U. K. Stukalich – literary critic, historian, local history specialist of the 19 th century: linguistic heritage.....	45
<i>Boltovskaya E. A.</i> On the variation of gender characteristics of declinable common nouns.....	56
<i>Kornakova V. I.</i> Similar and distinctive features of the lexical-phraseological fields ‘anxiety’ in the Russian, Belarusian, English and German languages.....	68
<i>Marchanka V. U.</i> Reconstruction of the unrealised communicative intention of the speaker by the interlocutor.....	84
<i>Belikova K. A.</i> Semantic features of negative constructions in scientific monologue and scientific dialogue on the material of Russian and English languages.....	92
<i>Zuyeva V. U.</i> Towards the semantic differentiation problem of epistolary text denotations in Ancient Russian and Old Russian written monuments: Greecisms <i>грамота, епистолия, хартия, харатия</i>	101
<i>Aleksiyevich H. V.</i> Bohemisms in Old Ukrainian literature monument «Lucidarius».....	115
<i>Pakhirka V. U.</i> Germanisms in the language of 19 th – early 20 th century folklore and dialect records.....	125

JUBILEES

Ivan Semenovich Rovdo.....	134
----------------------------	-----

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

<u>Stanisław Gajda</u>	137
<u>Elena Ivanovna Yanovich</u>	139

Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	141
--	-----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 2. 2023**

**Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 2. 2023**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка» (ISSN 2308-9180).

Редактор *М. И. Дикун*
Технический редактор *М. М. Баулина*
Корректоры *А. С. Горгун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 23.06.2023.

Тираж 85 экз. Заказ 170.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2023

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 2. 2023**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Journal of the Belarusian State University. Philology»
published since January, 1969.

Until 2017 named «Vesnik BDU.

Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika»

(ISSN 2308-9180).

Editor *M. I. Dikun*
Technical editor *M. M. Baulina*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul'*

Signed print 23.06.2023.

Edition 85 copies. Order number 170.

Republic Unitary Enterprise
«Publishing Center of the Belarusian State University».
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
6 Chyrvonaarmiejskaja Str., Minsk 220030.

© BSU, 2023